

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЧУК.ЗАР

30 лет Победы на Дальнем Востоке

Маньчжурская революционная база

Новая страница в истории Вьетнама

КНР после X съезда КПК

Как маоисты «реконструировали» КПК

Камбоджа обретает независимость

3

1975

1-й

СОДЕРЖАНИЕ

К 30-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

- 3 Всемирно-историческое значение Победы Советского
Союза на Дальнем Востоке
В. Ф. Толубко
- 27 Советский Союз и Маньчжурская революционная база
О. Б. Борисов

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- 45 Новая страница в истории Вьетнама
С. И. Иваньшин, И. А. Осотов
- 52 Внутриполитические маневры маоистов после X съезда
КПК
В. Г. Карымов
- 63 Китайско-японские переговоры о заключении договора о
мире и дружбе
Н. Н. Николаев, Б. В. Андреев
- 73 Внешняя торговля Китая
Ю. М. Авсенов, Л. Н. Каршинов, И. И. Потемкина
- 92 Политика китайского руководства по вопросам труда и
заработной платы
А. В. Островский
- 98 Советско-корейским отношениям — 30 лет
М. В. Мещеряков
- 106 Важный вклад в дело мира и прогресса
Ю. И. Огнев

ИДЕОЛОГИЯ

- 113 Об организационных и идеологических основах маоист-
ской партии
Б. Андрысевич (ПНР)
- 126 Софистика под видом диалектики
Н. Г. Сенин

ИСТОРИЯ

- 138 Развитие исторической науки в ДФР
Г. Ф. Мурашева
- 147 Отношения Китая с северными соседями в древности
В. С. Таскин

W

**СИНЛОГИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИНБОИ АН СССР**

КОММЕНТАРИИ

- 157 Камбоджа вновь обретает независимость
Ю. Я. Михеев
- 164 «Ла нувель Шин», Мишель Луа и китайская литература
В. Ф. Сорокин

КУЛЬТУРА

- 168 Дуньхуанские рукописи
Н. Т. Федоренко

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- 181 На рубеже веков
П. Е. Скачков

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 186 Как заселялся Дальний Восток
Ю. В. Качановский
- 190 Маоизм — идейный и политический противник марксизма-ленинизма
В. А. Кривцов
- 192 Синьхайская революция и Сунь Ят-сен
С. Л. Тихвинский
- 195 Капитализм и китайское общество
В. Н. Никифоров
- 199 Поход против интеллигенции
В. Ф. Феоктистов
- 202 Японский китаевед о сущности маоизма
Б. В. Поспелов
- 206 Азиатская политика США: расчеты и просчеты
Б. В. Валентинов
- 210 Сборник статей по китайской филологии
Л. Е. Бадылкин

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 212 В Институте Дальнего Востока АН СССР

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Кржижановского, д. 14 корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1975

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГ-
ДАНОВ, Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПЦА,
В. А. КРИВЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМА-
НИН, Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь),
В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХ-
ВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕ-
ДОРЕНКО

К 30-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Всемирно-историческое значение Победы Советского Союза на Дальнем Востоке

В. Ф. Толубко

9 мая трудящиеся Советского Союза, его доблестные Вооруженные Силы, все братские социалистические страны и наши зарубежные друзья в различных уголках земного шара отметили знаменательную дату — 30-летие Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками. Прошедшие торжества вылились в подлинную манифестацию морально-политического единства советского общества, нерушимой дружбы народов СССР, в интернациональный праздник прогрессивных и миролюбивых сил всего человечества.

30-летний юбилей Победы явился выдающимся политическим событием для советского народа, показал его боевой и трудовой героизм, ярко продемонстрировал руководящую роль и мудрость нашей Коммунистической партии во всех сферах ее многогранной деятельности. В майские дни повсеместно была выражена глубокая народная скорбь о героях, павших в борьбе с фашизмом. Состоялись волнующие патриотические встречи ветеранов Великой Отечественной войны с молодежью. Массовые праздничные мероприятия в СССР проводились в мирных целях, под знаком мобилизации трудящихся, воинов армии и флота на успешное претворение в жизнь решений XXIV съезда КПСС, за досрочное выполнение планов 1975 г. и девятой пятилетки.

Юбилейные торжества убедительно доказали монолитную сплоченность народов социалистического лагеря, а также солидарность с нами миллионов людей труда, сторонников прогресса и мира в развивающихся и капиталистических странах. Дань глубокого уважения и признательности бессмертному подвигу народов Советского Союза в разгроме германского фашизма отдали многочисленные общественные организации, политические и государственные деятели, лидеры зарубежных коммунистических, рабочих и демократических партий.

«Победа, одержанная славной Советской Армией над гитлеровским фашизмом, завершила важный этап всемирного революционно-го процесса и одновременно явилась началом новой эпохи,— заявил в Берлине 5 марта 1975 г. председатель либерально-демократической партии Германии М. Герлах, выступавший с речью на собрании актива ЛДПГ.— Она символизирует непобедимость глубоко гуманного социалистического строя в борьбе против бесчеловечности империализма, олицетворяет собой величие огромных достижений Советского Союза, выдающуюся роль его народа, руководимого КПСС, в обеспечении мира на земле. Мы никогда не забудем, что рабочие и крестьяне страны Ленина, не щадя своей жизни в героической борьбе, не

только защитили свою Родину, но и спасли мир от фашистского варварства, открыли нашему народу путь к возрождению»¹.

Достаточно взглянуть на газеты и журналы, вышедшие у нас и за рубежом с начала нынешнего года, чтобы убедиться в большом количестве подобных объективных, теплых выступлений, заявлений и отзывов. Все они говорят о всемирном признании героического подвига Советского Союза, о его значении в деле достижения Победы над фашизмом, об огромном вкладе советского народа и его Вооруженных Сил в обеспечение прогресса и процветания для многих стран и народов земного шара.

Тридцать лет назад, в мае исторического 1945 г., капитулировала фашистская Германия. Однако Великая Отечественная война для нашей Родины тогда еще не закончилась. На Советском Дальнем Востоке продолжала оставаться военная опасность со стороны милитаристской Японии, которая состояла с гитлеровской Германией в одном агрессивном блоке.

Агрессия милитаристской Японии

В 1918 г. Япония напала на молодую Советскую республику. Японские империалисты в течение четырех лет грабили Советский Дальний Восток, творили там расправы над населением. Изгнанные с Дальнего Востока в 1922 г. Красной Армией, японские оккупанты не отказались от своих враждебных намерений в отношении Советского Союза.

Дальнейшие агрессивные устремления японской военщины были откровенно изложены в так называемом «меморандуме» генерала Танака, возглавлявшего японский кабинет в 1927 г.: «Для того, чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малоазиатские страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится оспаривать наши права... Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и наконец Европы»².

В этом зловещем документе определялась неизбежность войны против СССР. «В программу нашего национального развития входит, по видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией»³. Исторический ход событий показал, что доктрина Танака стала программой всей последующей политики и стратегии правящих кругов Японии вплоть до ее разгрома в 1945 г.

Оккупация Японией Маньчжурии и части территории Северного Китая в 1931 г., вторжение в Центральный Китай в 1937 г. имели конечной целью подготовку нападения на СССР. Япония неоднократно отвергала миролюбивые предложения Советского Союза. В 1936 г. она заключила военно-политический антикоминтерновский договор с гитлеровской Германией, к которому в 1937 г. присоединилась Италия. Сформировался фашистский агрессивный блок, так называемый тройственный пакт держав «оси», имевший несомненно антисоветскую направленность.

¹ «Красная звезда», 6. III. 1975.

² «История войны на Тихом океане». Т. 1. М., 1957, с. 338—339.

³ Там же, с. 344.

Япония в 1938 г. совершила нападение на нашу территорию в районе озера Хасаи, а в 1939 г. — на союзную нам Монгольскую Народную Республику в районе реки Халхин-Гол. Лишь потерпев поражение в ходе этих провокаций и встретив решительный отпор, Япония временно отказалась от открытых агрессивных действий против Советского Союза. В апреле 1941 г. она пошла даже на заключение японо-советского пакта о нейтралитете, рассчитывая, в частности, усыпить бдительность Советского Союза, а затем нанести по нему удар, когда он будет ослаблен войной с Германией и отведет часть сил с Дальнего Востока.

То, что Япония не собиралась соблюдать условия пакта о нейтралитете, стало очевидно уже 25 июня 1941 г., то есть через три дня после нападения фашистской Германии на Советский Союз. В беседе с советским послом министр иностранных дел Японии Мацуока заявил, что «основой внешней политики Японии является Тройственный пакт, и если настоящая война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с Тройственным пактом, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы»⁴.

Об этом же говорит и тот факт, что вслед за началом гитлеровской агрессии против СССР в Японии был разработан и осуществлялся план, зашифрованный под названием «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»), то есть фактически план военных действий против Советского Союза. Согласно этому плану, численность японских войск, расположенных в Манчжурии, была увеличена от 400 тыс. до 700 тыс.⁵

Как признано приговором Токийского процесса над главными японскими военными преступниками, на протяжении всей второй мировой войны Япония продолжала рассматривать нападение на Советский Союз «как одну из основных целей своей политики и не ослабляла ни своей целеустремленности, ни своей подготовки к этому наступлению»⁶. В 1941—1945 гг. японский Генеральный штаб неоднократно вносил коррективы в свои планы войны с СССР, соотнося их с обстановкой на советско-германском фронте. Агрессивные намерения Японии вынуждали Советский Союз даже в наиболее тяжелые годы войны с гитлеровскими полчищами держать на Дальнем Востоке до 40 дивизий⁷.

В целях захвата колониальных владений в Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана в декабре 1941 г. Япония начала военные действия против США и их союзников. Японским войскам удалось быстро и сравнительно легко захватить Малайю, Сингапур, основные острова Индонезии, часть Новой Гвинеи, Бирму, Филиппины, Гонконг, острова Гуам, Уэйк, Новая Британия, Соломоновы острова и другие, а также вторгнуться из Бирмы в провинцию Китая Юньнань. К весне 1942 г. Япония контролировала важнейшие в стратегическом отношении районы и морские коммуникации, прибрала к своим рукам огромную территорию площадью 9801 тыс. кв. км. Под гнетом японской военищины оказалось около 400 млн. человек⁸.

Исторические победы Советских Вооруженных Сил над фашистской Германией создавали благоприятную обстановку для действий

⁴ Архив ВП СССР, ф. 436, оп. 2, д. 972, л. 556.

⁵ Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабуро, Судзюки Сёси. История современной Японии. М., 1955, с. 239.

⁶ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 797, 798.

⁷ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». Т. 5. М., с. 524.

⁸ Д. И. Гольдберг. Внешняя политика Японии в 1941—1945 гг. М., 1962, с. 36.

наших союзников на Тихом океане, для развертывания освободительной борьбы народов, поработанных Японией. Продолжалась упорная освободительная борьба китайского народа. В Юго-Восточной Азии большого размаха национально-освободительное движение достигло во Вьетнаме, на Филиппинских островах и в Бирме⁹.

Уже победы Советского Союза над гитлеровскими оккупантами, одержанные в 1943 г., оказали решающее воздействие на весь ход Тихоокеанской войны. Под их прямым воздействием японский генеральный штаб был вынужден изменить свой стратегический план ведения войны. Японское командование приняло решение сократить растянутые морские коммуникации и центр военных действий перенести на территорию Китая.

Американские войска в марте 1945 г. овладели островом Иводзима и 1 апреля начали высадку на западном побережье острова Окинава, который через три месяца упорных боев был захвачен полностью. К началу мая 1945 г. союзные войска освободили большую часть Бирмы. Поражение на бирманском участке фронта значительно ослабило японскую оборону и в других странах Юго-Восточной Азии. Одержав ряд побед над вооруженными силами Японии на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии, союзные войска все же не смогли окончательно сломить сопротивление японских захватчиков. Несмотря на то что наши союзники вышли на ближние подступы к метрополии, японские империалисты еще имели немалые возможности для продолжения войны. Они не без оснований надеялись организовать на островах метрополии длительную и упорную оборону против войск США и Англии. В этих условиях выступление Советского Союза против японских агрессоров приобретало чрезвычайно важное значение¹⁰.

Советское правительство сознавало всю важность скорейшего завершения войны на Дальнем Востоке, упрочения там наших границ и видело свой долг в том, чтобы помочь народам Восточной и Юго-Восточной Азии в их освободительной борьбе против японского ига. СССР был верен союзническому долгу в антигитлеровской коалиции. Еще на Тегеранской конференции глав трех держав в декабре 1943 г. советская делегация дала нашим союзникам принципиальное согласие на помощь в войне с Японией. На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. было подписано «Соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока». В нем указывалось, что через 2—3 месяца после капитуляции Германии Советский Союз вступит в войну против Японии.

5 апреля Советское правительство денонсировало договор с Японией о нейтралитете, положения которого бесцеремонно нарушались японской стороной в течение всей войны. Нельзя не напомнить, что даже ведя сражения с американскими войсками, японцы $\frac{2}{3}$ своих танков, половину артиллерии и отборные императорские дивизии держали в Квантунской армии. И хотя победы Советских Вооруженных Сил в 1943—1944 гг. заставили японских милитаристов «забыть» о своих планах нападения на СССР, они не отказались от откровенно антисоветских действий, являвшихся фактической поддержкой гитлеровской Германии. К 1945 г. число задержанных японцами советских торговых судов достигло 178. Дипломатический аппарат Японии в СССР активно занимался сбором шпион-

⁹ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне». М., 1971, с. 425.

¹⁰ Там же, с. 420.

ской информации в интересах Германии. Бактериологические отряды № 731 и 100 при Квантунской армии готовились к массовому применению бактериологического оружия против СССР, МНР и Китая¹¹.

После разгрома Советскими Вооруженными Силами фашистской Германии милитаристская Япония оказалась практически в полной военно-политической изоляции. Рухнула агрессивная «ось» Берлин — Рим — Токио. Однако Япония не собиралась складывать оружия. Намерения ее руководителей сводились к тому, чтобы не допустить высадки американско-английских войск на Японские острова и упорно оборонять свои завоевания в Китае и Корее. Отвергнув Потсдамскую декларацию, предложенную ей США, Англией и Китаем, Япония решила продолжать войну. В ее распоряжении оставались все еще достаточно сильные сухопутная армия и мощная военная промышленность. В составе вооруженных сил Японии к лету 1945 г., с учетом Квантунской армии, имелось свыше 7 млн. человек, более 10 тыс. самолетов и около 500 боевых кораблей.

Весной и летом 1945 г. американские военные руководители все еще считали победу над Японией весьма отдаленной перспективой. Вполне очевидно, что союзники не в состоянии были своими силами принудить Японию к быстрой капитуляции. В США и в Англии хорошо понимали, что исход войны на Тихом океане зависел прежде всего от разгрома сухопутных сил Японии на Азиатском континенте. Они справедливо признавали и то, что для вторжения на Японские острова им потребуется армия численностью около 7 млн., а война без вступления в нее Советского Союза продлится не менее 18 месяцев после поражения Германии и потребует огромных жертв. Эти операции, по оценке военного министра США Г. Стимсона, стоили бы американцам одного миллиона убитыми и ранеными¹².

Вот почему главнокомандующий американскими вооруженными силами в бассейне Тихого океана Макартур убеждал свое правительство в необходимости добиться обязательства русских активно и энергично провести военную кампанию против японцев в Маньчжурии¹³.

Решение Советского Верховного Главного командования

Целями вступления СССР в войну с Японией являлись: возможно быстрая ликвидация последнего очага второй мировой войны, а вместе с тем враждебного СССР японского милитаризма, изгнание совместно с союзниками японских захватчиков из оккупированных ими стран; содействие скорейшему восстановлению всеобщего мира.

¹¹ См.: «Материалы судебного процесса над главными японскими военными преступниками», М., 1950, с. 437.

¹² H. Stimson, M. Bandy. On Active Service in Peace and War. New York, 1948, p. 618.

¹³ J. Toland. The Rising Sun. New York, 1970, p. 748.

Исходя из этих целей, Советское Верховное Главнокомандование приняло решение о проведении стратегической операции по разгрому Квантунской армии и освобождению от японских захватчиков Ю. Сахалина, Курил, Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи. От умелого осуществления указанной операции зависели успех разгрома японских войск на всем Дальневосточном театре военных действий и, естественно, освобождение оккупированных ими территорий.

Замысел операции по разгрому Квантунской армии состоял в одновременном и стремительном нанесении со стороны Забайкалья, Приамурья и Приморья двух мощных основных и ряда вспомогательных ударов по сходящимся к центру Маньчжурии направлениям с целью рассеяния и разгрома по частям крупных сил Квантунской армии. Была поставлена задача в предельно короткие сроки достичь победы.

Замысел стратегической операции определялся с таким расчетом, чтобы максимально использовать весьма выгодную для наших Вооруженных Сил конфигурацию советско-маньчжурской границы, поскольку она занимала охватывающее положение по отношению к главной группировке врага и позволяла наносить удары по сходящимся направлениям, в короткие сроки окружить Квантунскую армию на Центрально-Маньчжурской равнине, расчленив и уничтожить ее.

Для претворения в жизнь своего замысла Советское Верховное Главнокомандование решило за счет войск, находившихся на Дальнем Востоке, и перегруппировки крупных сил из западных районов Европейской части СССР образовать три фронта — Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные¹⁴. Каждому из этих фронтов и Тихоокеанскому флоту намечались и ставились соответствующие задачи.

При определении замысла операции и задач фронтам и Военно-морскому флоту Ставка Советского Верховного Главнокомандования собою обращала внимание на необходимость достижения внезапности ударов и умелого, наиболее эффективного использования подвижных соединений, а также всех других сил и средств. Эти требования нашли свое выражение в плане стратегической операции и в других документах Ставки. Полный разгром Квантунской армии Японии планировалось осуществить решительным способом — двусторонним глубоким охватывающим маневром по сходящимся направлениям на окружение противника, сосредоточенного в Маньчжурии. Удары намечалось нанести на таких направлениях, которые позволяли советским войскам быстрее всего лишить Квантунскую армию сообщений с метрополией и с ближайшей крупной группировкой японских войск в Северном Китае.

Следует отметить, что все вопросы стратегического плана войны с Японией тщательно продумывались, анализировались, обосновывались расчетами и обсуждались Ставкой Советского Верховного Главнокомандования. По мере необходимости в план вносились уточнения и коррективы, которые в ряде случаев давал лично И. В. Сталин.

Всего к началу войны против Японии Советское Верховное Главнокомандование развернуло на Дальнем Востоке одиннадцать общевойсковых армий, две оперативные группы, три воздушные и одну танковую армии. Войска трех фронтов, включая средства усиления Резерва Верховного Главнокомандования, к началу боевых действий имели следующее количество соединений: дивизий стрелковых, мотострелко-

¹⁴ Архив МО СССР, ф. 210, оп. 20 837, д. 48, л. 3.

вых и кавалерийских — 78; танковых и механизированных корпусов — 4; танковых дивизий — 2; артиллерийских дивизий прорыва — 2; зенитно-артиллерийских дивизий — 9; авиационных дивизий — 30. Кроме того, имелось шесть стрелковых, 40 танковых и механизированных бригад, ряд гарнизонов укрепленных районов, расположенных вдоль государственной границы.

В войсках трех фронтов насчитывалось: личного состава — свыше 1,5 млн. человек; танков и самоходно-артиллерийских установок — 5,5 тыс.; орудий и минометов — 26 тыс.; боевых самолетов — 3,8 тыс.¹⁵.

Японская Квантунская армия объединяла 1-й и 3-й фронты, 4-ю отдельную полевую и 2-ю авиационную армии, а также Сунгарийскую военно-речную флотилию. С началом боевых действий в ее состав дополнительно вошел 17-й фронт и 5-я воздушная армия, расположенные в Корее. С учетом войск противника, находившихся на Южном Сахалине и Курильских островах, японское командование могло противопоставить нашим войскам на Дальнем Востоке восемь полевых и две авиационные армии, 49 пехотных и кавалерийских дивизий, 27 различных бригад. В их составе насчитывалось свыше 1,2 млн. человек, 1155 танков, 5360 артиллерийских орудий и 1800 самолетов¹⁶.

Советские войска превосходили противника: в людях — в 1,2 раза, в танках и САУ — в 5 раз, в артиллерии — более чем в 4 раза и в боевой авиации — примерно в 2,5 раза.

Тихоокеанский флот имел 427 боевых кораблей и более 1500 самолетов. В Амурской флотилии было 83 боевых корабля¹⁷. Японский военно-морской флот, как указывалось ранее, насчитывал 500 кораблей. Поэтому соотношение сил и средств на море было примерно равное.

Учитывая большую удаленность Дальневосточного театра, его огромную территорию, сложные природные условия, а также необходимость наиболее целесообразно и своевременно использовать Тихоокеанский флот в интересах всех трех фронтов, Государственный Комитет обороны СССР создал для стратегического руководства военными действиями Главное Командование советских войск на Дальнем Востоке. Возглавить это командование поручили Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому, а начальником штаба был назначен генерал-полковник С. П. Иванов¹⁸. Наличие такого органа давало возможность оперативно проводить в жизнь указания Верховного Главнокомандования, учитывать все изменения в оперативно-стратегической и военно-политической обстановке и своевременно реагировать на них, а также оказывать фронтам и флоту необходимую помощь при подготовке и в ходе боевых действий.

Огромный боевой опыт, накопленный советскими войсками в годы войны с фашистской Германией, первоклассное отечественное оружие, высокие морально-политические качества наших воинов и наличие талантливого руководства во всех звеньях управления создавали предпосылки для успешных операций на Дальнем Востоке.

¹⁵ А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., 1973, с. 510.

¹⁶ Там же, с. 506; Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1971, с. 429.

¹⁷ Там же, с. 436.

¹⁸ Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 39, л. 161.

Разгром Квантунской армии Японии

Вступление Советского Союза в войну против милитаристской Японии означало реальную помощь народам Азии, страдавшим под гнетом японских колонизаторов. Это событие получило одобрение и высокую оценку наших союзников, приветствовалось мировой демократической общественностью, нашло горячий отклик в сердцах и умах многих миллионов обездоленных людей труда — всех, кто жил мечтой об освобождении. Первыми о нем узнали народы Китая.

Перед началом операции Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Василевский обратился к китайскому народу с воззванием, в котором, в частности, подчеркивалось: «Красная Армия, армия великого советского народа, идет на помощь союзному Китаю и дружественному китайскому народу. Она и здесь, на Востоке, поднимает свои боевые знамена как армия — освободительница народов Китая, Маньчжурии, Кореи от японского гнета и рабства»¹⁹.

Главное командование Народно-освободительной армии Китая 8 августа 1945 г. в свою очередь направило Председателю Совета Министров СССР И. В. Сталину приветственную телеграмму: «От имени китайского народа, — указывалось в ней, — мы горячо приветствуем объявление Советским правительством войны Японии. Стомиллионное население и вооруженные силы освобожденных районов Китая будут всемерно координировать свои усилия с Красной Армией и армиями других союзных государств в деле разгрома ненавистных захватчи-
ов»²⁰.

К исходу 8 августа 1945 г. советские войска изготoвились к нанесению сокрушительных ударов по врагу. Войска Забайкальского, 1-го 2-го Дальневосточных фронтов, части и корабли Тихоокеанского военно-морского флота и Краснознаменной Амурской военной флотилии заняли исходные позиции на громадном фронте от безводных степей Монголии до берегов Тихого океана.

Наступление началось в ночь на 9 августа, без артиллерийской подготовки, под проливным дождем. Утром наша авиация нанесла сильные удары по военно-промышленным объектам Гирина, Мукдена, Харбина, Чанчуня и важным железнодорожным узлам противника. Советские сухопутные войска повсеместно пересекли государственную границу, разгромили японские войска прикрытия и вступили на территорию Северо-Восточного Китая одновременно с запада, севера и востока. Тихоокеанский флот начал подготовку к десантным операциям, а его воздушные силы и соединения торпедных катеров подвергли ударам корабли и объекты противника на северо-восточном побережье Кореи.

Внезапность и сила ударов советских войск с суши, воздуха и моря внесли растерянность и замешательство в японские правящие круги. Ночью 9 августа в Токио в экстренном порядке была созвана императорская конференция, на которой присутствовало и высшее военное командование. Военный министр Японии Анами, отвергая Потсдамскую декларацию, заявил: «Необходимо выполнить наш долг перед императором, даже если вся наша нация погибнет. Не может быть

¹⁹ Архив МО СССР, ф. 210, оп. 3171, д. 144, л. 5.

²⁰ «Советско-китайские отношения. 1917—1957 гг. Сборник документов». М., 1959, с. 194.

сомнения в том, что мы должны вести войну до последней возможности и что мы еще имеем достаточно сил воевать»²¹.

Японские милитаристы не стремились к быстрейшему окончанию войны. Их не волновала судьба японского народа, который в длительной войне пролил море крови и понес огромные жертвы. Они заботились прежде всего о защите интересов правящих кругов страны, промышленных и финансовых магнатов. Председатель тайного совета Хиранума заявил: «Что касается целостности национального государственного строя и благополучия императорской фамилии, то необходимо защищать их, даже если погибнет вся нация»²².

9 августа император Японии отдал приказ войскам Квантунской армии о продолжении упорной обороны и подготовке операций большого масштаба²³. Но уже к концу дня с фронтов Маньчжурии стали поступать сообщения о том, что японские войска не в состоянии сдержат натиск Советских Вооруженных Сил.

Противник яростно, фанатически пытался удержать занимаемую оборону. Наибольшее сопротивление японцы оказали на цинцикарском направлении, используя выгодный рубеж по реке Аргунь, где были сооружены укрепленные районы. Опираясь на них, японские войска хотели задержать наступление 36-й армии генерала А. А. Лучинского. Но советские воины в упорных боях преодолели Чжалайнор-Маньчжурский укрепленный район, форсировали реку Аргунь и устремились к Хайлару, продвинувшись за день боя на 40 км.

1-й Дальневосточный фронт под командованием Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова наступал в условиях тайги и бездорожья. Но, несмотря на невероятные трудности, 1-я Краснознаменная армия генерала А. П. Белобородова и 5-я армия генерала Н. И. Крылова сумели прорвать полосу пограничных укреплений противника на Харбинском направлении и за день упорных боев продвинулись до 20 км. 35-я армия генерала Н. Д. Захватаева, наступавшая на правом крыле фронта, форсировала реки Уссури и Сунгача, преодолела болотистый район и вклинилась в оборону противника на 12 км. На левом крыле фронта действовала 25-я армия генерала И. М. Чистякова. Ее продвижение на первый день боя составило 10—12 км.

Войска 2-го Дальневосточного фронта, которыми командовал генерал армии М. А. Пуркаев, развернули наступление на сунгарийском и жаохэйском направлениях. 15-я армия генерала С. К. Мамонова во взаимодействии с Амурской флотилией контр-адмирала А. С. Антонова форсировала реку Амур севернее города Тунцзян.

Во взаимодействии с советскими войсками наступала Народно-Революционная армия Монголии под командованием маршала Х. Чойбалсана и генерал-лейтенанта Ю. Цеденбала.

В течение 10 августа советские войска, преодолевая ожесточенное сопротивление и отражая многочисленные контратаки маневренных групп японских гарнизонов, уничтожали и блокировали их, развивали наступление и на ряде направлений перешли к преследованию противника.

Стремительность наступления позволила нашим войскам перерезать коммуникации противника, прежде чем командование Квантунской армии смогло им воспользоваться для отхода и организации обороны в глубине.

²¹ «История войны на Тихом океане». Т. 4, с. 266.

²² Там же, с. 270.

²³ Архив МО СССР, ф. 234, оп. 3213, л. 397, л. 200.

Успешные боевые действия Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке создали благоприятные условия для народно-освободительных войск Китая. Главнокомандующий Чжу Дэ подписал приказ о переходе 11 августа 8-й народно-освободительной армии в контрнаступление²⁴. Однако решительное и мощное наступление советских войск поставило Квантунскую армию Японии в безвыходное положение раньше, чем части 8-й армии Китая смогли развернуть свои действия.

Удар, полученный Квантунской армией с северо-запада, был так силен, что она после него уже не смогла оправиться. Более того, боевые действия наших фронтов, и прежде всего Забайкальского, по разгрому Квантунской армии были весьма своевременными для оказания помощи Китаю, поскольку 8-я народно-освободительная армия находилась в крайне тяжелом положении. Ее соединения в районе Пинцюаня были окружены японскими войсками. «Мы особенно благодарны Красной Армии Советского Союза, — писал командованию 17-й армии генерал Чжао Вэнь-цзинь. — Мы были исключительно в трудном положении. Против нас были сосредоточены намного превосходящие силы противника, который нас окружил, отрезал все пути к отходу и сузил наши возможности маневрирования. Накануне 9 августа мы ломали головы над тем, как выбраться из этого тяжелого положения. Вступление Красной Армии Советского Союза на территорию Маньчжурии коренным образом изменило соотношение сил. Мы из обороняющихся превратились в наступающих. Таким образом, Красная Армия нас спасла от гибели, и мы ей очень благодарны»²⁵.

В боевых операциях против японских захватчиков участвовали корейские партизаны, сражавшиеся за освобождение своей родины.

Грандиозное наступление советских войск на Дальнем Востоке вынудило японских милитаристов 14 августа 1945 г. заявить правительству Советского Союза, США, Великобритании и Китая о принятии японским императором условий Потсдамской декларации. Кабинет министров, возглавляемый Судзуки, пал. Но верховное военное командование не отдало своим вооруженным силам приказа о прекращении боевых действий. Лишь вечером 15 августа войска Квантунской армии получили телеграфное распоряжение генерального штаба о немедленном сожжении важных секретных документов, знамен, портретов и указов императора.

С целью выигрыша времени штаб Квантунской армии 14 августа обратился по радио к нашему командованию с предложением о прекращении боевых действий советской стороной. Но одновременно японские войска продолжали оказывать ожесточенное сопротивление, предпринимали неоднократные контратаки. Поэтому Ставка Верховного Главнокомандования приказала дальневосточным войскам усилить наступление и добиться капитуляции врага.

Умелыми, поистине героическими действиями Советских Вооруженных Сил организованное сопротивление войск Квантунской армии Японии в целом было сломлено. 17 августа главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада обратился к Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому с предложением о прекращении боевых действий. Одновременно штаб Квантунской армии передал по радио

²⁴ «Цзефан жибао», 12. VIII. 1945.

²⁵ Архив МО СССР, ф. 32, оп. 65596, д. 39, л. 59.

аналогичный приказ своим войскам. Но японские войска на многих участках фронта продолжали вести упорные, ожесточенные бои. По этой причине Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Василевский предложил командованию Квантунской армии: «С 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен... Как только японские солдаты начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия»²⁶.

18 августа 1945 г. японские войска на ряде участков фронта приступили к выполнению требований о капитуляции. 19 августа основные силы Квантунской армии прекратили сопротивление и десятками тысяч стали сдаваться в плен. В целях ускорения разоружения и пленения японских войск, предотвращения возможных разрушений промышленных предприятий и других важных объектов, а также для сохранения материальных и культурных ценностей в районы крупных городов, портов и военно-морских баз Северо-Восточного Китая, Северной Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов были высажены советские воздушные и морские десанты. 20 августа войска всех трех фронтов соединились в центре Маньчжурии, а к 24 августа во взаимодействии с Тихоокеанским флотом овладели крупнейшими стратегическими пунктами противника на побережье Желтого и Японского морей.

Полное разоружение и пленение войск Квантунской армии завершилось к концу августа. Очаг постоянной военной опасности для советского Дальнего Востока и дружественной нам Монгольской Народной Республики был ликвидирован. Разгрому подверглись все войска Квантунской армии Японии, армии Маньчжоу-го, армии Внутренней Монголии князя Дэ Вана, Суйюньской армейской группы, до половины войск 17-го и 5-го фронтов и Сунгарийская речная флотилия — всего десять армий, армейских групп и одна флотилия²⁷.

В течение почти месяца военных действий Красная Армия освободила Северо-Восточный Китай, Северную Корею, Южный Сахалин и Курильские острова. Это была молниеносная, талантливо организованная и умело проведенная стратегическая операция. Японские империалисты потерпели самое крупное поражение в истории своего существования. Квантунская армия — отборное ядро сухопутных сил, которую почти полтора десятилетия готовили для нападения на СССР, — была разгромлена (см. схему). Эта великая Победа Советских Вооруженных Сил предрешила окончательное поражение милитаристской Японией и окончание второй мировой войны.

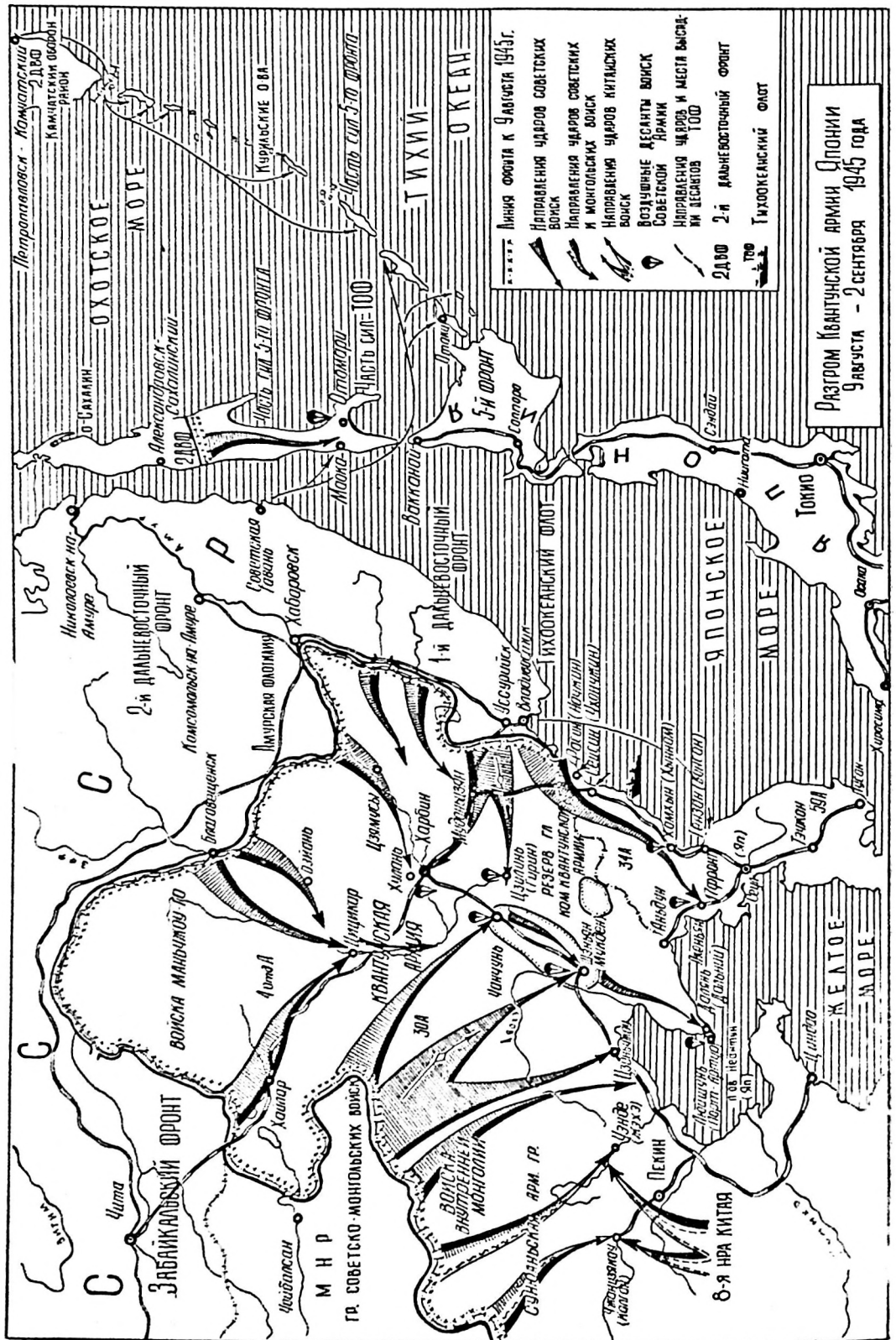
Международное значение нашей Победы

В принятом ЦК КПСС постановлении «О 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов»²⁸ отмечается, что советский народ и его доблестные Вооруженные Си-

²⁶ Архив МО СССР, ф. 32, оп. 11306, д. 706, л. 117.

²⁷ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история». М., 1970, с. 553.

²⁸ «Правда», 9. II. 1975.

лы под руководством Коммунистической партии нанесли сокрушительное поражение гитлеровской Германии и ее сателлитам, отстаивали свободу и независимость социалистического Отечества, осуществили великую освободительную миссию, с честью выполнили свой интернациональный долг. Советская страна стала главной силой, преградившей путь германскому фашизму к мировому господству, вынесла на своих плечах основную тяжесть войны и сыграла решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, а затем и милитаристской Японии.

Наша Победа явилась всемирно-историческим событием и оказала глубочайшее воздействие на весь ход мирового развития. Она показала, что социализм — самый надежный оплот дела мира, демократии и социального прогресса.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне убедительно доказала жизнеспособность и несокрушимость первого в мире социалистического государства. Она явилась торжеством рожденного Октябрем нового общественного и государственного строя, социалистической экономики, идеологии марксизма-ленинизма, морально-политического единства советского общества, нерушимой дружбы народов СССР. Главным творцом этой победы был советский народ, свершивший подвиг, равного которому еще не знала история.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркивал, что советский народ с честью выдержал все суровые испытания войны. Враг был разбит, повержен. Наш замечательный народ, народ-герой, народ-богатырь, высоко поднял над планетой и победно пронес сквозь огонь военных лет овеянное славой ленинское Знамя, Знамя Великого Октября, Знамя социализма.

В тяжелой борьбе с врагом беспримерную храбрость и величайшее мужество проявили воины армии и флота. Свое превосходство показало советское военное искусство, высокое мастерство в планировании и проведении боевых операций на Западе и Востоке продемонстрировали воспитанные Коммунистической партией командные и политические кадры Вооруженных Сил.

Великий подвиг совершили рабочий класс, колхозное крестьянство, советская интеллигенция, которые своим самоотверженным трудом вместе с воинами Вооруженных Сил ковали победу над врагом. На протяжении всей войны фронт и тыл представляли собой единый боевой лагерь.

Вдохновителем и организатором наших побед в Великой Отечественной войне была славная Ленинская Коммунистическая партия — руководящая и направляющая сила советского общества. КПСС продемонстрировала несокрушимую крепость своих рядов и непоколебимую верность великим коммунистическим идеалам. Наша партия разработала четкую и ясную программу разгрома фашистских и милитаристских захватчиков, сплотила вокруг себя многонациональный народ Советского Союза, организовала и возглавила его борьбу с врагами и довела ее до победного конца. Своей поистине титанической работой, личным примером, героизмом и мужеством коммунисты поднимали боевой дух масс, вели их на подвиги, вселяли твердую уверенность в полной победе над врагом. В годы войны неизмеримо возросли авторитет Коммунистической партии и монолитная сплоченность ее членов вокруг Центрального Комитета, прочнее стало единство партии и советского народа.

Героический подвиг нашего народа в минувшей войне вызывал и будет вызывать у советских людей и у всего прогрессивного человечества чувства глубокой признательности и восхищения. Ни время, ни

попытки всякого рода буржуазных фальсификаторов не в силах изгладить из народной памяти решающую роль Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии.

Победа советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне имеет большое международное значение. Она открыла многим странам путь к свободе, независимости, социализму и прогрессу. Эта победа оказывала и оказывает сейчас огромное влияние на международную обстановку во всем мире, создавая благоприятные условия для подъема национально-освободительного движения, для борьбы против сил реакции и агрессии, против сил реваншизма и неофашизма.

Большой вклад в общую победу над врагом внесли народы и армии государств антигитлеровской коалиции. На практике была доказана возможность эффективного политического и военного сотрудничества стран с различным социальным строем.

Следует отметить, что сразу же после завершения Великой Отечественной войны, в том числе победы Советского Союза на Дальнем Востоке, почти все руководящие политические и военные деятели зарубежных стран, в первую очередь США и Великобритании, откровенно признавали решающий вклад Советских Вооруженных Сил в разгром Японии.

Тогда, 30 лет назад, мировая пресса пестрила похвальными статьями и высказываниями в адрес СССР, в которых давалась высокая оценка действиям советских войск на Дальнем Востоке. Много лестных слов о Советском Союзе было в посланиях Г. Трумена и К. Эттли. Генерал Дуглас Макартур и адмирал Ч. Нимц, непосредственно руководившие операциями американско-английских войск на Тихом океане, заявили в те дни, что вступление СССР в войну против Японии ускорило ее разгром²⁹. Характерным является также высказывание генерала К. Ченнолта, командовавшего ВВС США в Китае, корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс»: «Вступление Советского Союза в войну против Японии явилось решающим фактором, ускорившим окончание войны на Тихом океане, что произошло бы даже в том случае, если бы не были применены атомные бомбы. Быстрый удар, нанесенный Красной Армией по Японии, завершил окружение, приведшее к тому, что Япония оказалась поставленной на колени».

Впоследствии, особенно в годы «холодной войны», произошла «переоценка ценностей». Идеологи империализма стали отрицать решающую роль Советского Союза в победоносном исходе второй мировой войны. Все чаще устремления буржуазных историков направлялись на то, чтобы принизить решающий вклад СССР в разгром фашистско-милитаристского блока и приписать эти заслуги США, выставить их в качестве главного творца победы. Позитивные высказывания Рузвельта, Маршалла и некоторых историков США времен войны (Д. Вернадски, Ф. Даллес и др.) исчезли со страниц американской буржуазной литературы. Их место заняли совершенно противоположные оценки, замалчивающие или отрицающие решающую роль СССР во второй мировой войне. Так, американский историк Г. Смит безапелляционно утверждает, что Рузвельт и его советники «переоценили Россию и ее вклад в войну», что вооруженную борьбу якобы «возглавили» США, которые «изгнали Гитлера с Запада... победили Японию на Тихом океане».

²⁹ «Правда», 10. VIII. 1945.

не... вооружили Англию, Россию и Китай... создали великую коалицию»³⁰. Фальсификаторский характер подобных тезисов совершенно очевиден.

Поучительно звучат сегодня по отношению к Смиту и всем тем, кто разделяет на Западе его домыслы, слова, сказанные Э. Стеттиннусом, государственным секретарем США в годы войны: «Американскому народу не следует забывать, что он находился на краю гибели в 1942 г. Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность захватить Великобританию. Они смогли бы также завоевать Африку, а затем создать плацдарм в Латинской Америке. Президент Рузвельт постоянно имел в виду эту нависшую угрозу»³¹. Добавим к этому, что японская военщина в лице командующего объединенным японским флотом адмирала Ямамото уже рисовала себе радужную картину морской десантной операции на побережье США и подписания акта о капитуляции в Вашингтоне. Такого рода факты и заявления теперь либо скрываются буржуазными историками от общественности, либо преподносятся в искаженном виде.

Искажая историческую действительность, некоторые государственные деятели капиталистических стран, реакционные буржуазные историки говорят и пишут о том, что якобы не было нужды просить СССР о вступлении в войну на Дальнем Востоке. Они пытаются доказать, что вступление Советского Союза в войну против Японии не оказало никакого влияния на ход военных событий на Дальнем Востоке и в районе Тихого океана и на сроки окончания второй мировой войны, так как он-де воевал очень мало времени. Этот аргумент абсурден и не соответствует исторической истине.

Прежде всего летом 1945 г. в самих США эксперты американской разведки пришли к выводу о том, что «ни блокада, ни бомбардировки одни не смогут обеспечить безоговорочную капитуляцию Японии и что советское выступление является желательным, если не необходимым, для успеха стратегии вторжения»³². Что касается длительности участия Советского Союза в боевых действиях на Дальнем Востоке, то она фальсификаторами истории умышленно занижается. Непосредственные боевые действия Советских Вооруженных Сил по разгрому Квантунской армии Японии продолжались не 6 дней, как об этом говорят буржуазные фальсификаторы истории, а почти месяц³³.

Тенденциозные утверждения, призванные преуменьшить вклад Советского Союза в разгром японских войск, появились и в проекте мирного договора с Японией, подготовленного государственным департаментом США в 1951 г. В нем, в частности, вновь утверждалось, что Советский Союз участвовал в войне с Японией «только 6 дней». Действительно, Квантунская армия была разгромлена в короткий срок. Однако, как уже показано в настоящей статье, упорные кровопролитные бои Советской Армии с японскими войсками продолжались не шесть дней, а в течение месяца, так как Квантунская армия долго еще продолжала сопротивление вопреки императорской декларации о капитуляции³⁴.

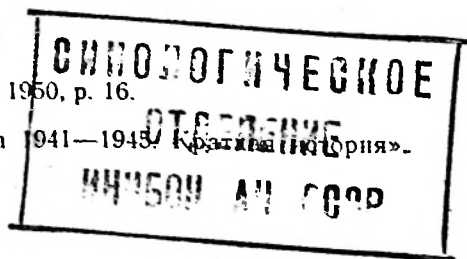
³⁰ «Большая ложь о войне». М., 1971, с. 94.

³¹ E. Stettinius s. Roosevelt and Russians. London, 1950, p. 16.

³² «Foreign Affairs», January 1957, p. 342.

³³ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история». М., 1970, с. 553.

³⁴ «Правда», 11. VI. 1951.

До сих пор нередко в иностранной буржуазной печати высказываются мнения о том, что исход войны против Японии решило применение США атомного оружия. Так, составители американской «Энциклопедии военной истории» заявляют, что именно две атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки (применение которых ими оправдывается), заставили Японию принять безоговорочную капитуляцию³⁵. В историю навсегда вписан позорный акт американского империализма, прибегнувшего к применению атомного оружия против мирных жителей густонаселенных японских городов.

Трагедия 6 и 9 августа 1945 г. — тягчайшее преступление против человечества. Американские атомные бомбы принесли непоправимые бедствия и жертвы. Было убито и покалечено 447 тыс. мирных жителей. До настоящего времени в Японии продолжают гибнуть люди от лучевой болезни.

Безусловно ясно, что атомная бомбардировка не вызывалась военной необходимостью, а преследовала далеко идущие политические цели на послевоенный период. Она фактически являлась атомным шантажом против СССР. Это был первый «горячий акт» пресловутой «холодной войны» против Советского Союза.

Впоследствии У. Черчилль признавал: «Было бы ошибкой предполагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой». «По моему мнению, — писал главный военный советник президента США адмирал Легг, — применение этого варварского оружия в Хиросиме и Нагасаки не оказало никакой существенной помощи в нашей войне против Японии»³⁶.

США подвергли Японию атомным бомбардировкам в тот момент, когда судьба дальневосточного агрессора была уже предрешена всем одом второй мировой войны и предстоящими действиями Советских вооруженных Сил. Применение атомных бомб не поставило на колени и не отрезвило японских милитаристов. По утверждению Дж. Эрмана, японская армия и после трагедии Хиросимы «была полна решимости продолжать сопротивление»³⁷.

И если все же Япония приняла безоговорочную капитуляцию, то произошло это лишь после того, как Советские Вооруженные Силы мощными ударами, в течение короткого времени, сокрушили Квантунскую армию — главную опору милитаристов Японии. Выходит, что решающий вклад в быстрейшее окончание войны против Японии внес Советский Союз. Эта истина неопровержима.

Победа Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке явилась ударом не только по японскому империализму, но и по всей международной реакции. Эта победа имела историческое значение для укрепления позиций демократических сил во всем мире, особенно в освобожденных странах Восточной и Юго-Восточной Азии. С началом Маньчжурской операции, а тем более после ее успешного завершения создались чрезвычайно благоприятные условия для бурного развертывания национально-освободительного движения народов Китая, Кореи, стран Юго-Восточной Азии.

Народы Востока к тому времени уже имели богатый опыт борьбы за свою независимость и создание суверенных государств. Борьба народов Азии усилилась под влиянием Великой Октябрьской социали-

³⁵ R. E. Dupuy and T. N. Dupuy. The Encyclopedia of Military History from 3500 B. C. to the Present. N. Y., 1970.

³⁶ «История КПСС». Т. 5, кн. 1, с. 627.

³⁷ Дж. Эрман. Большая стратегия (октябрь 1944 — август 1945). М., 1958, с. 293.

стической революции. Но такого размаха, какой эта борьба приняла после поражения и капитуляции Японии, Азия никогда не знала ранее. Стремительный разгром Квантунской армии спутал карты колонизаторов, пытавшихся сменить японское колониальное иго на американское, английское, французское, голландское. Тем самым Советский Союз выполнил свой интернациональный долг.

Разгром германского фашизма и японского милитаризма привел к падению реакционных режимов в ряде государств Европы и Азии, создал благоприятную обстановку для борьбы трудящихся масс за социализм. В результате успешного осуществления революций возникла мировая социалистическая система, углубился общий кризис капитализма, ускорилось развитие мирового революционного процесса не только в Европе и Азии, но и на других континентах.

Важнейшей составной частью освободительной миссии Советского Союза была его бескорыстная экономическая помощь народам других стран. История не знает примеров такого высокого гуманизма, какой проявил Советский Союз. Сам испытывая значительные экономические трудности, вызванные войной, СССР пришел на помощь освобожденным странам и спас их от хозяйственной разрухи и голода, помог им занять достойное место на международной арене.

Наша военная и экономическая помощь и политическая поддержка на международной арене имели исключительное значение для Китая в период развертывания им борьбы за освобождение от империалистического гнета и налаживания народного хозяйства.

Освобожденные Советской Армией Северо-Восточные провинции стали главной базой китайской революции, а трофейное японское оружие, переданное 8-й армии, повысило боеспособность освободительных сил и помогло развернуть новые соединения. «Если бы не существовало Советского Союза, если бы не была одержана победа во второй мировой войне, если бы японский империализм не был разгромлен... разве могли бы мы победить при таких обстоятельствах? Конечно нет»³⁸. Так ранее говорил Мао Цзэ-дун. Какой горькой иронией звучат эти слова Мао сегодня! Предавая забвению тот огромный вклад в дело развития китайской революции, который внес советский народ, маоисты начиная с конца 50-х годов всячески оскверняют память советско-китайской дружбы, наносят громадный ущерб делу развития мирового революционного процесса.

Недавно в китайском городе Маньчжурия среди бела дня на глазах у жителей хулиганствующие маоисты осквернили памятник советским воинам, выполнявшим свой интернациональный долг по освобождению Китая и павшим в боях против японских захватчиков. МИД СССР в своем заявлении в связи с этим подчеркнуло, что, «судя по отмеченным фактам, официальные китайские власти поощряют кощунственное отношение отдельных китайских лиц к тому, что дорого для народов Советского Союза и Китая и что является символом их совместной борьбы против империалистических агрессоров»³⁹.

Под влиянием победы на Дальнем Востоке смогли решительнее действовать революционные силы Северной Кореи и Вьетнама, поднялись на борьбу народы Индии, Индонезии, Бирмы, Филиппин и Малайи. Национально-революционное движение в этих странах достигло небывалого размаха. И они, каждая своим путем, в конечном счете завоевали свободу и независимость.

³⁸ Мао Цзэ-дун. О новой демократии. М., 1960, с. 100.

³⁹ «Правда», 4. IV. 1975.

В преддверии тридцатилетия окончания второй мировой войны полной победой завершилась упорная многолетняя борьба народов Индокитая против иностранных поработителей и их ставленников. Народы Южного Вьетнама, Камбоджи, Лаоса обрели возможность следовать по пути мирного демократического развития.

Победа Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке опрокинула надежды японских милитаристов на получение каких-либо послевоенных выгод и одновременно сорвала гегемонистские притязания и планы агрессивных кругов США, стремившихся овладеть наиболее важными районами и закрепиться на Азиатском материке. В результате краха военно-полицейского, фашистского режима в Японии были завоеваны некоторые буржуазно-демократические свободы, вышли из глубокого подполья коммунистическая и социалистическая партии, возобновили работу профсоюзы. В 1947 г. была принята конституция. В статье 9, в частности, отмечалось: «Японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров». Далее подчеркивалось, что в Японии «впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны». Но такое мирное направление развития не входило в планы ни американских, ни японских империалистов. Сразу же после капитуляции Японии Соединенные Штаты приложили все усилия, чтобы закрепиться на японских островах и использовать их в качестве плацдарма для дальнейшей экспансии в Азии.

Пользуясь положением оккупанта, США всячески способствовали проникновению американского капитала во все отрасли японской экономики и вместе с тем развернули решительное наступление против демократических сил, выступавших за создание миролюбивой и независимой Японии. В дальнейшем в связи с ростом недовольства японского народа оккупацией заокеанские империалисты находили новые аргументы и предлоги для сохранения на японских островах своих войск и баз снабжения. Японии был навязан японо-американский военный союз — «договор безопасности», сохранивший за вооруженными силами США большинство военных баз.

Одновременно с установлением тесного военного сотрудничества между Японией и США в Японии, вопреки решениям Потсдамской конференции и ее собственной конституции, созданы собственные вооруженные силы. Их мощь наращивается непрерывно. В октябре 1972 г. в Японии была утверждена уже четвертая пятилетняя программа развития вооруженных сил страны. Расходы на финансирование этой программы определены в 5100 млрд. иен (16,5 млрд. долл.), что более чем в два раза превышает размеры расходов по предыдущей программе.

Очевидно, империалисты не извлекли уроков из всей цепи событий, которые привели Японию к участию в фашистском агрессивном блоке стран так называемой «оси» и ее последующему разгрому в 1945 г. Кое-кто также не хочет понять и того исторического факта, что курс на военный союз с силами мирового империализма весьма опасен, поскольку он обречен на поражение.

Советский Союз, добившийся Победы на Дальнем Востоке в 1945 г., стремился к тому, чтобы Япония пошла по мирному пути развития. Советское правительство не раз обращало внимание мировой общественности и правящих кругов Японии на опасность наращивания ее военного потенциала. Возрождение японского милитаризма чревато пагубными последствиями для народов Азии и прежде всего для самого япон-

ского народа. Тем более что империалисты США считают Японию «краеугольным камнем» своей современной азиатской политики.

В настоящее время японский остров Окинава является крупнейшим опорным пунктом Пентагона в районе Дальнего Востока. Министерство обороны США имеет здесь в своем распоряжении около 80 баз и объектов, на которых находятся 40 000 американских военнослужащих⁴⁰. Всего же на территории Японии размещено более 140 американских военных баз и свыше 60 000 личного состава американской армии. США используют Японию как плацдарм для своих агрессивных акций, как военно-промышленную базу. Военные объекты на Японских островах нацелены против СССР, других социалистических стран Азии, против национально-освободительного и рабочего движения. С японских аэродромов совершаются полеты американских военных самолетов, в порты Японии заходят атомные и другие корабли американского флота. В Японии ремонтировалась до недавнего времени поврежденная в боях американская техника, отдыхали, лечились и проходили обучение американские солдаты.

Уроки второй мировой войны и всего послевоенного периода убедительно доказывают бесперспективность политики милитаризации и войны. К Японии это относится в особенно большой степени. В условиях мира эта страна смогла добиться значительных результатов. Ее удельный вес в экономике капиталистических стран вырос с 1,5% в 1949 г. до 10% в 1974 г. При всем этом Япония больше любой другой страны зависит от импорта полезных ископаемых и источников энергии. Она ввозит более 80% всего потребляемого ею сырья. Поэтому в Японии неуклонно ширится и крепнет общественное движение за мирный путь развития. В деловых кругах Японии тоже понимают, что ее экономика может успешно развиваться только в мирных условиях, в сотрудничестве с другими странами мира.

Предотвращение мировой термоядерной войны превратилось в одну из самых коренных проблем современности. Мирное сосуществование государств с различным социальным строем — единственная альтернатива новой мировой войне. В. И. Ленин всесторонне обосновал этот принцип. «Именно Ленин выдвинул положение о «мирном сожительстве», или, как мы теперь говорим, мирном сосуществовании государств с различным общественным строем...»⁴¹. Коммунистическая партия Советского Союза постоянно руководствуется ленинским принципом мирного сосуществования в своей внешней политике. «Мирное сосуществование предполагает: отказ от войны как средства решения спорных вопросов между государствами, разрешение их путем переговоров...»⁴²

Правящие круги капиталистических государств в настоящее время вынуждены проводить более реалистическую политику по отношению к социалистическим странам. К этому их толкают кризис внешней политики и дипломатии и несостоятельность политических и военных доктрин империализма. Соотношение материальных и политических сил все больше складывается в пользу мировой социалистической системы.

Не случайно поэтому дальновидные политические и общественные деятели Японии, трудящиеся и прогрессивные партии видят перспективы дальнейшего развития Японии в ее сотрудничестве с миром социализма, и прежде всего с ближайшим соседом — Советским Союзом.

⁴⁰ «Красная звезда», 28. III. 1975.

⁴¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 2. М., 1970, с. 586.

⁴² «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1967, с. 59

За добрососедство и сотрудничество

В феврале нынешнего года исполнилось 50 лет со дня вступления в силу Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, что положило начало истории советско-японских дипломатических отношений и открыло путь к развитию контактов и связей между нашими странами в различных областях.

К сожалению, в истории советско-японских отношений были длительные периоды отчужденности и даже вражды, поскольку наши страны, как известно, находились на противоположных сторонах фронта во время второй мировой войны, когда японские милитаристы сделали свою страну союзником гитлеровской Германии и фактически выступили против Советского Союза.

Развитие послевоенных отношений между Советским Союзом и Японией берет свое начало 19 октября 1956 г. В этот день в Москве была подписана Совместная советско-японская декларация, которая определила важнейшие направления сотрудничества между СССР и Японией. За прошедшие годы усилиями обеих сторон было сделано немало для налаживания контактов, укрепления договорной основы отношений, для развития торгово-экономических, научно-технических и культурных связей. В частности, были заключены: торговый договор, конвенция о рыболовстве в северо-западной части Тихого океана, соглашения о прямом воздушном и морском сообщении, консульская конвенция, соглашения о научно-техническом сотрудничестве и т. д.

Наибольшее развитие получили советско-японские торгово-экономические связи. Достаточно сказать, что товарооборот между Советским Союзом и Японией за период с 1958 по 1974 г. возрос более чем в 45 раз и составил в 1974 г. свыше 1,7 миллиарда рублей. За последние годы в наших экономических отношениях произошли весьма существенные позитивные качественные и количественные изменения. В торговле с нами участвуют почти все японские торговые промышленные объединения, ряд крупнейших фирм и банков. В Москве аккредитованы представители 24 японских фирм. Это говорит о том, что взаимовыгодная торговля между СССР и Японией становится важным путем укрепления сотрудничества между двумя соседними странами.

В наших политических отношениях с Японией стали регулярными встречи министров иностранных дел, во время которых обсуждаются как вопросы развития двусторонних отношений, так и актуальные международные вопросы. Крепнут и развиваются связи между Верховным Советом СССР и парламентом Японии.

В последние годы имели место и встречи руководителей двух государств на самом высоком уровне. Так, в октябре 1973 г. состоялись переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева и других советских руководителей с премьер-министром Японии. Выступая на завтраке в честь японского премьер-министра 8 октября 1973 г., товарищ Л. И. Брежнев, отметив благоприятное развитие советско-японских отношений, говорил: «Задача, как мы ее понимаем, состоит ныне в том, чтобы заложить основы добрососедских отношений между Советским Союзом и Японией на действительно длительный исторический период, чтобы создать прочную традицию дружественных отношений между народами наших стран, между нашими государствами».

Результаты переговоров советских руководителей с премьер-мини-

стром Японии в октябре 1973 г. в Москве были отражены в Совместном советско-японском заявлении от 10 октября 1973 г. Уместно отметить, что обе стороны, подчеркнув в заявлении обоюдное стремление к дальнейшему расширению связей во всех областях, приняли меры к тому, чтобы не на словах, а на деле советско-японским отношениям был дан новый импульс к их развитию и укреплению.

Это отчетливо видно на примере торгово-экономических связей, вступивших в качественно новый этап своего развития. Речь идет о заключении в 1974—1975 гг. генеральных соглашений о сотрудничестве в разработке южнокутских коксующихся углей, лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, проведении геолого-разведочных работ на газ в Якутии, а также на нефть и газ на шельфе острова Сахалин. Особенностью такого сотрудничества является его крупномасштабность и долгосрочность.

Развитие советско-японских отношений дало свои положительные результаты в плане углубления взаимопонимания между народами наших стран, роста интереса к жизни и культуре друг друга. В этом важную роль играет действующее в Советском Союзе свыше 16 лет общество «СССР — Япония», которое насчитывает в своих рядах свыше полумиллиона членов. С другой стороны, и в Японии существуют общества дружбы с Советским Союзом. Большую работу в области ознакомления японской общественности с достижениями советского народа ведет Японская ассоциация культурных связей с зарубежными странами, во главе которой стоит крупный ученый и общественный деятель Японии, профессор Мацумаэ. Значительный вклад в развитие советско-японских отношений вносит Ассоциация японо-советской дружбы парламента Японии, возглавляемая видным политическим деятелем Японии Х. Исида. Деятельность этих и ряда других обществ и организаций содействует вовлечению в движение за дружбу и сотрудничество с Советским Союзом все новых слоев японского населения.

Серьезны и значительны те успехи, которых достигли страны в развитии отношений. Однако все еще существуют многочисленные возможности, которые пока остаются неиспользованными, для значительного поворота к лучшему в отношениях между нашими странами. Разумеется, между двумя странами тем более между странами с различным социальным строем, могут быть вопросы, позиции по которым не совпадают. Однако это не должно становиться препятствием для поступательного развития отношений между ними.

Как известно, между Советским Союзом и Японией до настоящего времени не заключен мирный договор. В Советском Союзе твердо уверены в том, что главное при рассмотрении вопросов мирного договора — проявлять реалистический подход и учитывать существующую действительность, как она сложилась после второй мировой войны. Между правительствами обеих стран ведутся переговоры о заключении мирного договора. По этому вопросу состоялся обмен мнениями во время визита министра иностранных дел Японии К. Миядзава в Москву в январе 1975 г. Достигнута договоренность продолжить переговоры. Советский Союз выступает за то, чтобы эти переговоры продолжались, и рассчитывает на то, что в ходе их взаимопонимание будет углубляться.

Советский Союз и Япония — две крупные страны в Азии. От того, в каком направлении будут развиваться отношения между ними, во многом зависит обстановка в этом районе земного шара.

Не секрет, что в мире есть противники развития добрососедских советско-японских отношений, которые стараются вбить клин между

нашими странами, посеять в Японии недоверие к политике Советского Союза. Это касается, в частности, Китая, руководители которого пытаются вовлечь Японию в русло своего антисоветского курса, а проектируемый японо-китайский договор «о мире и дружбе» стремятся наполнить откровенно антисоветским содержанием. Думается, что в японских политических кругах отдают себе отчет в бесперспективности политики антисоветизма, в роли одного из основных глашатаев которой выступают в настоящее время китайские руководители.

Линия Советского Союза в отношении Японии ясна и понятна. Она является принципиальной и последовательной и не связана с какими бы то ни было колебаниями конъюнктуры. Суть ее состоит в развитии и укреплении отношений подлинного добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами. Советские люди уверены, что именно этот путь отвечает интересам всех тех, кому дороги мир и безопасность в Азии.

XXIV съезд КПСС провозгласил международную программу, которую все человечество по достоинству назвало Программой мира. «Наша принципиальная линия в отношении капиталистических стран, — отметил на съезде товарищ Л. И. Брежнев, — состоит в том, чтобы последовательно и полно осуществлять на практике принципы мирного сосуществования, развивать взаимовыгодные связи, а с теми государствами, которые готовы к этому, сотрудничать на поприще укрепления мира, придавая максимально устойчивый характер взаимоотношениям с ними». Прошедшие годы убедительно свидетельствуют о прозорливости, целенаправленности и плодотворности внешнеполитического курса КПСС.

Разрядка — ныне это слово прочно укрепилось в политическом словаре мира. На смену долгому периоду опасной конфронтации между двумя общественно-политическими системами, периоду, который по вине правящих кругов капиталистических стран начался сразу же после окончания второй мировой войны, наступило время делового сотрудничества на основе мирного сосуществования.

Миллионы людей повсюду на земле приветствуют разрядку и ждут ее дальнейшего развития. С глубокой благодарностью и признательностью они обращаются к стране, которая с первых дней своего существования взяла на вооружение и стала решительно проводить в жизнь ленинский принцип мирного сосуществования государств вне зависимости от их общественно-политического строя.

Разрядка неразрывно связана с деятельностью Коммунистической партии Советского Союза. Народы видят: КПСС — это великая историческая сила, чья неутомимая, последовательная, творческая деятельность, основанная на научном марксистско-ленинском понимании закономерностей развития общества вообще и международных отношений в частности, обеспечила наступление коренного перелома в международных отношениях.

Нынешний этап международных отношений чрезвычайно динамичен. Он отмечен глубокими и сложными процессами. Нельзя утверждать, что у разрядки нет противников, — их немало, начиная от пекинских «сверхреволюционных» стратегов и кончая наиболее закостенелыми рыцарями «холодной войны» в США и ФРГ. Но не к их голосам прислушиваются народы. Перемены, происходящие на мировой арене, носят решающий, кардинальный характер. Программа мира, выдвинутая XXIV съездом, поистине стала осью, вокруг которой развивается сейчас международная жизнь.

У «мирного наступления», начатого КПСС и всецело поддержанного всеми странами социалистического содружества, немало побед. О них свидетельствуют свыше 60 договоров, соглашений и других документов, нормализующих отношения социалистических государств с капиталистическими странами.

Практика отношений с крупнейшими капиталистическими государствами — США, ФРГ, Францией, в последние годы продемонстрировала большие возможности в решении сложнейших двусторонних и международных проблем, разумеется, при реалистическом и конструктивном подходе к этим проблемам, с должным учетом взаимных интересов.

На широкие слои японской общественности произвел сильное впечатление тот огромный вклад в оздоровление международной обстановки, который был внесен в результате визитов Л. И. Брежнева в США, ФРГ и Францию, когда были подписаны важные политические и деловые соглашения. В этих условиях в Японии стали крепнуть настроения в пользу более активного участия в политике разрядки напряженности, укрепления мира во всем мире и конкретно — в пользу дальнейшего улучшения отношений с Советским Союзом.

СССР всегда выступал и продолжает последовательно, ежедневно, ежечасно бороться за подлинную разрядку напряженности на земном шаре, за добрососедство и сотрудничество со всеми, кто хочет мира. Человечество планеты знает о мирных устремлениях Родины Ленина. Это было доказано Великим Октябрем, в годы гражданской войны и строительства молодого Советского государства. В тяжелые годы Великой Отечественной войны с гитлеровской Германией и милитаристской Японией советские люди шли на смерть для спасения мира и своей Родины от коричневой чумы фашизма. На протяжении всего послевоенного периода СССР неустанно борется за прочный мир на земле.

Мир — наше знамя, наша политика и повседневная реальная жизнь. Мы боремся за мир, отстаиваем его идеалы для жизни, счастья и созидания. Для СССР мир и разрядка — не пустые слова. Они воплощаются в мирных планах по строительству коммунизма, выражают чаяния народов по избавлению их от катастрофы — разрушительной ядерной войны.

Советские люди хорошо помнят уроки минувшей войны, которая унесла более 50 млн. человеческих жизней и причинила колоссальный материальный ущерб десяткам стран. У нашего народа свежи в памяти преступления империализма и в послевоенный период: после атомной трагедии Хиросимы и Нагасаки последовали применение бактериологического оружия в Корее, а затем и варварские бомбардировки Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Мы также знаем, к каким катастрофическим бедствиям может привести народы континентов новая война с применением современных средств поражения.

Советские люди, прогрессивная международная общественность знают о том огромном, неоценном вкладе, который вносят в борьбу за прочный мир и безопасность всех народов коммунисты Советского Союза, Центральный Комитет КПСС, его Политбюро, лично Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

Пленум Центрального Комитета КПСС, состоявшийся 16 апреля 1975 г., констатировал, что в настоящее время имеются необходимые объективные условия для справедливого и мирного урегулирования международных конфликтов. «Пленум исходит из того, что политическая разрядка должна быть подкреплена разрядкой в военной обла-

сти и использована для сокращения вооружений и борьбы за разоружение, для развития международных экономических, научно-технических и культурных отношений между всеми странами на взаимовыгодной и равноправной основе, без всякой дискриминации и вмешательства во внутренние дела»⁴³.

Объективная реальность, национальные интересы и перспективы развития Японии как суверенного государства неумолимо требуют упрочения и расширения добрососедства и сотрудничества, деловых и культурных связей с СССР и другими странами социализма, со всеми странами Азиатского континента. Политика дружественных отношений между СССР и Японией полностью отвечает интересам японского и советского народов.

⁴³ «Правда», 17.IV.1975.

Советский Союз и Маньчжурская революционная база

О. Б. Борисов

В этом году советский народ, все прогрессивное человечество отметили 30-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне, славную годовщину разгрома фашизма. В результате Победы «народы Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии и Венгрии, Румынии и Албании, Германской Демократической Республики, народы Китая, Вьетнама и Северной Кореи, — говорилось в речи тов. Л. И. Брежнева 8 мая 1975 г., — получили возможность избрать путь социалистического развития»¹.

Победоносно окончив войну против фашистской Германии, Советский Союз, верный своему интернациональному долгу и международным обязательствам, вступил в войну против империалистической Японии и за короткий срок мощными ударами сокрушил на территории Северо-Востока Китая (Маньчжурии) Квантунскую армию, опору Японии на Дальнем Востоке.

Наша страна и ее Вооруженные Силы сыграли решающую роль в достижении победы над милитаристской Японией, оказали важную интернациональную помощь народам Китая и Кореи в их освобождении. Одновременно была восстановлена историческая справедливость — Советскому Союзу возвращены исконно русские земли: Южный Сахалин и Курильские острова.

Августовская победа на Дальнем Востоке имела огромное значение для подъема революционного и национально-освободительного движения в Азии. Маньчжурия, являвшаяся наиболее развитым в экономическом отношении районом Китая, была освобождена советскими войсками совместно с Народной армией МНР при участии народно-освободительных сил Китая и корейских партизан. Она превратилась в надежный военно-стратегический плацдарм революционных сил Китая, новый политический центр китайской революции. Революционные войска, базировавшиеся в Маньчжурии, были в достаточном количестве оснащены оружием и боеприпасами, переданными Советской Армией. В 1947—1948 гг. эти войска под командованием Линь Бяо нанесли первое серьезное поражение гоминьдановским войскам, положив начало освобождению всего Китая от прогнившего гоминьдановского режима.

Маонистские и буржуазные историки пытаются сейчас исказить эти исторические факты, фальсифицировать всю историю советско-китайских отношений. Но, как говорит китайская пословица, ладонью солнца не закросшь.

¹ «Правда», 9. V. 1975.

Отмечая 30-летие разгрома империалистической Японии, народы мира с благодарностью вспоминают об интернациональном вкладе Советского Союза в освободительную борьбу народов Азии в 40-х годах, в том числе и в борьбу китайского народа за окончательную победу революции.

На фоне исторической победы над милитаристской Японией провокационной выглядит позиция некоторых буржуазных историков и маоистской пропаганды, пытающихся умалить роль Советского Союза в победе над японским милитаризмом и завершении второй мировой войны, извращающих существо нынешнего политического курса СССР в отношении стран Азии и Дальнего Востока. Пекинская пропаганда, говоря о событиях августа — сентября 1945 г., тщательно замалчивает роль Советского Союза в этой войне. Так, газета «Жэньминь жибао» 9 мая 1975 г. писала, что «народы Китая, Кореи и некоторых других стран Азии вели продолжительную вооруженную борьбу против Японии и сыграли решающую роль в борьбе за победу над японским фашизмом». В Советской стране никогда не умалялась роль борьбы китайского, корейского и вьетнамского народов за свое освобождение. Советский народ всегда воздавал должное их героическому подвигу. Но замалчивание значения Советского Союза и его Вооруженных Сил в борьбе против японского милитаризма, в освобождении части территории Китая равносильно грубой фальсификации и насилию над историческими фактами.

Хорошо известно, что в развитии национально-освободительного движения в новейшее время особое место занимают отношения народов двух великих соседних государств — Советского Союза и Китая. Их традиционная дружба имеет славную историю. Великий Октябрь, пробив гигантскую брешь в мировой системе капитализма, в огромной степени ослабил давление империалистических держав на Китай и значительно облегчил борьбу китайского народа за свое национальное и социальное освобождение. В результате победы Октябрьской революции Советская Россия твердо встала на сторону национально-освободительной борьбы китайских трудящихся, что явилось важнейшим международным фактором развития этой борьбы.

Огромное влияние на революционные процессы в Китае оказали теоретические работы В. И. Ленина по национально-колониальному вопросу, его советы китайским коммунистам, а также деятельность Коминтерна, нашей партии, направленная на разработку важнейших проблем революционного движения в Китае.

Интернационализм Советского Союза, нашей партии ярко проявлялся на всех этапах развития китайской революции. Особо важное значение он обрел на заключительном этапе национально-освободительной борьбы в Китае (1945—1949), и прежде всего в деле разгрома милитаристской Японии. Как известно, на территории Маньчжурии японские милитаристы «создали 17 укрепленных районов, из них 8 на востоке против Советского Приморья. Каждый укрепленный район достигал свыше 40 км в глубину и 20—100 км по фронту... Острова Курильской гряды прикрывались береговыми артиллерийскими батареями, укрытыми в железобетонные сооружения, и воинскими гарнизонами, обеспеченными развитыми долговременными оборонительными сооружениями»². Японские вооруженные силы, дислоцировавшиеся в Маньчжурии, «опирались на богатые материальные, продовольственные и сырьевые ресурсы Маньчжурии и Кореи и маньчжурскую промышленность, производившую в основном все необходимое для жизни и боевой деятельности войск Кван-

² А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., 1973, с. 507.

тунской армии. На территории, занимаемой войсками Квантунской армии, находилось 13 700 км железных и 22 тыс. км автомобильных дорог, 400 аэродромов, 870 крупных военных складов и хорошо оборудованные военные городки, рассчитанные на армию в $\frac{1}{5}$ млн. человек»³. Сокрушить эту мощную военную машину означало вывести Японию из войны, ликвидировать важную преграду на пути развития национально-освободительного движения на Дальнем Востоке и ЮВА. Выступая в Улан-Баторе 26 ноября 1974 г., тов. Л. И. Брежнев подчеркнул решающую роль Советского Союза в разгроме империалистической Квантунской армии, захватившей значительную часть Китая, и отметил, что это «оказало мощную поддержку освободительной борьбе народов Азии»⁴.

Маньчжурия после ее освобождения в 1945 г. превратилась в надежный центр революции. Из этого центра китайские коммунисты повели народ на решительную борьбу за разгром прогнившего гоминьдановского режима.

Непосредственная помощь Советского Союза в становлении и укреплении Маньчжурской революционной базы является ярким примером интернационализма нашего народа. В социальном плане эта помощь была направлена на то, чтобы трудящиеся Китая, и прежде всего рабочий класс, смогли взять судьбу страны в свои руки. Освободительная миссия Советской Армии в Маньчжурии, активная помощь СССР революционной базе в политической, экономической и военной областях явились реализацией ленинской идеи о союзе Советской страны «с угнетенными народами всего мира»⁵.

И в последующие годы, верный заветам Ленина, Советский Союз не ограничивался помощью Китаю в деле освобождения от иностранного гнета. Он делал все для того, чтобы, как учил В. И. Ленин, можно было бы «отстоять интересы развития человечества к новому укладу жизни, чуждому всяких привилегий и всякой эксплуатации»⁶, чтобы в центре мировой политической борьбы, в центре эпохи находился рабочий класс, «определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»⁷.

Особая роль Маньчжурской революционной базы определялась тем, что в этой огромной и важной в экономическом и военном отношениях части Китая присутствовали Вооруженные Силы первого в мире социалистического государства. Естественно, что, соблюдая международные соглашения, Советская Армия в своей деятельности руководствовалась принципом пролетарского интернационализма, исходила из классовых интересов китайских трудящихся, делала все необходимое, чтобы обеспечить успех китайской революции.

По мере укрепления в Маньчжурии народно-демократического режима и его революционной армии функции защиты базы от американско-чанкайшнстской агрессии постепенно переходили к китайским революционерам. В 1945—1949 гг. при содействии Советского Союза здесь проходил гигантский процесс оснащения революционной армии, подготовки экономики, коммуникаций и кадров для борьбы за полное национальное и социальное освобождение Китая. Это обстоятельство имеет громадное принципиальное значение для понимания вопроса о том, благодаря чему сильная военная государственная машина чанкайшнстов, щедро поддерживаемая мощью империалистического государства США, в течение ко-

³ А. М. Васильевский. Дело всей жизни. М., 1973, с. 506.

⁴ «Правда», 27. XI. 1974.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 233.

⁶ Там же, т. 23, с. 426.

⁷ Там же, Т. 26, с. 142.

роткого промежутка времени полностью развалилась. Усилия китайских революционеров, интернациональная помощь Советского Союза, благотворное влияние других международных факторов — вот в чем секрет быстрого и полного успеха КПК на заключительной стадии революции.

Интернационалистский вклад СССР в дело китайской революции подтвердил правильность ленинского указания о том, что революционное движение народов Востока может получить развитие и добиться успеха «не иначе, как в непосредственной связи с революционной борьбой нашей Советской Республики против международного империализма»⁸. Действия Советского Союза нельзя рассматривать как некоторое единовременное изолированное мероприятие. Они представляли собой реализацию долгосрочной и последовательной политики, направленной на оказание всесторонней помощи внутренним революционным силам — коммунистической партии, пролетариату, всем трудящимся в просвещении, организации и мобилизации масс на борьбу за национальное и социальное освобождение.

Несмотря на порочность линии Мао Цзэ-дуна и его сторонников в ряде вопросов стратегии и тактики китайской революции, коммунисты, рабочие и крестьяне Китая в 1945—1949 гг. эффективно воспользовались победой СССР над японским милитаризмом, успехами длительных и кропотливых классовых битв в стране и в конце концов одержали замечательную победу, образовав 1 октября 1949 г. Китайскую Народную Республику.

Оценка роли Маньчжурской революционной базы в победе китайской революции и значения помощи Советского Союза в ее создании и укреплении — важное поле борьбы против маоистской и буржуазной историографии, против попыток извратить историческую правду.

В указанный период успешно действовали следующие положительные факторы, в совокупности определившие ход и исход революционной борьбы китайского народа.

Это прежде всего благоприятная обстановка и всесторонняя помощь Советского Союза, сыгравшие решающую роль на заключительном этапе освободительной борьбы китайского народа в 1945—1949 гг.

Создание Маньчжурской революционной базы — подлинного оплота освободительного движения в 1946—1949 гг., укрепление с помощью Советского Союза военно-промышленного потенциала этой базы и оснащение вооруженных сил Китая современной техникой, которые подготовили благоприятные условия для перелома в ходе революции. Без этого окончательная победа досталась бы более дорогой ценой, потребовала бы значительно больше времени.

Единственно верная позиция, которую наша страна заняла в трудные годы политической и вооруженной борьбы в Китае в 1945—1949 гг. и которая нашла выражение в том, что на первом этапе наша страна поддерживала действия КПК по накоплению сил для решающего штурма, создавала выгодные для революции политические и дипломатические условия, а затем, когда всесторонняя подготовка была завершена, она поддержала переход революционных сил на наступление на гоминьдановскую реакцию, пользовавшуюся активной поддержкой США.

Благодаря огромной практической помощи Советской страны, благодаря героическим усилиям китайского народа, а также дальновидности интернационалистского крыла в руководстве КПК китайской революции

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 39, с. 318.

удалось выдержать тяжелые испытания 1945—1947 гг., вызванные временными успехами чанкайшистского режима, а затем перейти в решающее наступление с хорошо подготовленного плацдарма, каким явилась Маньчжурская революционная база. Такова историческая правда. Маоисты боятся ее и потому всемерно фальсифицируют подлинный ход революционной борьбы в 1945—1949 гг.

При анализе событий 1945—1949 гг. важно учитывать, что японский империализм превратил Маньчжурию в свою основную военно-стратегическую базу для борьбы против революционных сил Китая, а также против Советского Союза. Эти стратегические цели и определили особое внимание японского милитаризма к Маньчжурии. В результате она превратилась в самый развитый в экономическом отношении район Китая. По добыче основных видов сырья и производству металлов на ее долю приходилось, например, 45% всего добываемого в стране каменного угля, 52 — железной руды, 100 — меди (металл), 76 — свинца (металл) и цинка (металл), 100 — алюминия, 100% — магнезия и т. д.

В Маньчжурии были созданы достаточно крупные по тем временам металлургические, химические, машиностроительные и военные предприятия. Маньчжурия давала более 60% объема всей тяжелой промышленности в Китае и около 80% горнопромышленной продукции. Здесь были сосредоточены крупнейшие арсеналы, военные предприятия, производившие значительно больше продукции, чем во всем Китае, высокоразвитая легкая промышленность. По основным показателям экономического развития с Маньчжурией могла сравниться в Азии лишь Япония.

Как показал ход второй мировой войны, несмотря на общее ослабление Японии, военно-промышленный потенциал Маньчжурии к 1945 г. был сохранен и даже усилен. Стратеги японского милитаризма рассчитывали затянуть войну, опираясь главным образом на базу в Маньчжурии, и добиться компромиссного завершения войны с сохранением за Японией этой богатой области. Эти замыслы были сорваны активным вступлением в войну СССР.

Огромные военно-экономические возможности Маньчжурии показывают, насколько принципиально важными для судеб китайской революции явились молниеносный разгром Квантунской армии и освобождение Советской Армией Маньчжурии в 1945 г. Последовавшая затем передача революционным силам Китая этой базы, маньчжурского арсенала и промышленности сыграла определяющую роль в победе китайской революции.

В Пекине время от времени поднимается волна спекуляции вокруг демонтажа и вывоза в СССР части оборудования предприятий Маньчжурии. Эта клеветническая кампания была охотно подхвачена империалистической пропагандой. В действительности советской военной администрацией была демонтирована незначительная часть оборудования на нескольких бывших японских военных заводах, поскольку в условиях военного вмешательства США в гражданскую войну в Китае эти заводы могли быть использованы в военных целях против народно-демократической армии Китая. Стоимость этого оборудования незначительна. После образования КНР китайские коммунисты следующим образом разъясняли этот вопрос: «Если бы оборудование не было вывезено, оно попало бы в руки чанкайшистской армии, которая использовала бы его для производства оружия и боеприпасов, чтобы усилить себя в своей предсмертной агонии, а китайский народ пролил бы больше крови в освободительной войне. Китайский народ ясно отдает себе отчет в том, что такие действия Советской Армии в тот период шли на пользу

нашей народной революции. Практически это была своего рода помощь, за которую мы должны быть чрезвычайно признательны».

Характерно, что молниеносный разгром Советской Армией оплота японского милитаризма явился полной неожиданностью как для правящих кругов США и Англии, так и для маоистского крыла в руководстве КПК.

В результате победы Советских Вооруженных Сил был окончательно решен исход многолетней борьбы народов Китая и других стран этого района против японского порабощения.

Подчеркивая роль Советского государства, его борьбы и побед для судеб китайской революции, Мао Цзэ-дун в 1949 г. признавал, что без победы Советского Союза во второй мировой войне, без разгрома им японского империализма победа китайской революции оказалась бы невозможной⁹.

После разгрома милитаристской Японии в Азии начался бурный подъем национально-освободительного движения. Освободительная борьба китайского народа вступила в решающий этап.

Благодаря присутствию в Маньчжурии Советской Армии китайские революционные силы значительно окрепли. Войскам Народно-освободительной армии Китая был обеспечен прочный тыл в районе, непосредственно граничащем с Советским Союзом. Народные войска получили возможность переформироваться и пополнить свое вооружение за счет захваченного советскими войсками японского трофейного оружия и техники.

Серьезное значение для хода революционной борьбы, и особенно для судеб Маньчжурской революционной базы, имела позиция Советского Союза по вопросу о Порт-Артуре и Дальнем, которые по соглашению сторон стали зоной дислокации советских войск. В результате твердой и последовательной позиции СССР города Дальний и Порт-Артур в трудное для КПК время служили надежной базой революции, прикрывавшей Маньчжурию от вторжения гоминьдановских войск с моря. Это еще одно свидетельство важности интернационалистской политики нашей страны в тот ответственный для китайской революции период.

Присутствие советских войск в Маньчжурии фактически обеспечило укрепление революционной базы и превращение ее в основной военно-стратегический плацдарм китайской революции. Сознывая это, Советский Союз вел сложную дипломатическую борьбу с правящими кругами США и гоминьдановским правительством по вопросу о сроках отвода советских войск из Маньчжурии. Отвод советских войск из Маньчжурии осуществлялся поэтапно с учетом интересов китайских революционных сил и завершился точно в соответствии со взятыми Советской страной обязательствами. К моменту вывода советских войск (март 1946 г.) революционные силы в Маньчжурии уже были в основном готовы к успешной борьбе с чанкайшистским режимом.

Чанкайшисты и поддерживавшие их США понимали, что политика Советского Союза, согласованная с КПК, представляет главную опасность для гоминьдановского режима и потому развернули в невиданных масштабах антисоветскую кампанию. Однако ее организаторам не удалось достичь намеченной цели: широкие слои трудящихся масс Китая продолжали видеть в Советском Союзе испытанного друга в борьбе против империализма и реакции. На этом фоне еще нагляднее становится предательский характер политики антисоветизма маоистов, принявших, по существу, эстафету от чанкайшистов.

⁹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 4. Пекин, 1969, с. 508.

Анализ позиции Мао Цзэ-дуна и его группы по вопросу о темпах и тактике революционной борьбы в те годы показывает, что маоисты по-своему, по-националистически оценили августовские события 1945 г. — освобождение советскими войсками Маньчжурии. Они считали, что Советская Армия должна была, игнорируя международные обязательства СССР и международную обстановку, не только освободить Маньчжурию, но и любой ценой продолжать наступление дальше, на территорию Северного Китая. Маоистов не тревожил тот факт, что в результате таких действий могла возникнуть опасная военная конфронтация СССР с США.

Мао Цзэ-дун и его окружение не видели, а точнее, не хотели видеть, что до окончательной победы китайского народа нужно было еще выиграть время, получить передышку, необходимую для укрепления тылов, и прежде всего Маньчжурской революционной базы, завоевать на свою сторону широкие массы Китая, мировое общественное мнение.

История подтвердила правильность позиции КПСС, важность политической борьбы в 1945—1946 гг. и подготовки вооруженного наступления на гоминьдановскую реакцию в последующий период. Период мирного противоборства КПК с гоминьдановцами, период переговоров (1945—1946) и борьбы СССР за интересы Китая на международной арене, был выгоден китайской революции. События этого периода явились важным средством политической и военной подготовки к решающему этапу в борьбе с антинародным режимом, эффективной формой завоевания масс на свою сторону. Благодаря этому было выиграно время для повышения боеспособности народных войск, укрепления их тыла, разоблачения политических маневров реакции.

«Левацкое» нетерпение, которое проявляли Мао Цзэ-дун и его сторонники в 1945 г., было существенной помехой делу революции. Оно подталкивало их к реализации волюнтаристских схем немедленного завоевания власти во всем Китае. Характерно, что в последующем, когда революционные силы испытывали неудачи, от воинственных настроений Мао Цзэ-дуна периода 1945 г. не осталось и следа. События 1945—1946 гг. наглядно продемонстрировали это. В тот период общее соотношение сил было не в пользу КПК. Не случайно ЦК КПК неоднократно просил сохранить советский «вооруженный зонтик» в Маньчжурии, чтобы не потерять Маньчжурскую революционную базу.

В ноябре 1945 г. Мао Цзэ-дун писал уполномоченному ЦК КПК Пын Чжэню: «В связи с поддержкой нашего старшего брата и с развитием нашей партии в Маньчжурии войска Чан Кай-ши не могли успешно продвинуться в Маньчжурию, а также не смогли провести работу по приему власти в Маньчжурии». Мао Цзэ-дун подчеркивал, что отсрочка ухода Советской Армии из Маньчжурии выгодна для 8-й армии, «так как в течение месяца наши продвигающиеся части и кадры могут полностью прибыть в Маньчжурию». В телеграмме от 20 ноября 1945 г. Мао Цзэ-дун писал: «...Попросите наших друзей, чтобы они по возможности растянули срок прихода в Маньчжурию войск гоминьдана».

События, развернувшиеся в ходе гражданской войны 1945—1946 гг., доказали недостаточную подготовленность революционных сил Китая к решающим схваткам. Этап мирного развития революции и политической борьбы был объективно необходим. Он был наполнен острой борьбой с силами реакции и сопровождался ростом авторитета КПК и ее вооруженных сил. Речь шла о том, чтобы сохранить и всемерно укрепить силы китайской революции. Политика мирного противоборства с гоминьдановцами готовила благоприятные условия для последующего наступления революционных сил и завоевания быстрой победы в 1948—1949 гг.

В рассматриваемый период СССР не поддавался ни на провокации США и чанкайшистов, ни на «левацкие» и иные шарахания маонистов, проявив выдержку, терпение и принципиальность. При этом учитывалось реальное соотношение сил как в Китае, так и на мировой арене. Советский Союз не дал себя толкнуть на путь авантюры. Все это помешало Мао Цзэ-дуну преждевременно развязать гражданскую войну в крайне неблагоприятных для компартии условиях и тем самым подвергнуть революцию риску тяжелого поражения.

Период острой дипломатической и политической борьбы в Китае в середине 40-х годов создал благоприятные условия для последующего военного отпора американо-гоминьдановской агрессии.

Как уже указывалось, в 1945—1946 гг. в Китае шла сложная дипломатическая борьба, направленная на укрепление революционных сил, демократизацию социально-политической жизни, создание коалиционного правительства. Однако американо-гоминьдановский блок сорвал этот процесс и развязал в 1946 г. гражданскую войну, не оставив Компартии Китая и Народно-освободительной армии иного выбора, кроме вооруженного решения проблемы.

Современная маонистская историография пытается замолчать правду об агрессии американского империализма, который, в частности, рассчитывал укрепиться в Маньчжурии в результате победы гоминьдановской контрреволюции.

С другой стороны, история борьбы Советского Союза, интернационалистских сил в КПК против агрессивных действий американского империализма в Китае — подлинного хозяина гоминьдановской реакции — является суровым напоминанием о том, кто же подлинный друг, а кто враг Китая.

Факты вмешательства американского империализма в дела Китая в 40-х годах хорошо известны. Сначала интервенция осуществлялась под маской «беспристрастности», «посредничества»; на последующих этапах освободительной борьбы правящие круги США уже сбросили эту маску. Напоминание о фактах, касающихся агрессии американского империализма в Китае, важно и для разоблачения домыслов о «нарушении» Советским Союзом международных обязательств. Широкое вмешательство США во внутренние дела Китая на стороне реакции и контрреволюции объясняет полную правомерность действий Советского Союза, когда он, оказывая эффективную помощь китайскому революционному движению, продолжал поддерживать официальные отношения с чанкайшистским правительством.

Факты не оставляют сомнений в том, что правящие круги США пытались опутать чанкайшистский Китай колониаторскими соглашениями, закрепить господство американских монополий в стране. На пути неоколониалистских планов США в Китае стоял Советский Союз, который последовательно поддерживал справедливую борьбу китайского народа за свободу и независимость. В истории навсегда сохранятся страницы напряженной дипломатической и политической борьбы СССР против агрессии США в КНР в 40-е годы в поддержку революционных демократических сил Китая.

Имеет смысл напомнить маонистским фальсификаторам о военных аспектах борьбы, развернувшейся в 1945—1949 гг. на маньчжурском направлении.

Динамика роста революционных вооруженных сил в Маньчжурии выглядела следующим образом. На 28 ноября 1945 г. в составе войск КПК насчитывалось 219 тыс. человек, на 14 декабря 1945 г. — 334 тыс. человек. Увеличение революционных войск в Маньчжурии происходило

главным образом в виде местных воинских формирований, а также за счет перебросок в этот район регулярных соединений и частей КПК. На 18 октября 1947 г. войска КПК в Маньчжурии насчитывали уже 465 тыс. человек, в том числе регулярные войска — 243 тыс. и местные воинские формирования — 222 тыс. человек.

Сопоставление численности и боевого состояния войск КПК в Маньчжурии и в Северном и Центральном Китае показывает, что уже к концу 1947 г. маньчжурская группировка фактически являлась сильнейшей в составе войск КПК. К тому же следует учесть, что войска КПК в Северном и Центральном Китае не были единой компактной группировкой, а действовали в ряде удаленных друг от друга районов страны.

К сентябрю 1948 г. произошло дальнейшее увеличение численности маньчжурской группировки войск КПК. Она почти вдвое превышала по численности противостоящую ей группировку гоминьдановских войск. Заметно возрос ее удельный вес и в вооруженных силах КПК.

Накануне одной из решающих битв — Пекин-Тяньцзиньской операции (декабрь 1948 г.) — в Северном Китае было сосредоточено 1020 тыс. человек, из которых 800 тыс. составляли войска, переброшенные из Маньчжурии. Военная группировка Маньчжурской революционной базы сыграла решающую роль в главных битвах, предопределивших исход борьбы за освобождение всего Китая.

Принципиальное и актуальное значение приобретает в настоящее время разоблачение фальсификаций маоистов о роли Ляошэньского (Ляоси-Мукденского) сражения, которое положило начало процессу окончательного освобождения территории Китая.

Новое направление в фальсификации маоистами действительного места северо-восточного плацдарма и маньчжурской группировки войск КПК для победы народной революции в Китае открыла статья органа ЦК КПК журнала «Хунци» — «Изучая работу «О курсе боевых действий в Ляошэньской операции». Поводом для написания ее послужила 24-я годовщина начала Ляошэньского сражения. В статье заслуга успешного проведения этой крупной операции приписывается исключительно Мао Цзэ-дуну, который якобы «лично руководил» операцией, а также «от начала до конца контролировал весь ход операции»¹⁰. Автора не смущает тот факт, что Мао Цзэ-дун в то время находился в далеком селении Сибэйло и при тогдашних средствах коммуникаций физически не мог «лично руководить» и тем более «от начала до конца контролировать ход сражения». Автор оперирует лишь двумя краткими телеграммами, направленными Мао Цзэ-дуну в адрес Линь Бяо. Кстати, единоличное авторство этих телеграмм вызывает сомнение, так как главнокомандующим всех революционных вооруженных сил был Чжу Дэ.

«Правильной линией» Мао Цзэ-дуна в ходе этой операции в статье противопоставлена «правооппортунистическая линия мошенников типа Лю Шао-ци» (т. е. Линь Бяо), основная ошибка которых, по утверждению автора статьи, заключалась в том, что они якобы «не видели возможности в течение короткого времени покончить с гоминьдановской реакцией». «Только после того, — утверждает «Хунци», — как благодаря гениальному руководству и правильному командованию со стороны председателя Мао были пресечены и исправлены правооппортунистические ошибки линии мошенников типа Лю Шао-ци, мы добились великой победы в Ляошэньской операции»¹¹. Здесь «Хунци» приходит к полному противоречию с действительными фактами. Известно, что Мао Цзэ-дун да-

¹⁰ «Хунци», 1972, № 8.

¹¹ Там же.

же в начале 1949 г. считал, что в Китае еще 2—3 года «будет продолжаться затяжная война с Чан Кай-ши».

Подчеркивая, что «на протяжении всей Ляошэньской операции, от начала ее подготовки и до завершения, происходил процесс борьбы двух военных линий», орган ЦК КПК ставит под вопрос политическую лояльность значительной группы командного состава НОАК, в свое время входившей в состав маньчжурской группировки¹² и участвовавшей в Ляошэньской операции.

Фальсифицируется роль революционных армий в Маньчжурии и в другой статье «Хунци» — «О брошюре «Линь Бяо в период освободительной войны на Северо-Востоке». Названная брошюра была издана в начале 1971 г. в провинции Фуцзянь тиражом свыше 3 млн. экземпляров и распространена в ряде провинций и городов Китая.

Основное содержание статьи «Хунци» сведено к попытке «доказать», будто Мао Цзэ-дун был «руководителем и организатором освободительной войны на Северо-Востоке», в то время как Линь Бяо не только не внес никакого вклада в освобождение Маньчжурии в период 1946—1949 гг., но, напротив, непрерывно совершал ошибки, «переоценивал силы противника», а его «тактические принципы представляли собой хлам...»¹³. По мнению «Хунци», Мао Цзэ-дун якобы «лично группировал силы и командовал войсками в Ляошэньской наступательной операции», давая в ходе этого сражения «своевременные и конкретные указания» войскам.

В статье утверждается, что со времени подготовки Ляошэньской операции и до ее завершения Мао Цзэ-дун якобы «послал туда (в Маньчжурью) десятки телеграмм (а не 2! — О. Б.), в которых дал целый ряд своевременных конкретных указаний»¹⁴.

Очевидно, что в условиях скоротечных, маневренных боевых действий «конкретные указания» воинским частям и соединениям практически могли давать лишь командиры, непосредственно руководившие операцией.

«Хунци» подобострастно сообщает, что Мао Цзэ-дун не только «лично» руководил этой операцией, но и будто бы заранее ее «готовил». Абсурдность таких утверждений видна из следующего. Создание условий для проведения и непосредственная подготовка к осуществлению такой крупномасштабной наступательной операции, как Ляошэньская, заняли значительное время: с середины 1947 г. до осени 1948 г. (в этот период войска КПК в Маньчжурии перехватили стратегическую инициативу у чанкайшистов в свои руки), но как раз в это время Яньань находилась в руках чанкайшистов, а Мао Цзэ-дун был вынужден скрываться в глухих районах Северного Китая. Совершенно ясно, что в этих условиях не могло быть и речи о сколько-нибудь активном его участии в подготовке Ляошэньской операции в Маньчжурии.

В статье совершенно не говорится о роли рабочего класса Маньчжурии в указанный период и деятельности организаций КПК, Северо-Восточного бюро ЦК КПК, большая часть членов которого репрессирована маоистами. Разумеется, в статье ни словом не упоминается о разносторонней братской помощи Советского Союза, об активной поддержке империализмом США гоминьдановцев.

Представляя успех Ляошэньской операции исключительно как результат «личного руководства», «конкретных и своевременных указаний»

¹² Эта группировка, по признанию «Хунци», составляла по численности свыше 1/3 всех вооруженных сил, которыми располагала в тот период КПК.

¹³ «Хунци», 1974, № 4.

¹⁴ Там же.

Мао Цзэ-дуна, маоистская пропаганда тем самым отводит командирам, практически руководившим боевыми действиями, роль простых исполнителей воли «вождя» и «полководца». Сейчас, когда под прикрытием кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» в Китае основной удар фактически наносится по многим местным военным руководителям (в прошлом активным участникам вооруженной борьбы с гоминьдановцами), такой подход помогает маоистам расправиться с инакомыслящими, с ветеранами революции.

В целом вопрос о значении Маньчжурской революционной базы приобретает в последнее время в Китае новое политическое звучание. Летом 1974 г. по указанию маоистского руководства по всей стране развернулась новая волна дискредитации руководства вооруженных сил Маньчжурской революционной базы. Под предлогом критики «военной линии Линь Бяо» охаивается и искажается весь ход освободительной борьбы и военных операций вооруженных сил в Маньчжурии, особенно Ляошэньского и Пекин-Тяньцзиньского сражений.

Сейчас уже не только в печати, но и в закрытой пропаганде на основе так называемого фактического материала китайскому населению упорно вколачивается мысль о том, будто «председатель Мао лично разработал и лично руководил Ляоси-Шэньянским сражением, благодаря которому в ноябре 1948 г. был полностью освобожден Северо-Восток», и будто «председатель Мао является руководителем и организатором освободительной войны на Северо-Востоке страны».

Пекинская пропаганда компрометирует не только военный опыт Маньчжурской революционной базы, но и социально-экономические мероприятия, которые проводились в Маньчжурии.

Ведущаяся сейчас в КНР политическая кампания по дискредитации Линь Бяо, а вместе с ним партийных организаций, всех военных и гражданских кадров Маньчжурской революционной базы имеет многоплановое назначение. Это не только стремление скомпрометировать роль Маньчжурской революционной базы и непомерно возвысить авторитет Мао Цзэ-дуна на заключительном этапе борьбы китайского народа за свое освобождение. Это одновременно и попытка всячески принизить значение Советского Союза, его армии, оказавшей прямое содействие в укреплении главного военно-стратегического плацдарма революции в 1945—1949 гг. — Маньчжурской революционной базы.

Иностранная печать, зарубежные китаеведческие круги внимательно анализируют и широко комментируют проходящую сейчас в Китае кампанию по переоценке военных событий 1948—1949 гг. Не вдаваясь в детали «клановой» борьбы в пекинской верхушке, буржуазная историография главное свое внимание сосредоточивает на том, что группа Мао Цзэ-дуна в ходе нынешней кампании стремится фактически принизить авторитет и значение Маньчжурской революционной базы, ее автономное значение в период 1945—1949 гг. Одновременно делается попытка скомпрометировать роль Советского Союза в разгроме милитаристской Японии и в оказании помощи китайским революционным силам.

Уместно вспомнить, что в политической и идеологической кампании маоистов против кадров Маньчжурской революционной базы на протяжении ряда лет ведутся различные гонения. Многие из них были репрессированы. В течение длительного периода времени Мао Цзэ-дун и его ближайшие сторонники тем или иным способом (вплоть до физического уничтожения) избавлялись от руководящих кадров КПК, принимавших активное участие в операциях маньчжурской группировки войск КПК. Так, в 1954—1955 гг. в ходе так называемого «дела Гао Гана — Жао Шу-ши» (инициатором которого был Мао Цзэ-дун) Гао Ган, руково-

дивший в то время партийной организацией Маньчжурии, был вначале снят с этого поста, а затем без каких-либо доказательств о его выступлениях против линии партии репрессирован и погиб при неясных обстоятельствах.

При анализе «дела Гао Гана — Жао Шу-ши» обращает на себя внимание тот факт, что оба они руководили партийными организациями крупнейших промышленных районов — Маньчжурии и Восточного Китая (включая Шанхай). Ни Гао Ган, ни Жао Шу-ши не принадлежали к непосредственному окружению Мао Цзэ-дуна. Гао Ган, вступив в КПК в 1926 г., работал в провинциях Шэньси и Ганьсу и встретился с Мао Цзэ-дуном лишь осенью 1935 г.

Таким образом, ход гражданской войны (в частности, в Маньчжурии), навязанной революционными силами чанкайшистами, ярко показывает значение и роль Маньчжурской революционной базы. Именно этот плацдарм революции обеспечил решающие военные победы китайского народа в борьбе за свое освобождение.

Это обстоятельство маонисты стремятся сейчас всячески затушевать или исказить, вставая на путь фальсификаций и подлога о подлинной роли Маньчжурской революционной базы в военных действиях в 1945—1949 гг.

Но не только своими военными успехами эта база обеспечила себе высокий авторитет в революции. Социально-экономические преобразования, проведенные здесь при широком использовании советского опыта, стали подлинной школой социализма для китайских трудящихся, для КПК.

Партийные организации КПК действовали в Маньчжурии при опоре на многочисленный рабочий класс, занятый в передовых отраслях промышленности. Во время пребывания Советской Армии в Маньчжурии китайские кадры, особенно в Порт-Артуре и Дальнем, обучались социалистическим методам хозяйствования. Маньчжурия фактически явилась экспериментальной школой социализма, опыт которой активно был использован в первом десятилетии существования КНР.

Маньчжурская база выполняла также функции крупнейшего политического центра китайской революции. В рассматриваемый период, особенно после 1947 г., центр революции переместился из Яньани, захваченной гоминьдановцами, в Маньчжурию, где концентрировались основные революционные силы, функционировал военно-промышленный комплекс. Партийные организации КПК, опиравшиеся на большой отряд рабочего класса, на союз с широкими массами крестьянства, ковали здесь окончательную победу китайской революции.

Большое значение для организационного и политического единства рабочего движения Китая и укрепления его руководящей роли в революции имел VI Всекитайский съезд профсоюзов, созванный в Харбине 1 августа 1948 г. На съезде присутствовали делегаты освобожденных районов и представители районов, контролируемых гоминьданом. Съезд обсудил важнейшие вопросы рабочего движения в Китае, восстановил Всекитайскую федерацию профсоюзов и избрал ее руководящий орган, а также сформулировал общие цели и задачи рабочего класса Китая.

Съезд обсудил текущие задачи профсоюзного движения, вопросы международного профдвижения, борьбы трудящихся гоминьдановских районов, принял Устав Всекитайской федерации профсоюзов, избрал Исполком федерации и делегатов на Всемирный конгресс профсоюзов. В работе съезда ведущую роль играли профсоюзы рабочих Маньчжурии. Их представители составляли примерно половину членов президиума съезда. Основной доклад сделал представитель Северо-Восточного бю-

ро ЦК КПК Чэнь Юнь. Он был избран председателем Всекитайской федерации профсоюзов.

Всекитайский съезд профсоюзов сыграл крупную роль в обеспечении окончательной победы над гоминьдановской реакцией и в последующие периоды китайской революции. Для иллюстрации роли рабочего класса в Маньчжурии в партийных организациях можно привести следующие данные. Социальный состав КПК в середине 1949 г. выглядел следующим образом: из 150 тыс. партиячек свыше 80% составляли сельские ячейки, в том числе в Восточном Китае — 91, в Северном Китае — 88 и лишь в Маньчжурии — 60%.

Рассматривая роль Маньчжурской революционной базы в национально-освободительной борьбе китайского народа, нельзя не учитывать «контекста» политической борьбы, гражданской войны и хода социально-экономических преобразований, происходивших в Маньчжурии во второй половине 40-х годов с помощью и под благотворным влиянием Советского Союза. Этот международный фактор в громадной степени благоприятствовал развитию и укреплению революционной базы в Маньчжурии, способствовал успеху борьбы китайского народа за освобождение от внутренней реакции и империалистического господства.

Важное значение в 1945—1949 гг. в разработке конкретных политических установок и социально-экономических мероприятий КПК в масштабах всей страны, в том числе и в Маньчжурии, имели непосредственные контакты между КПК и КПСС, которые осуществлялись сначала в Яньани, а затем в Маньчжурии и в Москве.

Для этих целей ЦК нашей партии принимал в Москве видных деятелей КПК. По всем принципиальным вопросам шел регулярный обмен мнениями между Центральными Комитетами КПСС и КПК путем переписки и личных контактов. В свое время китайское руководство выражало признательность и благодарность ЦК нашей партии за неоценимую теоретическую и практическую помощь Компартии Китая в выработке политики основ государственного и экономического строительства КНР, принципов внешней политики народного государства.

Для координации действий внутри Китая и на международной арене в Маньчжурии постоянно находилась группа ответственных представителей КПСС, крупные военные и хозяйственные руководители.

Своеобразной столицей Маньчжурской революционной базы — этого обширного района, где создавался прообраз будущей КНР, был город Харбин. Здесь работало Северо-Восточное бюро ЦК КПК, была ставка основной ударной силы революционных войск Китая — Объединенной демократической армии (ОДА)¹⁵. В этом же городе размещался Северо-Восточный административный комитет (СВАК), осуществлявший исполнительную власть в освобожденных районах Маньчжурии. В Харбине находилось Генеральное консульство СССР, отделение Торгпредства СССР, советская часть управления КЧЖД, отделение Всесоюзной конторы «Дальнештранс» и Всесоюзного объединения «Экспортхлеб», а также правление и предприятия акционерного общества «И. Я. Чурин», основными акционерами которого были советские внешнеторговые объединения.

В период становления и укрепления революционной базы в Маньчжурии здесь находилась большая группа советских партийных и хозяйственных кадров, высококвалифицированных специалистов, которые практически помогали китайским революционерам, передавали недостающий

¹⁵ С января 1948 г. была переименована в Северо-Восточную народно-освободительную армию. — «Дунбэй жибао», 1. I. 1948.

им опыт в социально-экономической, партийной и хозяйственной областях с учетом условий, приближенных к периоду победы революции и создания КНР.

Важное значение имеют факты о содействии Советского Союза в строительстве Народной армии Китая, в частности об огромной помощи регулярным и партизанским войскам в Маньчжурии. Эта помощь позволила превратить народную армию в мощный фактор, обеспечивший окончательную победу китайской революции. Общеизвестно, что некоторые ведущие китайские военачальники получили специальное образование в СССР. Еще в годы антияпонской войны сотни командиров Народной армии Китая проходили военную подготовку в СССР.

Интересны признания в США по поводу военной и политической поддержки КПК со стороны СССР. «В Маньчжурии китайские коммунисты завладели весьма значительными запасами японских военных материалов, после того как Советы эвакуировались из этого района, — факт, который вряд ли можно расценить как случайное совпадение... Кроме того, выбор момента для вывода советских войск и способ, каким он был осуществлен, обеспечили китайским коммунистам значительные территориальные приобретения».

Полученное революционными войсками вооружение только на первом этапе и только на двух из трех действовавших на Востоке фронтах Советской Армии включало более 3700 орудий, минометов и гранатометов, 600 танков, 861 самолет, около 1200 пулеметов, около 680 различных складов, а также корабли Сунгарийской речной военной флотилии¹⁶.

Большой военный опыт китайские революционеры приобретали в Порт-Артуре. Эта база, переданная в последующем китайскому народу со всем ее новейшим оборудованием и вооружением, явилась важнейшим фактором в упрочении обороноспособности КНР, особенно ее военно-морских рубежей, школой подготовки китайских военных кадров.

Много было сделано для развития экономики Маньчжурской революционной базы. Особое значение приобрело содействие СССР в восстановлении и развитии коммуникаций. «Среди советских работников, прибывших в Китай, — подчеркивала заместитель председателя КНР Сун Цин-лин, — первыми были советские инженеры. Они работали над сложными вопросами оказания помощи, которая сделала возможным восстановление нашей железнодорожной сети на много месяцев раньше, чем было запланировано. Они сделали свою работу и ничего не попросили за это»¹⁷.

Если суммировать анализ заключительного этапа китайской революции и роли СССР в укреплении Маньчжурской революционной базы, то можно выделить следующие моменты.

Международный фактор, и прежде всего поддержка борьбы китайского народа со стороны Советского Союза, мирового революционного движения, наряду с самоотверженной борьбой китайских трудящихся сыграл решающую роль в достижении окончательной победы революции в Китае.

За 13 лет оккупации японскими милитаристами Маньчжурия превратилась в мощную укрепленную базу Японии на Дальнем Востоке, плацдарм для борьбы против революционных сил Китая, против Советского Союза. Тем важнее была победа советского оружия, тем весомее был вклад нашей страны в революционную борьбу братского китайского народа.

¹⁶ О. В л а д и м и р о в. Незабываемые страницы истории и маоистские фальсификаторы. М., 1973.

¹⁷ «Народный Китай». Пекин, 1950, № 1 (на англ. яз.).

Решительные и молниеносные действия советских войск сохранили в основном без разрушений военно-стратегические сооружения, промышленный потенциал Маньчжурии. Все это было передано в руки революционных сил и неизмеримо повысило их боеспособность.

В 1945—1946 гг. в Маньчжурии находилась Советская Армия, в ее присутствии проводились демократические преобразования, укреплялись революционные силы. Находившиеся в Порт-Артуре советские войска непосредственно прикрывали Маньчжурию с моря. Именно из Маньчжурии (из этого «города», а не из «деревни») в 1947—1948 гг. началось генеральное наступление на гоминьдано-американскую реакцию.

В 1945—1949 гг. в Маньчжурии с помощью Советского Союза начался бурный процесс подготовки народных вооруженных сил, кадров, коммуникаций для решительного штурма за освобождение Китая от оков империализма и феодализма, проводились широкие демократические преобразования. Революционные войска в Маньчжурии были оснащены в достаточном количестве оружием и боеприпасами, переданными Советской Армией.

Победа революции в Китае была бы невозможной или потребовала бы многих жертв и времени, если бы Советский Союз в этот период не вел сложной и искусной дипломатической борьбы в интересах китайского народа с использованием своего международного авторитета. В результате было сорвано широкое прямое вмешательство США. Наша страна своей борьбой на международной арене и путем оказания непосредственной помощи китайским революционным силам отстояла интересы китайского народа, не допустила разгрома сердцевины освободительного движения в 40-х годах — Маньчжурской революционной базы. СССР вывел свои войска из Китая с учетом интересов освободительной борьбы. Советский Союз в этот сложный период эффективно использовал на благо китайской революции договор и соглашения с Китаем (1945), свое присутствие в Маньчжурии, в том числе в Порт-Артуре, на КЧЖД.

Развитие обстановки в Маньчжурии характеризовалось тем, что после периода накопления революционных сил в условиях временных успехов гоминьдановских войск наступил резкий перелом в пользу Компартии Китая, который завершился стремительным наступлением народных вооруженных сил из Маньчжурии на Юг страны, крахом гоминьдана, покровительствуемого США, образованием КНР.

Партийные организации, рабочий класс и армия Маньчжурской революционной базы при международной поддержке и практической помощи Советского Союза хорошо провели всестороннюю подготовку к противоборству с гоминьданом.

Совершенно закономерен тот факт, что именно вооруженные силы, сформированные в Маньчжурии, оказались на острие борьбы и с успехом выдержали экзамен, выиграли два из трех основных сражений на заключительном этапе революции и, действуя совместно с другими армейскими группировками, принесли народу окончательную победу.

Непосредственная помощь Советского Союза в укреплении Маньчжурской революционной базы — еще один яркий пример интернационализма КПСС, нашей страны. Эта помощь оказывалась в сложных условиях. Ее значение и роль, обеспечившие всестороннюю подготовленность базы к решающим боям, хорошо понимали коммунисты-интернационалисты, особенно в партийных организациях Маньчжурии. Вот почему в ходе многочисленных кампаний Мао Цзэ-дун и его группа репрессировали значительную часть коммунистов-интернационалистов, прошедших партийную и боевую закалку в Маньчжурии. Маоисты и в на-

стоящее время продолжают свою кампанию политической дискредитации роли Маньчжурской революционной базы и ее кадров.

В настоящее время некие руководители пытаются фальсифицировать многие факты, относящиеся к периоду 1945—1946 гг., представить свою позицию в выгодном свете.

Этап мирного развития революции и борьбы в 1945—1946 гг. был объективно необходим и выгоден для КПК, он был наполнен острыми политическими схватками с силами реакции, ростом авторитета компартии, ее вооруженных сил.

Вот почему в 1945 г. единственно верной линией ЦК КПК был курс на мирное противоборство с гоминьданом. Речь шла о том, чтобы с помощью дипломатических и политических шагов сохранить и укрепить силы китайской революции, подготовить их для последующего наступления и обеспечить быструю победу.

Националистическая часть руководства КПК не понимала или не хотела понимать, что этап политической борьбы не только в период антияпонской войны, но и в 1945—1946 гг. (когда Чан Кай-ши и его армия еще имели превосходящие силы и располагали мощной поддержкой в лице американского империализма, а силы компартии были еще распылены) в первую очередь давал преимущества китайской революции. Сочетание политических и дипломатических форм борьбы с одновременным накоплением военного потенциала для нанесения решающего удара было единственно верным решением на этом этапе китайской революции.

Мирные переговоры КПК с гоминьданом в 1945—1946 гг. позволили революционному лагерю в Китае выиграть время и накопить силы для успешного противоборства с реакцией. Эта позиция исходила из указанного понимания тактики и стратегии китайской революции на том этапе, из трезвого учета складывающегося соотношения сил как в Китае, так и на международной арене.

В курсе нашей партии в 1945—1949 гг. неизменно содержалось требование к США о невмешательстве во внутренние дела Китая и о пунктуальном соблюдении союзнических обязательств.

Помощь Советского Союза революционным силам Китая, помимо принципиальной стороны дела, была вызвана грубым нарушением имеющихся политических соглашений по Китаю, договора между СССР и Китаем от 14 августа 1945 г. и соглашений между гоминьданом и КПК. В таких условиях Советский Союз не мог себя вести иначе, не мог не вести решительной борьбы на дипломатическом фронте против вмешательства США во внутренние дела Китая, не осуждать чанкайшистский режим за срыв политических решений и в то же время не мог не помогать всеми силами китайскому освободительному движению.

Наконец, самое главное — во взаимоотношениях с Китаем наша партия и народ никогда ни на йоту не отступали от своего классового интернационального долга по отношению к революционному делу китайского народа.

На этот счет имеются ясные ленинские указания и четкая доктрина нашей партии о соотношении государственного курса с революционными задачами КПСС. Наш народ много раз доказывал свою верность революционным идеалам, пролетарскую солидарность с национально-освободительным движением.

Обобщая выводы о роли Маньчжурской базы в китайской революции, следует подчеркнуть следующие основные аспекты.

В военном отношении Маньчжурская революционная база и ее вооруженные силы в тяжелых боях сохранили свою самостоятельность, защитили свои границы от гоминьдановских войск и обеспечили мирное развитие народно-демократической Маньчжурии, гарантировали стабилизацию экономического и внутрисполитического положения в районе. Революционные силы в Маньчжурии опирались на передовой советский военный опыт, их костяком являлись регулярные войска.

В экономическом отношении освобожденная Маньчжурия в период своего самостоятельного развития во второй половине 40-х годов при активном содействии и помощи СССР и с использованием его опыта значительно усилила свой экономический потенциал и превратилась в развитую военно-промышленную базу, которая удовлетворяла экономические и военные потребности не только Маньчжурии, но и частично революционных сил других освобожденных районов Китая. Восстановление и развитие промышленности и сельского хозяйства в Маньчжурии явились существенной поддержкой молодой Китайской Народной Республики сразу после ее создания, в восстановительный период. Сердцевиной тяжелой индустрии КНР стали крупные металлургические, машиностроительные, химические, оборонные и другие предприятия Маньчжурии, построенные или реконструированные с помощью Советского Союза.

В социально-политическом плане в период пребывания в Маньчжурии Советской Армии и после ее вывода партийные организации, народно-демократические органы власти, сформированные в этом районе, получили возможность осуществить здесь широкие революционные преобразования, которые значительно расширили социальную базу КПК, привлекли на ее сторону широкие массы трудящихся. Маньчжурская база стала подлинной школой социализма.

Социально-экономические мероприятия в Маньчжурии проводились на принципах научного социализма, с использованием опыта Советского Союза и учетом конкретных условий Китая. Революционные преобразования осуществлялись под руководством КПК при ведущей роли рабочего класса, имевшего в Маньчжурии серьезный вес и влияние. Маньчжурский рабочий класс — этот передовой отряд китайской революции — опирался на прочный союз с трудовым крестьянством, объединял все слои населения района на борьбу за реализацию ближайших и перспективных задач революции.

Опыт Маньчжурии опровергает домыслы оппортунистов гароднистского толка, доказывающих, будто «социализм был экспортирован в Китай», что «он не имеет там перспективы в силу специфики страны» и т. п. Этот опыт демонстрирует также банкротство маонистской теории «новой демократии», выдвигавшейся Мао Цзэ-дуном в качестве «особой» китайской альтернативы научному социализму. Практика переустройства общества и социально-экономических преобразований в Маньчжурской революционной базе доказывает, что они могут осуществляться по классическим образцам теории научного социализма (экспроприация частной собственности в промышленности и сельском хозяйстве, плановый переход общества к социалистическому укладу и др.).

В идеологическом отношении опыт Маньчжурии показывает, что борьба интернационалистской и националистской линий в КПК в ходе становления и укрепления Маньчжурской революционной базы носила довольно острый характер. Не случайно маонисты стремятся сейчас всячески скомпрометировать маньчжурский опыт, дискредитировать кадры, работавшие здесь. Сама обстановка, в которой трудились и боролись коммунисты Маньчжурии, воспитывала у них чувство интернационализма, преданности идеалам марксизма-ленинизма. Коммунисты в своей 'эко-

номической деятельности, в проведении социальных и демократических преобразований убеждались в преимуществах опыта Советского Союза. Они проникались доверием к принципам научного социализма и становились стойкими носителями идей марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма. Все это, в свою очередь, превращало многочисленный отряд кадровых работников, передовых элементов в партии в костяк революционных вооруженных сил, в активную оппозицию националистическому курсу группы Мао Цзэ-дуна.

Партийная организация Маньчжурской революционной базы отличалась от других баз довольно крепким социальным составом. Она меньше других была подвержена националистическим вывихам, засоренности своих рядов, хотя, разумеется, и в Маньчжурии имели место проявления оппортунистического, антимарксистского толка.

Выступая на торжественном заседании в Берлине по случаю 25-летия образования ГДР, тов. Л. И. Брежнев говорил, что «по воле маонистских руководителей Китай пошел по пути разрыва с социалистическими странами и борьбы против них, по пути смыкания с самыми агрессивными силами мировой реакции и их поощрения»¹⁸.

Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев выразил убежденность, что «такое неестественное положение не может длиться бесконечно. Эта мрачная страница в истории народа Китая, в истории его отношений с социалистическими государствами будет неизбежно перевернута самим китайским народом»¹⁹.

Можно надеяться, что будут перевернуты и черные страницы маонистских фальсификаций истории революции в Китае и будет восстановлена правда о событиях, фактах и людях, внесших свой громадный вклад в освободительную борьбу братского китайского народа.

Отмечая 30-летие разгрома Японии, советские люди выражают свое уважение всем революционным силам, которые вместе с Советской Армией обеспечили великую победу на Дальнем Востоке, способствовали завершению революционных процессов в Китае, Вьетнаме, Корее.

¹⁸ «Правда», 7. X. 1974.

¹⁹ Там же.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Новая страница в истории Вьетнама

С. И. Иваньшин, И. А. Осотов

30 апреля 1975 г., развивая начатое в марте наступление и всеобщее восстание, патриотические силы и народ Южного Вьетнама освободили Сайгон — последний оплот реакционного марионеточного режима. Завершилась длительная и самоотверженная борьба вьетнамского народа за свободу и независимость своей родины, начавшаяся без малого 30 лет назад, когда по призыву Партии трудящихся Вьетнама население страны поднялось на защиту завоеваний Августовской революции и первого в Юго-Восточной Азии государства народной демократии — ДРВ от посягательств французских колонизаторов.

За истекшие три десятилетия освободительная борьба во Вьетнаме прошла через ряд этапов, включая этап героического сопротивления вьетнамского народа на Севере и Юге страны агрессии американского империализма в 1965—1973 гг. и борьбы за выполнение Парижского соглашения 1973 г. по Вьетнаму. Победы, одержанные на всех предыдущих этапах и подготовившие нынешний, решающий успех патриотических сил на Юге, стали возможны благодаря таким факторам, как руководство борьбой народных масс со стороны марксистско-ленинской Партии трудящихся Вьетнама — боевого авангарда всего вьетнамского народа, умелое сочетание военных, политических и дипломатических форм борьбы, наличие прочной базы вьетнамской революции в лице социалистического Северного Вьетнама. Торжество правого дела Вьетнама — это общая победа всех социалистических стран, оказывавших вьетнамскому народу на всем протяжении его героической борьбы широкую и действенную поддержку, большой успех прогрессивных и миролюбивых сил. Как отмечалось в приветственном послании Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева Обществу вьетнамо-советской дружбы по случаю 25-летия его создания, «победы вьетнамского народа — новое убедительное свидетельство великой жизненной силы марксистско-ленинского учения, мощи и боевой солидарности социалистических стран, единства всех антиимпериалистических сил в борьбе за мир, демократию, национальную независимость и социализм».

Одержав историческую победу на Юге, вьетнамский народ достиг цели национального освобождения своей родины и получил возможность приступить к практическому осуществлению задач народно-демократической революции в Южном Вьетнаме параллельно с продолжением социалистического строительства на Севере.

Многолетнее хозяйничанье сайгонских марионеток и империалистов на части территории Южного Вьетнама привело к глубоким негативным изменениям в экономике, социальной структуре и культурном облике

районов, находившихся под их контролем. Уроdlивое, однобокое развитие экономики, ориентированной на обслуживание оккупационных и марionеточных войск и компрадорско-милитаристской верхушки режима; ее зависимость от ввоза готовых изделий, полуфабрикатов и сырья из-за границы; инфляция и массовая безработица; перенаселенность городов и запустение сельских районов, жители которых десятилетиями подвергались насильственному перемещению в ходе выполнения «программ умиротворения»; многотысячная армия деклассированных элементов, людей, развращенных и духовно опустошенных под влиянием длительного господства разложившейся сайгонской «элиты», пагубное воздействие чуждой Вьетнаму западной «цивилизации» и антикоммунистической пропаганды — таково тяжелое наследие, оставленное вьетнамскому народу рухнувшим режимом на Юге страны.

Избавление от этого наследия, являющегося препятствием на пути к созданию подлинно демократического строя, независимой процветающей экономики, национальной прогрессивной культуры в Южном Вьетнаме — первоочередная задача, к решению которой вьетнамский народ приступил сразу же после освобождения Сайгона.

Деятельность народной власти в лице ВРП РЮВ и военно-административных комитетов по коренному преобразованию жизни на освобожденной земле Юга, как и само освобождение Сайгона и других южновьетнамских городов патриотами в апреле 1975 г., встретила горячую поддержку со стороны подавляющего большинства населения. «С первых же недель существования революционной власти, — говорил премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг на сессии Национального собрания ДРВ 5 июня 1975 г., — произошли глубокие революционные изменения. Если еще вчера районы, контролируемые противником, являли собой картину беспорядка, чего-то прогнившего и грязного, то сегодня они охвачены радостью. Народные массы глубоко взволнованы тем, что принесла революция... Трудовой народ и все патриотические слои населения стремятся внести свой вклад в быструю стабилизацию обстановки, скорейшее возвращение к нормальной жизни».

Опираясь на поддержку населения, а также на широкую братскую помощь трудящихся Северного Вьетнама и правительства ДРВ, органы народной власти на Юге сумеют в короткий срок добиться значительно-го прогресса в решении всесторонних и перед ними многочисленных сложных проблем.

В Сайгоне и других южновьетнамских городах и районах Южного Вьетнама предприняты решительные меры по обеспечению общественной безопасности и обеспечению твердой политикой ВРП против марionеточной власти и ее вооруженных сил. Проведены работы по изъятию у них оружия. Бол-шинство населения занято мирным трудом. Революционные действия направлены на ликвидацию актов бандитизма и хулиганства.

В освобожденных районах Южного Вьетнама для обеспечения порядка и общественной безопасности совместно с теми, кто в прошлом боролся против режима, приняты меры к изъятию у них оружия. Многие из них имеют возможность заниматься мирным трудом. Проводятся работы по наказыванию контрреволюционных элементов и обеспечению общественного спокойствия.

Установление и последовательное укрепление революционного порядка и законности позволяют не только надежно защищать завоевания революции в Южном Вьетнаме, но и осуществлять насущные меры для налаживания хозяйственной деятельности, стабилизации жизненного уровня населения. Цены на товары первой необходимости поддерживаются на устойчивом уровне. Наиболее нуждающимся семьям оказывается помощь продовольствием. Сотни предприятий и учреждений обслуживания населения возобновили нормальную деятельность. Налажена рабо-

та транспорта и связи, восстановлены почти все мосты, энергично ведется восстановление железных и шоссежных дорог.

С помощью органов народной власти сотни тысяч переселенцев вернулись в родные места и приступили к обычным занятиям. Крестьяне вновь сеют и собирают урожай риса, поднимают целину и залежи, восстанавливают старые и строят новые ирригационные сооружения.

Не менее глубокие и всесторонние преобразования осуществляются народной властью в сфере духовной жизни — в области культуры и идеологии. Средства массовой информации (точнее — дезинформации) и пропаганды марионеточного режима прекратили свое существование. Органы печати Освобождения и перешедшие в руки народа радио- и телевизионные центры, художественные коллективы и выставки, организованные революционными силами, ведут повседневную работу по воспитанию населения в духе национальных, демократических, прогрессивных идей, успешно добиваются искоренения влияния реакционной, империалистической пропаганды.

«Самый выдающийся успех жителей недавно освобожденных районов — это строительство и развитие собственных сил», — писала газета «Нян Зан» 30 мая 1975 г. Народ в Южном Вьетнаме, избавившись от господства марионеточного режима, берет в собственные руки управление всеми делами страны, реально осуществляет право хозяина своей судьбы. Десятки и сотни тысяч людей участвуют в рабочих, крестьянских, женских, молодежных, студенческих и других организациях Освобождения. Представители молодежи добровольно вступают в освободительную армию, отряды милиции и самообороны, чтобы участвовать в защите родины и поддержании общественного порядка и безопасности. В провинциях, городах, общинах создается система органов революционной власти, эффективно осуществляющих функции государственного аппарата.

Народно-демократическая революция в Южном Вьетнаме успешно развивается и набирает темпы. Разумеется, решение стоящих перед ней задач требует времени. Проблемы, связанные с преобразованиями в жизни южновьетнамского общества в духе подлинной демократии, и особенно вопросы развития национальной экономики, обеспечения благосостояния населения, трудны и сложны. «Однако то, что происходило на Юге нашей страны, как раньше, так и сейчас, то, что происходило там в последний месяц, поможет революционной власти под руководством партии решить эти важные и неотложные проблемы», — говорил тов. Фам Ван Донг в докладе на первой сессии Национального собрания ДРВ пятого созыва.

Достигнутые вьетнамским народом успехи в закреплении и расширении завоеваний революции в Южном Вьетнаме, налаживании производства и стабилизации жизненного уровня населения создают реальные предпосылки для решения исторической задачи вьетнамской нации — создания и развития мирного, единого, независимого, демократического и процветающего Вьетнама.

Победа, одержанная весной 1975 г., выразившаяся в ликвидации марионеточного режима и полном освобождении страны, — это результат многолетних усилий всего вьетнамского народа. «Ныне вьетнамский народ завершил дело освобождения Южного Вьетнама, — говорил премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг. — Весь этот процесс борьбы и побед является одновременно процессом строительства, укрепления и развития социализма в ДРВ — мощной базы революционного дела всего вьетнамского народа».

Задачи социалистического строительства на Севере страны, определенные в решениях III съезда Партии трудящихся Вьетнама в 1960 г.,

всегда рассматривались в тесной связи с борьбой за реализацию основных национальных чаяний вьетнамского народа. «Северный Вьетнам, — указывал тов. Ле Зуан в выступлении по случаю 40-й годовщины Партии трудящихся Вьетнама в 1970 г., — должен прилагать самые большие усилия, расширять производство, постепенно стабилизировать жизнь народа, укреплять экономический и оборонный потенциал, выполнять обязанности большого тыла по отношению к большому фронту и продолжать строительство социализма».

Каждое конкретное достижение трудящихся ДРВ на этом пути было вкладом в общенациональное дело всего Вьетнама. Чем очевиднее были успехи социалистического строительства в Северном Вьетнаме, тем большее воздействие оказывал сам факт существования форпоста социализма в Юго-Восточной Азии на подъем национально-освободительного движения в Южном Вьетнаме и других странах Индокитайского полуострова.

Подписание в Париже 27 января 1973 г. соглашения, положившего конец агрессии американского империализма во Вьетнаме, было расценено мировой общественностью как большая победа всего вьетнамского народа, открывшая новые возможности продвижения Вьетнама по пути мира, независимости и прогресса. Как говорил в Кремле 30 января 1973 г. тов. Л. И. Брежнев, «был сделан решающий шаг на пути полного восстановления мира на вьетнамской земле. Демократическая Республика Вьетнам возвращается к созидательному труду, она получила возможность сосредоточить свои силы на социалистическом строительстве, возникают новые перспективы в осуществлении завета президента Хо Ши Мина — создания мирного воссоединенного демократического Вьетнама».

Два года, отделяющие дату подписания Парижского соглашения от того дня, когда в Южном Вьетнаме восставшим народом был свергнут марионеточный режим, показывают, насколько последовательно боролась Партия трудящихся Вьетнама, население Демократической Республики Вьетнам, опирающиеся на помощь и поддержку СССР и других братских социалистических стран, за решение вставших перед ними в новых условиях задач. Важнейшие документы Партии трудящихся Вьетнама и правительства ДРВ, относящиеся к 1973—1974 гг., наглядно свидетельствуют о подлинно миролюбивом, отвечающем интересам всего вьетнамского народа курсе, который партия прокладывала на новом этапе вьетнамской революции. «На новом этапе, — отмечалось в решениях XXII пленума ЦК ПТВ (январь 1974 г.), — общая задача Северного Вьетнама состоит в том, чтобы сплотить весь народ, бороться за сохранение мира, всемерно претворять в жизнь социалистическую индустриализацию, форсировать проведение трех революций (техническая революция, революция в производственных отношениях и культурная революция. — Прим. авт.), создавая Северный Вьетнам, идущий ускоренными темпами, могучей и уверенной поступью вперед к социализму; сочетать развитие экономики с укреплением обороноспособности, повышать бдительность, быть готовыми сорвать любые происки американских империалистов и их марионеток; стремиться до конца выполнить свой долг в отношении революционной борьбы за окончательное установление в Южном Вьетнаме независимости и демократии, за мирное воссоединение родины; до конца выполнить свой интернациональный долг в отношении революционного движения в Лаосе и Камбодже».

Эта конкретная программа деятельности, ее практическая реализация в 1974—1975 гг. вновь продемонстрировали жизненную силу социализма, прочность его позиций во Вьетнаме. Успехи, достигнутые трудящимися ДРВ в эти годы, вдохновляли патриотов Южного Вьетнама. Используя помощь своих братьев на Севере страны, поддержку социалисти-

ческих государств и мировой прогрессивной общественности, патриоты Южного Вьетнама активно проводили общедемократические преобразования и стабилизацию жизни в контролируемых ими зонах, осуществляли защиту освобожденных районов от вооруженных посягательств сайгонских марионеточных властей.

Разделяя со своими южновьетнамскими соотечественниками радость по случаю великой победы, открывшей новую страницу в истории Вьетнама и освободительного движения народов Азиатского континента, трудящиеся социалистического Севера ставят перед собою новые, еще более сложные задачи, решение которых будет способствовать быстрейшему продвижению страны по пути единства. «Перед социалистическим Севером, — говорил на состоявшейся в июне 1975 г. первой сессии Национального собрания ДРВ пятого созыва тов. Фам Ван Донг, — стоит много новых трудных и важных задач. Сейчас, как никогда, население Севера должно еще быстрее восстанавливать и развивать экономику, культуру, строить материально-техническую базу социализма для удовлетворения всевозрастающих потребностей самого Севера и одновременно для удовлетворения новых, очень больших потребностей полностью освобожденного Юга. Поэтому очевидно, что построение социализма на Севере в настоящее время должно исходить из потребностей обоих районов страны, и нужно использовать преимущества каждого из районов для успешного и надежного решения всех насущных проблем в интересах народа всей страны». Таким образом, на новом этапе роль Северного Вьетнама как базы развития революции не только сохраняется, но и приобретает еще большее значение как стимулирующий фактор демократических преобразований на Юге, преодоления тяжелого наследия многолетнего господства в Южном Вьетнаме колонизаторов, как «большой тыл», содействующий продвижению РЮВ по пути национального согласия, демократии и прогресса.

Партия трудящихся Вьетнама видит только один путь к решению новых больших задач — повысить производительность труда, организовать работу предприятий и организаций таким образом, чтобы перевыполнялись задания государственного плана, установленные в начале года, то есть не учитывавшие потребностей Юга. Как отмечал тов. Фам Ван Донг, «мы должны превратить Север в большую стройку социализма, на которой работают все и работают с высокой производительностью».

Одной из конкретных задач, которые партия ставит перед народом, является подготовка к выполнению плана 1976 г. и 5-летнего плана 1976—1980 гг. При этом основной упор делается на обеспечение продовольствием, на решение проблем сырья, материалов и запасных частей с тем, чтобы в максимальной степени использовать потенциальные возможности промышленности, на необходимость концентрировать усилия для выполнения планов производства, восстановления разрушенных объектов и строительства новых.

Основа для выполнения этих заданий заложена в 1973—1974 гг., когда трудящиеся ДРВ, сочетая восстановительные работы с осуществлением курса на социалистическую индустриализацию страны, сделали многое для того, чтобы вернуть к жизни важнейшие предприятия, составляющие основу современной промышленности Вьетнама, которые были разрушены и повреждены в годы войны. В 1974 г., например, были практически восстановлены все объекты угольной промышленности. Выработка электроэнергии в 1974 г. уже вдвое превышала уровень 1965 г. и составила примерно 1200 млн. квт·ч. В 1973 г., когда было подписано Парижское соглашение, хайфонский цементный завод, неоднократно подвергавшийся налетам американской авиации, производил лишь 60% объ-

ема продукции предвоенного 1964 г. В нынешнем году в результате восстановительных работ есть возможность поднять этот показатель до 70%.

Сразу же после ликвидации марионеточного режима на Юге страны трудящиеся Севера пришли на помощь своим южновьетнамским братьям. Это выразилось в той широкой кампании солидарности, которая развернулась буквально на всех предприятиях, в учреждениях и кооперативах Северного Вьетнама. Крестьяне берут на себя повышенные обязательства по сдаче государству риса весеннего урожая, чтобы тем самым уже сегодня, сейчас, оказать помощь Югу. Вскоре после освобождения древней столицы Вьетнама — Хюэ рабочие Ханоя направили жителям этого города автопоезд с грузами помощи. Регулярно в сайгонский порт приходят суда с Севера, которые доставляют продовольствие, технику и другие товары и материалы, необходимые для нормализации жизни на Юге. В этих действиях находят воплощение та безграничная любовь к родине, то неистребимое стремление к ее единству, которые воспитали во вьетнамском народе президент Хо Ши Мин и созданная им Партия трудящихся Вьетнама.

Как и в годы сопротивления империалистической агрессии и борьбы за выполнение Парижского соглашения, на новом этапе осуществления своих исторических задач народ Вьетнама пользуется бескорыстной братской помощью советского народа. Наряду с продолжающимся экономическим и научно-техническим содействием ДРВ в строительстве социализма в Северном Вьетнаме Советский Союз направляет всевозрастающую помощь Южному Вьетнаму для решения им срочных задач восстановления и развития народного хозяйства, обеспечения насущных нужд народа. 12 мая 1975 г. в Москве состоялось подписание соглашения об оказании Советским Союзом экономической помощи населению Южного Вьетнама, которым предусматриваются поставки в текущем году на Юг нефтепродуктов, химических удобрений, грузовых и легковых автомобилей, медикаментов, продовольствия, тканей и других товаров. Советские суда уже в мае нынешнего года доставляли грузы помощи непосредственно в южновьетнамские порты, в том числе в Сайгон, население которого горячо приветствовало посланцев братской страны.

Победа, одержанная в апреле 1975 г., принесла Вьетнаму справедливый мир в условиях подлинной независимости и свободы. Достижения этой исторической цели вьетнамский народ добивался на протяжении 30 лет упорной борьбы против агрессоров и сайгонских марионеток. Стремление народа Вьетнама к миру его руководители подчеркивали всегда, даже в самые тяжелые дни, когда населению на Севере и на Юге страны приходилось с оружием в руках отражать империалистическую агрессию. Обращаясь к соотечественникам, президент Хо Ши Мин писал 20 июля 1968 г.: «Наш народ любит мир, но настоящий мир возможен только в условиях подлинной независимости и свободы».

На новом этапе Партия трудящихся Вьетнама, народ и правительства на Севере и на Юге страны ставят задачу защиты и закрепления завоеванного мира. «Являясь нацией, которая понесла большие жертвы во имя мира, национальной независимости, демократии и социального прогресса, вьетнамский народ преисполнен решимости тесно сплотиться с народами всего земного шара для защиты мира, неуступной борьбы за независимость, свободу и социальный прогресс, для развития дружеских отношений со всеми странами», — подчеркивал премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг в речи на сессии Национального собрания ДРВ в июне 1975 г. Этот внешнеполитический курс, который ДРВ осуществляет вместе с братскими социалистическими странами, международным коммунистическим движением, вновь демонстрирует неразрывную связь мира и со-

циализма, внесит достойный вклад в защиту мира и безопасности народов на Азиатском континенте и во всем мире. Во имя достижения этой цели ДРВ заявляет, что готова укреплять дружбу и добрососедские отношения со странами Юго-Восточной Азии на основе взаимного уважения независимости и суверенитета, на основе взаимной выгоды и мирного сосуществования. Совершенно очевидно, что реализация этого предложения социалистической Демократической Республики Вьетнам, вытекающего из самой природы социализма, из основных закономерностей современной эпохи, открыла бы возможности для создания новой политической атмосферы в Юго-Восточной Азии, благоприятной прежде всего для народов и государств этого района независимо от их социального строя и внутривнутриполитического режима.

«По нашему убеждению, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, — восстановление мира на всем Индокитайском полуострове создаст хорошие предпосылки для дальнейших конкретных шагов по упрочению безопасности на обширном Азиатском континенте, даст новый стимул к налаживанию равноправного добрососедского сотрудничества всех азиатских государств без каких-либо исключений».

Одержанная историческая победа над империалистическими агрессорами и их ставленниками в Южном Вьетнаме, твердый и последовательный курс на завершение национальной народно-демократической революции во Вьетнаме и строительство социализма на Севере страны в условиях мира завоевали и с каждым днем укрепляют высокий авторитет Партии трудящихся Вьетнама, ДРВ и РЮВ на международной арене. Опираясь на этот нерушимый авторитет, вьетнамские коммунисты, народ Вьетнама уверенно решают стоящие перед ними сложные задачи внутри страны и во внешнеполитической области. Одним из важных условий успешного осуществления этих задач они, как и прежде, считают дальнейшее развитие отношений дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, всеми братскими социалистическими странами. Курс на укрепление солидарности с этими странами, как это было вновь подтверждено на состоявшейся в начале июня 1975 г. первой сессии Национального собрания ДРВ пятого созыва, является одним из краеугольных камней внешней политики Вьетнама и на новом этапе его развития.

Со своей стороны Коммунистическая партия Советского Союза, советский народ, как и на всех предыдущих этапах революционной борьбы во Вьетнаме, в новых условиях твердо и неизменно поддерживают героический вьетнамский народ в его борьбе за мирное и демократическое развитие своей родины, за построение социализма в Северном Вьетнаме. Как заявил в речи в Кремле 8 мая 1975 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, «в эти радостные дни мы, советские люди, желаем патриотам Южного Вьетнама больших успехов в восстановлении страны на новых, демократических началах. Мы желаем всему братскому народу Вьетнама успешного продвижения по пути национального единства, мира и социального прогресса».

Внутриполитические маневры маоистов после X съезда КПК

В. Г. Карымов

X съезд КПК (август 1973 г.) обозначил новую фазу общего политического кризиса, переживаемого Китаем с начала «культурной революции». На этой фазе главные усилия китайского руководства направляются на стабилизацию и упрочение режима военно-бюрократической диктатуры, установленного в ходе политического переворота 1966—1969 гг., на подавление оппозиционных маоизму сил, в той или иной форме отстаивающих социалистическую перспективу развития Китая.

В целом внутриполитическое развитие КНР после X съезда КПК определяется действием ряда противоречивых тенденций, объективно происходящих из возрастающего несоответствия маоистского политического курса социалистическим потенциям китайского общества. Это создает почву для перманентных социально-политических конфликтов в стране, обуславливает хронический характер внутриполитической нестабильности.

При анализе социально-политического положения в КНР в рассматриваемый период представляется важным учитывать следующие основные предпосылки.

Мелкобуржуазно-националистическая группировка руководства КПК во главе с Мао Цзэ-дуном, укрепившая свои позиции в итоге «культурной революции», по-прежнему удерживает контроль в стране, формулирует внутри- и внешнеполитический курс. Завершается процесс формирования политической системы маоистского режима — создание соответствующей партийно-государственной структуры и общественных организаций — профсоюзов, комсомола, женских организаций. Опорой режима остается армия. Новая конституция КНР, принятая первой сессией ВСНП четвертого созыва в январе 1975 г., официально закрепила идейно-политические и социально-экономические основы военно-бюрократической диктатуры в Китае, легализовала результаты «культурной революции» и порожденные ею антисоциалистические институты.

Маоизм как идейно-политическое течение, враждебное марксизму-ленинизму, занимает господствующее положение в партии и государстве. Сформированная под вывеской КПК новая маоистская партия в своем составе имеет значительное число людей, воспитанных на «идеях Мао Цзэ-дуна» и доказавших свою преданность «линии Мао» в ходе «культурной революции» и последующих кампаний.

«Особый» курс Мао Цзэ-дуна, подменивший программу социалистического переустройства Китая, сформулированную VIII съездом КПК, ориентирует партию на всестороннюю милитаризацию общества в угоду гегемонистским целям нынешнего руководства Китая. X съезд призвал

китайский народ «готовиться к войне, к стихийным бедствиям, рыть глубокие туннели, всюду запастись зерно». Курс на подготовку к войне закреплён в уставе маоистской партии, а также в новой конституции КНР. Были предприняты значительные усилия для повышения политической роли ополчения, особенно в городах, что в первую очередь свидетельствует о попытках маоистского руководства втянуть китайский рабочий класс в процесс военизации производственной и общественной жизни. За призывами готовиться к войне и тотальной милитаризации страны скрывается также стремление маоистского руководства оправдать диктаторские методы нынешнего режима, а также создать дополнительные внеэкономические стимулы повышения трудовой активности населения в целях ускоренного развития военно-экономического потенциала КНР.

Отсутствие научно-обоснованной программы социально-экономического развития страны по социалистическому пути усугубляет атмосферу неопределённости и неуверенности на разных уровнях китайского руководства и общества в целом.

В силу компромиссного характера нынешнего режима в правящем лагере маоистов не прекращается соперничество и междоусобная борьба за власть, за контроль над партией, армией и госаппаратом. После устранения Линь Бяо («сентябрьский кризис» 1971 г.) наблюдается обострение борьбы за ключевые посты в армии, следствием которой явилось усиление сепаратистских тенденций, возросла напряжённость в отношениях между центром и региональным командованием НОАК.

На внутриполитические процессы, на состояние общественного сознания в Китае растущее воздействие оказывает идейно-политическая обработка народа в духе великодержавного национализма и антисоветизма, ставшая постоянно действующим фактором внутриполитической жизни КНР.

Становление маоистского режима, формирование его политического механизма происходит в острой напряжённой борьбе как в самом лагере маоистов, так и между маоистами и оппозиционными нынешнему режиму силами. Эта борьба воплощается в регулярных политико-идеологических кампаниях, сменяющих одна другую и ставших в условиях маоистского режима своеобразным методом политического руководства обществом и одновременно формой существования самого режима. В ходе таких кампаний реализуются маоистские установки в социально-политической и экономической областях, осуществляется идеологическая обработка населения и подавление инакомыслящих, ведётся острейшая междоусобная борьба соперничающих маоистских группировок за полноту власти.

В рассматриваемый период такой всеохватывающей, многоплановой была прежде всего кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», «развернутая и руководимая лично председателем Мао Цзэ-дуном»¹. В ней отразились все особенности, противоречия и нарастающие трудности процесса становления маоистского режима в послесъездовский период, дальнейшая девальвация маоистских «ценностей» в китайском обществе, обострение разногласий в правящих маоистских верхах по важнейшим проблемам внутренней и внешней политики Пекина.

Критика конфуцианства и защита легизма, начавшиеся ещё до X съезда КПК, переросли затем в массовую политическую кампанию, которая охватила в 1973—1974 гг. все социальные слои и возрастные категории населения. В ходе этой кампании маоистское руководство пытается ре-

¹ «Жэньминь жибао», 2. II. 1974.

шить большой комплекс проблем специфическими средствами — актуальные задачи ставятся в завуалированной форме, путем ретроспективного обращения к истории, культуре, идеологии древнего или средневекового Китая. По существу же борьба ведется за ключевые позиции в партийно-государственном аппарате и в армии. В более широком смысле на данном этапе внутривластной борьбы речь идет о проблеме преемственности власти в Китае, становящейся особенно актуальной в связи с предстоящим в недалеком будущем уходом с политической арены Мао Цзэ-дуна, Чжоу Энь-лая и других старейших китайских руководителей.

Как подчеркивает китайская печать, центральной проблемой кампании является «проблема власти». Кампания, по замыслу ее инициаторов, призвана обеспечить достаточную полноту власти за «левой» группировкой в китайском руководстве как важное предварительное условие решения всего комплекса стоящих перед маонистами проблем.

В идеологическом плане идет отмежевание «идей Мао Цзэ-дуна» от конфуцианства² и предпринимаются усилия придать маонизму значение передаваемой из поколения в поколение традиции, уходящей корнями в легизм — «прогрессивную» политическую идеологию в противовес «регрессивной» конфуцианской. Образно говоря, вместо «храма Конфуция» предпринимается попытка воздвигнуть своего рода «храм идей Мао Цзэ-дуна». В связи с этим ставится задача подрыва традиционных семейных связей, которые препятствуют внедрению маонистов в социальную структуру первичных ячеек китайского общества.

Кроме того, в кампании осуществляется и очередная ротация кадровых работников, в ходе которой маонистский режим стремится вовлечь в свою орбиту представителей крупных социальных сил (часть молодых рабочих, крестьян) с тем, чтобы опереться на них в осуществлении своих гегемонистских, великоханьских замыслов.

Важно также отметить, что под предлогом критики конфуцианства маонисты ведут борьбу против гуманизма и законности, стараясь устранить какие бы то ни было идейные и моральные препятствия для произвола и беззакония, для внесудебных расправ с оппозиционными элементами. Ожесточенным нападкам, например, подвергаются конфуцианские принципы «гуманности», «добродетели» и т. п.

Инициаторами и организаторами кампании явились инспирируемые самим Мао Цзэ-дуном «лево»-маонистские силы (или «ортодоксальные маонисты») во главе с такими лидерами КПК, поднявшимися к власти на волне «культурной революции», как Цзян Цин, Чжан Чунь-цяо, Ван Хун-вэнь, Яо Вэнь-юань и др. Эта группировка представляет собой наиболее политически активную, компактную и организованную силу среди других групп и фракций китайского руководства, хотя, разумеется, она сама не лишена внутренних противоречий. Располагая большинством в Политбюро ЦК КПК (примерно $\frac{2}{3}$) и в партийно-пропагандистском аппарате в центре, опираясь на поддержку Мао Цзэ-дуна, «левые» методически усиливают нажим на своих политических противников, стараясь добиться радикального изменения соотношения сил на всех уровнях руководства.

Развернув кампанию, «левые» рассчитывали занять доминирующие позиции в партийно-государственном аппарате и в армии еще при жизни

² Этот процесс, вне сомнения, сложнее. Он противоречив, некоторые элементы традиционной конфуцианской идеологии мешают маонистам, и они ведут против них борьбу. Однако фундаментальные концепции конфуцианства как политической идеологии — китасцентризм, культ верховного вождя, перед которым все равны, точнее, бесправны и т. п., получают у маонистов всемерную поддержку. Без них маонизм невозможен. — Прим. ред.

Мао Цзэ-дуна. Это отвечает и замыслам самого Мао Цзэ-дуна, ориентирующегося на «левую» группировку в руководстве как наиболее ортодоксальную в проведении маоизма и потому наиболее способную следовать его «идеям» и установкам.

После устранения Линь Бяо и его сторонников основную группу сил, противостоящую «левым», составили влиятельные административные руководители в центре (Госсовет и подведомственные ему органы, кстати, удвоившие свое представительство в ЦК КПК десятого созыва), а также партийно-административные кадры провинциального и частично уездного звеньев.

Главные усилия двух основных группировок в китайском руководстве направлены на то, чтобы стать во главе армии, а также местных органов власти — парткомов и «ревкомов», где позиции «левых» пока еще недостаточно сильны.

Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» с самого начала проходила под знаком усиления активности «лево»-маоистского крыла пекинского руководства, что нашло отражение в следующем.

Во-первых, невиданный размах приобрела пропаганда в защиту «культурной революции» и так называемых «новых социалистических явлений», рожденных ею. Печать особо подчеркивала, что «культурная революция была правильной и своевременной», что «разговор о ее победном завершении еще не окончен, поскольку нападки и клевета на... культурную революцию... являются отражением попыток классовых врагов изменить основную линию партии, реставрировать капитализм»³. По словам журнала «Хунци», в настоящее время в стране идет «борьба между нами и мошенниками типа Линь Бяо»⁴. Причем критерием является отношение к «культурной революции».

В этой связи показательно то исключительное внимание, которое уделяется восхвалению, а также «дальнейшему распространению и развитию образцовых революционных спектаклей», вновь подвергающихся, как отмечала «Жэньминь жибао», «бешеным нападкам со стороны горстки классовых врагов»⁵. В программу радиовещания включена специальная рубрика, цель которой состоит в «популяризации и изучении революционных опер». В выступлениях печати и радио часто фигурировало имя Цзян Цин, превозносился ее «личный вклад в дело революционного преобразования литературы и искусства»⁶.

Во-вторых, отмечались настойчивые попытки «лево»-маоистских элементов расширить масштабы «критики Линь Бяо и Конфуция», направить ее выгодное для них русло. Обращают на себя внимание многочисленные публикации, призывающие «непрерывно усиливать руководство кампанией», «увязывать критику Линь Бяо и Конфуция с повседневной действительностью», с борьбой против «горстки классовых врагов в обществе»⁷. Печать сурово критиковала «некоторых» кадровых работников за «пассивность», за «отсутствие должной реакции на дацзыбао, которые вывешивались народными массами»⁸.

В-третьих, заметно усилились идеологическая обработка и использование «левыми» рабочего класса под демагогическим лозунгом «рабочий класс должен руководить всем». Важное место при этом отводится «рабочим агитаторам», направляемым в вузы и школы. Главная их зада-

³ «Жэньминь жибао», 31. V. 1974.

⁴ «Хунци», 1974, № 5.

⁵ «Жэньминь жибао», 25. V. 1974.

⁶ Там же.

⁷ «Гуанмин жибао», 31. V. 1974; «Жэньминь жибао», 12, 17, 31. V. 1974.

⁸ «Гуанмин жибао», 31. V. 1974.

ча — «мобилизация широких масс студентов и преподавателей на беспощадную критику Линь Бяо и Конфуция»⁹. Подчеркивается, что рабочие агитотряды должны длительное время находиться в учебных заведениях, проводить кампанию «борьбы — критики — преобразования» и руководить работой учебных заведений. Одновременно в целях установления контроля над «состоянием умов» грамотной молодежи, сосланной в сельские и горные районы, созданы специальные «группы воспитателей» из рабочих.

«Рабочие агитотряды» и «группы воспитателей», а также возникшие позднее «группы теоретиков из рабочих, крестьян и солдат» являются «проводниками» идей «лево»-маоистского крыла руководства, его опорой и инструментом в проведении на местах нынешней кампании. Происходит, на наш взгляд, своеобразное возрождение института цзаофаней, уполномоченных «идти против течения» там, где это угодно «лево»-маоистским лидерам (т. е. там, где надо сменить негодное руководство).

В-четвертых, форсированными темпами осуществляются меры, направленные на «выдвижение на руководящие посты молодых кадров из рабочих и крестьян», вытеснение негодных кадров. Весьма примечательно высказывание шанхайской газеты «Цзефан жибао», органа «левых» маоистов: «Мы обнаружили много препон на пути продвижения новых кадров, обладающих мужеством вести борьбу и идти против течения. Небольшая кучка классовых врагов боится, что для нее настанут трудные времена, когда такие кадры займут ответственные посты... Отдельные члены партии в силу эгоистических мотивов опасаются, что, если эти кадры займут ответственные посты, они не будут поддаваться контролю и могут вызвать беспорядки»¹⁰. По свидетельству китайской печати, с начала «культурной революции» только в Пекине «более 20 тыс. лучших представителей рабочих и крестьян заняли руководящие посты»¹¹.

Характерно, что замена кадров на местах формально осуществляется в соответствии с принципом «соединения трех поколений в руководстве» — молодого, среднего и пожилого. Этот процесс, заметно форсируемый «лево»-маоистскими лидерами, сопровождается интенсивной пропагандистской кампанией в поддержку «школ 7 мая» для кадровых работников.

«Школы 7 мая», задуманные в канун «культурной революции» как одно из важных звеньев в системе подавления негодных кадров, постепенно вновь начинают играть роль маоистской дубинки в руках рвущихся к власти «левых». Судя по некоторым «самокритичным» высказываниям кадровых работников, проходящих курс перевоспитания в «школах 7 мая», их основной контингент составляют люди, «допустившие ошибки» в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Ряд сообщений свидетельствует о том, что «школы 7 мая» начали действовать в частях НОАК.

Новые кадровые работники, именуемые «продолжателями дела протетарской революции», — это силы, на которые «лево»-маоистские лидеры опираются и которые маоисты хотят привести к власти на среднем и низовом уровнях руководства. Это в основном сравнительно молодые люди, выдвинувшиеся в условиях, когда руководство КПК порвало связи с КПСС и мировым коммунистическим движением, в условиях усиливающегося господства маоистской идеологии и антисоветизма. Идеюно-политическую «закалку» эти люди прошли в ходе «культурной револю-

⁹ «Гуанмин жибао», 28. IV. 1974.

¹⁰ «Цзефан жибао», 13. III. 1974.

¹¹ «Жэньминь жибао», 6. V. 1974.

ции». «Левые» стараются поставить их на руководящие посты как в партийно-государственном аппарате, так и в армии. С этой целью усиленно пропагандируется тезис «помогать росту свежих сил революции». Развитию этого тезиса была посвящена статья в «Хунци» под многозначительным названием «Стратегическое мероприятие для укрепления диктатуры пролетариата». В статье, в частности, говорилось: «Отношение к молодым силам революции — важный критерий наличия или отсутствия у революционера дальновидности, сознательности в области борьбы линий, чувства революционной ответственности»¹².

Китайская печать сообщает о назначениях молодежи на командные посты в армии. Газета «Жэньминь жибао», например, писала, что в одной из частей пекинского гарнизона в «руководящих звеньях рот молодежь составляет подавляющее большинство»¹³.

Вместе с тем старые военные лидеры, несмотря на некоторое ослабление их влияния в результате осуществленной в конце 1973 г. перестановки командующих военных округами, сохраняют достаточно прочные позиции, обладают большим политическим весом и могут при определенных обстоятельствах оказать влияние на ход событий. Опасаясь этого, маоисты усиленно пропагандируют тезис о необходимости безусловного подчинения армий «абсолютному руководству партии», «председателю Мао и ЦК КПК».

Следует также отметить, что «лево»-маоистские силы в руководстве Китая могут ныне совершать насильственные акции, опираясь не на армию, а на городское ополчение, перевооруженное и выведенное из-под прямого контроля НОАК после X съезда КПК. Ополченцы обязаны активно участвовать в кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» наряду с осуществлением возложенных на них полицейских функций.

В ходе кампании «лево»-маоистским силам удалось несколько потеснить «умеренных» в центре, о чем свидетельствует хотя бы уход от активной политической деятельности Чжоу Энь-лая и получение ими ряда постов в Госсовете, где раньше они не были представлены. В настоящее время основной огонь критики направляется против местных руководителей, так называемых «удельных князей», многие из которых по-прежнему совмещают ответственные партийные и административные посты с командными или комиссарскими должностями в НОАК. Это особенно ярко подтвердила волна дацзыбао летом 1974 г., явившаяся апогеем всей кампании.

Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» продолжается. Однако, оценивая текущий ее этап, мы можем констатировать, что это политическое мероприятие, предпринятое для закрепления и умножения результатов «культурной революции», дало его организаторам лишь ограниченные результаты и одновременно привело к возрастанию политической нестабильности в стране.

Уже с осени прошлого года китайское руководство было вынуждено притормозить развитие событий. Прежде всего это нашло выражение в резком сокращении дацзыбао. Далее произошло определенное притупление политической заостренности кампании. Китайская пропаганда вновь стала настойчиво призывать к единству и достижению «большого революционного сплочения». Курс на сплочение квалифицируется журналом «Хунци» как один из критериев «революционной линии Мао»¹⁴. С конца августа 1974 г. в пропаганде приглушен лозунг «идти против течения».

¹² «Хунци», 1973, № 12.

¹³ «Жэньминь жибао», 16.VII. 1974.

¹⁴ «Хунци», 1974, № 9.

Это вызвано тем, что дальнейшее обострение борьбы грозило обернуться утратой контроля за развитием событий. Некоторые выступления в кампании объективно стали бить по существующему порядку, поскольку в них отражался протест против тяжелых условий жизни, царящего в стране беззакония и произвола властей. Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» осталась непопулярной среди широких масс. Ее активно и твердо поддержали лишь экстремистские элементы из тех бывших цзаофаней и хунвэйбинов, которые считают себя обойденными при дележе плодов «культурной революции».

Более того, кампания столкнулась с прямым сопротивлением, с саботажем со стороны значительной части кадровых работников на местах, а также рабочих и представителей интеллигенции. Достаточно красноречивым в этом отношении является документ ЦК КПК № 21 от 1 июля 1974 г. Его авторы с резкой критикой обрушиваются на «некоторых людей, которые не критикуют ни Линь Бяо, ни Конфуция, не посещают заведений, не работают и не выполняют указаний центра... Они продолжают держать в состоянии хаоса целые области... занимаются местничеством и ведут гражданскую войну»¹⁵.

Крайне отрицательно кампания сказалась на состоянии экономики страны, что также явствует из упомянутого выше документа. Развертывание массовых мероприятий в рамках кампании на предприятиях промышленности и транспорта, проводившихся в рабочее время, привело к серьезной дезорганизации и даже спаду производства во многих провинциях. Столичная газета «Бэйцзин жибао» сообщала, что на Пекинском машиностроительном заводе в течение первых двух месяцев было проведено 7 общезаводских и 59 цеховых «собраний критики», написано 6100 дацзыбао¹⁶. В связи с возникшими трудностями, а также беспорядками на производстве маоистское руководство вынуждено было прибегать к крайним мерам, привлекая даже армейские части для налаживания производства и восстановления подорванной дисциплины.

Политические и экономические соображения вынудили маоистов приглушить кампанию. В этом тактическом шаге проявилось также стремление к очередному компромиссу соперничающих групп пекинской верхушки. Этот компромисс, как показали итоги состоявшейся в январе 1975 г. первой сессии ВСНП четвертого созыва, был достигнут на основе взаимоприемлемого для противоборствующих группировок решения кадровых проблем, в частности заполнения вакантных мест в административном и военном аппаратах. Распределение мест в новом составе Госсовета КНР и в Постоянном Комитете ВСНП следует расценивать как определенный успех «левых», поскольку они впервые получили ряд важных постов в правительственном аппарате, в частности заместителей премьера Госсовета.

Важным фактором борьбы в китайском руководстве, как подчеркивалось выше, стала борьба за армию, точнее, за установление влияния на ее командование в центре и на местах, которое в нынешних условиях не выступает как однородная политическая сила. Устранение Линь Бяо и его влиятельных сторонников, последующие чистки среди высших армейских чинов, перестановка командующих военными округами, сопровождавшаяся лишением их высших партийно-административных постов, значительно ослабили позиции военных на всех уровнях руководства. Весьма важными и далеко идущими, несомненно, явились и такие меры, как

¹⁵ Документ опубликован в западноберлинском журнале «Хина актуэль», 1974, № 12.

¹⁶ «Бэйцзин жибао», 2. IV. 1974.

подчинение НОАК непосредственно председателю ЦК КПК и назначение Дэн Сяо-пиня и Чжан Чунь-цяо (гражданских лиц) на важные военные посты (начальника Генерального штаба НОАК и начальника Главного политического управления).

Прошедшая сессия ВСНП, хотя и завершила формирование руководящих государственных органов КНР, не привела к стабилизации маоистского режима и не сняла присущих ему острых проблем и противоречий. Поэтому нынешний статус-кво в китайском руководстве нельзя считать ни устойчивым, ни долговременным.

Широкое политическое маневрирование и междоусобная борьба группировок за власть, разумеется, не исчерпывают содержания кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Она направлена прежде всего против китайского народа, а также против неорганизованной и разношерстной, но довольно многочисленной оппозиции в партийно-государственном аппарате и в армии, на предприятиях и в учреждениях. Объектами нападок оказываются многие кадровые работники различных рангов, среди которых имеются и коммунисты-интернационалисты, вынужденные приспособляться к условиям маоистской диктатуры, а также люди без четкой политической ориентации или даже маоисты, которых практическая работа толкает в сторону от маоистских установок, заставляет использовать социалистические методы хозяйствования и управления. И пока будут действовать маоистские политические установки, идущие вразрез с элементами социалистического базиса в Китае, будет объективно существовать и почва для антимаоистской оппозиции, а у маоистов не будет недостатка в «классовых врагах» для очередных чисток.

Выход из экономических трудностей китайское руководство вновь ищет на пути дальнейшего наращивания интенсификации труда и еще большего ограничения народного потребления. Как и прежде, предпочтительнее отдается политическому воздействию на трудящихся.

Этот вывод подтверждает новая политическая кампания в Китае, развернутая в феврале 1975 г. под лозунгом «изучения теории диктатуры пролетариата». Началом и исходным пунктом кампании послужило следующее «новейшее указание» Мао Цзэ-дуна: «В настоящее время еще действует 8-разрядная система заработной платы, распределение по труду и обмен посредством денег. Все это мало чем отличается от того, что было в старом Китае»¹⁷. Анализ материалов, посвященных «изучению теории диктатуры пролетариата», показывает, что развернувшаяся кампания преследует далеко идущие цели. Не случайно она началась сразу после январской сессии ВСНП и принятия новой конституции. Состоявшаяся сессия характеризовалась поисками путей консолидации китайского общества, укрепления существующего режима. Это нашло отражение в выдвижении Чжоу Энь-лаем общенациональной задачи превращения Китая в «могучую современную социалистическую державу» к концу нынешнего столетия, которую намечено решить в два этапа. На первом этапе, до 1980 г., предусматривается создание «самостоятельной», сравнительно целостной системы промышленности и всего народного хозяйства, а в последующие 20 лет намечается вывести Китай «в первые ряды» среди мировых держав¹⁸.

Кампания за «изучение теории диктатуры пролетариата» свидетельствует о намерении определенной части китайского руководства добиваться решения общенациональной задачи, выдвинутой на последней сессии ВСНП, путем ужесточения военно-бюрократической диктатуры, даль-

¹⁷ «Жэньминь жибао», 9. II. 1975.

¹⁸ Там же, 21. I. 1975.

нейшего зажима демократии и широкого использования административно-принудительных методов стимулирования трудовой активности населения и максимального ограничения потребления.

Мао Цзэ-дун и его единомышленники не собираются отказываться от попыток реализации своей антимарксистской утопической идеи «казарменного коммунизма». Одним из главных требований, выдвинутых организаторами кампании в соответствии с «новейшим указанием» Мао Цзэ-дуна, является «ограничение буржуазного права при социализме»¹⁹ (разумеется, в маоистском, а не ленинском понимании «буржуазного права»).

Не вдаваясь в чисто экономические проблемы, связанные с данной кампанией (это предмет отдельного исследования), следует подчеркнуть, что сама по себе идея «ограничения буржуазного права» посредством сокращения сферы действия принципа оплаты по труду представляется утопической и практически несостоятельной, учитывая недостаточную зрелость социально-экономических условий нынешнего Китая. Не случайным явилось признание члена Политбюро ЦК КПК Чжан Чунь-цяо в том, что «при существовании двух форм собственности нельзя избежать товарного производства, обмена с помощью денег и распределения по труду»²⁰. Речь идет об утилитарном толковании и использовании понятия «буржуазного права» маоистами в целях дальнейшего наступления на жизненные интересы трудящихся, на оппозиционные элементы в рабочем классе, интеллигенции, партийно-государственном аппарате.

В общем виде экономическая и идейно-политическая программа новой кампании изложена в установочных статьях членов Политбюро ЦК маоистской партии Яо Вэнь-юаня и Чжан Чунь-цяо²¹ и ряде редакционных материалов «Жэньминь жибао». Так, в экономической области намерения маоистов состоят в дискредитации и подрыве социалистического принципа оплаты по труду и методов хозяйствования, основанных на использовании экономических рычагов — материального стимулирования, прибыли и т. д. Судя по настойчивым высказываниям китайской печати, по-видимому, готовится пересмотр 8-разрядной тарифной сетки заработной платы, ликвидация остатков премиальной системы и других видов материального стимулирования, огульно объявленных «черным ревизионистским товаром». В статье Яо Вэнь-юаня даже утверждается, что материальное стимулирование служит будто бы источником спекуляции, хищений общественного имущества, коррупции, воровства и взяточничества.

Подобные заявления пекинских руководителей вольно или невольно обнажают хронические язвы и недуги маоистского режима, антисоциалистическая природа которого служит первопричиной всех этих антиобщественных явлений. Не удивительно, что пекинские власти снова, как и в начале 50-х годов, называют актуальной «борьбу против трех и пяти зол»²². Тогда китайская печать справедливо связывала оживление преступных элементов с «наступлением буржуазии на позиции пролетариата».

Наряду с нападками на «буржуазное право», маоистская печать вновь принялась за восхваление аскетизма и самопожертвования, пресловутого «духа Яньани», «нержавеющих винтиков» и «послушных буйволов»

¹⁹ «Жэньминь жибао», 10. II. 1975.

²⁰ «Хунци», 1975, № 4.

²¹ Там же, № 3, 4.

²² «Три зла» (саньфань) — взяточничество, расточительство и бюрократизм. «Пять зол» (уфань) — подкуп государственных служащих, уклонение от уплаты налогов, рахищение государственного имущества, недобросовестное выполнение государственных заказов, кража экономической информации.

вроде Лэй Фэна и Ван Цзе. Оживилась пропаганда «опыта» Дацина и Дачжая, идеальных образцов маоистского «казарменного социализма», а также всех «новых явлений, порожденных культурной революцией». «Сокращение различий в зарплате, твердое следование дорогой «школ 7 мая» для широких масс кадровых работников, рабочих, крестьян, солдат, торговых работников и учащихся, участие кадровых работников в коллективном производительном труде, отправка грамотной молодежи в горные и сельские районы, участие рабочих, крестьян и солдат в теоретических отрядах — все это, — утверждает «Жэньминь жибао», — имеет важное перспективное значение для постепенного преодоления трех различий и ограничения буржуазного права»²³.

Новую кампанию следует рассматривать как опасную социальную диверсию маонистов. Это выражается в стремлении выделить из среды рабочего класса кадровых работников и интеллигенции так называемую «новую буржуазию», якобы «появляющуюся на свет вследствие разлагающего влияния буржуазной идеологии и наличия буржуазного права»²⁴. При этом в разряд «новых буржуазных элементов» зачисляются наиболее квалифицированная, а следовательно, и более высокооплачиваемая часть рабочего класса, работники учреждений, «зараженные буржуазными нравами», часть оппозиционно настроенной интеллигенции.

Заслуживают особого внимания раскольнические замыслы маоистских «социальных стратегов» в отношении рабочего класса. Известно, что в китайской деревне до сих пор существует искусственное деление крестьян на кулаков, середняков (низшего и высшего слоев) и бедняков. Вполне возможно, что новые социальные маневры Мао Цзэ-дуна преследуют цель перенести аналогичную градацию на рабочий класс. Они пытаются привлечь на свою сторону «нижние слои середняков», а также «бедных» рабочих путем нивелирования общего уровня заработной платы рабочих.

Текущая кампания в определенном смысле преемствует те политические задачи, которые маонистам не удалось решить на предыдущих этапах борьбы, в частности в ходе «критики Линь Бяо и Конфуция». «Новые буржуазные элементы», намеченные в качестве официальных мишеней очередного тура политической чистки, — лишь новый ярлык, который навешивается на явных и скрытых противников маоистского режима.

Особую тревогу организаторов кампании вызывают действия «тех сил в партии», которые, как подчеркнул Чжан Чунь-цяо, «поднимают знамя председателя Мао, чтобы нанести удар по силам председателя Мао»²⁵. Открытые обвинения «части пролетариата», а также «некоторых коммунистов и особенно руководящих кадровых работников», в «буржуазном перерождении» весьма симптоматичны. Они свидетельствуют о непрерывном расширении социальной базы антимаоистской оппозиции в Китае, об усилении сопротивления режиму военно-бюрократической диктатуры со стороны коммунистов и широких слоев населения. Поэтому выдвигание лозунга «усилить всестороннюю диктатуру над буржуазией»²⁶ надо понимать как призыв к расширению репрессий против всех инакомыслящих в Китае.

Внутриполитическое развитие в Китае в период после X съезда КПК в целом характеризуется неустойчивостью, продолжающейся междоусобной борьбой за власть в маоистском руководстве, попытками маонистов

²³ «Жэньминь жибао», 10. II. 1975. «Три различия» — между рабочими и крестьянами, между городом и деревней, между умственным и физическим трудом.

²⁴ Яо Вэнь-юань. О социальной основе линьбяоской антипартийной группировки. — «Хунци», 1975, № 3.

²⁵ «Хунци», 1975, № 4.

²⁶ Там же.

укрепить существующий режим путем усиления диктаторских методов управления и дальнейшего усиления идеологической обработки населения в маонстском духе.

В итоге сложного и длительного политического маневрирования китайскому руководству удалось провести очередную сессию ВСНП, закончить формирование государственной структуры, принять новую конституцию. Таким образом, были законодательно закреплены режим военно-бюрократической диктатуры и нынешний антисоциалистический курс Пекина во внутренней и внешней политике.

Вместе с тем в Китае продолжают действовать факторы, препятствующие стабилизации и создающие серьезные предпосылки для новых внутривнутриполитических осложнений и социальных коллизий. Особого внимания заслуживает тот факт, что наметившаяся уже в начале «культурной революции» и постоянно углубляющаяся тенденция полного противопоставления целей и задач военно-бюрократической диктатуры интересам трудящихся создает почву для роста оппозиции со стороны рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, других социальных слоев.

Китайско-японские переговоры о заключении договора о мире и дружбе

Н. Н. Николаев, Б. В. Андреев

Коренное изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма, инициативный внешнеполитический курс Советского Союза и социалистического содружества привели к тому, что доминирующими процессами в развитии международной обстановки в последние годы стали поворот к разрядке напряженности, утверждение принципов мирного сосуществования в отношениях между государствами с различным общественным строем. Эффективным политическим средством предотвращения новой войны, могучим рычагом упрочения безопасности народов стала Программа мира, принятая XXIV съездом КПСС. Успехи советского внешнеполитического курса велики и общепризнанны. Об этом наглядно свидетельствуют перемены, которые произошли в отношениях СССР и других социалистических государств с такими ведущими капиталистическими странами, как Франция, ФРГ, Италия, США и др.

Процесс оздоровления международной обстановки, разрядки напряженности — это процесс непрерывный, всеобъемлющий, требующий постоянного движения вперед. Проявляя искреннюю заботу о судьбах всеобщего мира, Советский Союз стремится к тому, чтобы процесс разрядки международной напряженности развивался по всем направлениям, включая и Азиатский континент. «Ставя задачу распространить зону разрядки на весь мир, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — мы считаем важным, чтобы в этот процесс широким фронтом включилась Азия»¹.

В то же время в мире продолжают действовать агрессивные, реакционные силы, пытающиеся помешать этим позитивным процессам, видя в них препятствие для реализации своих устремлений. В борьбе этих двух противоположных тенденций нынешнее руководство КНР оказалось на стороне наиболее агрессивных империалистических сил. В своей obstructionistской политике, направленной против интересов мира и завуалированной демагогическими призывами о борьбе со «сверхдержавами», пекинские лидеры пытаются заручиться поддержкой других, особенно соседних стран. Особая роль при этом отводится Японии.

В условиях, когда антисоветизм стал одним из основных элементов внешнеполитического курса Китая, о чем свидетельствуют положения новой конституции КНР, принятой на первой сессии ВСНП 4-го созыва в январе 1975 г., где Советский Союз назван главным врагом китайского народа, обращают на себя внимание принявшие за последние годы активный характер попытки маоистов под различными предлогами втянуть

¹ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. М., 1973, с. 570.

Японию в орбиту своей антисоветской политики. С этой целью руководство Китая пытается использовать японо-китайские переговоры, которые с ноября прошлого года проходили в Токио, а затем были перенесены в Пекин.

Согласие на проведение этих переговоров Китай и Япония зафиксировали в совместном заявлении от 29 сентября 1972 г., которое провозгласило нормализацию японо-китайских отношений. В восьмом пункте заявления записано: «В интересах укрепления мирных дружественных отношений между двумя странами правительство Китайской Народной Республики и правительство Японии согласились вести переговоры с целью заключения договора о мире и дружбе».

Первые официальные контакты по вопросу о заключении договора начались в середине ноября прошлого года, когда заместитель министра иностранных дел КНР Хань Нян-лун, приехавший в Токио для подписания японо-китайского договора о судоходстве, имел несколько встреч со своим японским коллегой Фумихико Того.

Фактически переговоры начались в январе 1975 г. в форме встреч заместителя министра иностранных дел Японии Ф. Того с китайским послом в Японии Чень Чу. Хотя переговоры проходят под покровом секретности, по сообщениям японской печати, по заявлениям китайских и японских политических деятелей можно достаточно определенно судить об их содержании и характере. Главное, что в конечном счете определяет содержание и характер договора, — это цели, которые ставят его участники перед собой, их подход к договору.

В заключении договора о мире и дружбе с Японией нынешнее китайское руководство видит прежде всего возможность укрепления своего международного положения и привлечения на свою сторону Японии в реализации гегемонистских планов в Азии. Одно из главных препятствий в осуществлении этих замыслов пекинское руководство видит в миролюбивой политике Советского Союза в целом и развитии советско-японских отношений в частности. Так, японская газета «Санкэй симбун» писала: «Китай придает особо важное значение заключению договора о мире и дружбе с Японией с точки зрения вбивания клина в идею создания системы коллективной безопасности в Азии», которую выдвигает Советский Союз.

В Пекине рассчитывают, что, заключив договор с Японией, маоисты получат сильный рычаг воздействия на Японию в плане сдерживания развития как политических, так и экономических связей с Советским Союзом. Премьер Госсовета КНР Чжоу Энь-лай и его заместитель Дэн Сяо-пин неоднократно заявляли о том, что «Японии не следовало бы сотрудничать с Россией в осуществлении совместных проектов»,² и помнить о том, что Советский Союз «угрожает» не только Китаю, но и Японии. Менторский тон Пекина стал обычным явлением на встречах с японскими делегациями, приезжающими в Китай, что вызывает, мягко говоря, недоумение у японской общественности.

Председатель японской торгово-промышленной палаты Нагано, выступая на пресс-конференции в начале апреля прошлого года, в частности, сказал: «Во время моего недавнего визита в Пекин нас предостерегали против экономического сотрудничества с СССР. Но мы — деловые люди, и нам следует думать о будущем нашей страны, бедной природными ресурсами. Поэтому мы должны поддерживать добрые отношения и сотрудничать со всеми странами»³.

² «За рубежом», 1975, № 8.

³ «Емпури», 5. IV. 1974.

Укрепляя отношения с Японией, Пекин стремится также и к тому, чтобы максимально использовать экономические и научно-технические возможности Японии для увеличения своего промышленного и военного потенциала. При этом предпринимаются усилия вызвать интерес у японских бизнесменов к расширению двусторонних торгово-экономических связей. Об этом наглядно свидетельствует динамика роста японского экспорта в Китай за последние годы. Так, за период с 1972 по 1974 г. экспорт в Китай, основными статьями которого являются комплектное заводское оборудование, продукция тяжелой и химической промышленности, увеличился с 609 млн. до 1,3 млрд. долл. Важное место в усилении заинтересованности японских компаний в торговле с Китаем отводится поставкам в Японию сырой нефти из Китая. Во время визита в Китай в январе 1974 г. бывшего министра иностранных дел Японии Охира Чжоу Энь-лай сказал ему, что в 1973 г. добыча нефти в Китае достигла 50 млн. т и что уже в ближайшем будущем Китай сможет продавать японским компаниям до 5 млн. т нефти. Вернувшийся же в августе того же года из поездки в Китай председатель японского Совета по импорту китайской нефти Хасэгава заявил, что «годовая добыча нефти в Китае может в недалеком будущем составить 400 млн. т, причем четвертая часть ее может быть поставлена в Японию»⁴. Разноречивость сведений, естественно, не может не породить скептицизма у деловых кругов Японии, однако главная цель все же достигается: японские бизнесмены начинают проявлять определенный интерес к посулам Пекина.

Правящие круги Японии также рассчитывают использовать нынешние переговоры с Китаем в целях получения для себя определенных политических и экономических выгод. В политическом плане — это стремление путем заключения договора закрепить на будущее нынешнее благосклонное отношение Китая к Японии и нейтрализовать возможное противодействие с его стороны экспансии Японии в азиатские страны.

Нельзя сбрасывать со счетов и расчеты некоторых кругов в Японии разыграть «китайскую карту» в своих отношениях как с Советским Союзом, так и с Соединенными Штатами Америки. «Нельзя отрицать того факта, — писала газета «Токио симбун», — что в действительности в правительстве существовало мнение о том, чтобы проводить эти японо-китайские и японо-советские переговоры параллельно и, воспользовавшись китайско-советским противоборством, использовать каждые переговоры в качестве «козыря» для получения уступок с той или с другой стороны».

Факты — упрямая вещь, и от них уйти довольно трудно. Многие из них свидетельствуют и о том, что определенные круги в Японии не заинтересованы в улучшении советско-китайских отношений и считают, что возвращение отношений между Советским Союзом и Китаем к таким, какими они были в 50-х годах, резко ограничило бы Японию в реализации ее замыслов занять место лидера азиатских стран. Поэтому, как считают эти круги, договор о мире и дружбе имеет своей целью сохранить Китай на его нынешних позициях и, если возможно, задержать восстановление отношений дружбы КНР с Советским Союзом.

На фоне быстро меняющейся обстановки в Индокитае Япония рассчитывает использовать «китайский фактор» и в своих отношениях с Соединенными Штатами, добиваясь от них новых заверений в готовности выполнять свои обязательства по японо-американскому «договору безопасности». В ходе апрельского визита в США министр иностранных дел Японии К. Миядзава подтвердил важность для Японии японо-американского «договора безопасности», а президент США Д. Форд, выступая

⁴ «Емнурн», 17. VIII. 1974.

с речью по вопросам внешней политики, заявил, что японо-американский «договор безопасности» является «краеугольным камнем в деле стабилизации положения в обширном районе Азии»⁵.

В экономическом плане заключение договора о мире и дружбе позволило бы, как полагают в Японии, в еще более широких масштабах использовать китайский рынок для сбыта японских товаров и получать из Китая необходимое промышленное сырье, в первую очередь нефть. Поскольку в настоящее время Пекин проявляет значительный интерес к развитию японо-китайских торгово-экономических связей, крупный монополистический капитал Японии стремится максимально использовать эту заинтересованность, с тем чтобы укрепить свои позиции на китайском рынке и не зависеть от возможных колебаний во внешней политике Китая в будущем.

Безусловно, цели сторон, которые они перед собой ставят в связи с заключением договора, во многом различаются, однако порой они и совпадают. В частности, это касается взаимного стремления Китая и Японии укрепить свои позиции в странах Юго-Восточной Азии.

Как известно, за последние годы в этом районе Азиатского континента произошли события, которые привели к заметному ослаблению здесь позиций Соединенных Штатов. Совсем недавно победой патриотических сил закончилась многолетняя самоотверженная борьба народов Южного Вьетнама и Камбоджи. Во многих странах, таких, как Таиланд и Филиппины, которые еще недавно считались опорными пунктами США в этом районе земного шара, зреют настроения в пользу ликвидации находящихся на их территории американских военных баз. В этих условиях Пекин стремится использовать благоприятный момент, связанный с ослаблением американского присутствия, и заполнить создавшийся «вакуум» путем дальнейшего проникновения в этот район и расширения здесь своего влияния. Однако объективные факторы, выражающиеся в слабости экономического развития Китая, а также печально известные примеры прямого вмешательства Пекина во внутренние дела стран этого района не позволяют ему в настоящее время добиться осуществления своих замыслов, полагаясь только на собственные силы.

В свою очередь правящие круги Японии форсируют экономическую, а вместе с ней и политическую экспансию в страны ЮВА. Однако, как показали бурные события января 1974 г. в Индонезии и Таиланде, противодействие натиску японских монополий в этих странах растет: у народов стран ЮВА еще свежи в памяти те неисчислимы бедствия, которые им принес японский империализм в годы второй мировой войны в результате проведения им политики создания так называемой «Великой сферы процветания Восточной Азии».

Таким образом, Китай и Япония, используя друг друга в качестве своеобразного «прикрытия», пытаются тем самым по возможности уменьшить отрицательный эффект своей будущей «миссии» в Азии. Взаимная поддержка в данном случае, по их мнению, поможет смягчить неизбежно возникающие противоречия и будет способствовать разделению между ними сфер экономического и политического влияния в этом районе.

Подобные планы не могут не вызвать опасений в странах ЮВА и бассейна Тихого океана в отношении истинных намерений Китая и Японии и определяют их настороженность в оценке нынешних японо-китайских переговоров и характера будущего договора.

Судя по сообщениям японской печати, а также по заявлениям некоторых политических деятелей Японии, договор о мире и дружбе планирует-

⁵ «Mainichi», 17. IV. 1975.

ся заключить «на основе и в духе японо-китайского совместного заявления 1972 г.», в том числе, вероятно, и на основе таких общепризнанных и зафиксированных в данном заявлении принципов международных отношений, как уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела друг друга, мирное сосуществование и т. д.

В ходе первых встреч заместителя министра иностранных дел Японии Ф. Того с послом Китая в Японии Чень Чу состоялся обмен мнениями по «принципиальным» вопросам, которые должны быть включены в договор. Такими вопросами, насколько это можно судить по выступлениям японской печати, были проблема Тайваня и островов Сэнкаку и включение в договор положения о противодействии так называемой «гегемонии» третьей страны или группы стран.

Еще до начала переговоров в японской прессе выражалось беспокойство, что успешному ходу переговоров могут помешать так называемая «тайваньская проблема», а также давние притязания китайцев на острова Сэнкаку, расположенные к юго-западу от Окинавы, спор о территориальной принадлежности которых ведется между Японией и КНР. Японская сторона неоднократно заявляла о своем намерении заключить мирный договор с Китаем без упоминания в нем вопроса о территориальной принадлежности островов Сэнкаку и статусе Тайваня.

В неофициальном порядке китайские руководители в ряде своих выступлений еще в начальной стадии переговоров заявляли о своей готовности не включать в будущий договор эти два вопроса. 5 декабря 1974 г. заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяо-пин на встрече с президентом японской общественно-религиозной организации «Сока гаккай» Д. Икэда сказал: «Главная проблема при заключении договора о мире и дружбе — это Тайвань. Эта проблема поднимается и в совместном китайско-японском коммюнике, и если следовать его духу, то трудностей не возникнет... Существует, правда, вопрос о Сэнкаку, но я думаю, что его не следует затрагивать сейчас».

В середине января 1975 г., как заявили в кругах, близких к японскому правительству, китайская сторона через своего представителя на высоком уровне передала правительству Японии официальное «предложение» не включать в договор о мире и дружбе территориальную проблему⁶. Это была довольно значительная уступка со стороны Китая, хотя совсем недавно его позиция по данным вопросам отличалась крайней неуступчивостью. Так, например, по вопросу о принадлежности островов Сэнкаку постоянный представитель КНР в ООН в письме от 20 мая 1972 г. на имя председателя Совета Безопасности и Генерального секретаря ООН в связи с возвращением Японии Окинавы и прилегающих островов, включая Сэнкаку, заявил, что «в своем соглашении от 17 июня 1971 г. правительство США и Японии открыто включили китайскую территорию Дяоюйдао (Сэнкаку) и другие острова в «зону возврата», что является серьезным нарушением территории и суверенитета КНР. Дяоюйдао и другие острова являются китайской территорией с древних времен».

Идя на уступку японской стороне в вопросе о Тайване и островах Сэнкаку, Пекин, судя по всему, рассчитывал на ответные шаги японцев по другим «принципиальным вопросам». Таким вопросом стало требование Пекина включить в договор положения о противодействии «гегемонии» третьей страны или группы стран.

Такое положение содержалось в совместном японо-китайском заявлении от 29 сентября 1972 г. В нем, в частности, говорилось: «Нормализа-

⁶ Сообщение агентства Кёдо цусин, 5. XII. 1974.

ция отношений между Китаем и Японией не направлена против третьих стран. Ни одна из стран не должна добиваться гегемонии в районе Азии и Тихого океана, и каждая из сторон выступает против усилий страны или группы стран к установлению такой гегемонии». Хотя в заявлении говорится, что японо-китайские отношения не направлены против третьих стран, китайская сторона делает упор на вторую часть фразы и не скрывает ее антисоветской направленности. Это понимают и в Японии.

Газета «Майнити дэйли ньюс» по этому поводу писала: «Китай настаивает на включении в договор пункта о противодействии попыткам третьих стран установить гегемонию в Азии. По мнению обозревателей, настойчивость китайцев в этом вопросе отражает их антисоветскую направленность»⁷. А «Майнити симбун» 17 апреля со ссылкой на круги МИД Японии указала, что «Китай рассматривает этот договор как одно из звеньев его мировой стратегии, учитывающей и противоборство с СССР»⁸.

С марта месяца переговоры застопорились, поскольку сторонам не удалось достичь взаимоприемлемого решения по вопросу о «гегемонии». С целью выйти из тупика правительство Японии решило направить в Пекин заведующего департаментом стран Азии МИД Японии Такасима. Вернувшись в конце апреля из поездки в Китай, Такасима заявил, что пекинское руководство «решительно выступает против расширения влияния сверхдержав и в основу своего внешнеполитического наступления на Советский Союз ставит выступление против гегемонии»⁹.

Что именно китайская сторона понимает под этим положением, видно из выступления министра иностранных дел Японии К. Миядзава в парламенте 3 апреля 1975 г., в котором он отметил, что Китай, видимо, под недопущением «гегемонии» третьей страны или группы стран подразумевает недопущение гегемонии путем применения вооруженной силы¹⁰. 7 апреля председатель Общества китайско-японской дружбы Ляо Чэнчжи в беседе с журналистами японской газеты «Ниси Нихон симбун» подтвердил, что «в договоре должен быть установлен принцип взаимной помощи обеих стран в международных делах»¹¹.

Сообщалось, что 14 апреля 1975 г. Китай и Япония обменялись проектами договора о мире и дружбе. По заявлению правительственных кругов Японии, японский проект не затрагивает пункта о «гегемонии», в то время как китайский не только полностью включает положение о «гегемонии» из седьмой статьи совместного заявления, но и предусматривает создание системы «необходимых консультаций» в связи с проведением в жизнь этого принципа. Оценивая это новое «уточнение» положений будущего договора, газета «Токио симбун» писала, что «даже включение только второй части этой статьи (о «гегемонии») в договор напоминает военный союз Японии и Китая против третьей страны, и это еще более усилится, если добавится положение о системе «необходимых консультаций»¹².

Таким образом, Пекин расставил все точки над «i». Японии, внешнеполитический курс которой, как неоднократно заявляли ее руководители, состоит в развитии дружественных связей со всеми странами, предлагается вступить с Пекином в «особые отношения».

⁷ «Mainichi Daily News», 5. III. 1975.

⁸ «Майнити симбун», 17. IV. 1975.

⁹ «Токио симбун», 24. IV. 1975.

¹⁰ «Санкэй симбун», 3. IV. 1975.

¹¹ «Токио симбун», 8. IV. 1975.

¹² Там же, 22. IV. 1975.

Добиваясь от Японии согласия на включение в договор пункта о «гегемонии», китайская сторона выдвигает следующие доводы. Во-первых, в условиях, когда в мире усиливается тенденция к войне, которую могут вести только «сверхдержавы», необходимо выступать против «гегемонии», чтобы «защитить страну от угрозы войны между США и СССР»¹³. Иначе говоря, главная цель выступления против «гегемонии» в данном случае, по мнению Китая, состоит в том, чтобы предотвратить распространение грядущей войны на Японию и Китай, и что «только таким образом можно сохранить постоянный мир между двумя странами»¹⁴. Во-вторых, китайская сторона считает, что, поскольку положение о выступлении против «гегемонии» имеется в американо-китайском коммюнике 1972 г. и японо-китайском совместном заявлении, его можно уже рассматривать как международно-правовую норму, включение которой вполне естественно и в договор о мире и дружбе. В-третьих, Китай утверждает, что «выступление против включения в договор пункта о гегемонии означает стремление к установлению гегемонии».

Уместно напомнить, что Китай впервые официально использовал слово «гегемония» в редакционной статье газеты «Жэньминь жибао» 23 января 1971 г. и начал активно выдвигать проблему «гегемонии» в своей внешней политике с ноября 1971 г., когда были восстановлены права КНР в ООН.

Это было связано с тем, что в этот период маоистское руководство пошло на резкое изменение внешнеполитического курса страны, основным содержанием которого стало стремление к расширению своего влияния на международной арене. Этот «новый» курс основывался, с одной стороны, на политике оголтелого антисоветизма, а с другой — на сближении с США и Японией. И поэтому, хотя Китай и использовал выражение «выступать против стремления одной или двух сверхдержав к установлению гегемонии», ясно, что объектом выступления против «гегемонии» фактически был Советский Союз, чья миролюбивая политика является препятствием к достижению великодержавных устремлений маоистов. Вот почему положение о «гегемонии» было включено по настоянию Китая в американо-китайское совместное коммюнике в феврале 1972 г., а затем и в японо-китайское совместное заявление в сентябре того же года.

В настоящее время, прикрываясь фразами о мнимой «угрозе с Севера», пекинская пропаганда всеми силами старается посеять семена недоверия в советско-японские отношения, призывая Японию к «осторожности в сотрудничестве с СССР в осуществлении совместных проектов» и уверяя, что сближение Японии с Китаем может якобы заставить Советский Союз пересмотреть свою позицию в так называемом «территориальном вопросе». По словам С. Хори, Чжоу Энь-лай в беседе с ним высказался за скорейшее заключение японо-китайского договора о мире и дружбе и прямо заявил, что «установление дружественных связей между Японией и Китаем заставит Советский Союз изменить свою позицию в отношении Японии». Заместитель премьера Дэн Сяо-пин 16 апреля 1975 г. во время встречи с президентом «Сока гаккай» Д. Икэда на замечание последнего о том, что «70 или 80 процентов населения Японии не понимают, почему пункт против гегемонии великих держав должен быть включен в договор о мире и дружбе», сказал, что включение такой статьи «укрепит позиции Японии на ее переговорах с Советским Союзом»¹⁵.

Очевидная цель этих провокационных высказываний состоит в том,

¹³ «Ёмпури», 17. III. 1975.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Сообщение агентства Кёдо цусин, 16. IV. 1975.

чтобы создать у Японии иллюзии выгоды сближения с Китаем, в том числе и в плане ее политики в отношении СССР. Такие расчеты выгодны Пекину, но могут привести к прямо противоположным результатам для Японии.

Выступая против включения в договор пункта о противодействии «гегемонии», Япония тем не менее окончательно не отвела требование китайской стороны по данному вопросу. В позиции Японии заметно стремление найти выход из создавшегося положения путем использования более мягких и туманных формулировок. Как писала газета «Санкэй симбун», японская сторона «готова пойти на компромисс в этой проблеме, в случае если этот пункт будет замаскирован использованием более туманного выражения»¹⁶. МИД Японии, считая, что на переговорах китайская сторона вряд ли изменит свою позицию, склоняется к тому, чтобы выступить с предложением «предусмотреть в преамбуле данного договора дух выступления против гегемонии в рамках статей конституции Японии и Устава ООН»¹⁷ или согласиться с включением в договор значительной части седьмой статьи совместного заявления, «дополнив ее, однако, положениями о праве двух стран на индивидуальную и коллективную оборону и о невмешательстве во внутренние дела друг друга»¹⁸.

Однако, как заявил заведующий департаментом стран Азии МИД Японии Такасима, во время бесед с министром иностранных дел Китая Цяо Гуань-хуа у него «сложилось впечатление, что китайская сторона не согласна ни с одним из предлагаемых вариантов». Это подтвердил и китайский посол в Японии Чэнь Чу, который на встрече с заместителем министра иностранных дел Японии Ф. Того 24 апреля 1975 г. заявил, что Китай не намерен уступать в том, что «является основой его внешней политики».

Понимая истинную подоплеку китайских заверений в дружбе и те цели, которые Пекин пытается достичь путем заключения договора о мире и дружбе, многие в Японии высказывают опасения, что заключение договора с Китаем на той основе, которую он предлагает, не в интересах Японии, что такой шаг может иметь своим последствием вовлечение страны в сферу пекинской политики и Япония вольно или невольно будет разделять негативные последствия позиции Пекина по таким важнейшим вопросам современности, как разрядка напряженности, разоружение, запрещение применения ядерного оружия и т. д. Чем настойчивее оказывает нажим Китай, стремясь навязать Японии пресловутый пункт о «гегемонии», тем большую настороженность и опасения вызывают его действия. В связи с этим японские газеты, которые еще полгода назад выступали за скорейшее заключение договора с Китаем, сейчас все чаще призывают проявлять осторожность и осмотрительность в этом вопросе, опасаясь, что это может осложнить отношения Японии с СССР, США и другими странами и нанести ущерб ее национальным интересам.

Раздаются голоса о том, что «вопрос о заключении японо-китайского договора о мире и дружбе не следует рассматривать как кратковременную политическую цель Китая». Газета «Токио симбун», комментируя призывы Чжоу Энь-лая к укреплению японо-американских отношений и японо-китайской дружбы, писала, что «эти высказывания следует истолковывать так же, как и горячий прием, оказанный в Пекине западногерманскому оппозиционному деятелю Штраусу. Следует понять, что японо-китайская дружба не так уж безгранична и прямолинейна, как считают

¹⁶ «Санкэй симбун», 24. II. 1975.

¹⁷ «Майнити симбун», 24. II. 1975.

¹⁸ «Токио симбун», 27. IV. 1975.

японцы, а является одним из звеньев китайской стратегии в отношении СССР».

Отмечается также, что включение в договор ряда предлагаемых Китаем положений, особенно тех, которые затрагивают третьи страны, может вызвать много проблем для Японии в будущем, не говоря уже о том, что включение в договор положения о третьих странах не имеет прецедента в международной практике. «В настоящее время,— пишет газета «Токио симбун»,— Япония и СССР поддерживают дружественные отношения. Исходя из внешнеполитического курса Японии, направленного на сохранение дружеских отношений со всеми странами, нежелательно, чтобы отношения с Китаем вызывали напряженность в японо-советских отношениях и порождали противоречия между Японией и СССР». Газеты указывают, что при определении линии по важным вопросам, касающимся внешнеполитической деятельности страны, включая заключение договоров, необходимо учитывать меняющуюся обстановку и руководствоваться долгосрочными перспективами. «Япония сейчас вступает в эру новой дипломатии,— пишет газета «Майнити дэйли ньюс»,— она должна смотреть в будущее и учесть все возможности, иначе можно оказаться в западне, опасной не только для Японии, но и для других стран Азии».

Представляя всю степень ответственности, которую Япония возьмет на себя заключением договора о мире и дружбе с Китаем, правящие круги, и в частности часть депутатов парламента от ЛДП, выражают серьезные сомнения в целесообразности форсирования заключения договора на данном этапе, когда китайская сторона старается придать ему направленность против третьих стран. Министр иностранных дел К. Миядзава, выступая 3 марта 1975 г. на заседании бюджетной комиссии нижней палаты парламента, заявил, что договор о мире и дружбе «направлен на упрочение японо-китайской дружбы, однако наша страна всеми силами должна избегать того, чтобы он нанес ущерб дружественным отношениям с Советским Союзом»¹⁹.

Выражая мнение определенной части ЛДП, депутат парламента Накагава в беседе с журналистами подчеркнул, что «если при рассмотрении международных проблем не уделять внимания советско-японским отношениям, то это приведет нас к тяжелым последствиям... и если говорить об упрочении мира на Дальнем Востоке, то, по нашему мнению, руководителям японской внешней политики необходимо внимательно обдумывать позицию и высказывания советской стороны»²⁰.

12 июня японскому послу в Москве А. Сигэмицу было передано Заявление правительства Японии, в котором обращается внимание на попытки руководства Китая повлиять на Японию с целью осложнить ее отношения с третьими странами, в том числе с Советским Союзом. Эти попытки находят свое выражение, указывалось в Заявлении, в стремлении китайского руководства добиться включения в договор о мире и дружбе положения, которое направлено против СССР. Такие действия китайского руководства отражают намерение Китая вовлечь в той или иной форме Японию в орбиту своей внешней политики, идущей вразрез с получающей все большую поддержку в мире тенденцией к разрядке международной напряженности и упрочению мира.

В Заявлении выражается надежда, что правительство Японии, развивая свои отношения с третьими странами, не будет предпринимать ничего такого, что могло бы наносить ущерб развитию отношений между СССР и Японией.

¹⁹ «Ёмиури», 5. III. 1975.

²⁰ «Миндзоку сэйдзи», март 1975 г.

19 июня японское правительство сообщило ответ на указанное Заявление, в котором, в частности, говорилось, что «развитие добрососедских дружественных отношений с соседним государством — Советским Союзом является последовательной политикой Правительства Японии». Одновременно подтверждалось, что позиция Японии на ведущихся в настоящее время переговорах с Китаем о заключении договора о мире и дружбе не направлена против третьих стран.

Заявление японскому правительству и содержащееся в нем предупреждение нашли широкий отклик в Японии.

Политика Советского Союза в отношении Японии ясна и понятна. В ее основе лежат ленинские принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая на завтраке в честь премьер-министра Японии 8 октября 1973 г., говорил: «У Советского Союза и Японии могут существовать по тем или иным международным проблемам или вопросам двусторонних отношений разные взгляды и разные оценки. Но мы хотели бы в интересах мира и укрепления советско-японских отношений, чтобы сфера наших расхождений постепенно уменьшалась, а сфера согласия расширялась. Это, как мы убеждены, будет полезно не только для народов обеих наших стран, но и для всех, кому нужны и дороги мир и спокойствие на земле».

Политике Советского Союза чужды претензии на «гегемонию» в какой бы то ни было части земного шара. Вместе с тем советские люди выступают и против того, чтобы какая-либо страна или группа стран пытались навязать свою волю другим народам.

В принципе нет ничего плохого, когда две соседние страны стремятся к полной нормализации своих отношений, если, разумеется, при этом не затрагиваются интересы третьих стран. К сожалению, этого нельзя сказать применительно к ведущимся китайско-японским переговорам о заключении договора о мире и дружбе. Конечно, дело Японии решать, как развивать ей отношения с Китаем. Однако можно полагать, что в Японии отдают себе отчет в том, что развитие отношений с Китаем в ущерб интересам третьих стран не только не будет способствовать росту международного авторитета Японии, но и, напротив, может существенно подорвать доверие к неоднократным заявлениям японских государственных деятелей о миролюбивом характере внешней политики Японии.

Внешняя торговля Китая

Ю. М. Авсенов,
кандидат экономических наук

Л. Н. Каршинов,
кандидат экономических наук

И. И. Потемкина,
кандидат экономических наук

Анализ внешней торговли Китая в последние годы показывает, что маоистское руководство придает ей все большее значение в проведении своего великодержавного, националистического курса. В западной печати не без основания отмечается, что внешнеторговые связи «используются Пекином в качестве инструмента для достижения его общих политических и экономических целей, которые заключаются в том, чтобы превратить Китай в сильное... государство, способное осуществлять руководство в Азии и во всем мире»¹.

Как известно, в 60-е годы внешнеторговая политика Китая претерпела коренные изменения, она стала носить открытый антисоциалистический характер и полностью утратила основные черты, присущие политике стран социалистического содружества.

Нынешний внешнеторговый курс Пекина не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом и направлен на изоляцию КНР от стран социалистического содружества, на сближение ее в сфере политики и экономики с империалистическими государствами. Маоистское руководство пошло на переориентацию внешней торговли и других форм экономических связей КНР с капиталистическими странами и резкое сокращение экономических отношений с социалистическими государствами. Причины переориентации следует искать прежде всего в коренных изменениях внешней политики Китая, вызванных расцветом национализма в стране и отходом китайского руководства от марксистско-ленинских принципов. Пекин пытается подорвать единство и сплоченность социалистических стран и вопреки очевидным фактам заявляет, что «социалистического лагеря больше не стало».

В последние годы маоистское руководство последовательно проводит курс на активное расширение торговли и других связей с основными капиталистическими странами (Японией, США, Англией, Францией).

В 1974 г. по сравнению с 1970 г. товарооборот КНР с несоциалистическими странами увеличился более чем в 3,1 раза и по сравнению с 1960 г. — в 7,5 раза. Доля этих стран во внешней торговле КНР повысилась с 35% в 1960 г. до 83% в 1974 г. В то же время торговля Китая с социалистическими странами в 1974 г. была в 1,2 раза меньше, чем в 1960 г., а их доля составила 17% против 65% в 1960 г.*

Анализ динамики внешней торговли Китая в 60-е годы показывает, что в этот период она росла крайне медленно и неравномерно. В 1970 г.

¹ «People's Republic of China: An Economic Assessment, A Compendium of Papers submitted to the Joint Economic Committee Congress of the United States, May 18, 1972». Washington, 1972, p. 337.

* По другим источникам (без включения безвозмездных поставок КНР) доля социалистических стран в торговле КНР в 1974 г. составит 15% и несоциалистических стран — 85%.

Динамика внешней торговли КНР (в млн. долл.)

Таблица

	Год				
	1960*	1965*	1970**	1973***	1974****
Оборот	3975	3695	4172	9870	12 450
Экспорт	1945	1955	2052	4895	5 750
Импорт	2030	1740	2120	4975	6 700
В том числе:					
Социалистические страны					
Оборот	2605	1125	865	1650	2 180
Экспорт	1320	645	496	910	1 140
Импорт	1285	480	369	740	1 040
Несоциалистические страны					
Оборот	1370	2570	3307	8220	10 270
Экспорт	625	1310	1556	3985	4 610
Импорт	745	1260	1751	4235	5 660

* «Няття бэжи сюсацу», 1971, с. 21.

** «Nachrichten für Außenhandel», 7.VII. 1972.

*** «Current scene», 1974, № 12.

**** «Journal of commerce and Commercial», 19.XII. 1974, и расчетные данные.

по сравнению с 1960 г. товарооборот КНР увеличился всего на 5%. Удельный вес страны в мировой торговле снизился с 1,5% в 1960 г. до 1% в 1973 г. В 1973 г. в мировой торговле Китай занимал примерно 25-е место.

Застой во внешней торговле Китая в эти годы объясняется прежде всего тем, что в результате авантюристической внутриэкономической политики маоистов экономика КНР неоднократно переживала кризисные спады, что неизбежно приводило к сокращению экспортных возможностей страны. Так, в результате провала «большого скачка» народное хозяйство КНР было дезорганизовано и ее внешний товарооборот уменьшился на 33%. Падение объема торговли объясняется также тем, что в 60-е годы китайские руководители по политическим причинам пошли на одностороннее сокращение торгово-экономических связей с социалистическими странами.

В начале 70-х годов экономика Китая несколько оправилась от разрушительных последствий «культурной революции», и внешняя торговля страны стала увеличиваться. Однако заметный рост товарооборота Китая в 1973—1974 гг., по оценке западной печати, объясняется прежде всего резким повышением цен на экспортные и импортные товары на капиталистическом рынке. Американская газета «Джорнэл оф коммерс энд коммершл» 9 мая 1973 г. сообщала, например, что на осенней ярмарке 1972 г. в Гуанчжоу китайская сторона повысила цены на многие продовольственные товары примерно на 50%.

В текущих ценах мирового рынка внешняя торговля Китая в 1974 г. по сравнению с 1970 г. увеличилась в 3 раза. Если же исчислить внешнюю торговлю КНР в неизменных ценах 1970 г., то ее физический объем за последние 4 года (1971—1974 гг.) увеличился, по предварительным подсчетам, всего в 1,6—1,7 раза.

Следует также отметить, что в 1974 г. у Китая образовалось большое отрицательное сальдо торгового баланса, которое, по оценке западной печати, составило около 1 млрд. долл.² Трудности в сбалансировании

² «Financial Times», 29. IV. 1975.

торговли привели к тому, что Китай вынужден был расторгнуть ряд контрактов на импорт пшеницы и хлопка из США, отсрочить ввоз из Японии отдельных партий минеральных удобрений и прекратить закупку некоторых товаров.

В последние годы выявились новые моменты в кредитной политике Китая. Обстоятельства вынудили китайских руководителей в конце 1972 г. пойти на получение среднесрочных кредитов при закупке комплектного оборудования в промышленно развитых капиталистических странах. Эти кредиты Китай получает сроком на 5 лет из расчета 6% годовых. В западной печати в связи с этим указывается, что в «твердой» политике отказа Китая от иностранных кредитов появились признаки ее изменения. Индийская газета «Стейтсмен» 5 января 1974 г. отмечала, что реальные потребности экономики вполне могут привести к постепенному изменению политики Китая в отношении иностранной помощи и кредитов.

На начало 1975 г. китайские организации подписали с фирмами капиталистических стран контракты на поставку в КНР комплектного оборудования для более чем 50 предприятий и объектов, главным образом химической, электроэнергетической и металлургической промышленности. На оплату поставок оборудования Китаю было предоставлено кредитов на общую сумму более 2,1 млрд. долл.³ Наряду с японскими фирмами, которые получили заказов примерно на половину этой суммы, крупные сделки были заключены с фирмами Франции, ФРГ, США, Голландии.

Внешняя торговля КНР с европейскими социалистическими странами

До начала 60-х годов экономическим отношениям Китая со странами социализма были присущи черты, которые отличают межгосударственные отношения в мировой социалистической системе. Между социалистическими странами и КНР к этому времени установились разносторонние хозяйственные связи. В 1959 г. торговля КНР с социалистическими странами увеличилась по сравнению с 1950 г. в 8,5 раза и составила 2,7 млрд. руб. В этот период торговля Китая с Советским Союзом увеличилась с 519 млн. руб. до 1849 млн. руб., или более чем в 3,5 раза. На долю стран социализма в 1959 г. приходилось почти 72% внешнеторгового оборота КНР против 33% в 1950 г.

Торговля Китая с Советским Союзом и другими социалистическими странами способствовала непрерывному развитию экономики страны. Значение экономических отношений КНР с социалистическими странами в первое десятилетие после народной революции было тем более ощутимо, что они осуществлялись в условиях экономической блокады и эмбарго со стороны империалистических государств во главе с США.

Особенно большое значение для развития народного хозяйства КНР имело поставляемое из стран — членов СЭВ комплектное оборудование. Только при техническом содействии Советского Союза в КНР было полностью или частично сдано в эксплуатацию 250 промышленных предприятий, объектов и цехов, оснащенных новейшим оборудованием⁴. На строительство этих предприятий и другие цели Советский Союз предоста-

³ «Financial Times», 29. IV. 1975.

⁴ «Экономическая газета», 1972, № 42.

вил Китаю на льготных условиях кредиты на общую сумму свыше 1,8 млрд. руб.⁵

Однако с начала 60-х годов китайское руководство в одностороннем порядке взяло курс на резкое сокращение экономического сотрудничества с Советским Союзом и большинством других социалистических стран, хотя эти действия противоречили объективным потребностям и нанесли большой урон прежде всего экономике КНР.

В Пекине начали прямо заявлять о том, что «Китайская Народная Республика в ближайшие годы будет развивать экономические отношения только с теми социалистическими странами, которые поддерживают китайскую идеологическую концепцию»⁶.

В результате такой политики руководства КНР в течение 60-х и в начале 70-х годов экономические связи Китая с большинством стран социализма резко сократились и свелись, по существу, только к внешней торговле, причем Пекин зачастую использует ее в качестве средства политического нажима на ту или иную страну, как инструмент «дифференцированного» подхода к этим странам, выражающегося прежде всего в попытках расколоть страны СЭВ, добиться изоляции Советского Союза, посеять недоверие к проводимой им политике, представить дело так, будто серьезные разногласия по принципиальным вопросам современности у КНР имеются только с СССР. Торговля КНР со странами — членами СЭВ в 1970 г. сократилась по сравнению с 1959 г. более чем в 7 раз, в том числе с СССР — в 44, с Венгрией — в 3,9, с ГДР — в 2,8, с Польшей — в 1,75, Чехословакией — в 3,5 раза⁷.

Для 60-х годов было характерно резкое сокращение вывоза Китаем в страны социализма товаров, которые являлись традиционными в 50-е годы — олова, вольфрамового и молибденового концентратов, сельскохозяйственного сырья и т. д., а также значительное уменьшение закупок в этих странах машин и оборудования, проката черных и цветных металлов и других товаров. В то же время КНР существенно расширила объем продаж и закупок аналогичных товаров на капиталистическом рынке.

В 1974 г. товарооборот стран — членов СЭВ с Китаем увеличился по сравнению с 1970 г. примерно в 2,2 раза. Однако следует иметь в виду, что увеличение суммы товарооборота в значительной мере объясняется ростом текущих мировых цен, на базе которых ведется торговля между Китаем и большинством социалистических стран.

Курс китайского руководства на ухудшение советско-китайских межгосударственных отношений привел к резкому сокращению торговли с Советским Союзом.

Удельный вес СССР в общем объеме внешней торговли КНР упал с 50% в 1959 г.⁸ примерно до 2% в 1974 г.

Почти полностью прекратились поставки в Советский Союз таких товаров, как олово, ртуть, вольфрамовый и молибденовый концентраты, рис, соевые бобы, арахис, шелк.

Резко сократились закупки КНР в Советском Союзе машин и оборудования. Прекратился и ввоз советской нефти и нефтепродуктов.

Поворот во внешнеэкономической ориентации руководства КНР подорвал основу выполнения ряда соглашений о предоставлении Советским Союзом технической помощи КНР. Китай пошел на фактическую депои-

⁵ «Экономическая газета», 1972, № 42.

⁶ «Neues Deutschland», 20. VII. 1963; «Правда», 24. VII. 1963.

⁷ «Международная жизнь», 1973, № 8; «Развитие экономики стран народной демократии в 1960 г.» — «БИКИ». Приложение, 1961, № 10.

⁸ «50 лет советской внешней торговли». М., 1967, с. 149.

Таблица 2

Торговля КНР с отдельными европейскими социалистическими странами* (в млн. руб)

Страна	Год					
	1960	1965	1970	1972	1973	1974
Советский Союз						
Оборот	1498,7	375,5	41,9	210,6	201,3	214,0
Экспорт	763,3	203,0	19,5	110,4	100,8	105,6
Импорт	735,4	172,5	22,4	100,2	100,5	108,4
Болгария						
Оборот	15,3	1,9	1,7	6,3	11,2	11,7
Экспорт	8,6	0,9	0,8	2,2	6,8	4,8
Импорт	6,7	1,0	0,9	4,1	4,4	6,9
Венгрия						
Оборот	69,7	23,0	19,2	44,1	46,1	36,5
Экспорт	33,1	9,6	11,5	17,0	17,8	19,7
Импорт	36,6	13,4	7,7	27,1	28,3	16,8
ГДР						
Оборот	177,3	46,4	70,1	79,6	80,8	110,3
Экспорт	90,0	22,7	32,1	40,5	43,9	57,9
Импорт	87,3	23,7	38,0	39,1	36,9	52,4
Польша						
Оборот	86,7	39,8	45,7	51,3	50,1	68,8
Экспорт	41,7	22,5	22,0	28,1	25,3	35,3
Импорт	45,0	17,3	23,7	23,2	24,8	33,5
Румыния						
Оборот	51,2	43,7	120,5	180,6	197,3	...
Экспорт	21,2	19,7	55,8	79,5	101,3	...
Импорт	30,1	24,0	64,7	101,1	96,0	...
Чехословакия						
Оборот	182,4	29,1	50,5	47,0	56,3	75,9
Экспорт	84,0	12,0	22,6	23,0	29,8	42,6
Импорт	98,4	17,1	27,9	24,0	26,3	33,3
Югославия						
Оборот	1,5	0,1	6,1	15,2	57,8	105,7
Экспорт	0,5	0,1	2,0	2,9	12,0	21,4
Импорт	1,0	—	4,1	12,3	45,8	83,7

* Таблица составлена по данным статистик стран-партнеров КНР.

сацию многих соглашений, протоколов и контрактов, заключенных с Советским Союзом.

Последовательно проводимая Советским Союзом реалистическая конструктивная политика в отношении Китая привела с начала 70-х годов к некоторым положительным сдвигам в советско-китайских торговых отношениях. После 3-летнего перерыва по инициативе советской стороны в ноябре 1970 г. в Пекине было подписано межправительственное соглашение о товарообороте и платежах между СССР и КНР на 1970—1971 гг. С подписанием этого соглашения была восстановлена юридическая основа торговых отношений между Советским Союзом и Китаем, нарушенная после 1967 г. по вине китайской стороны. Аналогичные соглашения подписываются сейчас ежегодно.

Объем советско-китайской торговли в последние годы несколько увеличился и составил в 1974 г. 214 млн. руб. Однако он не отвечает ни экономическим возможностям, ни потребностям Советского Союза и Китая. Выступая на XXIV съезде КПСС, А. Н. Косыгин говорил: «Советский

Союз предпринял ряд шагов к развитию нашей торговли с Китаем. Однако результаты, достигнутые в этой области, далеко не соответствуют реальным возможностям обеих стран. Мы будем стремиться к тому, чтобы в предстоящие годы торговые отношения с Китаем могли получить развитие на основе равенства и соблюдения взаимных интересов»⁹.

Торговля между КНР и Венгрией в последние годы существенно возросла, хотя и не достигла уровня 1960 г. Китай полностью прекратил импорт из Венгрии комплектного оборудования (в 1960 г. Венгрия поставляла Китаю оборудование для 16 теплоэлектростанций на сумму свыше 5 млн. руб., а также для трубного завода мощностью 120—150 тыс. т бесшовных труб в год на сумму около 8 млн. руб.)¹⁰.

Китай прекратил экспорт в Венгрию вольфрамового концентрата (в 1960 г. было поставлено 553 т¹¹), соевых бобов (в 1960 г. — 55 тыс. т). Экспорт КНР в Венгрию олова сократился с 501 т в 1960 г. до 300 т в 1973 г.¹²

Аналогичное положение складывается в торговле Китая с Польшей; ее объем значительно ниже уровня 1960 г. В 1960 г. Польша поставляла Китаю комплектное оборудование для 25 промышленных предприятий, в том числе для одной угольной шахты проектной мощностью 3 млн. т угля в год на общую сумму 17,7 млн. руб.¹³ В настоящее время ввоз КНР комплектного оборудования из Польши, составлявшего в 1960 г. около 40% китайского импорта из этой страны, полностью прекращен. Импорт КНР стального проката уменьшился с 66 тыс. т до 41 тыс. т в 1973 г.

Одновременно Китай сократил экспорт в Польшу олова со 150 т до 100 т, флюорита — с 13,3 тыс. т до 11,6 тыс. т, риса — с 61 тыс. т до 23 тыс. т и т. д.¹⁴

Товарооборот между Китаем и Чехословакией в настоящее время намного отстает от уровня, достигнутого в конце 50-х годов, когда Чехословакия экспортировала в Китай в значительном количестве комплектное оборудование. В настоящее время Китай значительно сократил импорт машин и оборудования из Чехословакии.

Уменьшился и экспорт в ЧССР многих китайских товаров. Так, экспорт мяса с 38 тыс. т в 1960 г. снизился до 14 тыс. т в 1973 г., а риса — с 67 тыс. т до 45 тыс. т¹⁵ и т. д.

Торговля между Китаем и Болгарией в 1972 г. уменьшилась по сравнению с 1960 г. в 2,5 раза. Китай прекратил закупки в Болгарии комплектного оборудования, свинца (в 1960 г. они составили 1,2 тыс. т), аммиачной селитры (в 1960 г. — 5 тыс. т), с 1973 г. прекратил экспорт в эту страну олова (в 1960 г. — 100 т), снизил экспорт хлопчатобумажных тканей (с 2 млн. м до 286 тыс. м), прекратил поставки риса (в 1960 г. — 10 тыс. т), чая, шелка-сырца¹⁶.

Торговля Китая с Югославией в 1973 г. составила 58 млн. руб., что почти в 40 раз превышает уровень 1960 г., а в 1974 г. достигла почти 106 млн. руб. Развитие экономических отношений между странами началось с марта 1969 г., когда между КНР и СФРЮ был подписан договор

⁹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, с. 183.

¹⁰ «Statistikai évkönyv», 1962. Budapest; «Развитие экономики стран народной демократии в 1960 г.». — «БИКИ». Приложение, 1961, № 10.

¹¹ Там же.

¹² Там же; «Статистический бюллетень Международного совещания по олову», март 1975 г.

¹³ «Рочник статистичны хандлу заграничного». Варшава, 1961; «Развитие экономики стран народной демократии в 1960 г.». — «БИКИ». Приложение, 1961, № 16.

¹⁴ «Рочник статистичны хандлу заграничного». Варшава, 1960; 1973.

¹⁵ «Statistiká Ročenka CSSR». Praha, 1961; Zahkaničeni obchod», 1974, № 9.

¹⁶ «Външна търговия на Народна Република България». София, 1961; 1974.

о торговле и платежах. В конце 1971 и начале 1972 г. были заключены долгосрочные контракты на поставку из Югославии в Китай в течение 1972—1974 гг. 12 судов грузоподъемностью от 13 до 15 тыс. бр. р. т¹⁷. В 1973 г. на суда и судовое оборудование (в основном судовые дизели) приходилось свыше 65% стоимости импорта КНР из Югославии. Кроме того, Китай закупал в СФРЮ черные и цветные металлы и другие товары в обмен на продовольственные товары, сырье растительного и животного происхождения, промышленные товары народного потребления. В 1971 г. в Китае состоялась первая югославская промышленная выставка, а в 1973 г. в Белграде была проведена торгово-экономическая выставка КНР.

Между странами развивается сотрудничество в области морского судоходства — в конце 1970 г. была открыта судоходная линия Риека — Тяньцзинь. В настоящее время Югославия получает от предоставления Китаю транспортных услуг на этой линии свыше 10 млн. руб. в год¹⁸.

Китай не в состоянии экспортировать достаточное количество товаров, в которых заинтересована СФРЮ. В результате этого в торговле с СФРЮ Китай имеет хронический дефицит.

В настоящее время Румыния занимает первое место в торговле КНР с европейскими социалистическими странами. Между странами подписано долгосрочное торговое соглашение на 1972—1975 гг. Китай поставляет в Румынию стальной прокат, цветные металлы, хлопок, продукцию химической промышленности, продовольственные товары, промышленные товары народного потребления в обмен на средства транспорта (в том числе грузовые автомобили и электровозы), станки, энергетическое оборудование, буровые установки, нефтепродукты, трубы, алюминий и другие товары.

С 1970 г. Китай оказывает Румынии экономическую помощь. В июне 1970 г. КНР предоставила безвозмездную помощь на сумму 52,6 млн. юаней¹⁹, а в ноябре того же года и в октябре 1971 г. — два долгосрочных беспроцентных кредита.

В 1971 г. в Пекине и Бухаресте были организованы румынская и китайская экономические выставки.

Анализ экономических отношений КНР со странами — членами СЭВ показывает, что маоистское руководство вопреки насущным интересам китайского народа противодействует установлению тесных экономических отношений Китая со странами — членами СЭВ.

Курс на расширение торговли с Западом

Торговля Китая с промышленно развитыми капиталистическими странами постоянно расширяется. В результате этого усиливается зависимость Китая от капиталистического рынка с присущими ему резкими конъюнктурными колебаниями и глубокими инфляционными процессами.

Свои экономические связи с капиталистическими странами маоисты подчиняют прежде всего задаче наращивания военного потенциала страны, а потом уже решению некоторых неотложных проблем в экономике. Ярко выраженная антисоветская направленность во внешней политике КНР в годы «культурной революции» и после нее не оставила ни малейшего сомнения у правительств империалистических государств о подлинных намерениях Пекина. Например, реакционная западногерманская га-

¹⁷ «Борба», 27. VI. 1973.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Сообщение Аджерпресс, 13. VI. 1970.

зета «Ди Вельт» 12 октября 1972 г. отмечала, что «основным критерием китайской внешней политики является антисоветизм, а не критерий классовой борьбы». Курс маоистов на политическое сближение с Западом нашел свое проявление и в расширении торговых и других связей с ними. Естественно, нельзя не видеть, что, встав на путь развития торговых отношений с Китаем, монополистические круги Запада рассчитывают, что это будет способствовать закреплению пекинского руководства на позициях, враждебных мировому социализму.

Поэтому не случайно, что в последние годы ряд капиталистических государств (например, Япония, ФРГ, Италия, Канада) пошли на дипломатическое признание Пекина, заключили с КНР торгово-экономические соглашения.

Торговля КНР с промышленно развитыми капиталистическими странами систематически возрастала и, по предварительной оценке, в 1974 г. составила почти 7 млрд. долл. По сравнению с 1960 г. товарооборот Китая с этими странами увеличился в 9,5 раза, а их удельный вес в общем объеме внешней торговли соответственно повысился с 18 примерно до 56%. Таким образом, развитые капиталистические страны заняли решающие позиции во внешней торговле КНР.

За последние годы Китай превратился в крупного покупателя в западных странах машин, оборудования и транспортных средств, черных и цветных металлов, минеральных удобрений и других химических товаров, а также зерновых, хлопка, бобов и некоторых других товаров. Так, в 1974 г. КНР ввезла из промышленно развитых капиталистических стран машин, оборудования и транспортных средств примерно на 980 млн. долл. (в 1970 г. — на 250 млн. долл.), а также черных металлов — 3,4 млн. т (соответственно в 1970 г. — 2,1 млн. т), минеральных удобрений — 1,9 млн. т, зерна — 6,2 млн. т, алюминия — 58 тыс. т (1973 г.), меди — 51 тыс. т (1973 г.) и т. д.

Переориентация внешней торговли Китая на рынок развитых капиталистических стран резко обострила проблему торгового баланса. Ввиду того что Китай располагает ограниченными экспортными возможностями, а также вследствие ограничений на ввоз в страны Запада китайских товаров (особенно продовольствия и товаров широкого потребления), ежегодно возрастает отрицательное сальдо торгового баланса КНР с развитыми капиталистическими странами. В 1974 г. отрицательное сальдо торгового баланса с этими странами достигло 2,4 млрд. долл. против 0,8 млрд. долл. в 1970 г. В результате этого Пекин вынужден изыскивать источники получения свободно конвертируемой валюты для выравнивания платежного баланса.

Главным торговым партнером Китая является Япония. В 1974 г. по сравнению с 1970 г. объем японо-китайской торговли увеличился почти в 4 раза, а по сравнению с 1960 г. — в 142 раза. Доля Японии в общем товарообороте Китая в 1973 г. достигла примерно 26%. Такой стремительный рост торговли Китая с Японией в западной печати объясняется стремлением помешать развивающемуся советско-японскому сотрудничеству. Следует отметить, что в торговле с Японией Китай имеет большое пассивное сальдо, которое в 1974 г. составило 840 млн. долл. (против 350 млн. долл. в 1970 г.).

В январе 1974 г. Китай подписал с Японией межправительственное торговое соглашение, в соответствии с которым стороны предоставили друг другу режим наибольшего благоприятствования.

В 1974 г. Япония поставила в Китай машин, оборудования и транспортных средств на 562 млн. долл., 2,8 млн. т черных металлов, 1,8 млн. т минеральных удобрений, 72,8 тыс. т искусственных и синтетических воло-

Таблица 3

Торговля КНР с промышленно развитыми капиталистическими странами* (в млн. долл.)

Страна	Год					
	1960	1966	1970	1972	1973	1974**
Япония						
Оборот	23,4	621,4	822,7	1100,1	2016,5	3287,2
Экспорт	20,7	306,2	253,8	491,1	974,2	1304,0
Импорт	2,7	315,2	568,9	609,7	1042,3	1983,2
США						
Оборот	—	—	—	92,5	753,6	923,0
Экспорт	—	—	—	32,3	64,0	114,5
Импорт	—	—	—	60,2	689,6	808,5
ФРГ						
Оборот	163,2	221,9	251,0	274,2	461,0	614,0
Экспорт	68,7	92,5	84,0	107,3	150,3	192,5
Импорт	94,5	129,4	167,0	166,9	310,7	421,5
Канада						
Оборот	14,7	190,1	154,1	310,8	340,8	506,0
Экспорт	5,6	19,1	18,3	49,0	52,9	62,2
Импорт	9,1	171,0	135,8	261,8	287,9	443,8
Англия						
Оборот	157,4	188,3	188,0	166,9	324,3	323,1
Экспорт	68,5	94,7	81,0	88,9	117,4	155,9
Импорт	88,9	93,6	107,0	78,0	206,9	167,2
Франция						
Оборот	75,4	146,4	151,0	164,5	237,5	297,6
Экспорт	22,7	53,9	70,0	104,8	147,5	157,4
Импорт	52,7	92,5	81,0	59,7	90,0	140,2
Италия						
Оборот	63,6	119,3	120,0	161,2	204,3	201,4
Экспорт	24,0	56,5	63,0	84,3	128,2	106,7
Импорт	39,6	62,8	57,9	76,1	94,7	...
Австралия						
Оборот	33,8	109,9	164,8	99,8	225,1	370,2
Экспорт	10,4	26,4	35,5	35,5	86,0	95,5
Импорт	23,4	83,5	129,3	46,3	139,1	274,7
Швеция						
Оборот	19,1	40,1	39,1	63,1	79,4	99,8
Экспорт	5,9	14,4	17,3	20,9	28,6	39,6
Импорт	13,2	24,7	21,8	42,2	50,8	60,2
Нидерланды						
Оборот	28,4	46,3	48,4	55,7	98,5	144,7
Экспорт	21,4	30,2	26,6	45,5	65,8	86,8
Импорт	7,0	16,1	21,8	10,2	32,7	57,9
Швейцария						
Оборот	16,9	37,3	39,0	39,2	70,5	91,3
Экспорт	8,8	16,0	18,0	19,7	28,9	36,3
Импорт	8,1	21,3	21,0	19,5	41,6	55,0
Бельгия-Люксембург						
Оборот	54,5	35,7	34,0	35,6	70,2	63,8
Экспорт	9,8	15,4	11,0	23,3	39,3	39,4
Импорт	44,7	20,3	23,0	12,3	30,9	24,4
Дания						
Оборот	19,1	9,4	15,0	19,7	24,0	43,6
Экспорт	17,0	6,9	11,0	10,9	20,2	29,5
Импорт	2,1	2,5	4,0	8,8	3,8	14,1

* Источники: «Ниттю боэки сюсацу», 1971; «Direction of trade», апрель—июль 1973 г. и март 1975 г.

** В скобках указано количество месяцев, за которые приведены данные.

кон. В экспорте КНР в Японию преобладают промышленное и сельскохозяйственное сырье, продовольствие и промышленные товары широкого потребления. В 1973 г. Китай впервые поставил в Японию 1 млн. т нефти, а в 1974 г. поставлено около 4 млн. т на 417 млн. долл. Японский еженедельник «Сюкан бунсюн» 7 января 1974 г. отметил, что Китай начал поставлять нефть в Японию прежде всего по политическим соображениям.

В 1972—1974 гг. Китай закупил в Японии в счет кредитов комплектное оборудование для 18 предприятий и объектов примерно на сумму 800 млн. долл.²⁰. Среди этих предприятий наиболее важными являются заводы химической промышленности (минеральных удобрений, синтетических волокон, полиэтилена), а также крупный листопрокатный завод мощностью 3 млн. т горячекатаного листа в год.

В 1974 г. увеличился объем торговли Китая с США, который занял второе место в общем объеме внешней торговли КНР. По данным статистики внешней торговли США, в 1974 г. объем американо-китайской торговли по сравнению с 1972 г. увеличился почти в 10 раз и составил 923 млн. долл., в том числе экспорт США в Китай — 808,5 млн. долл. Американская печать не без удовлетворения отмечала, что торговые связи с Китаем стали «золотым дном» для американских фирм. Активное сальдо США в торговле с КНР в 1974 г. достигло 700 млн. долл.

В экспорте КНР в США основное место занимают такие товары, как щетина, шелк-сырец, чай, перец, корица, морепродукты, хлопчатобумажные и шелковые ткани, одежда и белье, олово, антикварные изделия и др.

В 1974 г. в импорте Китая из США наибольший удельный вес приходится на зерновые (2,8 млн. т), хлопок (171,0 тыс. т), сою-бобы (570 тыс. т), машины и оборудование (106 млн. долл., в том числе 5 самолетов «Боинг» на 55 млн. долл.).

Следует также отметить, что в 1973 г. китайские организации подписали контракты с американскими компаниями на поставку в КНР комплектного оборудования для 8 заводов по производству аммиака общей стоимостью 200 млн. долл. На эти цели Китаю был предоставлен среднесрочный кредит.

Продолжается процесс активизации торгово-экономических отношений Китая со странами «Общего рынка», которые маоистское руководство подталкивало на срыв Общеευропейского совещания по безопасности и подстрекает эти страны на сохранение и укрепление агрессивного блока НАТО. В Пекине с одобрением отнеслись к решению Англии, Дании и Ирландии о вступлении в ЕЭС. В мае 1975 г. Китай установил дипломатические отношения с «Общим рынком».

Китайский рынок всегда был привлекательным для европейских предпринимателей, однако перспективы их проникновения на этот рынок, так же как и перспективы проникновения Китая на рынок ЕЭС, весьма ограничены.

Потенциальные возможности роста китайского экспорта в страны ЕЭС связаны с такими чувствительными к конкуренции товарами, как текстиль и другие готовые изделия. Однако на их экспорт в страны ЕЭС из Китая существует строгая квота. Китаю также не предоставляют таможенные преференции, которыми пользуются развивающиеся страны при экспорте в страны ЕЭС готовых изделий.

В 1974 г. по сравнению с 1970 г. объем внешней торговли КНР со странами «Общего рынка» увеличился более чем в 2,1 раза и составил

²⁰ «Financial Times», 29. IV. 1975.

примерно 1,7 млрд. долл. (около 15% всего товарооборота КНР). В торговле с этой группой стран у Китая хронический пассивный торговый баланс, который в 1974 г. составил 330 млн. долл. (против 200 млн. долл. в 1970 г.).

Среди стран ЕЭС наиболее активные связи Китай поддерживает с ФРГ, что, видимо, объясняется ролью Западной Германии в «Общем рынке». «ФРГ, — указывала «Франкфуртер альгемайне» 31 июля 1972 г., — по китайской оценке, является на этом разделенном континенте одной из мощных сил как в экономическом, так и политическом отношении. По этой причине Пекин стремится установить более тесные контакты со всеми западноевропейскими странами, и особенно с Федеративной Республикой...».

В октябре 1972 г. между КНР и ФРГ установлены дипломатические отношения. В июле 1973 г. было подписано двухгодичное торговое соглашение, которое предусматривает предоставление сторонами режима наибольшего благоприятствования. Достигнута договоренность о создании смешанной комиссии, в задачу которой входит содействие развитию экономических отношений между странами.

Подписание этих документов способствовало росту торговли между странами. В 1974 г. по сравнению с 1970 г. китайско-западногерманская торговля увеличилась в 2,4 раза и составила 614 млн. долл. Пассив торгового баланса КНР в торговле с ФРГ в 1974 г. составил 290 млн. долл.

В 1973 г. КНР ввезла из ФРГ 704 тыс. т проката черных металлов и труб, на 35 млн. долл. машин и оборудования, а также некоторые виды химических товаров.

Западногерманские монополии заключили с КНР ряд контрактов на поставку комплектного оборудования. В частности, 27 марта 1974 г. в Пекине с компанией «Демаг А. Г.» был подписан контракт на поставку Китаю стана холодной прокатки стоимостью около 500 млн. зап. герм. марок.

Важное место во внешней торговле КНР занимает Франция. В 1974 г. по сравнению с 1970 г. объем торговли Китая с Францией увеличился примерно в 2 раза и составил, по предварительной оценке, 350 млн. долл.

Китай закупил во Франции комплектное оборудование для гидроэлектростанции на общую сумму 561 млн. долл. В частности, между китайской компанией по импорту и экспорту машин и оборудования и французскими компаниями «Спейшим» и «Текнип» заключен контракт на поставку Китаю оборудования для нефтехимического комплекса, состоящего из 21 предприятия (стоимость оборудования 300 млн. долл.).

Объем торговли Китая с Англией в 1974 г. увеличился по сравнению с 1970 г. в 1,7 раза и составил 323 млн. долл. В экспорте Англии в КНР основное место приходится на машины, оборудование и транспортные средства, промышленные алмазы, медь и некоторые другие товары. Английская корпорация «Хаукер — Сиддли» заключила в январе 1973 г. крупную сделку на поставку в КНР 20 самолетов «Трайидент» на 140 млн. долл.

Торговля Китая с Канадой и Австралией поддерживается на высоком уровне главным образом за счет закупок в этих странах пшеницы. В результате импорт КНР из этих стран значительно превышает ее экспорт. Так, импорт Китая из Канады в 1974 г. составил 444 млн. долл., а экспорт — всего 62 млн. долл. За последнее 5-летие (1970—1974 гг.) Китай ввез из Канады 12,7 млн. т пшеницы (в 1974 г. — 1,8 млн. т). О намерении Китая и в дальнейшем закупать зерно в Канаде и Австралии свидетельствуют соглашения, заключенные в 1973 г., на импорт из этих стран 9,5—10,8 млн. т зерна в течение 3 лет.

Скандинавские страны занимают небольшой удельный вес во внешней торговле Китая, однако следует отметить, что стремление повысить свое политическое влияние в этих странах вынуждает маонистов прилагать усилия к расширению торгово-экономических связей с ними. В 1974 г. по сравнению с 1970 г. товарооборот КНР со Швецией увеличился почти в 2,5 раза и составил 99,8 млн. долл., с Норвегией — в 3,6 раза (составил 76,3 млн. долл.) и Финляндией — почти в 2,2 раза (составил 40,9 млн. долл.). Для Китая Скандинавские страны являются важными поставщиками судов и судового оборудования (Швеция, Норвегия), целлюлозы, бумаги и картона (Швеция и Финляндия), алюминия (Норвегия) и некоторых других товаров.

Разумеется, процесс расширения торгово-экономических отношений Китая с западными странами — нормальное явление с точки зрения принципов мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами. Однако в данном случае процесс политического и экономического сближения Пекина с капиталистическими государствами происходит на антисоциалистической основе вопреки насущным интересам китайского народа.

Претензии Пекина на гегемонию среди развивающихся стран

Китайское руководство в своих политических планах придает важное значение развитию экономических отношений с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки. В последнее время маонисты настойчиво пропагандируют идею о принадлежности Китая к «третьему миру», подчеркивают общность исторических судеб китайского народа с народами этих стран. Западные специалисты по Китаю считают, что «притязания Китая на лидерство в «третьем мире», вероятно, являются повторением этноцентризма прошлого, в соответствии с которым «Средняя империя» вовлекает некитайский мир в иерархическую систему межгосударственных отношений с центром в Пекине»²¹.

Расширяя экономические связи с развивающимися странами, Пекин усиленно рекламирует их как новый тип международных экономических отношений, который противопоставляется практике сотрудничества этих стран с Советским Союзом и другими социалистическими государствами.

Однако анализ торговых отношений Китая с этими странами показывает, что их развитие подчинено достижению определенных политических целей, несовместимых с интересами торговых партнеров КНР. Усиленное

Таблица 4

Товарооборот КНР с развивающимися странами (в млн. долл.)

	Год					
	1960	1966	1970	1972	1973*	1974*
Оборот	452	856	789	1148	1650	1820
Экспорт	243	514	550	738	1023	1108
Импорт	209	342	239	420	627	712

* Предварительные данные.

²¹ «China's development experience». New York, 1973, p. 43.

проникновение на рынки развивающихся стран связано со стремлением Пекина вытеснить конкурентов и расширить сферу своего экономического влияния.

За 1960—1974 гг. объем торговли КНР с развивающимися странами возрос в 4 раза, в том числе экспорт — в 4,5 раза, импорт — в 3,4 раза. Удельный вес этой группы стран во внешнеторговом обороте КНР в целом составил в 1974 г. 14,6%.

Особенностью китайского экспорта в развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки является преобладание различных товаров потребительского назначения (продовольствие — рис, соевые бобы, чай, мясопродукты, а также текстильные изделия, обувь, посуда, канцелярские принадлежности, изделия кустарного промысла и др.), на долю которых приходится до 80% стоимости всего экспорта в эти страны. Среди них ведущее место занимают рис, ткани и различные текстильные изделия. Поставки довольно крупных партий подобных товаров в развивающиеся страны наносят немалый ущерб развитию их национальной промышленности. Конкуренция китайских товаров на внутреннем рынке этих стран вызывает серьезные трудности в создании основ независимой экономики развивающихся государств.

Экспорт Китая в развивающиеся страны существенно превосходит импорт (в 1970—1974 гг. — в 1,7 раза), что в значительной степени связано с поставкой Китаем товаров в кредит. Некоторые развивающиеся страны пришли к выводу, что Китай использует их как рынок сбыта своей продукции и источник получения ценного сырья и валюты для покрытия дефицита в торговле с развитыми капиталистическими странами. Например, газета «Аш-Шааб» (Ливан) писала, что, «не имея другой возможности получения валюты, пекинское руководство стремится превратить Африку в рынок сбыта своих товаров и источник необходимых финансовых средств»²².

Важным средством форсирования китайского экспорта, наряду с демпинговыми ценами, является условие, предусматривающее, что страна, получающая экономическую помощь от КНР, обязуется использовать до 50% кредита на импорт из Китая различных товаров широкого потребления. Средства от реализации этих товаров на внутреннем рынке направляются на финансирование (в местной валюте) строительства тех или иных объектов в счет китайской помощи.

Импорт КНР из развивающихся стран представлен главным образом сырьевыми товарами, имеющими важное значение для развития народного хозяйства Китая (натуральный каучук, хлопок, фосфаты, медь, нитраты). Экономическая заинтересованность Китая в получении указанных товаров обуславливает тот факт, что до 75% торговли с развивающимися странами приходится на долю тех торговых партнеров, которые располагают этими ценными видами сырья.

Импорт натурального каучука возрос со 186,6 тыс. т в 1970 г. до 264,7 тыс. т в 1973 г. Большая часть ввозимого Китаем каучука (60—70%) поступает из Сингапура и Малайзии, которые относятся к числу наиболее крупных торговых партнеров Китая в Азии.

Важным товаром импорта КНР из развивающихся стран является также хлопок. Если в 1970/71 г. Китай импортировал из этих стран 95 тыс. т хлопка, то в 1971/72 г. — 150 тыс. т., в 1972/73 г. — 275 тыс. т.²³ Основное место в поставках хлопка в КНР занимают Судан, Сирия, Пакистан, АРЕ, Танзания. В указанный период на долю этих стран прихо-

²² «За рубежом», 1974, № 30.

²³ Рассчитано на основе данных «Colton-World statistics», апрель 1974.

дилось около 70% всего импорта хлопка Китаем (в отдельные годы — свыше 90%).

В 70-е годы КНР значительно увеличила импорт из развивающихся стран меди (в 1970 г. — 28,4 тыс. т, в 1973 г. — 75,4 тыс. т²⁴), которая прежде закупалась в основном в Замбии, а с установлением торгово-экономических отношений с рядом латиноамериканских стран Китай начал закупать значительное количество меди в Чили и Перу.

Рынок развивающихся стран представляет для КНР интерес с точки зрения получения фосфатов, которые импортируются главным образом из Марокко, а также Туниса, Алжира, Кувейта. Закупки фосфатов возросли с 866 тыс. т в 1970 г. примерно до 1100 тыс. т в 1973 г.²⁵

Более половины товарооборота КНР с развивающимися странами приходится на долю стран Азии. Развитию торговли с ними благоприятствуют такие факторы, как географическая близость, а также наличие в ряде азиатских стран значительного числа китайских эмигрантов, которые играют определенную роль в экономике этих стран, особенно в торговле. В 1974 г. товарооборот Китая со странами Азии возрос по сравнению с 1965 г. на 16%.

Среди развивающихся стран Азии наиболее крупными торговыми партнерами КНР являются Сингапур и Малайзия. Эти две страны являются не только важнейшими рынками реализации китайских товаров и получения свободно конвертируемой валюты, но и рынками закупки такого важного стратегического товара, как натуральный каучук. В 1973 г. по сравнению с 1970 г. товарооборот Китая с Сингапуром увеличился почти в 2 раза, а с Малайзией — в 2,4 раза.

В 1970—1973 гг. Китай ввозил из Сингапура по 50—70 тыс. т натурального каучука в год. На его долю приходилось в среднем в год 87,5% стоимости всего импорта КНР из этой страны. Среди товаров, экспортируемых Китаем в Сингапур, следует отметить рис, мясопродукты, фрукты, овощи, ткани, строительные материалы, металлоизделия и другие.

Важное значение для урегулирования торговых связей Китая с Малайзией имеет решение малайзийского правительства, принятое в октябре 1971 г., о запрещении импорта китайских товаров через фирмы Гонконга и Сингапура и предоставлении монопольного права на ввоз товаров из КНР государственной корпорации «Пернас». Установление дипломатических отношений между этими странами в 1974 г., видимо, будет способствовать дальнейшему развитию китайско-малайзийской торговли. Китай увеличил закупки каучука в Малайзии (в 1972 г. — около 80 тыс. т, в 1973 г. — более 125 тыс. т), который является практически единственным товаром, ввозимым Китаем из этой страны. КНР поставляет в Малайзию широкий круг потребительских товаров, а также некоторые виды строительных материалов, бумагу, химикаты, черные металлы и т. д.

К числу крупных торговых партнеров КНР в Азии относится и Республика Шри Ланка. В 1973 г. товарооборот между КНР и Шри Ланка составил 70,3 млн. долл. против 41,6 млн. долл. в 1972 г.

Китай является крупным импортером цейлонского каучука. Доля КНР в экспорте Шри Ланка этого товара в 1970—1973 гг. составила около 46%. В 1973 г. из Шри Ланка вывезено 69,3 тыс. т, в 1974 г. — 41,8 тыс. т каучука. Кроме того, Китай импортирует из этой страны кокосовое масло и копру. КНР поставляет Шри Ланка по 200 тыс. т риса в год в соответствии с ежегодно подписываемыми товарообменными соглашениями «рис — каучук».

²⁴ «World Metal statistics», сентябрь 1973, июнь 1974, февраль 1975.

²⁵ Предварительные расчеты на основе данных «Phosphorus and potassium», ноябрь — декабрь 1973; Статистическое приложение к журналу «Sulphur», май — июнь 1973.

Таблица 5

Торговля КНР с некоторыми развивающимися странами*
(в млн. долл.)

Страна	Год					
	1960	1970	1971	1972	1973	1974**
Малайзия						
Оборот	...	95,6	84,3	96,1	228,3	209,9 (9)
Экспорт	...	74,0	66,1	69,0	147,6	135,4
Импорт	...	21,6	18,2	27,1	80,7	74,5
Сингапур						
Оборот	74,1	148,6	148,0	161,8	290,1	320,7 (12)
Экспорт	45,7	125,9	132,5	141,4	237,0	268,3
Импорт	28,4	22,7	15,5	20,4	53,1	52,4
Пакистан						
Оборот	18,8	66,1	64,3	41,5	61,3	45,4 (9)
Экспорт	4,0	30,0	34,2	24,0	48,2	40,8
Импорт	14,8	36,1	30,1	17,5	13,1	4,6
Шри Ланка						
Оборот	53,1	90,8	57,4	41,6	70,3	52,0 (5)
Экспорт	27,8	48,5	27,1	15,6	32,9	36,4
Импорт	25,3	42,3	30,3	26,0	37,4	15,6
Турция						
Оборот	—	1,0	2,3	19,3	34,7	21,5 (12)
Экспорт	—	0,1	0,0	0,7	4,1	4,8
Импорт	—	0,9	2,3	18,6	30,6	16,7
Ирак						
Оборот	8,7	28,7	22,6	21,9	37,0*	...
Экспорт	7,2	22,9	19,6	16,3	33,8	...
Импорт	1,5	5,8	3,0	5,6	3,2	...
АРЕ						
Оборот	64,1	33,2	44,4	51,1	45,5	...
Экспорт	19,5	15,3	17,8	25,8	26,1	...
Импорт	44,6	17,9	26,6	25,3	19,4	...
Судан						
Оборот	11,6	29,9	53,2	61,1	94,8	16,1 (3)
Экспорт	2,2	12,2	22,2	25,3	29,4	12,7
Импорт	9,4	17,7	31,0	35,8	65,4	3,4
Марокко						
Оборот	13,6	17,6	30,4	37,6	40,1	11,3 (4)
Экспорт	7,1	11,0	11,9	18,4	14,4	6,3
Импорт	6,5	6,6	18,5	19,2	25,7	5,0
Танзания						
Оборот	...	45,4	96,6	90,0	111,5	75,2 (9)
Экспорт	...	37,2	84,7	71,1	97,5	65,3
Импорт	...	8,2	11,9	18,9	14,0	9,9
Замбия						
Оборот	0,3	50,7	50,6	31,5	35,9	34,5 (6)
Экспорт	0,1	3,0	5,7	13,8	14,9	18,3
Импорт	0,2	47,7	44,9	17,7	21,0	16,2

Продолжение таблицы 5

Страна	Год					
	1960	1970	1971	1972	1973	1974**
Аргентина						
Оборот	1,4	3,4	7,5	3,1	12,7	...
Экспорт	0,0	0,9	1,0	0,5	0,2	...
Импорт	1,4	2,5	6,5	2,6	12,5	...
Бразилия						
Оборот	0,4	1,3	0,1	63,3	58,8	...
Экспорт	0,0	0,0	0,1	0,2	0,4	...
Импорт	0,4	1,3	—	63,1	58,4	...
Чили						
Оборот	—	0,3	8,0	26,4
Экспорт	—	0,3	1,5	3,2
Импорт	—	—	6,5	23,2
Перу						
Оборот	0,0	0,2	23,6	43,2	38,4	43,0 (6)
Экспорт	0,0	0,2	0,4	0,4	0,6	0,4
Импорт	0,0	0,0	23,2	42,8	37,8	42,6

* Расчетные данные.

** В скобках указано количество месяцев, за которые приведены данные.

Тесные экономические отношения связывают Китай с Пакистаном. Объем торговли этих стран сохраняется на сравнительно высоком уровне и в последние два года складывается со значительным превышением китайского экспорта над импортом (в 1972 г. — в 1,4 раза, в 1973 г. — в 3,7 раза). КНР экспортирует в Пакистан различные виды оборудования, черные металлы, химические товары, текстиль и т. д. в обмен на хлопок, пряжу, ткани, текстильные изделия и т. д. Интересом Респблики Бангладеш являются экспортные ресурсы Китая. Торговля с Китаем существенно снизилась, поскольку спрос на китайский импорт из этой страны являлся основным источником дохода для Пакистана (свыше половины всего импорта), которые являются основным источником дохода для Пакистана.

Расширяется торговля КНР с развивающимися странами Африки, для которых во внешнеторговом обороте Китая она составляет 30%. Китайское руководство придает развитию экономических связей с африканскими странами большое значение как важнейшему средству завоевания и укрепления своих позиций на этом континенте. В числе наиболее крупных торговых партнеров Китая в Африке — АРЕ, Судан, Танзания, Замбия, Марокко, из которых КНР импортирует такие ценные сырьевые товары, как хлопок, медь, фосфаты. Что же касается традиционных товаров африканского экспорта — кофе, какао, арахис, пряности, в вывозе которых крайне заинтересованы некоторые страны Африки, то они практически не представляют для Китая интереса и импортируются в незначительном количестве. По этой причине торговля с рядом стран (Сенегал, Сьерра-Леоне, Того, Мавритания, Чад, Нигер, Дагомея, Камерун) представлена лишь китайским экспортом. Такое положение, естественно, вызывает тревогу и недовольство деловых кругов этих стран.

Оборот торговли КНР с АРЕ в 1973 г. в 1,4 раза превысил уровень 1970 г. Китай поставляет в АРЕ различные товары как производственного (черные металлы, минеральное сырье, химикаты и т. д.), так и потребительского (мясо, птица, чай, табак, ткани) назначения. Основное ме-

сто в импорте Китая из АРЕ занимает хлопок. В 1973/74 г. экспорт его в КНР составил 12,5 тыс. т. Кроме того, Китай ввозит из АРЕ фосфаты (в 1970 г. — 111 тыс. т, в 1971 г. — 192 тыс. т, в 1972 г. — 146 тыс. т, в 1973 г. — 89,8 тыс. т), хлопчатобумажную пряжу, медикаменты и ряд других товаров.

В 1973 г. достигнут существенный рост торговли между КНР и Суданом (по сравнению с 1972 г. — в 1,6 раза), главным образом за счет увеличения импорта КНР. Судан является одним из основных экспортеров в Китай хлопка. Хлопок занимает до 90% стоимости всего китайского импорта из этой страны. Поставки его в 1972 г. составили 45 тыс. т, в 1973 г. — 63 тыс. т.

В связи со строительством с помощью КНР железнодорожной магистрали Танзания — Замбия («Танзам») в последние годы значительно увеличился товарооборот между Китаем и Танзанией. В 1973 г. он возрос по сравнению с 1970 г. почти в 2,5 раза, в том числе экспорт КНР — в 2,6 раза. В экспорте Китая в Танзанию значительное место занимают различные машины, оборудование и материалы, необходимые для строительства и эксплуатации железной дороги. КНР вывозит большое количество товаров широкого потребления, средства от реализации которых поступают на финансирование расходов по строительству в местной валюте. КНР импортирует из Танзании главным образом хлопок (в 1973 г. — 13 тыс. т).

Китай проявляет интерес к торговле и с Замбией, поскольку она является крупным поставщиком меди, импорт которой КНР за 1970—1974 гг. составил примерно 117 тыс. т.

Наблюдается тенденция роста торговли КНР с Марокко. Китай ввозит из этой страны значительное количество фосфатов (в 1971 г. — 623 тыс. т, в 1972 г. — 745 тыс. т, в 1973 г. — 911 тыс. т), а в 1973 г. на долю Марокко пришлось свыше 80% всего импорта Китаем фосфатов из развивающихся стран.

В 70-е годы Латинская Америка стала объектом не только дипломатической, но и внешнеэкономической деятельности Пекина. Несмотря на значительную отдаленность этого рынка, Китай прилагает усилия к завоеванию позиций в этом районе мира, часто пренебрегая своими коммерческими интересами. Удельный вес латиноамериканских стран во внешнеторговом обороте КНР с развивающимися странами возрос с 1,3% в 1970 г. до 10% с лишним в 1973 г. В этот период между Китаем и рядом латиноамериканских стран (Чили, Перу, Мексикой, Гайаной, Венесуэлой, Аргентиной) подписаны торговые соглашения.

Документы о развитии торговли, подписанные КНР с Перу, предусматривают экспорт Китаем машин и оборудования, химических товаров, шелка-сырца, соевого масла и т. д. в обмен на медь, свинец, рыбную муку и ряд прочих товаров. По имеющимся сведениям, КНР в 1971 г. вывезла из Перу 6,9 тыс. т, в 1972 г. — 12,5 тыс. т, в 1973 г. — 9,9 тыс. т меди. Закупки свинца и цинка в 1972 г. составили 5,2 тыс. т и 4,8 тыс. т соответственно.

Большое количество меди Китай ввозит также из Чили (в 1971 г. 16,3 тыс. т, в 1972 г. — 45,3 тыс. т, в 1973 г. — 55,5 тыс. т).

К числу наиболее значительных торговых партнеров КНР в Латинской Америке в настоящее время относится Бразилия. До 1971 г. торговля между этими странами была незначительной по объему, но в последние годы существенно возросла, что связано с закупками КНР бразильского сахара (в 1972 г. — 410,6 тыс. т, в 1973 г. — 367,6 тыс. т). В 1973 г. Китай занял второе место среди импортеров сахара из Бразилии. Поставки сахара в КНР осуществляются через третьи страны.

В ноябре 1974 г. между КНР и Бразилией было подписано соглашение о поставке в Китай в 1975—1979 гг. по 200 тыс. т сахара ежегодно.

В конце 1973 г. между Китаем и Аргентиной начались переговоры о развитии торговли, которые завершились подписанием соглашения, в соответствии с которым в 1974—1976 гг. в Китай будет экспортировано по 700—1000 тыс. т зерна (пшеницы и кукурузы) ежегодно.

Китайское руководство усиленно рекламирует экономическую помощь, предоставляемую развивающимся странам, и использует ее как средство давления на них. Реализация обязательств по оказанию помощи осуществляется крайне медленно. Общее количество различных объектов, намеченных к строительству в этих странах в счет китайской помощи, на начало 1975 г. оценивается в 443, из них введено в эксплуатацию 106, или около 24% от имеющихся обязательств.

Помощь КНР направляется в основном на строительство мелких предприятий сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности, транспорта, сферы обслуживания. Сооружение подобных объектов служит больше пропагандистским целям и практически не способствует решению коренных проблем экономического развития этих стран.

Многие объекты, построенные с китайской помощью, являются тяжелым бременем для бюджета развивающихся стран (спичечная фабрика в Мали, кожевенные заводы в Непале и Танзании и т. д.), поскольку эксплуатация их оказалась малоэффективной вследствие низкого качества строительства, некомплектного, устаревшего оборудования, установленного на них. Как писала нигерийская газета «Дейли экспресс», «Китай заинтересован лишь в усилении своего политического влияния, а не в технической, или экономической эффективности построенных с его помощью предприятий»²⁶.

Торговля с Гонконгом и Макао

Во внешней торговле Китая особую роль играют Гонконг и Макао. Они являются своеобразными каналами продвижения китайских товаров на капиталистический рынок и важнейшими источниками получения свободно конвертируемой валюты.

Торговля Китая с Гонконгом и Макао характеризуется следующими данными:

Таблица 6
Внешняя торговля КНР с Гонконгом и Макао (в млн. долл.)

	Год					
	1960	1966	1970	1972	1973	1974*
Гонконг						
Оборот	228,6	496,8	479,4	708,1	1146,3	1236,5
Экспорт	207,6	484,7	468,9	689,6	1094,0	1178,4
Импорт	21,0	12,1	10,5	18,5	52,3	58,1
Макао						
Оборот	11,1	21,6	17,9	27,0	38,9	19,7 (7)
Экспорт	11,0	21,6	17,8	27,0	38,9	19,6
Импорт	0,1	0,0	0,1	0,1

* В скобках указано количество месяцев, за которые приведены данные.

²⁶ «За рубежом», 1974, № 30.

В 1974 г. торговля КНР с Гонконгом и Макао увеличилась по сравнению с 1970 г. в 2,5 раза и по сравнению с 1960 г. — почти в 5,2 раза. Основное место в торговле Китая с этими колониями занимает Гонконг, на долю которого приходится более 97% всего товарооборота с этими двумя колониями.

Важнейшими товарами китайского экспорта в Гонконг и Макао являются скот, продовольственные товары (мясо и мясопродукты, рыба и рыбопродукты, яйца, рис, чай, сахар, овощи, фрукты), а также промышленные товары широкого потребления (шелковые и хлопчатобумажные ткани, ковры, одежда, обувь, мебель, кустарно-художественные изделия).

Активное сальдо Китая в торговле с Гонконгом и Макао в 1974 г. составило более 1,1 млрд. долл., что в 2,1 раза больше, чем в 1970 г.

Кроме того, значительные суммы свободно конвертируемой валюты поступают в Китай от деятельности различных предприятий и организаций в Гонконге (банки, концерны, универмаги, фабрики, газетные издательства и т. д.), контролируемых КНР.

Получаемые таким путем средства идут на покрытие дефицита в торговле с промышленно развитыми капиталистическими странами, а также на пропагандистские и другие цели.

* * *

Внешнеторговые связи Китая полностью подчинены осуществлению великодержавного, националистического курса маоистского руководства. Вопреки объективным потребностям страны китайские руководители сдерживают развитие торгово-экономических отношений Китая с социалистическими странами, сотрудничество с которыми принесло большие положительные результаты в первое 10-летие существования КНР. Проводимый в настоящее время маоистами курс на политическое и экономическое сближение с Западом, и прежде всего с наиболее оголтелыми реакционными кругами империалистических государств, усиливает зависимость экономики КНР от капиталистического рынка с присущими ему резкими конъюнктурными колебаниями и глубокими инфляционными процессами, ставит под угрозу социалистические завоевания китайского народа.

Попытки маоистов использовать внешнеэкономические связи с целью укрепления позиций Китая в качестве лидера развивающихся стран оказались несостоятельными.

Отвергая нынешний, несовместимый с пролетарским интернационализмом внешнеторговый курс Пекина, СССР и другие социалистические страны не ослабляют усилий для нормализации межгосударственных отношений с Китаем. Они, в частности, исходят из того, что взаимовыгодные торговые связи отвечают коренным интересам всех социалистических стран.

Политика китайского руководства по вопросам труда и заработной платы

А. В. Островский

Социализм, как известно, коренным образом меняет цель общественного производства. Если при капитализме основой производства является получение прибыли, то социалистическое производство организуется «...для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества»¹.

При социализме рост народного благосостояния обеспечивается двумя источниками доходов трудящихся: прежде всего повышением заработной платы рабочих и служащих, денежных и натуральных доходов крестьян, отменой налогов, снижением цен, а также за счет расширения общественных фондов потребления. Китайское руководство придерживается иного мнения в этом вопросе. Формально признавая неизбежность социалистического принципа оплаты по труду, Мао Цзэ-дун и его сторонники под любым предлогом выступают против этого принципа. Так, в 1975 г. в ходе кампании «по изучению теории диктатуры пролетариата» наступление на принцип оплаты по труду проходит под лозунгом необходимости всемерного «ограничения» «буржуазного права» в вопросах распределения. С этой целью популяризируется высказывание Мао Цзэ-дуна о том, что «в современном Китае особого отличия от старого общества нет, поскольку до сих пор существует 8-разрядная тарифная сетка, оплата по труду, товарно-денежные отношения»². Такое сравнение используется для идеологической дискредитации принципа оплаты по труду. Оно, по замыслу Мао Цзэ-дуна, «оправдывает» любой пересмотр сложившейся системы оплаты труда, и конечно же, — в сторону ее снижения. В конечном итоге кампания за «ограничение» «буржуазного права» в вопросе распределения есть скрытая форма дальнейшего снижения благосостояния трудящихся масс Китая.

Китайские руководители не одинаково относятся к решению вопроса об оплате труда. Если до 1957 г. система оплаты труда по принципу «каждому по труду», то с 1957 г. и по настоящее время китайская политика «рационального распределения доходов» — политика, основные направления которой направлены назад, заключается в том, что в Китае не достигнут еще тот жизненный уровень, к которому стремился бы жизненный уровень крестьянства. Более того, в Китае не достигнут тот уровень, к которому стремился бы жизненный уровень трудящихся масс Китая.

Вопрос об оплате труда является одним из наиболее острых в Китае. В последние годы кампания за «ограничение» «буржуазного права» в вопросе распределения является формой дальнейшего снижения благосостояния трудящихся масс Китая.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 232.

² «Жэньминь жибао», 9. II. 1975.

Чжоу Энь-лай заявил на четвертой сессии ВСНП в июне 1956 г., что «в деревне прожиточный минимум одного человека в месяц составляет в среднем примерно 5 юаней, а в городе — 10 юаней», и призвал рабочих, чтобы они не выдвигали «завышенные требования об улучшении своей жизни»³.

Политика «рационально низкой заработной платы» была окончательно внедрена в ходе «культурной революции». С 1966 г. в КНР были отменены все надбавки и премии к заработной плате, которые рабочие получали до «культурной революции». Замораживание заработной платы велось также путем задержки присвоения ученикам квалификационных разрядов, отмены системы сдельной заработной платы, отказа от материального поощрения за рационализаторские предложения. В результате проведения такой политики жизненный уровень рабочего класса значительно снизился. Чтобы смягчить недовольство рабочих и служащих, а также повысить производительность труда на предприятиях, которая заметно упала в период «культурной революции», с июля 1971 г. в КНР начали проводить работу по «упорядочению» заработной платы. Во всех провинциях, городах, автономных районах, уездах были организованы так называемые «группы руководства упорядочением заработной платы».

В результате к концу 1972 г. были несколько повышены квалификационные разряды некоторым категориям рабочих и служащих, частично восстановлены премии и надбавки, существовавшие до «культурной революции», пересмотрены низшие тарифные расценки и объяснено, что при повышении разряда и назначении надбавок рабочим и служащим должны учитываться уровень их идейно-политической подготовки, разумеется в маоистском понимании, и социальное происхождение. В целом уровень зарплаты продолжал по-прежнему зависеть от трех факторов: политическая характеристика работника, производительность труда и продолжительность стажа работы. Уровень заработной платы высококвалифицированных рабочих остался прежним, каким он был после сокращения во время «культурной революции». Если в 50-е годы в промышленности отношение заработной платы рабочего VIII разряда и рабочего I разряда было 3,2:1, то в 60-е годы стало 3:1. Это соотношение сохраняется до настоящего времени.

Таким образом, в начале 70-х годов возрос лишь уровень зарплаты малоквалифицированных рабочих I—III разрядов. По некоторым данным, месячная зарплата рабочих I—III разрядов в результате повышения квалификационного разряда на одну ступень в среднем возросла на 5,6—8 юаней. Следует отметить, что квалификационные разряды были повышены немногим рабочим. Большинству рабочих было трудно добиться повышения разряда, поскольку предъявлялись очень жесткие требования. Характерно, что заработная плата рабочих при повышении квалификационного разряда на одну ступень возрастала всего на 5—8 юаней, в то время как зарплата всех категорий кадровых работников при повышении на одну ступень — на 20 юаней в месяц.

Несмотря на некоторое повышение зарплаты части малоквалифицированных рабочих, система повременной заработной платы в 70-е годы в целом сохранялась почти такой же, как и до «культурной революции». На предприятиях транспорта и связи тарифная ставка рабочих была такой же, как и на предприятиях тяжелой промышленности. Рабочий I разряда в среднем получал 35 юаней, а VIII — 105 юаней в месяц.

³ Чжоу Энь-лай. Отчетный доклад о работе правительства. — Приложение к журналу «Народный Китай», 1957, № 14.

В госхозах оплата труда была более низкой. Еще более низкие тарифные ставки существуют на предприятиях местного подчинения, где установлена лишь 5-разрядная тарифная сетка, и ставка I разряда значительно ниже, чем на предприятиях центрального подчинения той же отрасли промышленности.

Следует отметить, что в ходе «упорядочения» заработной платы не была восстановлена сдельная система заработной платы в том виде, в каком она существовала в первые годы периода «урегулирования» (1962—1965). В те годы она вводилась на многих предприятиях, и считалось, что она «может сравнительно полно отражать количество и качество затраченного труда и успешно воплощает в себе принцип распределения по труду»⁴. Сдельная заработная плата внедрялась прежде всего в наиболее трудоемких отраслях промышленности (угольной, металлургической), там, где в 1956 г. были установлены более высокие тарифные ставки для рабочих на горных работах и под землей⁵.

Доходы рабочих при сдельной заработной плате были несколько выше, чем при повременной, особенно у высококвалифицированных рабочих⁶. Если отношение расценок низшего и высшего разрядов при повременной оплате составляло 1 : 3, то при сдельной — 1 : 3,6. Причем система сдельной оплаты труда осталась без изменений с середины 50-х годов. Кроме того, тарифная ставка I разряда при сдельной оплате труда была выше, чем при повременной. При сдельной оплате труда за перевыполнение норм за каждую дополнительную единицу продукции производилась доплата из расчета 80% тарифной ставки. Таким образом, в первые годы периода «урегулирования» система сдельной заработной платы в известной мере способствовала росту производительности труда и повышению квалификации каждого отдельного работника на предприятии. Но еще до начала «культурной революции» система сдельной заработной платы была упразднена и почти все предприятия перешли на повременную систему оплаты труда, как и в период «большого скачка» (1958—1960). Это было сделано под предлогом, будто «сдельная система оплаты труда не отвечает интересам производства, так как рабочий стремится получить работу полегче, а плату повыше»⁷.

В начале 60-х годов большая часть выпускников школ направлялась на предприятия, где они заменяли старых квалифицированных рабочих, уходивших на пенсию. Пенсия квалифицированных рабочих в то время составляла 50—60% их последней зарплаты (то есть примерно 40—50 юаней в месяц), а молодые неквалифицированные рабочие получали примерно 20—25 юаней в месяц. В 1963 г. было произведено незначительное повышение заработной платы этой категории рабочего класса. Согласно коммюнике четвертой сессии ВСНП, «в декабре 1963 г. заработная плата повышена 40% рабочих и служащих в основных отраслях промышленности» на 1—7 юаней в месяц⁸.

В 1956 г. на промышленных предприятиях стипендия учеников была примерно на уровне повременной тарифной ставки рабочего I разряда. Так, средняя стипендия учеников на промышленных предприятиях составляла 28,65 юаня, на некоторых предприятиях — 35—39 юаней, а

⁴ «Дагунбао», 2. XI. 1962.

⁵ «Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики (1954—1958)». М., 1959, с. 537—544.

⁶ Chu - y u a n C h e n g. Scientific and Engineering Manpower in Communist China, 1949—1963. Washington, 1965, p. 150.

⁷ «Вопросы труда и заработной платы в период «большого скачка». Пекин, 1958, с. 109.

⁸ «Жэньминь жибао», 4. XII. 1963.

кое-где и 48 юаней⁹. Но в период «большого скачка», согласно «Временному постановлению Госсовета КНР о сроках обучения и стипендии учеников на предприятиях и в хозяйственных организациях», стипендия была снижена вдвое и составляла 14—15 юаней в месяц¹⁰. Стипендия устанавливалась исходя из расходов на питание рабочего или служащего низшего разряда в данной местности и данной отрасли. Кроме того, ученикам выдавали небольшую сумму денег на мелкие расходы: в первый год — от 2 до 3 юаней, во второй — от 3 до 5 юаней, в третий — от 5 до 8 юаней в месяц¹¹. Таким образом, стипендия ученикам в период «большого скачка» составляла в целом от 16 до 23 юаней в месяц. Затем после некоторого повышения в 1963 г. заработная плата приблизилась к тарифной ставке рабочего I разряда.

Следует отметить, что ученики лишались всякого рода премиальных, за исключением премий за успехи в трудовом соревновании и рационализацию. Все же в целом малоквалифицированные рабочие и ученики получали несколько больше, чем, скажем, разнорабочие и так называемые «временные» рабочие. В дополнение к набору городских неквалифицированных рабочих многие предприятия по договору с народными коммунарами набирали сельских жителей на неквалифицированные работы. 9 февраля 1958 г. для этой категории рабочих были установлены тарифные ставки, которые не превышали «обычного дохода крестьянина в той же местности» с учетом разницы «стоимости жизни в городе и деревне»¹².

Это законодательство распространялось только на «временных» неквалифицированных рабочих на предприятиях и в государственных учреждениях, а в капитальном строительстве — на всех неквалифицированных рабочих — как «постоянных», так и «временных», а также на всех разнорабочих. Большая часть таких рабочих набиралась предприятиями местного подчинения, которые в основном были расположены в сельской местности. Поэтому на второй сессии VIII съезда КПК (май 1958 г.) в докладе Лю Шао-ци было специально обращено внимание на то, что «предприятия уездного и нижестоящего подчинения должны установить такие правила в отношении труда, зарплаты, трудового страхования и повышения благосостояния, которые бы соответствовали условиям сельских районов и районов, носящих полусельский характер...»¹³. При этом зарплата «временных» рабочих по китайским условиям оставалась высокой. В частности, в период «большого скачка» средний уровень зарплаты контрактного рабочего составлял 35—50 юаней в месяц, а на предприятиях местного подчинения — 25—40 юаней¹⁴. Этот уровень зарплаты сохранялся и в 1964—1966 гг. В 70-е годы тарифные ставки не претерпели особых изменений. Труд «контрактных» рабочих оплачивался по 4-разрядной тарифной сетке с соотношением низшей и высшей тарифных ставок 1 : 1,7.

⁹ Ма Вэнь-жуи. Разъяснение временного постановления Госсовета о сроках обучения и стипендии учеников на предприятиях и в хозяйственных организациях. — «Синьхуа баньюэкань», 1957, № 24.

¹⁰ Сюй Ган. В работе по труду и заработной плате должен соблюдаться принцип централизованного планирования с учетом интересов сторон, а также трудолюбия и бережливости в строительстве страны. — «Цзинцзи яньцзю», 1958, № 2.

¹¹ Ма Вэнь-жуи. О внесении изменений в четыре проекта законов о труде. — «Синьхуа баньюэкань», 1958, № 5.

¹² «Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики (1954—1958)». М., 1959.

¹³ «Вторая сессия VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая». Пекин, 1958.

¹⁴ Ли Юэ. Поговорим о некоторых вопросах системы контрактного труда. — «Цзиньхуа юй тунцзи», 1959, № 9.

Если городские рабочие получали всю заработную плату на руки, то «контрактный» рабочий получал только ее часть (8—15 юаней в месяц). Остальная часть (от 30—40 до 50—70%) зарплаты перечислялась народной коммуне или производственной бригаде, откуда был послан «контрактный» рабочий¹⁵. В народной коммуне на основании этих перечислений рассчитывались трудоединицы, и в конце года «контрактный» рабочий получал соответствующую часть доходов народной коммуны. Еще 3—5% заработка «контрактного» рабочего шли на нужды социального страхования коммуны. Таким образом, заработная плата «временных» рабочих была значительно ниже, чем у «постоянных» рабочих, поскольку тарифные ставки для них были ниже, не всю зарплату они получали на руки, не получали они и надбавок, премий к заработной плате.

Премии и надбавки (от 5 до 20% заработной платы) в 60-е годы получали только «постоянные» рабочие, имевшие достаточно высокую квалификацию. В период «культурной революции» премии и надбавки к заработной плате были отменены. В результате «упорядочения» заработной платы в 1971—1972 гг. была восстановлена часть надбавок и премий, существовавших до «культурной революции». Однако система оплаты за технические усовершенствования, изобретения и рационализаторские предложения так и не была восстановлена.

«Упорядочение» заработной платы, проведенное в 1971—1972 гг., не привело к повышению заработной платы рабочих, ее уровень остался таким же, как до «культурной революции». Хотя и была восстановлена часть надбавок и премий, повышены тарифные ставки малоквалифицированным рабочим, тем не менее не были восстановлены сдельная заработная плата, надбавки и премии в прежнем размере, оплата за изобретения и рационализаторские предложения и технические усовершенствования. В результате в 1971 г. средняя заработная плата рабочих и служащих КНР (за исключением «временных» рабочих) составила 650 юаней в год¹⁶. Если учесть, что в 1957 г. средняя заработная плата рабочих и служащих составляла 637 юаней в год, то можно сделать вывод, что за 14 лет рост номинальной заработной платы по стране составил лишь 2,0%, то есть в среднем примерно 0,14% в год. Вся работа по «упорядочению» заработной платы как в 60-е, так и в 70-е годы была направлена на то, чтобы незначительно повысить заработную плату низкооплачиваемой категории рабочих при сохранении на существующем уровне заработной платы квалифицированных рабочих.

В августе 1948 г. в Харбине на VI Всекитайском съезде профсоюзов было принято решение о том, что «размер заработной платы должен обеспечивать минимальный прожиточный минимум трудящихся, а именно минимальная заработная плата должна быть достаточной для содержания двух человек, в том числе работающего»¹⁷. Но и по сей день эта задача не решена. По некоторым данным, в Южном Китае расходы одного человека на питание составляют 11 юаней в месяц, а в Северном и Центральном Китае — 18 юаней в месяц. Если прибавить к этому расходы на оплату квартиры, электроэнергии, на покупку одежды и т. п., то минимальные расходы на одного человека составят 18—24 юаня в месяц¹⁸. Таким образом, до сих пор ученики и малоквалифицированные рабочие I—III разрядов не получают гарантиро-

¹⁵ Ли Юэ. Поговорим о некоторых вопросах системы контрактного труда. — «Цзихуа юй тунцзи», 1959, № 9.

¹⁶ «Peking Review», 1971, № 40.

¹⁷ «Рабочее движение в Китае. 1945—1949 гг.». М., 1969, с. 143.

¹⁸ «Дагунбао», 5. X. 1972.

ванного минимума заработной платы, несмотря на периодически проводимые для них повышения тарифных ставок. Заработная плата высококвалифицированных рабочих даже снизилась по сравнению с 1957 г. вследствие отмены сдельной оплаты труда.

Нынешняя кампания «по изучению теории диктатуры пролетариата», несомненно, направлена на дальнейшее распространение системы уравнительного распределения в стране, проведение в жизнь политики «рационально низкой заработной платы», максимального ограничения потребления рабочих, сведения до минимума расходов на бытовые и культурные нужды рабочих. Высвободившиеся средства пекинское руководство использует в целях милитаризации страны. Естественно, что такая политика не способствует повышению трудовой активности рабочего класса, повышению его благосостояния.

Советско-корейским отношениям — 30 лет

М. В. Мещеряков

15 августа 1975 г. исполнилось 30 лет со дня освобождения Кореи от колониального господства японского империализма, длившегося более трех с половиной десятилетий. Этот факт явился событием большого исторического значения для судеб корейского народа, создавшего на Севере страны подлинно народное государство, уверенно идущее по пути строительства социализма.

Корейская Народно-Демократическая Республика прошла славный путь борьбы за свою независимость и свободу. На этом пути корейский народ под руководством Трудовой партии Кореи добился замечательных успехов в преобразовании своей родины, в подъеме экономики и культуры. В короткий исторический срок ранее отсталая страна с тяжелым наследием колониального прошлого превратилась в развитое социалистическое государство.

Нелегким было становление и развитие первого в истории подлинно народного Корейского государства. Этому предшествовала длительная борьба корейских трудящихся за свободу и независимость своей родины.

Японские колонизаторы жестоко угнетали трудовой народ. Они создали для него невыносимые условия труда и быта. Зарплата рабочих была крайне низкой, рабочий день длился до 16 часов без выходных дней. Широко применялась система различных трудовых повинностей и штрафов. Рабочие почти ничего не получали за свой труд, постоянно находились под страхом репрессий и увольнения. Трудовой народ, по существу, был превращен в бесправных рабов. Японские захватчики беззастенчиво грабили богатства страны. Они вывозили из Кореи золото, железную руду, каменный уголь, вольфрам, олово и другие виды сырья. Все командные позиции в экономике находились в руках японских монополий. Им принадлежало в 1944 г. 94% промышленного капитала, а корейским промышленникам — лишь 6%. Страна не имела элементарных признаков государственности. Гражданские права народа, его культура и национальное достоинство грубо попирались японскими милитаристами.

Но ни жестокие расправы, ни обстановка полицейского террора не сломили борьбы корейских трудящихся за национальную независимость.

и свободу своей страны. Огромное влияние на развитие национально-освободительного движения в Корее оказала Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Марксистско-ленинские идеи стали быстро проникать в сознание рабочих, крестьян, прогрессивной интеллигенции. Все это создало условия для развертывания активной революционной борьбы и партизанского движения, которое под руководством товарища Ким Ир Сена в 30-е годы превратилось в мощную силу. Оценивая влияние Великого Октября на расширение национально-освободительного движения в Корее, тов. Ким Ир Сен отмечал: «Современная история корейского народа и его судьба непосредственно связаны с революционными историческими событиями, возникшими под влиянием Октября. Слившись с великим потоком революционной борьбы мирового пролетариата, став на путь, начертанный Октябрем, корейский народ нашел путь к своему освобождению»¹.

В августе 1945 г. Советские Вооруженные Силы во взаимодействии с Монгольской Народной армией разгромили Квантунскую армию Японии и освободили Северо-Восточный Китай и Северную Корею. Разгром германского и японского милитаризма во второй мировой войне создал предпосылки для подъема национально-освободительного движения во многих странах Азии, в том числе и в Корее. Дружба Советского Союза и корейского народа закалялась в совместных боях и скреплена кровью корейских патриотов и советских солдат, пролитой во имя освобождения Кореи.

После освобождения Кореи перед ее народом встали неотложные задачи проведения социально-экономических преобразований, мобилизации всех прогрессивных сил для установления народно-демократического строя в стране.

Важные и трудные задачи пришлось решать в области экономики. Японские колонизаторы, отступая в 1945 г., нанесли ей огромный ущерб. Они сожгли 47 заводов и фабрик, затопили 64 шахты и рудника, разрушили 178 предприятий горнорудной промышленности². Всего было разрушено более 822 промышленных объектов³. Были выведены из строя транспортные средства и средства связи, сильно пострадало сельское хозяйство. В результате варварских действий японских поработителей после их изгнания из Кореи экономика страны находилась в состоянии разрухи.

Вскоре после освобождения страны была создана Трудовая партия Кореи, которая мобилизовала корейский народ на восстановление разрушенного японскими захватчиками хозяйства и создание новых отраслей народной экономики. Трудящиеся Северной Кореи с горячим одобрением восприняли призыв своей партии и с большим энтузиазмом принялись за восстановление и строительство новой народной экономики. Они проявили героизм в труде, и лишь за 3 первых года после освобождения страны от японского ига производство электроэнергии увеличилось более чем на 50%, выплавка стали и выпуск химических удобрений — почти в 3 раза, цемента — более чем в 5 раз, хлопчатобумажных тканей — в 4,7 раза и т. д.⁴.

¹ Ким Ир Сен. Торжество идей Великого Октября. — «Правда». 22. X. 1957.

² «Во имя дружбы с народами Кореи». М., 1965, с. 180.

³ «Развитие народного хозяйства КНДР после освобождения». М., 1962, с. 69.

⁴ «Внешняя торговля», 1958, № 9.

В огромной и трудной работе по восстановлению экономики и созданию народного хозяйства на социалистической основе сыграла важную роль интернационалистская помощь Советского Союза.

С первых дней создания в Северной Корее народной власти с ней были установлены Советским Союзом военные, политические и экономические связи. Советская Армия сразу же после изгнания оккупантов взяла под охрану уцелевшие народнохозяйственные объекты и передала все их подлинному хозяину — корейскому народу. Советское командование оказало созданным в Северной Корее народным комитетам большую практическую помощь в налаживании производства промышленных и продовольственных товаров, работы транспорта и средств связи и т. д. Советская Армия, выполнив свой интернациональный долг по освобождению корейского народа от японских захватчиков, вернулась в 1948 г. на родину, передав безвозмездно корейским организациям имущество военных госпиталей, медицинские инструменты и другое оборудование, принадлежавшее Советскому Союзу.

Советские внешнеторговые организации сразу же после создания народно-демократического строя в Северной Корее установили торговые связи с корейскими организациями, осуществляющими внешнеторговые операции. Для развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства требовались оборудование, машины, промышленное сырье, а для населения — продовольственные товары и товары широкого потребления. В то время Корея не могла обеспечить себя всем этим за счет внутреннего производства. Советский Союз поставлял в КНДР прокат черных металлов, различные нефтепродукты, обувь, одежду, хлопчатобумажные ткани и другие товары. Объем этих поставок в 1949 г. по сравнению с 1946 г. увеличился более чем в 62 раза. Помощь Советского Союза способствовала быстрейшему восстановлению народного хозяйства. Вскоре КНДР уже смогла вывозить в Советский Союз свою продукцию, в частности продукцию черной металлургии. Объем корейского экспорта в СССР в 1949 г. по сравнению с 1946 г. возрос более чем в 10 раз. Общий внешнеторговый оборот между странами за это же время увеличился в 24 раза.

Корейский народ достиг замечательных успехов в развитии новой социалистической экономики. Это позволило разработать народнохозяйственные планы на 1947 и 1948 гг., которые были успешно выполнены. Был превзойден уровень 1944 г. в производстве важнейших отраслей промышленности, в частности в машиностроительной и горнорудной, а также в производстве вольфрама и отдельных видов цветных металлов.

9 сентября 1948 г. в Северной Корее была образована Корейская Народно-Демократическая Республика, а 12 октября того же года Советский Союз первым признал КНДР и установил с ней дипломатические отношения. 17 марта 1949 г. было подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР.

В этом соглашении указывается, что оба государства, стремясь к дальнейшему развитию и укреплению экономических и культурных отношений между ними, выражают уверенность в том, что укрепление этих связей отвечает жизненным интересам народов обеих стран и будет наилучшим образом содействовать их экономическому и культурному развитию.

Это соглашение явилось первым межгосударственным документом, которое положило начало новым отношениям, основанным на принципе социалистического интернационализма, братской взаимопомощи,

равноправия и уважения суверенитета каждой страны, взаимной выгоды, невмешательства в дела друг друга.

В развитие Соглашения от 17 марта 1949 г. об экономическом и культурном сотрудничестве в этом же году были подписаны и другие документы: Протокол о товарообороте и платежах, Соглашение о предоставлении товарного кредита в размере 212 млн. руб. (в старом исчислении), Соглашение об оказании технического содействия в строительстве ряда промышленных и других объектов. Сотрудничество между двумя странами расширялось, что способствовало развитию экономики первого в истории Кореи народного государства.

Однако мирный труд корейского народа был прерван войной, связанной в 1950 г. американскими агрессорами, которая длилась 3 года (1950—1953) и нанесла огромный ущерб экономике КНДР. Варварскими бомбардировками с американских самолетов города и села, промышленные предприятия и другие народнохозяйственные объекты страны были превращены в руины и пепелища. Было разрушено 8,7 тыс. фабрично-заводских зданий вместе с оборудованием, 600 тыс. жилых домов, более 6 тыс. учебных и лечебных помещений, тысячи культурных учреждений и предприятий коммунального хозяйства. Общий урон, нанесенный народному хозяйству, по неполным данным, оценивается в 420 млрд. вон.

Вскоре после окончания войны, в сентябре 1953 г., Советское правительство предоставило КНДР безвозмездный кредит в сумме 1 млрд. руб. (в старом исчислении) и отсрочило платежи КНДР по ранее предоставленным кредитам. В счет безвозмездной помощи Советский Союз поставил в КНДР различное заводское оборудование, строительные материалы, электроматериалы, транспортные средства, оборудование связи, продукты химической промышленности, тракторы, сеялки, уборочные и другие сельскохозяйственные машины, удобрения и т. д.

Во время войны 1950—1953 гг. многие инженерно-технические работники, ученые пали смертью храбрых, защищая свою родину от американских захватчиков. В результате в стране вновь возникла острая нужда в квалифицированных кадрах. В августе 1953 г. VI пленум ЦК ТПК принял решение о подготовке кадров для различных отраслей народного хозяйства. Советский Союз командировал в КНДР ученых и специалистов для оказания помощи в подготовке кадров и разрешения на месте технических вопросов, возникших в процессе восстановления и развития народного хозяйства. Были также переданы чертежи важнейшего промышленного оборудования и станков, проекты для капитального строительства и другая техническая документация.

СССР оказал помощь в деле подъема культуры и здравоохранения, в частности было оказано техническое содействие в строительстве больниц и других лечебных помещений. Было командировано в Корею большое число советских врачей и других медицинских специалистов для оказания помощи в организации практической работы в системе здравоохранения.

Эта помощь сыграла важную роль в успешном восстановлении и развитии народного хозяйства. В 1954—1956 гг. был выполнен 3-летний план народного хозяйства. Довоенный уровень производства был почти во всех отраслях не только достигнут, но и превзойден. Построенные и восстановленные при техническом содействии и финансовой помощи СССР предприятия явились основой для развития промышленности.

Предприятия КНДР, восстановленные или построенные с участием Советского Союза, в 1957 г. дали 100% произведенных в стране чугуна, кокса, цинка, сульфата аммония, фанеры, мясных, рыбных, фрук-

товых и овощных консервов, свыше 75% хлопчатобумажных тканей около 50% выработанной электроэнергии и т. п.⁵

Развитие народного хозяйства позволило КНДР расширить внешнюю торговлю. Товарооборот между СССР и КНДР за годы 3-летнего плана увеличился более чем в два раза.

Важным событием в развитии дружбы и торгово-экономического сотрудничества явилось подписание в 1960 г. Договора о торговле и мореплавании и в 1961 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и КНДР. Эти документы открыли новую страницу в развитии братского сотрудничества между советским и корейским народами. Договором были определены основные положения по всем вопросам торговли и другим формам экономических связей между государствами. Был установлен один из важнейших принципов во внешней торговле — принцип наиболее благоприятствуемой нации.

В декабре 1960 г. между СССР и КНДР было подписано первое долгосрочное торговое соглашение сроком на 5 лет (1961—1965). При подписании его были учтены задачи, поставленные 7-летним планом развития народного хозяйства КНДР (1961—1967), в котором предусматривались реконструкция, расширение и строительство новых крупных предприятий и оснащение их современной техникой.

Первое торговое соглашение было значительно перевыполнено. Товарооборот в 1965 г. по сравнению с 1960 г. увеличился в 1,6 раза, особенно возросли поставки машин, оборудования. Их удельный вес в советском экспорте увеличился в 3 раза. Успешно было выполнено второе долгосрочное торговое соглашение (1966—1970). В КНДР было поставлено из Советского Союза значительное количество металлорежущих станков, кузнечно-прессового, электротехнического, энергетического, прокатного, холодильного, химического, дорожно-строительного, насосно-компрессорного оборудования. Были также завезены электромоторы, трансформаторы, экскаваторы и другие машины и приборы. Эти поставки оказали положительное влияние на выполнение задач, поставленных 7-летним планом развития народного хозяйства, особенно в проведении социалистической индустриализации.

Успешное развитие народного хозяйства КНДР благоприятно сказывалось на увеличении объема внешней торговли и расширении номенклатуры взаимопоставляемых товаров. О росте товарооборота между СССР и КНДР свидетельствуют следующие данные.

Т а б л и ц а

Динамика товарооборота СССР и КНДР* (в млн. руб.)

	Год				
	1946	1960	1965	1970	1973
Оборот	8,6	102,7	160,3	336,0	357,3
Экспорт	3,4	35,5	80,8	207,0	224,0
Импорт	5,2	67,2	79,5	129,0	133,3

Составлено по данным: «Внешняя торговля СССР» (статистические обзоры). М., 1918—1966, 1970, 1973.

⁵ «Внешняя торговля», 1958, № 9.

Эти данные показывают, что внешняя торговля между СССР и КНДР неуклонно растет. Объем взаимной торговли в 1973 г. по сравнению с 1960 г. увеличился в 3,4 раза, а по сравнению с 1946 — в 41,7 раза. В советских поставках важное место занимают машины и оборудование, их удельный вес в 1973 г. составил более чем 36% всего экспорта. КНДР за счет ввоза из СССР удовлетворяет значительную часть своих импортных потребностей в комплектном оборудовании и материалах, в тепловозах, автотранспорте, судовых дизелях, подшипниках, приборах и лабораторном оборудовании.

Советский Союз играет важную роль также в снабжении КНДР топливом и сырьем для удовлетворения потребностей народного хозяйства. Только в 1969—1973 гг. в КНДР было поставлено нефти и нефтепродуктов 3,3 млн. т, угля и кокса — более 3,5 млн. т, что превышает поставки за истекшее пятилетие. Значительное место в советском экспорте в КНДР занимают ферросплавы, прокат черных и цветных металлов, алюминий, трубы и кабель.

Развитие экономики КНДР способствовало расширению ее экспортных возможностей, что позволило КНДР увеличить поставки товаров в СССР. Это вызвало изменения в товарной структуре импорта из КНДР. Так, если на долю руды, концентратов и нерудных ископаемых в 1957 г. приходилось более 50% всего советского импорта, то в последующие годы доля этих товаров сильно снизилась. Наряду с этим в корейском экспорте появились новые товары.

В результате успешного развития машиностроения КНДР стала вывозить за границу наряду с традиционными товарами — минеральным сырьем, черными и цветными металлами — металлорежущие станки разных типов, электродвигатели, различные инструменты, кабельные изделия и другие товары.

Быстрыми темпами в КНДР развивается легкая промышленность. Построены и сданы в эксплуатацию многие новые предприятия этой отрасли, что привело к увеличению производства товаров народного потребления и расширению ассортимента выпускаемой продукции и позволило увеличить экспорт этих товаров.

Важным фактором развития внешней торговли является и такая форма экономического сотрудничества между СССР и КНДР, как комплектные поставки оборудования и материалов для объектов, строящихся при техническом и финансовом содействии Советского Союза. В КНДР при помощи СССР восстановлено и построено более 50 промышленных предприятий и других объектов. В настоящее время Советский Союз оказывает техническое содействие КНДР в строительстве и расширении около 30 объектов, имеющих важное значение для дальнейшего развития народного хозяйства республики. Для этих объектов Советский Союз осуществляет поставки комплектного оборудования и материалов в больших размерах как в счет предоставленных кредитов, так и по торговым соглашениям. На объекты, строящиеся при помощи СССР, поставляются тысячи наименований оборудования, приборов, машин, материалов, изготовляемых на советских предприятиях.

Все предприятия, строящиеся в Корейской Народно-Демократической Республике при экономическом и техническом содействии Советского Союза, оснащаются высокопроизводительным современным оборудованием, спроектированы с учетом современных достижений науки и техники, имеют высокий уровень автоматизации и механизации основных и вспомогательных производственных процессов.

Советские люди, выполняя заказы социалистической Кореи на про-

ектирование промышленных предприятий и других объектов и на изготовление оборудования для них, вкладывают в свой труд много творческой энергии, чтобы в срок и досрочно, при высоком качестве исполнения выполнить заказы братской страны.

Трудовая партия Кореи и правительство КНДР высоко оценили помощь советских специалистов и их вклад в укрепление дружбы между советским и корейским народами, наградив только в 1970—1974 г. около 600 советских специалистов орденами и медалями КНДР.

В январе 1975 г. в Пхеньяне было проведено XII заседание советско-корейской комиссии, на котором были рассмотрены важнейшие вопросы сотрудничества между обеими странами, в частности рассмотрен вопрос о ходе выполнения Межправительственного соглашения в области совместных лесозаготовок в районе Дальнего Востока на территории СССР. Было отмечено, что сотрудничество осуществляется успешно.

Учитывая положительный опыт этой формы сотрудничества и большое значение лесозаготовок для развития экономики обеих стран, в Пхеньяне в январе 1975 г. было подписано между правительствами СССР и КНДР Соглашение об увеличении объемов заготовки леса на территории СССР силами корейских рабочих.

Славную историю имеют культурные связи между СССР и КНДР. Они были установлены сразу после освобождения корейского народа от японского ига.

Как указывалось, в 1949 г. было подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР, заложившее правовую основу культурных связей между народами наших двух соседних стран. Дальнейшее развитие они получили после подписания 5 сентября 1956 г. Соглашения о культурном сотрудничестве между СССР и КНДР.

В соответствии с указанными документами стороны до 1973 г. разрабатывали ежегодные планы культурного сотрудничества, в которых предусматривались гастроли художественных коллективов, групп артистов и отдельных солистов, экспонирование разных выставок, обмен делегациями работников культуры и искусства.

В июне 1974 г. в Москве был подписан план культурного сотрудничества на 1974—1975 гг. между СССР и КНДР. Стороны договорились, что при осуществлении указанного плана будет уделено особое внимание проведению мероприятий в связи с национальными праздниками и другими знаменательными датами в жизни народов обеих стран.

Планом культурного обмена на 1974—1975 гг. предусматривается проведение комплекса мероприятий в области науки и образования, культуры и искусства, здравоохранения и спорта, печати и информации и т. д.

30-летнее всестороннее экономическое сотрудничество между СССР и КНДР показало свою эффективность и плодотворность, создало возможности полнее и лучше использовать преимущества социалистического строя, содействовать подъему производительных сил, способствовать быстрейшему решению важных народнохозяйственных задач, стоящих перед СССР и КНДР.

Генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи, президент КНДР тов. Ким Ир Сен и премьер Административного совета КНДР тов. Ким Ир в телеграмме на имя Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева, Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Н. В. Подгорного и Председателя Совета Министров СССР

тов. А. Н. Косыгина по случаю 30-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне писали: «Мы уверены, что традиционные отношения дружбы и сотрудничества между нашими двумя странами, основанные на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, и впредь будут еще более крепнуть и развиваться в борьбе против империализма, во имя торжества дела социализма и коммунизма».

Отмечая 30-ю годовщину со дня освобождения Кореи от колониального японского гнета, советский народ вновь заявляет о своей полной солидарности с братским корейским народом, строящим социализм, и от всей души желает ему новых, крупных успехов в экономическом и культурном строительстве, в борьбе за вывод иностранных войск из Южной Кореи и объединение страны на мирной, демократической основе.

Важный вклад в дело мира и прогресса

Ю. И. Огнев

Начало 70-х годов войдет в послевоенную историю международных отношений как период важных положительных перемен на мировой арене, когда наметился ощутимый поворот от сохранявшейся долгие годы международной напряженности к ее разрядке, к урегулированию путей переговоров и соглашений многих острых проблем, продолжительное время отравлявших политический климат нашей планеты.

Одним из наиболее ярких событий этого исторического периода являлось успешное завершение в столице Финляндии Хельсинки созванного по инициативе социалистических государств Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Высшие политические и государственные руководители 33 европейских государств, США и Канады пришли к коллективной договоренности, воплощенной в Заключительном акте совещания, по широкому спектру актуальных проблем — мира, безопасности, сотрудничества в разнообразных областях.

«Советский Союз рассматривает результаты совещания, — указывая в выступлении на совещании глава делегации СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — не просто как подведение необходимого политического итога второй мировой войны. Это вместе с тем осмысливание будущего применительно к реальностям сегодняшнего дня и многовекового опыта европейских народов»¹.

Подписанные в Хельсинки документы, по общему мнению, содержат в себе достаточно строительного материала для того, чтобы воздвигнуть прочное здание мира в Европе.

Основным политическим документом совещания является Заключительный акт², содержащий Декларацию принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях. Провозглашены основные десять принципов, в своей совокупности призванных создать основу европейской безопасности. Это — суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету; неприменение силы и угрозы силой; нерушимость границ; территориальная целостность государств; мирное урегулирование споров; невмешательство во внутренние дела; уважение прав человека и основных свобод, включая свободу религиозных убеждений; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничество между государствами; добросовестное выполнение обязательств по международному праву.

¹ «Правда», 1. VIII. 1975.

² См.: «Известия», 2. VIII. 1975.

Эти принципы каждое государство-участник обязалось уважать и применять в своих отношениях со всеми другими участниками независимо от их политических, экономических и социальных систем, в интересах обеспечения мира и безопасности всех государств — участников совещания.

Решения общеевропейского совещания исходят из необходимости дополнения политической разрядки разрядкой военной, материальной основой которой может служить лишь процесс разоружения. Политическая разрядка должна подкрепляться также самым широким и многосторонним сотрудничеством в области экономики, науки и техники без каких-либо искусственно создаваемых барьеров, без дискриминации. Документы совещания предусматривают развитие взаимной торговли; участие стран в разработке и конкретном осуществлении крупномасштабных проектов, например, в области энергетики и сырьевых ресурсов; налаживание эффективного сотрудничества в сфере совершенствования транспортных средств, новых видов энергии, изучения космоса, проблем здравоохранения, защиты окружающей среды и др. Выполнение этих решений приведет не только к росту национальной экономики каждой страны, но и к укреплению взаимного доверия и мира.

Принятые решения о развитии связей между странами — участницами совещания в гуманитарных областях. Все делегации согласились с единственно приемлемым подходом в этих вопросах: сотрудничество должно осуществляться при уважении принципа суверенного равенства, который предполагает соблюдение законов и административных правил государств, а также принципа невмешательства в их внутренние дела. На основе такого подхода были приняты решения по конкретным вопросам сотрудничества в области культуры, образования и информации, которое должно способствовать культурному обогащению народов Европы, лучшему пониманию друг друга.

На совещании было выражено единодушное желание продолжить по примеру общеевропейского совещания очередные серии совещаний, встреч, многосторонних консультаций, что способствовало бы укреплению и дальнейшему прогрессу на пути к созданию коллективной безопасности и расширению сотрудничества стран Европейского континента.

Таким образом, политические принципы отношений государств Европы подкрепляются положениями о развитии экономического и культурного сотрудничества, мерами военной разрядки, отражают совместное стремление к расширению и укреплению позитивных процессов развития на континенте.

Успешное завершение европейского форума воспринято народами континента и всего мира как большая победа политики разрядки напряженности, новый важный вклад в дело ослабления угрозы мировой войны и дальнейшего укрепления международной безопасности, широкого взаимовыгодного сотрудничества государств с различным общественным строем. Итоги Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе отвечают интересам всех без исключения государств и народов. Выступая в Хельсинки, тов. Л. И. Брежнев сказал: «...Положения, выработанные совещанием по главным проблемам укрепления мира в Европе, служат интересам народов, служат интересам людей независимо от их рода занятий, национальности, возраста: рабочих, тружеников села, лиц интеллектуального труда, каждого человека в отдельности и всех вместе. Они проникнуты уважением к человеку, заботой о том, чтобы он жил в условиях мира и уверенно смотрел в завтрашний день. ...Результаты состоявшихся длительных переговоров таковы, что нет победителей и побежденных, приобретших и потерявших. Это — победа разума. Выиграли все:

страны Востока и Запада, народы социалистических и капиталистических государств — участников союзов и нейтральных, малых и крупных. Это выигрыш всех, кому дороги мир и безопасность на нашей планете».

Принятые Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе документы явились как бы венцом всего позитивного, что до сих пор было сделано на Европейском континенте. Вместе с тем они явятся и стартовым рубежом к новым договоренностям во имя мира и отправки пунктом для последующего всестороннего продвижения Европы к новым горизонтам. Сама работа по реализации решений совещания послужит хорошим стимулом для урегулирования спорных вопросов, дальнейшего укрепления взаимного доверия и расширения сфер сотрудничества между государствами. Решающее значение будет иметь, конечно, добросовестное выполнение согласованных принципов и обязательств.

«Придать полную действенность этим договоренностям, — говорил тов. Л. И. Брежнев, — это наша общая важнейшая задача. Мы исходим из того, что все страны, представленные на совещании, будут претворять в жизнь достигнутые договоренности. В том, что касается Советского Союза, то он будет действовать именно так»⁴.

Решения общеевропейского совещания имеют большое значение не только для европейцев. Как отметило Политбюро ЦК КПСС при рассмотрении итогов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, «право на мир принадлежит каждому человеку на нашей планете. Разрядка напряженности должна расширяться, углубляться, распространяться на все районы мира. Советский Союз считает своим долгом содействовать развитию международной обстановки именно в таком направлении»⁵.

Успех переговоров по безопасности и сотрудничеству в Европе подводит страны других континентов, в том числе страны Азии, вплотную к выводу о том, что опыт общеевропейского форума, на котором 35 стран, принадлежащих к различным общественным системам, пришли к соглашению по самым острым вопросам современности, можно и нужно использовать и в интересах всех стран и народов.

«Общеевропейское совещание на высшем уровне, — отмечала в передовой статье монгольская газета «Унэн», — конкретно проанализировало прошлые события и обнародовало документ, обращенный своим содержанием в будущее. Этот документ может служить основой межгосударственных отношений не только в Европе, но и во всем мире. стать стимулом в решении таких проблем глобального характера, как ликвидация кризиса на Ближнем Востоке и Кипре, в деле установления коллективной безопасности в Азии, для всеобщего и полного разоружения... Монгольский народ ожидает, что декларированные общеевропейским совещанием принципы межгосударственных отношений, ввиду их всеобщего характера, утвердятся и в практике отношений между азиатскими странами и послужат стимулом в деле создания системы коллективной безопасности в Азии»⁶.

И действительно, под отношения между государствами — участниками совещания стран Европы подведена солидная база основополагающих принципов, общедемократических по своему содержанию, которые являются приемлемыми для отношений между странами самого различного государственного и социального строя.

³ «Правда», 1. VIII. 1975.

⁴ Там же.

⁵ «Правда», 7. VIII. 1975.

⁶ «Унэн», 2. VIII. 1975.

«Совещание в Хельсинки нельзя рассматривать в отрыве от обстановки в Азии, несмотря на то, что условия, в которых находятся Европа и Азия, различны, — писала газета «Токио симбун». — Например, один из принципов, признанных на общеевропейском совещании, состоит в том, что границы не могут быть изменены силой. Этот принцип должен уважаться и в Азии».

Общеевропейское совещание служит образцом решения самых сложных международных проблем за столом переговоров. Вот почему азиатская общественность выражает надежду на то, что успех в Хельсинки может оказать большое позитивное влияние на благоприятное для дела мира развитие обстановки и за пределами Европы, в районах, где все еще существуют вызывающие беспокойство очаги напряженности и кризисов.

Конечно, на этом пути азиатским народам предстоит преодолеть ряд серьезных препятствий, решить в пользу мира сложные проблемы.

По-прежнему взрывоопасным районом земного шара остается Ближний Восток. Правящие круги Израиля упорно продолжают совершать провокации в отношении арабов, отказываются идти на ликвидацию последствий своей агрессии. Более того, под теми или иными предложениями в Тель-Авиве продолжают раздувать милитаристский угар, делая ставку на военное разрешение конфликта. Вместо того чтобы выполнить известные резолюции Совета Безопасности и вывести свои войска с оккупированных арабских территорий, Израиль делает ставку на сепаратные переговоры, раскол арабских государств, на то, чтобы отдельными соглашениями затянуть преодоление ближневосточного кризиса в целом. Такая позиция, чреватая опасностью новой войны, подвергается резкой критике со стороны мировой общественности.

Рассматривая негативные стороны развития ситуации в Азии, нельзя обойти стороной еще одну силу, серьезно препятствующую оздоровлению атмосферы в Азии. Это — раскольническая, провокационная политика пекинских лидеров, преследующая великоханьские империалистические цели.

Смягчение международной обстановки не входит в расчеты маоистов. Они надеются на то, что напряженность и конфликты создадут благоприятные условия для осуществления их великодержавных, гегемонистских устремлений, а также для оправдания антинародной внутренней политики «подготовки к войне и стихийным бедствиям», мобилизации сил страны на гонку вооружений.

На состоявшемся недавно митинге в Пекине Дэн Сяо-пин вновь заявил, что в мире «вовсе не существует какой-то необратимый процесс разрядки, а, наоборот, нарастает опасность новой мировой войны»⁷. Китайские лидеры усиленно проповедуют «неотвратимость войны». В этом они усматривают «светлое будущее» человечества, так как, по их словам, война «непреренно ускорит гибель империализма и приведет мировую революцию к новой победе». Они назойливо навязывают миру маоистский тезис: «...или война вызовет революцию, или революция предотвратит войну, в обоих случаях будущее мира неизменно светлое»⁸.

Будучи противниками разрядки международной напряженности вообще, а в Европе особенно, Пекин приложил немало усилий, чтобы сорвать европейское совещание. Однако все эти усилия оказались тщетными. Решительный отпор провокационной политике Пекина в Европе дали европейские социалистические страны. Маоистам не уда-

⁷ «Жэньминь жибао», 19. IV. 1975.

⁸ Там же, 27. IV. 1975.

лось повлиять на правящие круги западных держав и стран НАТО своими «предостережениями» о мнимой «угрозе» со стороны Советского Союза. Руководители западных европейских стран не пошли за Пекином, проявили трезвость и реализм. Не увенчались успехом и заигрывания пекинской дипломатии с Мадридом и Мальтой, руководители которых приняли активное участие в работе совещания и положительно расценили его итоги. Европейская политика Мао пришла по душе лишь самым реакционным политическим силам Европы, поборникам «холодной» и «горячей» войн, которые, однако, давно уже не влияют на политический климат Европы.

Чехословацкая газета «Свободно слово», давая оценку европейской политике Китая, подчеркивала в статье «Маоизм и Европа»: «Маоистская концепция европейской политики направлена на разжигание конфликта между Востоком и Западом. Однако сейчас, в середине 70-х годов, такая политика является бьющим в глаза пережитком холодной войны. Она настолько противоречит нынешним тенденциям в мировой обстановке, что не может достичь успеха. Попытки повернуть вспять колесо истории обречены на провал».

После успеха в Хельсинки средства массовой информации КНР вопреки очевидным фактам пытались утверждать, что проведенные на различных этапах тысячи встреч делегаций из 35 стран не дали результата. Китайское агентство Синьхуа особенно сокрушалось по поводу того, что за время переговоров было затрачено, по его подсчетам, 40 т бумаги⁹.

Действительно, и это ни для кого не секрет, в работе общеевропейского совещания было немало трудностей, напряженного кропотливого труда. За время работы совещания с июля 1973 г. состоялось почти 2500 заседаний Координационного комитета, комиссий и рабочих групп. Процесс разработки и согласования проектов документов и предложений (их было около 4700) оказался весьма сложным. Это объяснялось тем, что в работе участвовали представители государств с различным политическим и общественным строем, придерживающихся самых различных взглядов на проблемы Европы и мира в целом. И если в конечном итоге все же удалось найти общий язык, то это огромная заслуга всех участников переговоров. Международная общественность, печать разных стран, выражает им глубокую благодарность за нелегкий, но благородный труд. Высокую оценку общественности Европы получила настойчивая, целеустремленная работа советской дипломатии, которая всегда проявляла конструктивный и терпеливый подход к делу.

Преодолеть имевшиеся объективные и субъективные препятствия можно было лишь сочетая политику, дипломатию и исключительный такт и выдержку. Своеобразие выработки решений совещания состояло в том, что эта работа происходила не только в Хельсинки и Женеве, но и во всех столицах государств — участников совещания. Принципиальные вопросы общеевропейского совещания неизменно стояли в центре внимания в ходе бесед советских руководителей с руководителями США, Франции, ФРГ, Англии, Италии, Финляндии и других государств. Они обсуждались во Владивостоке, в Рамбуэе и в Москве. Как отмечал Л. И. Брежнев, «Совещание оказалось полезной школой международной политики для участвующих государств...»¹⁰.

⁹ «Жэньминь жибао», 22. VII. 1975.

¹⁰ «Известия», 31. VII. 1975.

Несостоятельны также попытки маоистов умалить значение подписанных в Хельсинки документов утверждениями о том, что они якобы «не имеют юридически обязательной силы ни для кого».

Конечно, в истории было немало случаев, когда декларации, договоры и соглашения не соблюдались. Кстати, немало примеров тому дают пекинские лидеры. Однако уже тот факт, что удалось согласовать текст соглашений, которые подписали представители 35 стран с различным общественным строем, заложив тем самым основы новой международно-правовой морали, создает новую ситуацию для сотрудничества народов и подтверждает, кроме того, истину, действительную для всех континентов, — разрядка напряженности стала главным направлением политического развития мира. И какие бы самые мрачные мотивы на тему «надвигаются темные тучи и нарастает фактор войны» ни напевали пекинские лидеры, ситуация в мире от этого не изменится. Если ход событий на международной арене развивается не так, как хотелось бы кое-кому в Пекине, то это отнюдь не значит, что надуманной клеветой и пропагандистскими вымыслами, можно изменить положение вещей в свою пользу.

Успех общеевропейского совещания явился историческим поражением сил международной реакции, противников мира всех мастей — от пекинских авантюристов до политиканов типа реваншиста Штрауса в ФРГ и сенатора Джексона в США. Противники разрядки в Европе, конечно, не отказались еще от своих попыток отравлять международную атмосферу и, несомненно, будут стремиться к тому, чтобы тормозить процесс реализации договоренностей в Хельсинки. Но логика развития событий такова, что время работает не на них, а против них.

Для достижения своих гегемонистских целей китайская дипломатия прибегает к различным, отчасти известным из старой китайской истории методам. В ее арсенале можно найти как шантаж, нажим, лесть, экономическое обольщение, так и поддержку националистических устремлений. Пекинские лидеры не гнушаются приемами старой империалистической политики. В частности, взяв на вооружение потрепанный буржуазный принцип «разделяй и властвуй», китайские лидеры стремятся рассорить страны Азии между собой.

Великодержавная политика китайских лидеров, их стремление разобщить страны Азии, оторвать от их естественных союзников — социалистических стран, опереться на империалистические силы, в том числе военные, в своей борьбе против влияния социалистических стран не может найти какой-либо поддержки в странах Азиатского континента, решительно выступающих за ликвидацию американских военных баз в Таиланде, на Филиппинах, за вывод американских войск из Южной Кореи, за обеспечение мира и безопасности в Азии собственными силами на коллективных началах. Каким бы коварным и упорным ни было сопротивление маоистских поборников «холодной войны», разрядка напряженности неотвратимо распространяется и будет распространяться на Азиатский континент.

* * *

Мир в одинаковой степени необходим всем народам и всем государствам независимо от различий их идеологических позиций. В устранении опасности мировой ядерной войны заинтересовано все человечество. В этом — главная основа совместных усилий всех стран и народов по укреплению мира и безопасности на всех континентах планеты.

Беспрецедентная в истории встреча руководящих деятелей 33 европейских государств, США и Канады, явившаяся событием огромного международного значения, и подписанные ими документы находятся в центре внимания мировой общественности. Они с глубоким удовлетворением воспринимаются не только в Европе, но и в странах других континентов, в том числе и Азии. Народы мира видят в них начало нового этапа разрядки международной напряженности, важный шаг на пути утверждения и закрепления принципов мирного сосуществования и налаживания отношений равноправного сотрудничества между государствами с различным общественным строем — принципов, выдвинутых и разработанных основателем первого в мире социалистического Советского государства В. И. Лениным, которые в наше время убежденно и последовательно отстаивают все страны социалистического содружества. С результатами европейского совещания связываются светлые надежды людей на обеспечение мира для всех народов нашей планеты.

ИДЕОЛОГИЯ

Об организационных и идеологических основах маоистской партии

Богуслав Андрысевич (ПНР)

Создатели научного социализма К. Маркс и Ф. Энгельс, исходя из анализа исторического процесса социального развития, поставили перед рабочим классом историческую цель — свержение капитализма и построение бесклассового коммунистического общества.

Более чем столетняя история организованного рабочего движения учит нас, что путь к этой конечной цели не является ни прямым, ни легким. Этапы этого пути — классовая борьба, революция, диктатура пролетариата.

Социал-демократические организации рабочего класса периода II Интернационала, зараженные реформизмом, ревизионизмом и соглашательством по отношению к буржуазии, оказались неспособными вести за собой пролетариат на борьбу за эти высокие цели.

В эпоху перехода капитализма от стадии свободной конкуренции в стадию империализма В. И. Ленин, творчески развивая марксистское учение, открыл закон неравномерного развития капитализма и на основе этого закона выдвинул тезис о возможности победы социалистической революции первоначально в одной стране, в слабейшем звене империализма.

Полностью оценивая всю важность объективных предпосылок социалистической революции, вытекающих из самой сути капитализма, В. И. Ленин в то же время подчеркивает необходимость стимулирования революционного процесса посредством сознательной и организованной деятельности людей. Обобщая опыт борьбы с буржуазией российского и международного рабочего движения, Ленин подытоживает: «Без революционной теории не может быть и революционного движения... роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»¹.

Опираясь на эти положения, В. И. Ленин создал концепцию коммунистической партии нового типа — авангарда рабочего класса, его организатора, учителя и вождя. Особое и непреходящее значение имеет учение В. И. Ленина о программных задачах партии на определенных этапах развития общества, о стратегии и тактике политической деятельности, а также об организационной структуре партии и механизме ее функционирования².

Из ленинских теоретических обобщений и организационно-практического опыта деятельности партии нового типа неопровержимо сле-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 24—25.

² «Наука о партии». Warszawa, 1973, str. 195—212.

дует, что эти принципы носят универсальный характер. Они относятся как к партиям, стоящим у кормила государственной власти, так и к партиям, борющимся за завоевание власти, к партиям, действующим как легально, так и нелегально в развитых или экономически отсталых, зависимых или независимых странах.

История рабочего движения учит, что творческое применение марксистско-ленинского учения о классах, партии и диктатуре пролетариата приводило партию рабочего класса к историческим победам. Отступление же от этих принципов неизбежно вело к поражениям и разгрому. В зависимости от отношения к этим проблемам нетрудно отличить марксиста от ревизиониста и оппортуниста, революционера — от либерала.

Формирование политической линии КПК

Китай был первой среди полуфеодальных и зависимых стран, вступивших на путь социальной революции. Условия, в которых приходилось организовывать в Китае коммунистическую партию, были особенно трудными: немногочисленный, неорганизованный и разрозненный рабочий класс; огромный напор мелкобуржуазной стихии в условиях значительного влияния национализма, анархизма и реформизма; поверхностное знакомство с марксизмом его первых пропагандистов; общий низкий уровень культуры и образования населения.

В связи с указанной сложностью общественно-политической ситуации в Китае формирование концепции партии и ее политической линии было весьма нелегким процессом, развивающимся по этапам, без затруднений и ошибок.

Коммунистическая партия Китая была учреждена на I съезде партии 1 июля 1921 г. в Шанхае. В момент ее возникновения она представляла собой небольшую группу активистов, организованных в несколько кружков. С самого начала в КПК обозначились националистические и сектантские тенденции, что осталось основной болезнью партии и в последующие годы.

На этапе национальной революции 1925—1927 гг. сформировалась классовая, пролетарская политическая линия КПК. Произошло дальнейшее идейное развитие и количественное расширение рядов партии и классовых профессиональных союзов в городе и деревне. Количество членов партии с 1 тыс. чел. в начале 1925 г. возросло до 58 тыс. к середине 1927 г., причем половину этого числа составляли рабочие.

Контрреволюционный государственный переворот генерала Чан Кай-ши в 1927 г. коренным образом изменил соотношение сил в пользу реакции. В результате террора численность КПК упала примерно до 10 тыс. членов. Партия потеряла в этот период костяк своего рабочего актива и вынуждена была уйти в глубокое подполье³. Таким образом, объективные условия привели к тому, что с 1927 г. в стратегии и тактике КПК начала формироваться «крестьянская» линия — за счет ослабления приоритета пролетарских целей в революции.

Несмотря на слабость китайского революционного движения, руководство ЦК КПК во главе с Ли Ли-санем навязало партии на короткий период в 1930 г. левацко-авантюристическую линию, выдвинув задачу прямой вооруженной борьбы за власть. Предполагалась возмож-

³ По оценкам МОПР, число жертв террора в Китае в 1927—1929 гг. составило не менее 450 тысяч чел.

ность спровоцирования международной войны, в особенности советско-японской войны в Маньчжурии⁴. Этот план имел явно антисоветскую и антикоминтерновскую направленность.

Во время так называемого «великого похода» 1934—1935 гг., столь же героического, сколь и трагического, идеологические расхождения в КПК углубились. Мао Цзэ-дун, воспользовавшись специфическими условиями этого похода, незаконно захватил власть в партии и армии на самолично созванном им вопреки Уставу КПК так называемом расширенном совещании Политбюро ЦК КПК в Цзуньи в 1935 г.⁵ Этот факт внес раскол в ряды наиболее авторитетных в то время деятелей КПК и существенно отразился на всем дальнейшем развитии партии и китайской революции.

Особое место в формировании новой политической линии КПК, характеризующейся антимарксистскими тенденциями, занимает яньаньский период деятельности КПК под руководством Мао Цзэ-дуна (1938—1945). В это время развернулся процесс «китаизации» основных положений марксистско-ленинского учения о классах, революции, государстве и диктатуре пролетариата. В обход всех ленинских норм партийной жизни КПК были навязаны «идеи Мао Цзэ-дуна» в качестве ее теоретической основы. Верх в партии взяли мелкобуржуазно-националистические тенденции⁶. Эту политическую линию санкционировал своими решениями VII съезд КПК (1945).

В процессе социалистического строительства в Китае (1949—1959), особенно после создания социалистического сектора в народном хозяйстве, пролетарское крыло КПК укрепилось. Доля рабочих — членов партии возросла от 3% в 1949 г. до 14% в 1956 г.

VIII съезд КПК (1956), проходивший в обстановке значительного политического подъема, утвердил план создания материально-технической базы социализма в Китае, очистил Устав партии от «идей Мао Цзэ-дуна» и частично преодолел последствия культа его личности.

На съезде Мао Цзэ-дун подвергся критике. Однако вскоре он перешел в контрнаступление и навязал стране политику так называемого «большого скачка». Крах «большого скачка» не принес лавров Мао, и он вынужден был уйти с поста председателя КПК.

Открытое столкновение

Мао Цзэ-дун отдавал себе отчет в том, что основные противники его политики находятся в партийном аппарате, органах народной власти, профессиональных союзах, общественных организациях. Их силы были слишком велики, чтобы маонисты могли расправиться с ними яньаньскими методами. Поэтому возникла необходимость проведения гигантской политической кампании невиданного доселе масштаба.

Маонисты тщательно подготовили такую кампанию, дав ей название «великой пролетарской культурной революции» (1966—1969). Это движение могло заслуживать названия «пролетарского» только лишь потому, что оно с самого начала было направлено против пролетарских сил в партии, поддерживающих генеральную линию КПК, приня-

⁴ См.: А. М. Григорьев. Коминтерн и революционное движение в Китае под лозунгом Советов (1928—1930). — В кн.: «Коминтерн и Восток». М., 1969, с. 313—349.

⁵ Обширные высказывания на эту тему можно найти у представителя Коминтерна в Китае в 1932—1939 гг. Отто Брауна в статье «Как Мао Цзэ-дун шел к власти». — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4.

⁶ T. T w a r d y. Rodowod maoizmu. — «Maoizm». Warszawa, 1973, str. 104—128.

тую на VIII съезде. Партийные организации перед лицом нарастающего разгула демагогической критики по адресу партии с июня 1966 г. начали организовывать активное сопротивление.

XI пленум ЦК КПК (1—12 августа) провозгласил цели «культурной революции» и методы ее проведения. Этот пленум определил цели и методы движения, определяются следующие задачи: чтобы смять тех людей, стоящих у власти капиталистическому пути; критика и отбрасывание академических авторитетов и идеологических классов, а также преобразование искусства и других составных частей социализма, чтобы она соответствовала социалистической базе...»⁷.

Решения пленума явно подчеркивали необходимость руководства движением со стороны партии.

Красноречивым ответом Мао Цзэ-дуна на эти постановления был факт собственноручного написания им во время работы XI пленума специальной дацзыбао, в которой он призвал к «атаке на штабы». Согласно Мао, «культурная революция» должна проходить не под руководством партии, а против нее.

На XI пленуме ЦК маоисты перегруппировали свои силы. Из пяти заместителей председателя ЦК КПК на своем посту остался только один — Линь Бяо. Были смещены Лю Шао-ци, Чжу Дэ, Чжоу Энь-лай и Чэнь Юнь.

Постоянные изменения происходили также в составе руководящей группы по делам «культурной революции», вначале состоявшей из 27 чел., большинство из которых были членами Политбюро и Секретариата ЦК. В 1968 г. верховным органом партии, армии и государства был провозглашен «пролетарский штаб Мао Цзэ-дуна», в составе которого уже практически не было членов высших партийных органов⁸.

«Главным объектом расхождений между двумя линиями в партийном строительстве, — писала «Жэньминь жибао», — всегда был вопрос о применении идей Мао Цзэ-дуна как ведущей партийной идеологии». Когда политические аргументы иссякли, хунвэйбины и цзаофани с благословения «штаба Мао Цзэ-дуна» ликвидировали всю структуру партийных органов сверху донизу. «Без уничтожения нет созидания», — таков был девиз маоистов в то время.

В результате оказались полностью разгромленными партийные комитеты провинций, автономных районов, городов, уездов, крупных промышленных предприятий и народных коммун. Было ликвидировано 6 региональных бюро ЦК, созданных в 1961 г. Оказались парализованными высшие партийные органы — Центральный Комитет, Политбюро и Секретариат ЦК.

Большинство кадровых партийных работников были публично клеймены и сосланы на принудительные работы с целью «трудового перевоспитания». Группа Мао отстранила от деятельности и подвергла репрессиям 3/4 состава ЦК, около 2/3 всех членов Политбюро, более

⁷ S. Zyg a. Chinska Republika Ludowa (1965—1970). Warszawa, 1971, str. 125—126.

⁸ В «пролетарском штабе Мао Цзэ-дуна», кроме Линь Бяо, оказались: премьер Чжоу Энь-лай, жена Мао Цзэ-дуна — Цзян Цин, бывший личный секретарь Мао — Чэнь Бо-да, бывший телохранитель Мао — Вань Дун-син, зять Мао — Яо Вэнь-юань, жена Линь Бяо — Е Цюнь, министр общественной безопасности Се Фу-чжи, специалист по уничтожению партийных кадров Кан Шэн и др. См.: В. Глумин, А. Григорьев. Какую партию хочет создать Мао Цзэ-дун и его группа. — В сб.: «Опасный курс». Вып. 1. М., 1969, с. 136.

чем половину состава Секретариата ЦК. Были смещены все заведующие и заместители заведующих отделами ЦК. В партийном аппарате была проведена генеральная чистка⁹.

В дацзыбао, вывешенной в Пекине 12.I.1967 г., сообщалось, что премьер Чжоу Энь-лай и министр общественной безопасности Се Фу-чжи распорядились об аресте всех тех, кто распространяет лозунги и материалы, направленные против Мао Цзэ-дуна и Линь Бяо.

Партийные организации, в особенности на крупных промышленных предприятиях, оказывали сопротивление хунвэйбинам. Однако изощренная тактика маоистов, социальная и политическая демагогия и прежде всего создание организации цзаофаней, своеобразной «пятой колонны» в рядах рабочего класса, свели это сопротивление на нет.

Перед китайским рабочим классом возникли серьезные трудности в распознании классовой сущности маоизма, старательно маскирующей свою мелкобуржуазную сущность и лавирующей между классами, используя слабость и неорганизованность пролетариата.

Такую тактику К. Маркс и В. И. Ленин называли бонапартизмом, который как бы вырос из революции, должен был ее защищать, но на практике всегда служил интересам буржуазной или мелкобуржуазной реакции. Разоблачая бонапартизм на примере керенщины, В. И. Ленин так определял его основные черты: опора на военщину, лавирование между классами, разнузданная социальная и националистическая демагогия¹⁰. Анализ показывает, что в политике и тактике маоизма есть немало общего с бонапартизмом, разумеется, в специфическом, китайском издании.

Принципиальное влияние на возникновение и эволюцию маоизма оказали военно-офицерские круги, которые всегда играли активную роль в общественно-политической жизни Китая. Мао Цзэ-дун старательно оберегал и укреплял эту традицию, насаждая в армии дух национализма и великоханьского шовинизма, дух слепого послушания и обожествления собственной персоны.

Именно поэтому армия сыграла решающую роль в «культурной революции», в результате которой она стала основной политической силой, а созданные под ее контролем «революционные комитеты» заменили законные органы государства и уставные органы партии.

Овладев властью, группа Мао Цзэ-дуна приступила к легализации результатов «культурной революции», используя для этой цели такие органы, как пленум ЦК и съезд КПК.

XII пленум ЦК КПК, созванный в октябре 1968 г., после окончания «культурной революции», не обладал необходимыми полномочиями с точки зрения требований Устава КПК, принятого в 1956 г. На его заседаниях отсутствовало большинство членов ЦК, но в нем принимали участие с правом решающего голоса члены группы по делам «культурной революции», представители «революционных комитетов» провинций, городов центрального подчинения и автономных округов, а также высшие должностные лица армии.

Целью пленума было узаконение «пролетарского штаба» Мао в качестве единственного руководящего центра партии, армии и государства на текущий период; узаконение «революционных комитетов» в качестве единственных местных органов, объединяющих в своих руках партийное руководство и административную власть; завершение реорганизации партии в соответствии с планами маоистов.

⁹ Там же, с. 134—135.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 48—52.

XII пленум принял проект нового Устава КПК, который немедленно приобрел силу обязательного для выполнения документа в период подготовки IX съезда КПК. Анализ китайской прессы того периода показывает, что делегаты на IX съезд не избирались, а назначались на основе «демократических консультаций» из числа тех, кто сумел доказать свою безграничную преданность председателю Мао. «Слепая вера в выборы,— констатировал «Хунци»,— это еще одно проявление консерватизма».

В условиях «очищения» партии от проявлений какой бы то ни было оппозиции маонизму в апреле 1969 г. был созван IX съезд КПК. Делегатами его были наиболее «заслуженные» деятели «культурной революции». В таком составе и в такой обстановке он мог стать лишь громогласным хвалебным гимном в честь «вождя».

Создание маоистской партии под вывеской КПК

Устав КПК, принятый на IX съезде, так далеко отходил от ленинских норм организации партии, что можно, по сути дела, говорить о возникновении в тот период новой партии маоистского типа. Сохранение в нем прежнего названия партии может свидетельствовать лишь о том, что Коммунистическая партия Китая, обладающая славными традициями, пользуется высоким авторитетом среди рабочего класса и всего китайского народа. Поэтому такая вывеска является для маоистов весьма удобной маскировкой сущности их националистическо-мелкобуржуазной идеологии и политики.

Анализ основных положений этого Устава представляет сейчас особый интерес потому, что именно в нем были впервые официально утверждены идеологические и организационные основы партии, созданной Мао Цзэ-дуном и его группой взамен разгромленной ими КПК. Действующий ныне в маоистской партии Китая Устав, принятый на X съезде в 1973 г., по существу, лишь повторил основные положения предшествующего Устава, не внося особо существенных изменений. Из него лишь исключены чрезмерно завышенные и льстивые оценки роли Мао Цзэ-дуна как «вождя» и теоретика и изъято имя Линь Бяо, который провозглашался «продолжателем дела» Мао Цзэ-дуна. Вместо этого в Устав, принятый X съездом КПК, включены упоминание о «великих победах Великой пролетарской культурной революции» и брошенный Мао Цзэ-дуном призыв «готовиться на случай войны, готовиться на случай стихийных бедствий и делать все для народа». Основные «теоретические» и идейно-политические аспекты маоистской концепции коммунистической партии в современном виде уже полностью сформировались и получили официальное выражение на IX съезде КПК и в принятом им Уставе партии.

В первом разделе Устава, озаглавленном «Общая программа», о социалистическом обществе говорилось следующее: «Оно охватывает довольно длительный исторический этап. На этом историческом этапе от начала до конца существуют классы, классовые противоречия и классовая борьба, существует борьба между двумя путями — социалистическим и капиталистическим, существует опасность реставрации капитализма, существует угроза подрыва изнутри и агрессии, исходящей со стороны империализма и современного ревизионизма»¹¹.

¹¹ «IX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы)». Пекин, 1969, с. 33—115 (на рус. яз.).

Таким образом, маоисты сделали весьма характерный для них крутой поворот. В период «великого скачка» они провозглашали лозунг «Три года напряженной работы и десять тысяч лет счастья», утверждали, что за эти «три года» смогут привести Китай к коммунизму. В Уставе же КПК, принятом на ее IX съезде, построение коммунизма отодвинуто на неопределенно длительный исторический период. В качестве средства преодоления классовых противоречий рекомендуется перманентная революция и восхваляется китайская «культурная революция», которую якобы совершил пролетариат в условиях диктатуры пролетариата.

В программной части полностью обходятся молчанием конкретные задачи, стоящие перед партией в социальной, экономической и культурной областях. Китайская пресса того периода была более «дальновидна» — она определила задачи партии в социальной области следующим образом: «готовиться к голоду» (этот лозунг заключал в себе сущность внутренней политики маоизма); «готовиться к войне» (кредо его внешней политики).

В качестве теоретических основ деятельности партии Устав провозглашает «Марксизм-ленинизм-идеи Мао Цзэ-дуна». Таким образом, в Уставе наряду с объявлением марксизма-ленинизма, к которому теория и практика маоистов не имеют никакого отношения, основой маоистской партии к теоретикам марксизма причислен новый «мыслитель» в лице Мао Цзэ-дуна. Из содержания Устава даже недвусмысленно следует, что среди теоретиков марксизма Мао Цзэ-дун занимает особое место, поскольку его деятельность относится к современной эпохе. «Идеи Мао Цзэ-дуна,— говорится в Уставе,— есть марксизм-ленинизм такой эпохи, когда империализм идет к всеобщему краху, а социализм — к победе во всем мире». Разумеется, при условии, что мировое революционное движение будет действовать в соответствии с «идеями Мао».

Троцкистская окраска политики Пекина здесь вполне очевидна. «Идеи Мао Цзэ-дуна» на этот раз не были ограничены национальными рамками, как это имело место на VII съезде КПК, а провозглашались теоретической основой деятельности всего мирового революционного движения.

Программная часть Устава КПК, принятого IX съездом, хотя и не в такой яркой форме, как в литературе, провозглашала Мао Цзэ-дуна «вождем партии», а его заместителем и «преемником» — Линь Бяо. «Коммунистическая партия Китая, вождем которой является товарищ Мао Цзэ-дун, есть великая, славная и правильная партия, есть руководящее ядро китайского народа». О Линь Бяо говорилось, что он «...является близким соратником товарища Мао Цзэ-дуна и продолжателем его дела».

Уже в этом Уставе партии КНР и КПК фактически были поставлены вне рамок содружества социалистических государств и мирового коммунистического движения. «Коммунистическая партия Китая,— говорилось в нем,— ...решительно спланируется воедино с подлинно марксистско-ленинскими партиями и организациями всего мира, с пролетариатом, угнетенными народами и угнетенными нациями всего мира и совместно с ними борется за разгром империализма во главе с США, современного ревизионизма», под которым понимались КПСС и Советский Союз.

В тексте Устава, принятого X съездом, в это положение были внесены некоторые уточнения. В новой редакции оно выглядит так: «Коммунистическая партия Китая... выступает против великодержавного

шовинизма, решительно сплачивается воедино с подлинно марксистско-ленинскими партиями и организациями всего мира, с пролетариатом, угнетенными народами и угнетенными нациями всего мира и совместно с ними борется против гегемонизма двух сверхдержав — США и Советского Союза, за разгром империализма, современного ревизионизма...»

Эти уточнения, как видим, ничего не изменяют в наиболее общей формулировке направленности политического курса маоизма по существу, а лишь вносят в него некоторые коррективы. Не может не привлечь внимания лицемерное утверждение, что маоистская «КПК... выступает против великодержавного шовинизма», ибо всеми своими действиями Пекин подтверждает обратное.

Это не первый случай в истории, когда за лицемерными псевдореволюционными лозунгами скрывалось антисоциалистическое содержание. Подобные «принципы» обнажают поистине фарисейскую личину творцов маоистской доктрины. Они откровенно и наглядно демонстрируют гегемонистские цели Пекина в странах Азии, Африки и Латинской Америки, безотносительно к их общественному строю и политической ориентации.

Как известно, сражаясь на словах с империализмом, маоисты на практике поддерживают тесные отношения с империалистами и реликтами колониализма на своей собственной территории — Гонконгом и Макао, восхваляют наиболее реакционные круги ФРГ, поддерживают военно-фашистскую хунту в Чили. Это свидетельствует о том, что, несмотря на программную постановку на одну плоскость империализма и мнимого «ревизионизма», фактически острее агрессивной политики Пекина направлено в одном направлении — против содружества социалистических государств, и в особенности против СССР.

Китайская пропаганда в настоящее время нередко ссылается на указания Мао Цзэ-дуна, относящиеся к 1945 г., где он упрекал своих оппонентов, что во имя ложно понятой принципиальности они недостаточно гибко применяли политику заключения с противником союзов, которые помогли бы в борьбе против главного врага.

То, что Пекин установил диалог с США, объясняется именно необходимостью борьбы против СССР, который считается сейчас в Пекине «врагом номер один».

Таким образом, на основе анализа идеологических и политических концепций, составивших фундамент Устава КПК, принятого ее IX съездом, можно констатировать, что этот Устав стал своего рода итогом идейно-политического и организационного оформления маоизма как открытого противника марксизма-ленинизма и мирового коммунистического движения.

Что касается организационных принципов маоистской партии, как они сформулированы в Уставе КПК, принятом на IX съезде, и без существенных изменений воспроизведены в Уставе, утвержденном X съездом, то они сводятся к следующему.

Во-первых, устанавливается, что членом КПК может быть каждый «...китайский рабочий, крестьянин-бедняк, низший середняк, революционный военнослужащий или другой революционный элемент...»

Могло бы, таким образом, показаться, что отбор членов КПК осуществляется по классовому признаку. Нужно, однако, помнить, что в соответствии с маоистской концепцией классов в Китае пролетариатом считаются только люмпен-пролетариат и различные деклассированные элементы общества, а единственным критерием революционности является безграничная преданность председателю Мао.

Еще в период работы XII пленума ЦК КПК в 1968 г. теоретический орган ЦК «Хуши» опубликовал указание, согласно которому партийные организации были обязаны «принимать в свои ряды бойцов-изаофаней, безгранично преданных председателю Мао...»¹². В соответствии с этим «революционным элементом» считается тот, кто сыграл наиболее разрушительную роль в рядах рабочего класса и способствовал разгрому партийных органов и организаций во время «культурной революции».

Права и обязанности члена партии сводятся в принципе лишь к слепому соблюдению дисциплины, а также тщательному изучению и применению на практике «идей Мао Цзэ-дуна». Вместе с тем отсутствует партийная норма, устанавливающая, что член партии имеет право избирать и быть избранным в руководящие партийные органы.

Во-вторых, в части, касающейся принципов демократического централизма, Устав КПК (как 1969 г., так и 1973 г.) делает односторонний упор лишь на централизм и дисциплину. «Вся партия должна подчиняться единой дисциплине: член партии подчиняется партийной организации, меньшинство — большинству, низшая инстанция — высшей, вся партия — Центральному Комитету».

В Уставе ничего не говорится о необходимости развивать внутрипартийную демократию и коллегиальное руководство. Принцип выборности руководящих партийных органов сильно ограничен. Устав гласит: «Руководящие партийные органы всех ступеней избираются на основе демократических консультаций».

Маоистская практика показывает, что эти «демократические консультации» сводятся фактически к назначению сверху членами руководящих партийных органов преданных маоистов.

В-третьих, статья 6-я Устава провозглашает, что «высшим руководящим органом партии является Всекитайский съезд, а в промежутках между съездами — избранный им Центральный Комитет». Не определены, однако, ни компетенции съезда, не регулярность его созыва — здесь сроки произвольны, хотя статья 8-я, не подчеркивая обязательности сказанного, устанавливает, что «Всекитайский съезд партии созывается один раз в пять лет. В особых случаях его можно созывать досрочно или отсрочивать».

«Особых случаев», порождающих причины не созывать съезды КПК, особенно после прихода к власти в партии Мао Цзэ-дуна в 1935 г., в Китае хватало и хватает. Об этом может свидетельствовать следующая таблица.

Съезды КПК в 1921—1973 гг.

Таблица

Очередные съезды КПК	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Год	1921	1922	1923	1925	1927	1928	1945	1956	1969	1973

Из таблицы видно, что до 1928 г. съезды КПК созывались в принципе регулярно. В 17-летнем периоде между VI и VII съездами к руководству партией пришел Мао Цзэ-дун. Маоисты в обход высшего

¹² В. Глушин, А. Григорьев. Цит. произв., с. 149.

партийного органа — съезда — перевели партию на рельсы «идей Мао Цзэ-дуна».

Они созвали VII съезд только после завершения «китаизации» марксизма и ликвидации оппозиции Мао Цзэ-дуну. Этому принципу они остались верны и по сегодняшний день — они используют съезды лишь для узаконения существующего положения вещей. Единственное исключение представлял собой VIII съезд, созванный под влиянием ситуации, создавшейся в международном коммунистическом движении в 1956 г.

К созыву такого органа, как пленум Центрального Комитета, маонисты также прибегают неохотно. Они созывают пленумы чаще всего перед началом и после завершения крупных политических кампаний. Уставы КПК, принятые на IX и X съездах, не определяют ни компетенции ЦК, ни регулярности созыва пленумов.

Весьма многозначительно следующее положение: «В промежутках между пленумами Центрального Комитета Политбюро ЦК и его Постоянный Комитет исполняют функции Центрального Комитета»¹³. Под руководством председателя ЦК КПК... «учреждаются некоторые необходимые, компактные и оперативные органы, которые в едином порядке ведут текущую работу в партии, правительстве и армии»¹⁴.

Сущность приведенного выше отрывка сводится к тому, что такие «необходимые и компактные» партийные органы, как «группа по делам культурной революции» или «пролетарский штаб Мао Цзэ-дуна», должны рассматриваться как уставные органы, заменяющие Центральный Комитет.

Не случайно и то, что Уставы КПК, принятые на IX и X съездах, не предусматривают существования каких бы то ни было контрольных органов.

Подтверждение линии IX съезда

Обстоятельства созыва X съезда КПК летом 1973 г. свидетельствуют о том, что в Китае вновь увеличилось политическое напряжение и обострилась внутривнутриполитическая борьба.

Съезду предшествовала новая политическая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», которая вновь подтвердила существование разногласий внутри китайского руководства. Анализ истории маонизма показывает, что борьбу с политическими противниками маонисты, как правило, развертывают под флагом критики какого-либо исторического лица или события.

Сочетание «критики Конфуция» с «критикой Линь Бяо» свидетельствует о том, что низвергнутый осенью 1971 г. «преемник Мао» имел больше сторонников, чем это могло показаться на первый взгляд. В итоге «культурной революции» армия, руководимая Линь Бяо, превратилась в главную политическую силу страны, укрепила свои позиции до такой степени, что Мао увидел в ней реальную опасность своей диктаторской власти. Поэтому главной составной частью кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» стало ограничение политической роли армии, имеющее целью превратить ее в послушное орудие маонистского режима.

¹³ «X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы)». Пекин, 1973, с. 64—77 (на рус. яз.).

Там же.

В конце 1973 г. в китайской печати появилось много статей, восхваляющих императора Цинь Ши-хуана. Жестокость и беспощадность этого императора вознесены маоистами до ранга «добродетели». Пекинским пропагандистам особенно пришлось по душе такие «методы» борьбы императора с «удельными князьями», как закапывание противника живьем в землю, сожжение книг на кострах и т. д.

Борьба за укрепление центральной власти в Китае, которую вел в свое время Цинь Ши-хуан, подчеркивалось в печати, «продолжается по сегодняшний день». Характеризуя «удельных князей», апологетов регионализма и неподчинения центральной власти, «Гуанмин жибао» подчеркивает их особенные черты: владение собственным войском, объединение политической, хозяйственной и военной власти, неподчинение центральной власти¹⁵.

Таким образом, пресловутая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», по существу, направлена не столько на разоблачение учения китайского мыслителя, жившего 2,5 тыс. лет назад, и его философских взглядов, сколько на борьбу против современных, действительных (или мнимых) противников Мао Цзэ-дуна, особенно в армии.

X съезд КПК, не изменивший существенно ни авантюристической политической линии маоистов, ни основных идеологических и организационных принципов Устава маоистской партии, вместе с тем характеризовался следующими особенностями.

Во-первых, после VI съезда КПК (1928) это единственный съезд китайской партии, который состоялся в предусмотренные Уставом сроки. Из этого, однако, еще не следует, что Мао на склоне лет убедился в необходимости соблюдения норм Устава. Обстоятельства заставили маоистов до созыва этого съезда «осудить» Линь Бяо и устранить из партийных документов слова, касающиеся его личности.

Вместе с тем с 1927 г. это был самый короткий съезд КПК, он продолжался только 4 дня, хотя в КПК стало традицией, что ее съезды продолжаются по несколько недель. Ограничение времени работы съезда было вызвано важными политическими причинами, причем основной из них было стремление избежать открытого проявления разногласий и обострения внутривнутрипартийной борьбы. Даже скудные материалы об итогах X съезда не скрывают существования разногласий в маоистской партии. В отчетном докладе, сделанном Чжоу Энь-лаем, говорится: «Упадок антипартийной клики Линь Бяо не означает еще конца борьбы двух линий внутри партии. В будущем, в течение долгого времени, будет продолжаться борьба двух линий внутри партии. Еще 20 или 30 раз наступят битвы. Вновь появятся такие люди, как Линь Бяо, Лю Шао-ци, Пэн Дэ-хуай или Гао Ган». При ознакомлении с докладом Чжоу Энь-лая создается впечатление, что этот доклад является своего рода попыткой оправдания перед обществом, потому что за постоянную борьбу, интриги и эксперименты маоистов, как известно, расплачивается китайский народ.

X съезд на основе доклада об изменениях в Уставе партии, сделанного Ван Хун-вэнем, принял новый Устав КПК. Сравнительный анализ двух последних Уставов КПК показывает, что во всех основных пунктах X съезд закрепил антиленинские нормы Устава, принятого на IX съезде.

Некоторой переработке была подвергнута лишь 1 глава, называемая «общая программа», причем в ней более отчетливо подчеркнута руководящая роль рабочего класса и КПК «в строительстве социали-

¹⁵ «Гуанмин жибао», 9. XI. 1973; 4. XII. 1973; 29. VI. 1974.

стического общества». Подоплека этого вполне ясна. Во время «культурной революции», когда маонисты развернули борьбу против партии, они превозносили роль армии. Ныне они стремятся ограничить роль и влияние армии в политической жизни страны.

В другом месте этой главы говорится о необходимости укрепления единства партии. Из этого вытекает, что такого единства нет в маонистской партии. Единственное конкретное изменение Устава касается увеличения числа заместителей председателя ЦК партии. Статья 9-я конституирует следующие руководящие органы партии: Центральный Комитет, Политбюро ЦК, Постоянный Комитет Политбюро, председатель и заместитель председателя Центрального Комитета. Компетенция этих органов, как и ранее, не определена Уставом.

Наконец, X съезд сформировал новые руководящие органы партии. Наиболее заметным изменением в персональном составе ЦК является ограничение числа военных (с 53% в 1969 г. до 40,7% в 1973 г.) при одновременной замене конкретных лиц. Из этого, однако, не вытекает, что на X съезде КПК произведена генеральная расправа с военными. Они по-прежнему сохранили весьма сильные позиции в руководящих органах партии с той лишь разницей, что вместо «людей Линь Бяо» выдвинуты другие влиятельные военные деятели из числа проверенных маонистов.

В других руководящих органах партии также произведены персональные изменения. Председателем ЦК КПК по-прежнему остается Мао Цзэ-дун, заместителями председателя назначены Чжоу Энь-лай, Ван Хун-вэнь, Кан Шэн, Е Цзян-ин и Ли Дэ-шэн. Увеличение числа заместителей председателя ЦК свидетельствует о стремлении не допустить, чтобы кто-либо, кроме престарелого Мао, мог сосредоточить в своих руках чрезмерную власть.

Обращает на себя внимание появление на верхних ступенях иерархии китайского руководства молодого и доселе мало известного Ван Хун-вэня¹⁶. Иностранные наблюдатели политической жизни Китая видят в нем второго после Чжоу Энь-лая «наследника Мао Цзэ-дуна».

Из 25 членов и кандидатов в члены Политбюро 10 являются председателями или заместителями председателей революционных комитетов провинций и одновременно первыми или вторыми секретарями провинциальных комитетов КПК. Представительство армии в Политбюро уменьшено до 5 чел., что, видимо, является прямым последствием «дела Линь Бяо». Анализ состава Политбюро свидетельствует, что в нем представлены лица, придерживающиеся в пределах общей маонистской доктрины, различных политических тенденций, причем соблюдено определенное «равновесие» между ними¹⁷.

Влиятельной, очевидно, является группа радикально-левацкая, называемая одновременно шанхайской группой. Она сформировалась еще во время «культурной революции» по инициативе Цзян Цин. Кроме супруги Мао, к ней принадлежат Кан Шэн и представители Шанхая — Ван Хун-вэнь, Чжан Чунь-цяо и Яо Вэнь-юань. Вторую группу составляют связанные с Чжоу Энь-лаем высшие офицеры армии. В третью группу входят гражданские деятели из провинции.

¹⁶ Ван Хун-вэнь в 60-х годах — рабочий текстильной фабрики в Шанхае. Во время «культурной революции» — предводитель шанхайских цзаофаней, с 1967 г. — заместитель председателя революционного комитета Шанхая. На IX съезде КПК в 1969 г. избран членом ЦК; с 1971 г. — 3-й секретарь Шанхайского городского комитета партии. Избран на X съезде членом Политбюро, членом Постоянного Комитета Политбюро и заместителем председателя ЦК КПК.

¹⁷ См.: S. G ł a t b i n s k i. Mao i inni. Warszawa, 1974, str. 315—317.

Таковы итоги X съезда КПК, проходившего по китайскому коммюнике: «...в атмосфере единства, бдительности, серьезности и оживления...» В чем суть «оживления» — неизвестно, но совершенно очевидно, что съезд явился очередным этапом внутренней борьбы за власть, и особенно за наследство «великого кормчего».

Теоретический орган Итальянской компартии «Ринашита», анализируя итоги X съезда КПК, констатировал: «Съезд подтвердил, что в Китае происходит перманентная, ожесточенная политическая борьба... сама атмосфера, в которой происходили заседания, свидетельствует, что X съезд проводился в условиях напряженной обстановки»¹⁸.

То, что после X съезда КПК в Китае стали модными лозунги о единстве и руководящей роли партии, не говорит еще ни об изменении сущности маоизма, ни об изменении системы государственного и партийного управления.

Мао Цзэ-дун всегда относился к проблемам марксистско-ленинской теории и общепринятым нормам общественной жизни только как к средству для достижения своих целей, подчиняя их своим националистическим и великодержавным целям.

Все основные положения Устава КПК, определяющие идейные и организационные основы маоистской партии, направлены на превращение КПК в послушное орудие воплощения в жизнь «идей Мао Цзэ-дуна», в послушный инструмент укрепления его личной власти.

¹⁸ «Rinascita», 14. X. 1973.

Софистика под видом диалектики

*Н. Г. Сенин,
доктор философских наук*

Китайская пропаганда пытается представить Мао Цзэ-дуна как корифея философии, который якобы особенно большой вклад внес в развитие материалистической диалектики. На самом деле, если не принимать в расчет встречающихся в его текстах цитат из ленинских работ и мест, заимствованных из трудов советских авторов 30-х годов, Мао Цзэ-дун, по существу, не признает диалектику как науку о всеобщих связях объективного мира и его основных законах. Он не рассматривает диалектику как «самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии»¹. Далек Мао Цзэ-дун и от понимания диалектики как орудия преобразования мира, как «алгебры революции».

Ознакомившись с концепциями Мао Цзэ-дуна, можно прийти к выводу, что он не понял сути революции в философии, происшедшей в результате создания диалектического материализма основоположниками марксизма. «Только после того, — говорит Мао Цзэ-дун, — как великие деятели пролетарского движения Маркс и Энгельс обобщили положительные результаты, достигнутые человечеством в ходе развития познания, в частности критически восприняли рациональные элементы диалектики Гегеля и создали великую теорию диалектического и исторического материализма, в истории человеческого познания произошла величайшая революция»².

Революция в философии, таким образом, сводится Мао Цзэ-дуном к простому обобщению Марксом и Энгельсом положительных результатов познания и к критическому восприятию рациональных элементов диалектики Гегеля. А Ленин, говоря о всемирно-историческом подвиге Маркса и Энгельса, отмечал, что они создали совершенно новое мировоззрение, которое «стало учением миллионов и десятков миллионов пролетариев во всем мире, применяющих это учение в своей борьбе против капитализма»³.

Раскрывая качественное отличие философии марксизма от всех предшествовавших ей философских систем, Ленин подчеркивал: «Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существен-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 26, с. 53.

² Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 2. М., 1953, с. 416.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41, с. 303.

ное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли»⁴.

В свете событий так называемой «культурной революции» и обнаруженных в ее ходе документов стало очевидно, что замалчивание сути революционного переворота в философии, совершенного Марксом и Энгельсом, и попытка принизить его значение продиктованы стремлением Мао Цзэ-дуна поставить себя в ряд классиков марксистской философии и даже «превзойти» их.

Для оценки подобных необоснованных претензий уместно было бы сослаться на слова Маркса, сказанные по адресу мелкобуржуазного социалиста Прудона: «беспомощное и отвратительное старание самоучки шегольнуть своей ученостью, самоучки... который, как выскочка в науке, воображает, что должен чваниться тем, чем он не является, чего у него совсем нет»⁵.

В какой мере эта характеристика применима к Мао, можно видеть на примере его интерпретации законов диалектики, его концепции противоречий и концепции развития.

Законы диалектики в маоистской интерпретации

Характерным для Мао Цзэ-дуна является непонимание им роли законов и категорий диалектики в ее общей системе. Более того, Мао Цзэ-дун вообще признает лишь один основной закон диалектики — закон единства и борьбы противоположностей, или, как он его называет, «закон противоречия».

В одном из выступлений в конце 1965 г. он, например, утверждал: «Раньше принято было говорить, что у диалектики три основных закона... Мое мнение: диалектика имеет только один основной закон — закон противоречия»⁶.

Мао и его сторонники не признают законов отрицания отрицания и перехода количества в качество как основных законов диалектики. Они даже отказываются ставить их в один ряд с законом единства и борьбы противоположностей как «равные». Эти и все другие законы и категории диалектики они рассматривают лишь в качестве конкретного проявления закона единства и борьбы противоположностей⁷.

Претендуя на оригинальность, Мао Цзэ-дун на деле извращает и само содержание закона единства и борьбы противоположностей, ложно истолковывает ленинскую формулу об относительности единства и абсолютном характере борьбы противоположностей.

Известно, что во фрагменте «К вопросу о диалектике» у Ленина содержится положение о том, что «единство (совпадение, тождество, взаимодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»⁸.

Говоря об абсолютности «борьбы» взаимоисключающих противоположностей как общей закономерности объективного мира, указывающей на источник движения, развития явлений, и об относительности их единства, выражающего конкретное соотношение и взаимодействие сторон противоречия в каждый данный момент, Ленин сделал очень важ-

⁴ Там же, т. 24, с. 264.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 16, с. 29.

⁶ Цит. по: «Критика теоретических основ маоизма». М., 1973, с. 139—140.

⁷ См. «Чжэсюэ яньцзю», 1966, № 2.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 29, с. 317.

ное примечание, «...отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики, в релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное»⁹.

Что значит с точки зрения диалектического материализма тезис, что различие между релятивным и абсолютным также относительно, что в релятивном есть и абсолютное? Это означает, что диалектический материализм не противопоставляет единство противоположностей их «борьбе» таким образом, чтобы рассматривать их в отрыве друг от друга. Напротив, он считает, что единства противоположностей не может быть без их «борьбы», равно как и «борьбы» между ними не может быть без их единства. Единство противоположностей проявляется в их «борьбе». Поэтому Ленин говорит, что развитие есть «борьба» противоположностей, но в то же время развитие есть и единство противоположностей. Познать явления в их самодвижении, в их развитии — значит познать их как единство противоположностей.

Мао Цзэ-дун, цитируя высказывание Ленина о соотношении единства и «борьбы» противоположностей¹⁰, в то же время сознательно замалчивает приведенное выше примечание Ленина, в котором подчеркивается принципиальное отличие диалектики от различных форм субъективизма. Оно и понятно. Выхватывание отдельных положений и замалчивание других всегда служило в руках противников марксизма одним из методов его ревизии. Маоизм подтверждает это еще раз.

Маоисты абсолютизируют различие между единством и «борьбой». Единство противоположностей, в их трактовке, может быть только относительным, а «борьба» между ними — только абсолютной. Отсюда полный разрыв между двумя сторонами закона единства и борьбы противоположностей, метафизическое противопоставление их друг другу. Такое толкование диалектики взаимосвязи противоположностей наиболее четко проявилось в философской дискуссии в Китае в середине 60-х годов о сущности закона единства и борьбы противоположностей.

Журнал «Хунци», подводивший итоги этой философской дискуссии, в конце 1964 г. писал: «Те, кто признает основным законом развития явлений «раздвоение единого» (имеется в виду борьба противоположностей. — Н. С.), стоят на позициях диалектического материализма, те, кто считает основным законом развития явлений «слияние двух в единое» (имеется в виду единство противоположностей. — Н. С.), — выступают против диалектического материализма»¹¹.

Редакционная статья «Хунци», как подтвердила пекинская официальная пропаганда, была напечатана по непосредственному указанию Мао Цзэ-дуна и полностью отражает его точку зрения по данному вопросу.

Субъективистское толкование Мао Цзэ-дуном и его сторонниками соотношения противоположностей переносится ими непосредственно в сферу политических отношений и используется для того, чтобы представить категорию «борьбы» в этом соотношении в качестве предлога для разрушения любого конкретного единства, которое неумолимо маоистам. С этой целью Мао Цзэ-дун стремится истолковать ленинскую формулу об условном характере единства противоположностей и абсолютном характере их «борьбы» по-своему, будто бы «для каждой конкретной вещи

⁹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч. Т. 29, с. 317.

¹⁰ См.: Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 2. М., 1953, с. 453.

¹¹ «Хунци», 1964, № 16.

(явления) единство противоположностей условно, временно, преходяще, а потому релятивно, тогда как борьба противоположностей абсолютна»¹².

Именно в этом плане маоисты трактуют и применяют к своей политической практике закон единства и борьбы противоположностей.

Маоистская концепция противоречий

Пекинская пропаганда не без активного содействия самого Мао Цзэ-дуна настойчиво твердит, что ему-де принадлежит особая заслуга в том, будто он «гениально, творчески развил марксистско-ленинскую диалектику», «впервые в истории развития марксизма дал научный, систематический и глубокий анализ противоречий, классов и классовой борьбы в социалистическом обществе», «разработал теорию, курс и политические установки для различения и правильного разрешения двух типов противоречий — противоречий между нами и нашими врагами и противоречий внутри народа», вследствие чего, мол, «марксизм-ленинизм вступил в новый этап своего развития — этап идей Мао Цзэ-дуна»¹³.

Что касается «творческого вклада» Мао в теорию социальных противоречий в условиях социалистического общества, то о нем будет говориться ниже. Сейчас остановимся на общем понимании Мао Цзэ-дуном диалектики противоречия.

В статье «Относительно противоречия» Мао Цзэ-дун выдвинул тезис, что «различие и есть противоречие»¹⁴. В любом процессе движения и изменения вещей различие является лишь моментом изменения. Но в марксистской диалектической логике категория различия выступает в диалектической паре с категорией тождества. Именно в тождестве различие получает свою противоположность. Взаимодействие тождества и различия, их единство и образует противоречие. Единство тождества и различия Энгельс иллюстрирует следующим примером: «Растение, животное, каждая клетка в каждое мгновение своей жизни тождественны с собою и тем не менее отличаются от самих себя благодаря усвоению и выделению вещества, благодаря дыханию, образованию и отмиранию клеток, благодаря происходящему процессу циркуляции — словом, благодаря сумме непрерывных молекулярных изменений, которые составляют жизнь и общие итоги которых выступают воочью в виде жизненных фаз: эмбриональная жизнь, юность, половая зрелость, процесс размножения, старость, смерть»¹⁵.

Из приведенного примера видно, что не различие создает движущую силу развития, а единство тождества и различия, являющихся «односторонними полюсами, которые представляют собой нечто истинное только в своем взаимодействии, во включении различия в тождество»¹⁶.

У Мао Цзэ-дуна же движущую силу какого-либо процесса создает различие. Китайская печать часто цитирует, выделяя жирным шрифтом, следующее высказывание Мао: «Лишь при сравнении можно установить различие. Лишь при наличии различия, при наличии борьбы возможно развитие»¹⁷. Любое различие, следовательно, независимо от того, внут-

¹² Мао Цзэ-дун. Выдержки из произведений. Пекин, 1967, с. 223.

¹³ См. «Хунци», 1967, № 10.

¹⁴ См.: Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 2. Пекин, 1952, с. 773 (на кит. яз.). В русском переводе (т. 2, с. 420) усилительная частица «и» опущена.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, с. 529.

¹⁶ Там же, с. 531.

¹⁷ См., например, «Хунци», 1972, № 8.

реннее оно или внешнее, относится к одному предмету или к нескольким, должно вызывать борьбу сторон.

Таким образом, если, по Энгельсу, противоречие возникает и существует на базе единства двух противоположностей — тождества, обеспечивающего относительное постоянство качества вещи, и различия, свидетельствующего о ее изменчивости, причем различие рассматривается лишь как момент развития явления, то, по Мао Цзэ-дуну, противоречие возникает и существует лишь на базе различия и даже сводится к нему.

Рассматривая различие вне связи с тождеством, и лишь как форму проявления противоречия, Мао отвергает возможность существования различий во взглядах, вкусах, интересах людей, поскольку эти взгляды, вкусы, представления имеют единую, общую основу. «Всякие различия в человеческих понятиях, — по категорическому заявлению Мао, — следует рассматривать как отражение объективных противоречий»¹⁸.

Через призму противоречий Мао рассматривает и отношения внутри пролетарской партии, независимо от того, действует ли она в классово-антагонистическом обществе или же в социалистическом. Если в партии нет противоречий и на их основе борьбы взглядов, то жизнь партии, по утверждению Мао, прекращается. Вывод отсюда один: если нет противоречий, то их следует создавать. Так понимает Мао «всеобщность» противоречия.

Немало места в своих рассуждениях уделяет Мао Цзэ-дун и вопросу о «специфичности» противоречия. Но подход к рассмотрению специфического характера противоречия сводится у Мао Цзэ-дуна к формально-логическому противопоставлению категорий общего и единичного, при этом Мао, как и в других случаях, стремится абсолютизировать различие между общим и единичным.

«Отношение между всеобщностью и специфичностью противоречия, — говорит он, — это отношение между общим и единичным... Это положение об общем и единичном, абсолютном и относительном является квинт-эссенцией вопроса о противоречиях, присущих явлениям: непонимание этого положения равносильно отказу от диалектики»¹⁹.

Как Мао Цзэ-дун ни старается прикрыть свои рассуждения ссылками на диалектику, он становится совершенно беспомощным со своей абстрактной схемой, когда оказывается перед необходимостью анализа конкретной ситуации. В чем, например, он видит специфику империализма по сравнению с капитализмом «эпохи свободной конкуренции»? При переходе капитализма в империализм, говорит Мао, природа двух антагонистических классов — пролетариата и буржуазии — не изменилась. Не изменяется, дескать, и буржуазная сущность общества, но обостряются противоречия между этими классами, между метрополиями и колониями и особенно обостряются противоречия между капиталистическими странами в результате их неравномерного развития. «Так возникла, — говорит Мао, — особая стадия капитализма — стадия империализма»²⁰.

Империализм обострил все социальные противоречия — это верно, но сводить новое качество капитализма на его монополистической стадии исключительно к обострению противоречий внутри системы — значит видеть только его внешнюю сторону, видеть явление, а не сущность. Ленин, разработавший учение об империализме, показал, что

¹⁸ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 2. Пекин, 1952, с. 772 (на кит. яз.). В советском издании термин «различие» переведен словом «расхождение».

¹⁹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 2. М., 1953, с. 440.

²⁰ Там же, с. 432.

капитализм на своей последней стадии развития перерос себя. Он создал материальные предпосылки социализма.

«...Государственно-монополистический капитализм,— отмечал Ленин еще накануне Октября,— есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»²¹.

Мао Цзэ-дун не видит, что в эпоху империализма и природа буржуазии не осталась неизменной. Империалистическая буржуазия по сравнению с домонополистической стала реакционной во всех отношениях. И рабочий класс стал другим: из класса в себе он превратился в класс для себя и стал в центре современной эпохи.

А что говорят маоисты по поводу современной эпохи? Отступив от характеристики современной эпохи, данной в Заявлении Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г., под которым, кстати, стоит подпись и представителя КПК, маоисты «специфику» эпохи свели к «четырем основным противоречиям»²².

В условиях борьбы за гегемонию в мировом революционном движении Мао и его сторонники, выдвигая концепцию «четырех основных противоречий» современной эпохи, стремятся растворить в них главное противоречие современной эпохи, определяющее общее направление развития человечества,— противоречие между двумя противоположными общественными системами — социализмом и капитализмом, сформулированное Лениным еще на II конгрессе Коминтерна, и тем самым облегчить подмену этого главного противоречия противоречием между угнетенными нациями и империализмом, то есть представить районы Азии, Африки и Латинской Америки в качестве главного фронта борьбы с империализмом, от исхода которой якобы зависит судьба народов не только этих районов, но и самих капиталистических стран.

Еще более разительным примером извращения марксистской диалектики является трактовка маоистами социальных противоречий. Рассматривая, например «противоречия» социалистического общества, якобы выражающие его специфику, Мао Цзэ-дун делит эти противоречия на две группы: антагонистические, которые он предпочитает называть противоречиями «между нами и нашими врагами», и неантагонистические — противоречия «внутри народа», или противоречия между «правдой» и «неправдой».

Таким образом, Мао Цзэ-дун считает, что социалистическому обществу в такой же мере присущи антагонистические противоречия, как и капиталистическому. Именно такое толкование антагонистических противоречий в условиях социализма дал Мао в своей речи «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа».

Субъективистский подход к характеристике противоречий при социализме виден не только в формулировке типов противоречий — противоречий «между нами и нашими врагами» и противоречий «внутри народа», — но и в критериях отличия сторон противоречий. Под «на-

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 192.

²² В так называемом «Предложении о генеральной линии международного коммунистического движения» (1963) «основные противоречия современного мира» сформулированы следующим образом: «противоречия между социалистическим и империалистическим лагерями; противоречия между пролетариатом и буржуазией в капиталистических странах; противоречия между угнетенными нациями и империализмом; противоречия между империалистическими странами, между монополиями» (Сб. «Полемика о генеральной линии Международного коммунистического движения». Пекин, 1965, с. 7). По мере усиления антисоветской направленности маоистского курса формулировки и диспозиция «основных противоречий» соответственно менялись.

ми» маонисты подразумевают всех, кто разделяет линию и взгляды Мао, а остальных зачисляют в разряд «своих врагов».

Что касается противоречий «внутри народа», которые Мао относит к неантагонистическим, то критерием при проведении грани между «правдой и неправдой в словах и действиях» объявлены «идеи Мао». «Мы должны использовать идеи председателя Мао, — говорилось в официальном органе ЦК КПК, — в качестве критерия при определении, где правда и где неправда в наших словах и действиях»²³.

Ревизионистское извращение характера противоречий социалистического общества используется маонистами для своих внутренних целей — подавления растущего в массах недовольства их курсом и расправы с противниками. Вместе с тем оно свидетельствует о глубоком непонимании маонистами подлинной сущности социалистического строя и его специфических особенностей по сравнению с капитализмом.

Маоистская концепция развития

Диалектика, в марксистском понимании, есть самое всестороннее и самое глубокое учение о развитии. Мао Цзэ-дун заявляет, что он является сторонником диалектической концепции развития. «Коренная причина развития вещей, — говорит он, — находится не вне, а внутри вещей, в противоречивой природе, внутренне присущей самим вещам. Любые вещи и явления внутренне присущи противоречия. Они то и порождают движение и развитие вещей»²⁴.

Положение, что развитие вещей обусловлено действием внутренних противоречий, является азбучной истиной в марксистской философии. Но Мао Цзэ-дун, повторяя это положение, дает ему превратное толкование. Так, он говорит: «Противоречия, внутренне присущие вещам и явлениям, служат коренной причиной их развития, тогда как взаимная связь и взаимодействие одной вещи или явления с другими вещами или явлениями представляют собой причины второго порядка. Таким образом, — заключает он, — материалистическая диалектика решительно отвергла метафизическую теорию внешней причины или внешнего толчка, выдвигавшуюся сторонниками механистического материализма и вульгарного эволюционизма»²⁵.

О чем свидетельствуют эти рассуждения Мао? О том, что он смотрит на природу, по сути дела, как на совокупность оторванных друг от друга предметов. Внутренние противоречия рассматриваются изолированно от взаимного воздействия вещей друг на друга, их взаимодействия, лишь как следствие наличия каких-то мистических сил, присущих вещам и приводящих их в движение.

Беря «вещи» в изолированном друг от друга виде и наделяя их только им присущими противоречиями, обуславливающими их движение и развитие, Мао ставит связь и взаимодействие этих вещей на задний план, рассматривая это в качестве «внешней причины» или «причины второго порядка».

Более того, взаимную связь вещей, их взаимодействие без всякого на то основания Мао Цзэ-дун отождествляет с «внешним толчком». Это точка зрения метафизика. В противоположность ей материалистическая диалектика рассматривает природу как некую систему, некую совокуп-

²³ «Хунци», 1967, № 10.

²⁴ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 2, М., 1953, с. 412.

²⁵ Там же, с. 412—413.

ную связь тел, материальных реальностей. «В том обстоятельстве, — отмечал Энгельс, — что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение»²⁶.

Называя диалектику наукой о всеобщей связи вещей, Энгельс говорил: «Мы наблюдаем ряд форм движения: механическое движение, теплоту, свет, электричество, магнетизм, химическое соединение и разложение, переходы агрегатных состояний, органическую жизнь, которые все — если исключить пока органическую жизнь — переходят друг в друга, обуславливают взаимно друг друга, являются здесь причиной, там действием...»²⁷

В этих словах Энгельса четко выражен диалектико-материалистический взгляд на природу, в которой все процессы взаимосвязаны и в которой изменение и развитие любой относительно самостоятельной системы обусловлено взаимодействием других систем. Поэтому, когда человек хочет исследовать отдельные явления, он вынужден вырывать их из всеобщей связи, и перед ним сменяющиеся друг друга движения выступают — одно как причина, другое как следствие. Но после исследования отдельных сторон или звеньев явлений он должен вновь вернуть их в общую цепь развития материи, ибо только «взаимодействие является истинной *causa finalis* вещей. Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади его нечего больше познавать»²⁸.

Мао Цзэ-дун абсолютизирует различие между внутренними и внешними причинами, не понимает их относительного характера вследствие их постоянного взаимодействия. Для него «внешние причины» (под ними он понимает взаимную связь и взаимодействие вещей) всегда выступают в качестве условия изменений, в то время как «внутренние причины» (внутреннее противоречие, присущее каждой вещи) рассматриваются в качестве основы изменений²⁹.

Несостоятельной выглядит и попытка Мао приписать материалистической диалектике взгляд, отождествляющий «внешнюю причину» в его своеобразном понимании с внешним толчком. Мао, пытаясь прикрыться материалистической диалектикой, заявляет, будто он решительно отвергает «метафизическую теорию внешней причины или внешнего толчка, выдвигавшуюся сторонниками механистического материализма и вульгарного эволюционизма». На деле сама по себе попытка сведения категории взаимной связи вещей и их взаимообусловленности к «внешнему толчку», предпринятая Мао Цзэ-дуном, свидетельствует о его собственном механистическом понимании связи, отрицающем другие формы связи, а следовательно, и другие формы движения материи.

Путаницу в понимании Мао Цзэ-дуном философской категории движения можно обнаружить и при анализе его рассуждений о количественных и качественных изменениях, которые он соответственно связывает, как он говорит, с двумя «состояниями движения», а именно, количественные изменения — с состоянием относительного покоя, а качественные — с «состоянием явных изменений»³⁰.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, с. 392.

²⁷ Там же, с. 546.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 2. М., 1953, с. 414.

³⁰ См.: Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 2. Пекин, 1952, стр. 799 (на кит. яз.). В советском издании «состояние явных изменений» переведено как «состояние абсолютного изменения» (т. 2, с. 459).

Утверждения Мао, что количественные изменения имеют место только в «состоянии покоя», а качественные — только в состоянии «явных изменений», исходят из предпосылки, что количественные изменения оторваны от качественных изменений, что противоречит постоянно наблюдаемым фактам. В природе, как и в обществе, количественные изменения вещей неразрывно связаны с их качественными изменениями.

Еще Энгельс в свое время писал, что «отношение между качеством и количеством взаимно, что качество так же переходит в количество, как и количество в качество, что здесь имеет место взаимодействие»³¹.

Переход от одного качественного состояния вещей к другому качественному состоянию, от одной формы движения к другой материалистическая диалектика рассматривает как скачок, как перерыв постепенности в развитии вещей, явлений.

Скачок называют перерывом постепенности, имея в виду изменения явления как бы с выпадением отдельных звеньев в его развитии. Скачок в истории — крутой поворот в развитии государства, вызванный изменением характера власти, общественного строя. Крутой поворот в истории может быть и движением вперед, и движением назад, когда в борьбе сил нового со старым побеждают силы старого и на какое-то время задерживают поступательный ход развития. «Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно», — отмечал Ленин³².

Маоисты любят говорить о скачках. «Превращение одного явления в другое посредством скачка, происходящего в различных формах в соответствии с характером самого явления и условиями, в которых оно находится, — говорит Мао, — это и есть процесс смены старого новым»³³.

С формальной стороны это положение правильно. Но Мао понимает скачок не как диалектический переход от одного качества к другому, не как перерыв постепенности в развитии явлений. Возьмем для примера несколько его высказываний. «В любом явлении, — говорит Мао Цзэ-дун, — содержится противоречие между новым и старым, порождающее многообразную и сложную борьбу. В результате этой борьбы новое растет и возвышается до главенствующего; старое же уменьшается и становится отмирающим; а как только новое берет верх над старым, старое явление с его качеством превращается в новое явление с его собственным новым качеством»³⁴.

По мнению Мао Цзэ-дуна, как видно из приведенного суждения, борьба нового со старым протекает эволюционно, без какого-либо «перерыва постепенности»; в этой борьбе новое постепенно вырастает «до главенствующего» и, вытесняя так же постепенно изживающее себя и отмирающее старое, занимает место последнего и тем самым придает «старому явлению» «новое качество». Мао иллюстрирует свое рассуждение тезисом о смене общественно-экономических формаций, в частности о переходе от феодализма к капитализму. «Капитализм, занимавший подчиненное положение в старом, феодальном обществе, — говорит он, — превращается в капиталистическом обществе в господствующую силу; соответственно изменяется и характер общества —

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, с. 568.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 6.

³³ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 2. М., 1953, с. 445.

³⁴ Там же.

ство превращается из феодального в капиталистическое. Феодализм же в новом, капиталистическом обществе превращается из господствовавшей в прошлом силы в подчиненную и затем постепенно гибнет»³⁵.

Прямолинейная схема перехода от феодализма к капитализму, данная Мао Цзэ-дуном, далека от реальной исторической картины. Переход от старого общества к новому есть качественный скачок и осуществляется посредством социальной революции. Мао Цзэ-дун же представляет этот переход как «перемену в положении», или, другими словами, как перемену местами между эксплуататорскими классами: тот класс, который был господствующим, становится подчиненным, а тот, который был подчиненным, становится господствующим, причем все это происходит постепенно, эволюционным путем. Класс феодалов, например, уступив свое господствующее положение буржуазии, в процессе своей внутренней эволюции затем постепенно отмирает, гибнет. Между тем Ленин, подчеркивая зигзагообразный характер исторического развития, отмечал: «Ни одна победа политической свободы над классом крепостников не была завоевана без отчаянного сопротивления. Ни одна капиталистическая страна не сложилась на более или менее свободной, демократической основе, без борьбы не на жизнь, а на смерть между разными классами капиталистического общества»³⁶.

Концепция Мао Цзэ-дуна «смены старого новым» есть эволюционистская концепция. В ней нет действительного качественного превращения явлений, нет диалектического понимания развития. Поэтому она лишена идеи поступательного, прогрессивного развития мира.

В марксистской философии смена старого новым, заключающая в себе идею поступательного, прогрессивного развития мира, происходит по диалектическому закону отрицания отрицания. «В диалектике отрицать,— указывал Энгельс,— не значит просто сказать «нет», или объявить вещь несуществующей, или разрушить ее любым способом»³⁷.

Диалектическое отрицание в диалектическом материализме рассматривается как момент связи, как момент развития, которое возможно только тогда, когда сохраняется основа для дальнейшего развития в виде удержанных от старого качества положительных элементов. Это имеет важное практическое значение. Взять, к примеру, вопрос о культуре.

Социалистическая культура, есть, конечно, отрицание буржуазной культуры, но такое отрицание, которое представляет собой диалектическое «снятие», то есть которое наряду с отрицанием реакционных сторон буржуазной культуры воспринимает, перерабатывает и развивает дальше ее прогрессивные стороны, элементы и включает их в образ жизни трудящихся. И коммунистическая культура трудящихся, являясь по своей природе интернациональной культурой, развивается, используя все лучшее, что создается всеми народами мира.

Маоисты вкладывают в категорию «отрицание» иное содержание. Под «отрицанием» они понимают полное уничтожение старого. Мао Цзэ-дун объявил «разрушение» основой созидания. «Без разрушения нет созидания... Прежде всего разрушение, а в разрушении заложено созидание»³⁸. Эту «философию разрушения» маоисты продемонстрировали перед всем миром на практике в период так называемой «ве-

³⁵ Там же.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 23, с. 47.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, с. 145.

³⁸ См. «Хунци», 1970, № 4.

ликой пролетарской культурной революции», предавая огню творения мировой классики, уничтожая произведения прогрессивных деятелей прошлого, разрушая воздвигнутые им памятники.

Не признавая марксистской трактовки категории «отрицания», маонисты переделали диалектический закон отрицания отрицания на свой лад, истолковав его как «закон утверждение — отрицание». «Закон утверждение — отрицание, — говорится в редакционной статье журнала «Чжэсюэ яньцзю», — это и есть единство противоположностей утверждения и отрицания в процессе развития вещей и явлений. Развитие вещей и явлений в общем выражается процессом утверждение, отрицание, утверждение, отрицание и т. д. Борьба противоположных сторон, утверждения — отрицания, ведет к уничтожению старых вещей и явлений и к возникновению новых вещей и явлений и представляет собой развитие от низшего к высшему»³⁹.

Вульгаризаторская трактовка закона отрицания отрицания, как и других законов диалектики, выдается Мао Цзэ-дунем за «творческое развитие» диалектики. Но претензии Мао этим не ограничиваются. На его счету немало «изобретенных» им новых «законов».

Вот как, например, он формулирует «закон» развития империализма: «Козни, поражение, вновь козни, вновь поражение и так вплоть до самой гибели... Таков, — утверждает Мао, — марксистский закон»⁴⁰.

А вот как Мао Цзэ-дун формулирует «закон» развития революционной борьбы народов: «Борьба, поражение, вновь борьба, вновь поражение, вновь борьба и так вплоть до самой победы... Это тоже марксистский закон»⁴¹.

По аналогичной схеме формулируется и «закон» познания: «Практика — познание, вновь практика — и вновь познание, — эта форма в своем циклическом повторении бесконечна...»⁴².

Для придания авторитетности своим доморощенным «законам» Мао называет их «марксистскими», хотя они представляют собой всего лишь иллюстрацию извращенно толкуемого им закона отрицания отрицания. Разумеется, ничего похожего на диалектическую концепцию развития мира в них нет. Никакого поступательного характера развития природы и общества, движения от низшего к высшему, от простого к сложному они не содержат и не выражают.

Концепция «утверждение — отрицание», которой Мао претендует «углубить» диалектику, не представляет собой «новизны» в философии вопреки утверждению пекинской пропаганды. С попытками «упростить» и «заменить» другой формулой закон отрицания отрицания уже приходилось встречаться. Так, еще сто лет тому назад Энгельс подверг сокрушительной критике подобные притязания Дюринга. «При отрицании отрицания, сводящемся к ребяческому занятию — попеременно ставить *a* и затем вычеркивать его, или попеременно утверждать о розе, что она есть роза и что она не есть роза, — говорил Энгельс, — не получится и не обнаружится ничего, кроме глупости того, кто предпринимает подобную скучную процедуру»⁴³.

Как видим, критика Энгельсом «новаторов» в философии типа Дюринга не пошла впрок Мао Цзэ-дуну. Подобно Дюрингу, Мао не понял марксистской интерпретации закона отрицания отрицания и переделал его на свой собственный лад. А между тем Энгельс преду-

³⁹ «Чжэсюэ яньцзю», 1966, № 2.

⁴⁰ Мао Цзэ-дун. Выдержки из произведений. Пекин, 1967, с. 72.

⁴¹ Там же.

⁴² Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 1, М., 1953, с. 528.

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, с. 146.

прежде, что законом отрицания отрицания нужно уметь пользоваться и что этому следует учиться, ибо для каждого вида предметов, как и для каждого вида понятий, существует свой особый вид отрицания, для которого непременно должна сохраняться возможность второго отрицания с тем, чтобы в результате получилось развитие. В противном случае диалектический процесс превращается в «ребяческое занятие», в «скучную процедуру» смены «утверждения» и «отрицания», как это имеет место в философии Мао Цзэ-дуна.

* * *

Разобранные выше примеры маоистской интерпретации диалектики свидетельствуют о несостоятельности претензий Мао Цзэ-дуна на «творческое развитие» им материалистической диалектики. Маоистская «диалектика» в теоретическом отношении — это эклектика и софистика, это конгломерат различных идей, социальное назначение которых состоит в том, чтобы оправдывать антисоциалистическую политику группы Мао Цзэ-дуна внутри страны и ее великодержавный шовинистический курс на международной арене. Марксистская терминология, широко используемая пропагандистами «идей Мао Цзэ-дуна», служит лишь прикрытием этой политики.

ИСТОРИЯ

Развитие исторической науки в ДРВ

*Г. Ф. Мурашева,
кандидат исторических наук*

В годы французского колониального господства изучение истории Вьетнама было почти полностью монополией колонизаторов. Центром по исследованию истории Вьетнама, а также всего Индокитая и Китая тогда была Дальневосточная французская школа, основанная в 1898 г. в Ханое. Она служила орудием культурной и идеологической экспансии Франции на Дальнем Востоке.

Однако в противовес работам апологетов колониализма уже тогда появились произведения историков-патриотов, стремившихся пробудить национальное самосознание вьетнамского народа, поднять его на борьбу за национальную независимость.

К числу первых выдающихся публицистов, занимавшихся разработкой проблем национальной истории, относился революционер-демократ Фан Бэй Тяу. В «Истории потери национальной независимости Вьетнамом» и «Исследовании истории Вьетнама» концепциям, в большей или меньшей степени защищавшим колониалистский режим, он попытался противопоставить трактовку исторического процесса с национальных позиций.

После Октябрьской революции идеи марксизма-ленинизма, проникшие во Вьетнам, нашли выражение в трудах первого вьетнамского коммуниста Нгуен Ай Куока (Хо Ши Мина). Работа Нгуен Ай Куока «Приговор французской колонизации» — первая во Вьетнаме работа, написанная с позиций диалектического и исторического материализма.

После победы Августовской революции в 1945 г. дальнейшее развитие вьетнамской исторической науки происходило в условиях утверждения марксистско-ленинской идеологии и критического переосмысления сложившихся исторических концепций с присущими им элементами феодальной ограниченности и апологии колониализма.

Историк Минь Чань следующим образом определял задачи вьетнамских ученых на этом начальном этапе: «Нужно было разоблачить фальсификации колонизаторов и феодалов, удовлетворить возросшие требования народа, который стремится познать историю своей родины во всей полноте. Вместе с тем мы должны были ознакомить вьетнамский народ с историей коммунистических и рабочих партий, а также со всемирной историей»¹.

В декабре 1953 г., незадолго до конца войны Соппротивления, по решению ЦК ПТВ на территории освобожденной зоны в Северном

¹ Минь Чань. Успехи исторической науки в Демократической Республике Вьетнам (1955—1960). — «Народы Азии и Африки», 1961, № 2.

Вьетнаме был создан Комитет по изучению литературы, истории и географии, который приступил к систематической исследовательской работе. Труды работников комитета публиковались в ежемесячном журнале «Литература, история, география». Под непосредственным руководством комитета вьетнамские историки изучали марксистско-ленинскую идеологию. Развернулось накопление фактического материала. Это был период становления и роста национальных кадров историков-марксистов, появления первых марксистских работ и монографических исследований, создания, расширения и укрепления источниковедческой базы.

В 1955—1957 гг. вышли в свет работы Минь Чаня «Очерки истории Вьетнама» и Чан Хюи Льеу «История восьмидесятилетней антифранцузской борьбы». В 1956—1957 гг. Чан Ван Зяу издал трехтомный труд «Борьба против захватчиков (История Вьетнама с 1858 по 1898 г.)». В 1955 г. была опубликована серьезная монография Дао Зуй Аня «История Вьетнама», переизданная в 1958 г.

К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции и в последующие годы вьетнамские историки опубликовали статьи и книги о ее влиянии на революционное движение во Вьетнаме.

В 1959 г. по решению XIV пленума ЦК ПТВ в ДРВ был создан Государственный комитет наук, состоявший из двух секций — естественных и общественных наук, а на базе прежнего Комитета по изучению литературы, истории, географии был образован Институт истории, что явилось шагом вперед на пути формирования марксистской исторической школы в ДРВ. Институт истории вместе с институтами филологии, экономики, литературы вошел в секцию общественных наук Государственного комитета наук. Руководителем института в течение десяти лет был видный историк Чан Хюи Льеу. Органом Института истории стал журнал «Nghiên cứu Lịch sử» («Изучение истории»).

В 50-х годах на его страницах обсуждались такие проблемы, как роль исторической науки в деле развития революции, а также конкретные теоретические вопросы.

«Историческая наука не бездельник, едущий в колеснице истории к светлому будущему. Историческая наука должна внести крупный вклад, чтобы двинуть колесницу истории вперед», — писали руководящие работники института в 1960 г.² В журнале были опубликованы проблемные статьи: «Историческая наука служит революции, служит народу», «Как историческая наука служит революции», «К вопросу о нашей исторической работе», «К вопросу о воспитании кадров историков», «Теоретическая работа в исторической науке». Эти и ряд других статей ведущих вьетнамских историков-марксистов конкретизировали цели и указывали путь, по которому должна развиваться эта отрасль общественных наук.

С целью внедрения марксистской идеологии в историческую науку и повышения идеологического уровня научных кадров Институт истории в 60-х годах организовал перевод на вьетнамский язык ряда произведений основоположников марксизма-ленинизма. Были изданы сборник статей «Марксизм-ленинизм об истории», переводы трудов Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Положение рабочего класса в Англии» и его статей о буржуазно-демократической революции в Германии. С начала 60-х годов в ДРВ осуществляется перевод собрания сочинений В. И. Ленина.

² «Nghiên cứu Lịch sử», 1960, № 21.

С 60-х годов в связи с переходом к созданию материально-технической базы социализма встала задача дальнейшего развития всех отраслей науки в ДРВ. Историческая наука развивалась в неразрывной связи с родственными дисциплинами — археологией, этнографией, а также антропологией и литературоведением.

В 1965 г. в связи с неуклонным повышением роли и значения общественных наук в Ханое под руководством ведущего ученого-обществоведа Нгуен Кхань Тоана был создан Комитет общественных наук, который объединяет в настоящее время целую сеть научных учреждений: институты истории, экономики, философии, этнографии, археологии, права, ханьном (китаеведения), Юго-Восточной Азии, информации и др.

В системе общественных наук, развитием которых руководит этот комитет, Институту истории по-прежнему отводится чрезвычайно важная роль. ЦК ПТВ придавал и придает большое значение исторической науке как одной из важнейших областей идеологического фронта.

Программа работы Института истории строится непосредственно на основе указаний ЦК ПТВ — проводить исследовательскую работу в области истории на базе марксизма-ленинизма ради воспитания человека коммунистического общества.

Институт осуществляет координацию и руководство всей научной работой в области истории, оказывает практическую помощь учебным заведениям в организации преподавания исторических дисциплин, а также участвует в пропаганде исторических знаний среди населения, в составлении истории промышленных предприятий.

В тесном сотрудничестве с Институтом истории ведутся исследования на соответствующих факультетах Ханойского университета, Педагогического института, а также в Комиссии по изучению истории партии при ЦК ПТВ, Комитете по изучению истории армии, в отделе охраны исторических памятников при Министерстве культуры ДРВ.

Вооруженная агрессия США против ДРВ (февраль 1965 г.) и переход администрации Джонсона к политике эскалации войны во Вьетнаме поставили страну перед необходимостью мобилизации всех сил и ресурсов для борьбы с врагом. Важную роль в этой патриотической деятельности играли вьетнамские ученые-обществоведы. Историки, например, с большой энергией взялись за темы, связанные с яркими страницами в героическом прошлом вьетнамского народа в его многовековой борьбе с иноземцами, а также изучали и пропагандировали опыт войны Сопrotивления (1946—1954), которую вьетнамский народ вел против французских колонизаторов. Особое место в исследованиях ученых заняли очерки о национальных героях и героинях, которыми так богата история вьетнамского народа. Имена сестер Чынг, Чан Хынг Дао, Нгуен Чая, Нгуен Хюе и других славных сынов и дочерей вьетнамского народа напоминали вьетнамским воинам и труженикам о героических подвигах их предков во имя свободы и независимости Родины. Работы вьетнамских историков служили делу укрепления морально-политического единства вьетнамского народа.

Важное место в работе вьетнамских ученых занимали такие актуальные проблемы, как разоблачение неокOLONиалистского курса США в Индокитае, пропаганда успехов патриотических сил на Юге страны.

В годы борьбы против американской агрессии с новой силой встал вопрос о патриотическом воспитании народа. Во всех концах страны возникали организации по изучению истории страны, родного края, предприятия, армейского подразделения.

В феврале 1966 г. в целях усиления патриотического воспитания населения по предложению Института истории было создано Научное

общество истории Вьетнама. В задачи общества, помимо пропаганды исторических знаний среди населения, входило углубленное изучение истории специалистами.

В 1965 г. Институт истории выступил с инициативой проведения научного симпозиума по вопросам методологии исторических исследований. Широкая научная общественность обсуждала такие проблемы: предмет истории как науки, соотношение логического и исторического методов в исследовании, партийность исторической науки, субъективизм и научная объективность в исторической науке, периодизация исторического процесса и др.

В порядке подготовки этого первого в истории ДРВ симпозиума велась большая исследовательская работа, которая нашла отражение в ряде статей журнала «Изучение истории».

Симпозиум состоялся в конце июня — начале июля 1966 г. в Ханое. С докладами выступили ведущие ученые Института истории, Ханойского педагогического института, Ханойского университета, Комиссии по изучению истории партии при ЦК ПТВ.

Все основные методологические положения, выработанные на симпозиуме, получили отражение и дальнейшее развитие на страницах журнала «Изучение истории». Они, несомненно, способствовали дальнейшему утверждению во вьетнамской исторической мысли принципов марксистско-ленинской методологии — классовости, партийности, историзма. В 1970 г. в Ханое был издан специальный сборник статей — «Некоторые вопросы методологии исторической науки», в который вошли наиболее важные материалы по марксистской методологии.

* * *

За годы народной власти историческая наука ДРВ добилась значительных успехов в разработке отечественной истории. К числу ее крупных достижений следует отнести прежде всего создание солидной источниковедческой базы. Осуществлен перевод на современный вьетнамский язык многочисленных письменных памятников прошлого, благодаря чему было создано, по существу, целое источниковедческое направление исторической науки.

Круг научных проблем, разрабатываемых вьетнамскими учеными, чрезвычайно широк. Он включает изучение всей многовековой истории Вьетнама, а также всеобщей истории. В новейшей истории внимание ученых привлекает прежде всего такая важная проблема, как возникновение и развитие рабочего класса ДРВ. Историей рабочего класса занимались и занимаются такие ученые, как Чан Ван Зяу, Чан Хюнь Льеу, Минь Чань, Нгуен Конг Бинь, Ван Тао и многие другие. В настоящее время существуют две основные гипотезы относительно времени формирования вьетнамского рабочего класса. Согласно первой, рабочий класс во Вьетнаме сформировался накануне первой мировой войны. Согласно второй, этот процесс относится к 20-м годам XX в., то есть к моменту деятельности Товарищества вьетнамской революционной молодежи. К сторонникам первой точки зрения относятся такие ученые, как Чан Ван Зяу, а к сторонникам второй — Чан Хюнь Льеу.

В середине 60-х годов первостепенное значение приобрело изучение роли рабочего класса Южного и Северного Вьетнама в отражении американской агрессии. Этой теме посвящено несколько трудов вьетнамских авторов.

В последние годы внимание ученых обращено к таким проблемам, как «Рабочий класс и социалистическая революция», «Рабочий класс

в строительстве социализма на Севере», «Президент Хо Ши Мин и рабочий класс в национально-демократической революции», «Ленинизм и развитие вьетнамского рабочего класса». При этом акцентируется внимание на вопросах, имеющих практическое значение, а именно роль рабочего класса в управлении государством и производством в процессе социалистического строительства, рост производительности труда, роль союза рабочего класса и крестьянства на всех этапах вьетнамской революции и т. п. Анализируются факторы, определяющие закономерный характер ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве,— рост кадров рабочего класса, его профессионального и культурного уровня, повышение его роли в производстве и всей системе общественных отношений, в формировании социалистического образа жизни трудящихся страны.

Вьетнамские историки убедительно показали, что организованность вьетнамского рабочего класса, его идейная закалка, глубокое чувство патриотизма и интернационализма, обретенные в ходе национально-освободительной борьбы против колониализма, становятся главными факторами, обеспечивающими ведущую роль рабочего класса в новом обществе.

Итогом многолетних исследований, отражающих современные взгляды ведущих вьетнамских ученых по вопросу истории формирования вьетнамского рабочего класса и особенно его роли на современном этапе, является выпущенный в 1974 г. в Ханое сборник статей под названием «Некоторые вопросы истории рабочего класса Вьетнама»³, который открывается большой статьей Нгуен Конг Биня — «Рабочий класс Вьетнама в деле освобождения нации». В 1974 г. вышла в свет «История рабочего и профсоюзного движения во Вьетнаме (1860—1945)», подготовленная Комитетом по изучению истории профсоюзов Вьетнама. Деятельности рабочего класса в сфере экономики и культуры в восстановительный период (1955—1960) посвящена монография Ван Тао и Динь Тху Кука.

Одной из задач историков ДРВ является изучение истории партии. Об этом особо говорилось на III съезде ПТВ в 1960 г. Основная работа в этом направлении ведется Центральной комиссией по изучению истории партии при ЦК ПТВ, которая издает журнал «История партии» и выпустила ряд работ, в частности о революционном движении в провинциях Нгеан и Хатинь в 1930—1931 гг., сборник статей и документов по истории создания Коммунистической партии Индокитая (КПИК), монографии «Великий поворот в истории вьетнамской революции» и «Тридцать лет партии и рабочего класса Вьетнама» (ч. I).

В 1966 г. вышло в свет исправленное и дополненное издание книги «Тридцать пять лет борьбы партии» (ч. I). Это коллективный труд работников Центральной комиссии по изучению истории партии при ЦК ПТВ и кафедры истории партии Партийной школы им. Нгуен Ай Куока. В нем разбираются вопросы создания партии, образования советов в провинциях Нгеан и Хатинь в 30-х годах и условия подготовки и проведения Августовской революции. Работа расценивается вьетнамскими авторами как важный источник по истории партии. В 1970 г. вышли в свет «Сорок лет истории ПТВ» и «Краткая история ПТВ».

Большим достижением историков ДРВ являются работы по истории деятельности партийных организаций в отдельных районах. Широкие исследования ведутся также по истории Августовской революции. Вы-

³ «Môt số vấn đề về lịch sử' giai cấp công nhân Việt Nam». Hanoi, 1974, 434 tr.

шли в свет несколько книг теоретического характера, сборников материалов, мемуары и т. п. Среди них «История августовской революции» (1960), подготовленная авторским коллективом в составе Ван Тао, Тхань Тхе Ви, Нгуен Конг Биня и др. Заслуживает внимания исследование «Вьетнам в первый год после Августовской революции» Нгуен Кьен Зянга.

В 1963 г. Центральная комиссия по изучению истории партии при ЦК ПТВ организовала дискуссию по вопросу о характере и особенностях Августовской революции. Детально обсуждалась проблема о формах борьбы во время этой революции. Этой теме были посвящены многочисленные статьи журнала «Изучение истории», публиковавшиеся в 1963 г. Во многих работах проводилась мысль о том, что Августовская революция — результат сочетания политической и вооруженной борьбы за власть.

Результатом исследований последних лет на эту тему явился труд «Августовская революция (1939—1945)», а также «Вьетнам. Некоторые факты после Августовской революции (1945—1965)».

Вьетнамскими историками проделана также большая работа по изучению процесса возникновения и формирования вьетнамской буржуазии, выявлению ее характерных особенностей. По общему мнению ученых, класс буржуазии возник во Вьетнаме поздно. Терпя притеснения со стороны французских империалистов, он отличался экономической слабостью, политической трусостью и соглашательством. Такой класс не мог возглавить народ и повести его на борьбу за освобождение.

Первым в ДРВ обратился к проблеме буржуазии Минь Чань. Затем еще ряд авторов поставил вопрос о необходимости изучения истории вьетнамской буржуазии (Чан Хюи Льеу, Нгуен Конг Бинь, Дао Зюй Ань). С 1959 г. в связи с социалистическими преобразованиями частного сектора в экономике ДРВ интерес к этой теме возрастает. Появляются работы Минь Чаня, Нгуен Конг Биня, Нгуен Кьен Зянга и других авторов. В 1959—1960 гг. на страницах газеты «Кьу Куок» («Спасение Родины») проводится специальная дискуссия, в ходе которой обсуждалась, в частности, проблема соотношения национальной и компрадорской буржуазии, роль помещиков в процессе формирования буржуазии. Обсуждался также вопрос, образует ли национальная и компрадорская буржуазия два разных класса или это две различные группы одного и того же класса. Большинство вьетнамских историков придерживается мнения, что это один класс.

Завершение становления вьетнамской буржуазии относится большинством вьетнамских историков к началу 20-х годов, а некоторыми (Минь Чань и Нгуен Кьен Зянг) — к кануну первой мировой войны.

Объектом многочисленных исследований стали аграрная проблема и связанный с ней крестьянский вопрос, который изучается параллельно с выяснением места и роли крестьянских движений в истории Вьетнама. Анализу форм землевладения и землепользования, а также системы феодальной эксплуатации и положения крестьянства в разные исторические периоды посвятили свои работы Нгуен Хонг Фонг, Нгуен Донг Тьн, Нгуен Кьен Зянг, Нгуен Кхак Дам, Нгуен Фан Куанг, Хо Хьу Фьок, Нгуен Лыонг Бить и др. Роль крестьянских движений в процессе формирования вьетнамской государственности, различные аспекты этих движений нашли отражение в работах ряда авторов. В 1965—1966 гг. на страницах журнала «Изучение истории» развернулась дискуссия по этим вопросам.

Большое внимание исследователей привлекает самое крупное антифеодалное восстание — крестьянское восстание тэйшонов (1771—

1802), сыгравшее исключительно важную роль в истории Вьетнама. Особенность его состоит в том, что, возникнув как антифеодальное, оно затем приняло национально-освободительный характер, в результате чего была отражена агрессия маньчжуро-китайских войск, вторгшихся в страну в 1789 г. К теме этого восстания неоднократно обращались историки Хоа Банг, Чан Хюи Льеу, Чан Ван Зяп, Ван Тан, Нгуен Лыонг Бить, Фам Нгок Фунг и многие другие. Только за последние годы вьетнамская историческая наука пополнилась рядом интереснейших книг и статей о тэйшогах.

В течение многих лет продолжается обсуждение проблемы формирования вьетнамской нации. Во Вьетнаме, который, как известно, миновал стадию капитализма, формирование нации шло, по мнению большинства вьетнамских ученых, одновременно с образованием централизованного феодального государства, нация во Вьетнаме — категория небуржуазная⁴. Существует несколько точек зрения относительно времени формирования вьетнамской нации. Сторонники одной (Дао Зуи Ань и другие) относят этот процесс к X—XV вв. Другие относят его ко времени, следующему за восстанием тэйшонов (Миень Чань, Чан Хюи Льеу, Фан Хюи Ле). Третьи (Хоан Суан Ни) связывают его с созданием КПК в 1930 г. И наконец, Фам Хьюн Тхонг считает, что вьетнамская нация, не став еще полностью буржуазной, сразу становится социалистической с победой Августовской революции.

Большая работа проводится вьетнамскими историками по сбору материалов и изучению борьбы вьетнамского народа в Южном Вьетнаме, что находит свое отражение на страницах журнала «Изучение истории». В 1962 г. по случаю 8-й годовщины подписания Женевских соглашений Институт истории выпустил в свет несколько книг, посвященных этой проблеме. В Институте истории над ними работает специальная группа, им посвятил свои труды и историк Чан Ван Зяу. Его перу принадлежит многотомный труд о Южном Вьетнаме, начиная с 1954 г.⁵ Значительное место он отводит разоблачению неоколониалистской политики империализма США в Индокитае.

Вьетнамские историки уделяют серьезное внимание древности и средневековью, привлекая богатый археологический материал. Одной из важнейших задач изучения древней истории Вьетнама ученые ДРВ считают сейчас исследование эпохи династии Хунг — времени формирования вьетнамского государства в первом тысячелетии до н. э. Вьетнамские ученые не без основания полагают, что без глубокого изучения этого вопроса невозможно удовлетворительно решить многие другие весьма важные проблемы истории вьетнамского народа, например правильно подойти к периодизации древней истории и определить «возраст» вьетнамской цивилизации, понять характер обществ Ванланг и Аулак, решить вопрос о наличии или отсутствии рабовладельческой формации во Вьетнаме и т. д. К этим проблемам вьетнамские историки обратились сразу же после создания Института истории. Уже в 1960 г. Ван Тан сделал попытку доказать, что эпоха Хунг — это время возникновения и развития рабовладельческого государства во Вьетнаме. В апреле 1967 г. была поставлена задача более систематизированного и комплексного изучения эпохи династии Хунг совместными усилиями историков, археологов, этнографов, фольклористов и антропологов. Можно сказать, что в 1967—1970 гг. время династии Хунг было одной из ведущих тем вьетнамской исторической науки.

⁴ «Mây vân đề phương pháp luận sử học». Hanoi, 1970, tr. 65.

⁵ Tr ần Văn Giáp. Miền Nam giu' vùng thanh đồng. Hanoi, tập I, 1964, tập II, 1966, tập III, 1968, tập IV, 1970.

С 1967 г. в ДРВ ежегодно проводились научные конференции по эпохе династии Хунг (октябрь 1967, декабрь 1968, апрель 1969 гг.). В 1973 г. ведущие специалисты по этой проблеме подготовили сборник статей, в которых подведены результаты 10-летних исследований по источниковедению древней истории, археологии, этнографии, лингвистике, антропологии⁶. В сборнике представлены различные точки зрения вьетнамских ученых по вопросам территориальных границ, названия государства, по населению, уровню хозяйства, социально-политической структуре и культуре эпохи династии Хунг. Несмотря на большую работу, сделанную специалистами, данных, которыми сейчас располагает наука, еще недостаточно для окончательного определения социально-экономической структуры и точной периодизации общества того времени.

Внимание вьетнамских историков привлекала проблема определения характера общественно-экономических формаций и их периодизация в историческом процессе Вьетнама. Есть определенные успехи в изучении первобытнообщинного строя во Вьетнаме. Возникновению и развитию феодальной формации посвящен труд коллектива ведущих ученых — «История вьетнамского феодализма», в котором начало возникновения феодального строя во Вьетнаме авторы относят к первым векам до н. э. и делят весь процесс его развития на четыре крупных этапа: первый — с 180 г. до н. э. по 938 г., второй — с 939 г. до XV в., третий — XV—XVI вв., четвертый — с XVI в. по 1858 г. Изучается также вопрос о зарождении элементов капитализма в недрах вьетнамского феодального общества. Большая работа ведется вьетнамскими историками по вопросу сельской общины, которая в течение веков была основной социально-экономической ячейкой вьетнамского общества. Первые марксистские труды по общине появились во Вьетнаме в 50-х годах. В 70-х годах началось комплексное изучение этого вопроса учеными различных отраслей исторической науки. Весной 1972 г. в Ханое проведена научная конференция «О роли сельской общины в истории Вьетнама», на которой было сделано 25 докладов. Открыл конференцию известный специалист по вьетнамской общине Нгуен Хонг Фонг докладом «Об эволюции сельской общины в истории Вьетнама».

Основная дискуссия развернулась вокруг вопроса о роли общины в истории Вьетнама. Не идеализируя эту традиционную структуру и отмечая ее консервативную роль в поступательном движении общества, ученые попытались вместе с тем объективно оценить значение общины в консолидации сил вьетнамского народа, определить место общины в государстве на различных этапах его развития, а также выяснить процессы, проходившие внутри общины.

Что касается прохождения Вьетнама через рабовладельческую стадию, то по этому вопросу дискуссия еще не завершена. Ван Тан, Нгуен Лыонг Бить считают, что Вьетнам знал рабовладение как ведущий способ производства для определенного времени. Чэн Куок Вьонг, Тю Тхьен, Фан Хюи Ле занимают противоположную позицию. Их точка зрения отражена в недавно изданной в Ханое «Истории Вьетнама».

На этом фундаментальном труде стоит остановиться особо. Отличительной особенностью книги является яркий показ «самой сильной и характерной черты всего исторического процесса во Вьетнаме — победоносной борьбы против внешней агрессии, против угнетения, за национальную независимость и свободу»⁷.

⁶ Van Tan, Nguyen Linh, Le Van Lan, Nguyen Dong Chi. Hoang Hung—Thoi dai Hung vuong. Hanoi, 1973.

⁷ «Lich su' Viet Nam». Hanoi, tap I, 1971; «Tuyen huân», 1972, № 1, 2.

Примечательно, что в основу периодизации истории Вьетнама авторы положили принцип национально-освободительной борьбы. В книге, таким образом, как бы получила обобщение одна из ведущих тем в исторических исследованиях ДРВ — национально-освободительная борьба вьетнамского народа, тема, которая с новой силой зазвучала в годы отражения американской агрессии. Началом национально-освободительной борьбы вьетнамского народа считается первое общенародное восстание 40 г. н. э. против китайских (ханьских) захватчиков, которое возглавили сестры Чынг. Восстание означало «непрерываемое отрицание права Ханьской империи усмирять Поднебесную» (с. 83) и продемонстрировало «высокий национальный дух страны и народа, умеющего противостоять захватническим и ассимиляторским поползновениям самой крупной Азиатской империи в период ее расцвета» (с. 83). Победа восстания под руководством Ли Би в 542 г. расценивается в книге как «отрицание права императора Северной страны» (Китая) считать себя «владыкой всей Вселенной», а также утверждение того факта, что вьетнамский народ — хозяин своей судьбы (с. 115). Программой национальной независимости авторы называют доктрину вьетнамского полководца, ученого и поэта XV в. Нгуен Чая, которую он изложил в «Великом объявлении о победе над Нго» (т. е. Китаем).

Не имея возможности здесь подробно остановиться на анализе всей книги, отметим, что ее появление — безусловное достижение вьетнамской исторической науки.

Развитию исторической науки в ДРВ способствует расширение международных научных связей. Ученые ДРВ поддерживают постоянные деловые контакты с обществоведами социалистических стран, а также с прогрессивными учеными США, Англии, Франции, Индии, Японии и других стран.

Научные поездки и стажировки вьетнамских ученых в СССР и советских в ДРВ стали обычной практикой научного сотрудничества наших стран. Историки Чан Хюи Льеу, Нгуен Кхань Тоан, Минь Чань, Нгуен Конг Бинь, Ван Тао, Нгуен Хонг Фонг, Фан Зя Бен и многие другие неоднократно посещали СССР, знакомясь с постановкой работы в области общественных наук в научных учреждениях нашей страны.

Вьетнамская историческая наука была представлена на таких важных международных форумах, как XXV Международный конгресс востоковедов и XIII Международный конгресс историков, состоявшихся в Москве.

«Особенно большое значение имеют наши постоянные связи с советскими учеными, занимающимися историей Вьетнама», — отмечал историк Минь Чань⁸. Вьетнамские ученые внимательно следят за работой советских специалистов по истории Вьетнама.

Высокую оценку в ДРВ получили изданный в Москве в 1970 г. коллективный труд советских вьетнамистов «История Вьетнама в новейшее время», а также монография С. А. Мхитаряна «Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме (1885—1930)», вышедшая в 1967 г. Во вьетнамской научной печати положительно рецензировались также книга М. А. Чешкова «Очерки развития вьетнамского феодализма» и другие работы советских ученых.

За 30 лет существования ДРВ историческая наука вместе со страной прошла славный боевой путь: на всех этапах революции историки-марксисты шли в первых рядах борцов за свободу и независимость своей Родины, свято выполняя наказ Партии трудящихся Вьетнама беззаветно служить делу революции.

⁸ «Народы Азии и Африки», 1961, № 2.

Отношения Китая с северными соседями в древности

*В. С. Таскин,
кандидат исторических наук*

История отношений Китая с его северными кочевыми и полукочевыми соседями изучена, если не в деталях, то в крупных чертах, достаточно хорошо, и, казалось бы, здесь трудно сделать какое-нибудь новое открытие. Тем не менее материалы нынешней кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» свидетельствуют о том, что ее организаторам удалось сделать ошеломляющее открытие. Оказывается, что такие деятели Древнего Китая, как императоры Цинь Ши-хуан, У-ди (напомним, что иероглиф «У» означает «воинственный»), и им подобные вовсе не захватчики и беспощадные угнетатели других народов, а подлинные благодетели отечества, истинные патриоты. Им будто бы принадлежит заслуга спасения страны от нашествий кочевников сюнну, от «угрозы с Севера».

В материалах кампании нетрудно заметить назойливую параллель: Мао и его окружение тоже поступают аналогично прежним императорам, и потому они-де тоже патриоты, также будто бы стремятся спасти отечество от «угрозы с Севера». Так события, отдаленные от нашего времени двумя тысячелетиями, используются для возбуждения в Китае антисоветских настроений. Статья В. С. Таскина восстанавливает действительную картину прошлого.

• • •

Данные археологии, памятники эпиграфики, а также различные материалы нарративного характера (хроники-летописи, сборники стихов и исторических преданий, сочинения древних историков и философов) показывают, что колыбелью китайцев была долина среднего течения Хуанхэ. Аллювиальные отложения, скапливавшиеся здесь вследствие регулярно повторяющихся разливов, создали плодородные поймы. Мягкий и более влажный по сравнению с современным климат в сочетании с тучными почвами благоприятствовал раннему развитию оседлого образа жизни и земледелия в этом районе.

В результате к середине II тысячелетия до н. э. в средней части долины Хуанхэ сложился прочный оседло-земледельческий центр, экономической основой которого являлось пашенное земледелие. Мотыжное земледелие неолита утрачивало значение.

Вокруг этого центра обитали многочисленные племена, с которыми, судя по сохранившимся данным, китайцы вели непрерывную ожесточенную борьбу. Особенным постоянством и упорством отличалась борьба с северными племенами, жившими главным образом на территории современной Монголии.

Первые достоверные упоминания о северных соседях Китая встречаются в так называемых надписях на иньских гадательных костях, составленных примерно за пятнадцать веков до н. э. В текстах этих надписей встречается около двух десятков племен. Названия некоторых пока не прочитаны. Не удалось также определить и район расселения всех племен, но известно, что некоторые из них, наиболее крупные, занимали следующие земли: туфан — район современного города Баотоу, люйфан — район Ордоса, куфан — территорию на стыке Шэньси, Нинся и Суйюань. Племена гуйфан, возможно, обитали в северной части Шэньси.

Самыми многочисленными из этих племен, по-видимому, были гуйфаны. Согласно «Книге перемен» («И-цзин»), иньскому правителю У-дину потребовалось 3 года, чтобы одержать над ними победу, а чжоуский правитель Кан-ван только в одном сражении с гуйфанами захватил более 13 тыс. пленных¹. По приблизительным подсчетам, иньские правители провели против туфан 4, а против куфан 26 походов.

Итак, борьба между Китаем и его северными соседями — несомненный факт. Но возникает закономерный вопрос. Как случилось, что эта борьба, восходящая к древнейшим временам, проходит красной нитью через всю древнюю и средневековую историю Китая?

Источники убедительно говорят, что по образу жизни, языку, обычаям и хозяйственной деятельности народы, жившие на севере, резко отличались от китайцев. В 14-ом году правления луского Сян-гуна (558 г. до н. э.) Цзюйчжи, вождь племени цзянжунов, горько жаловался на притеснения со стороны владения Цинь и говорил: «Напитки, пища и одежда у нас, различных [племен] жунов, неодинаковы с [китайскими]. Мы не разбираемся в [китайских] правилах подношения подарков, не понимаем языка»². По свидетельству Конфуция, северные народы в отличие от китайцев ходили с неуложенными на голове волосами и запахивали полу одежды на левую сторону³.

В 569 г. до н. э. сановник Вэй Цзян, советуя цзиньскому правителю Дао-гуну заключить мир с жунами и ди, говорил в частности: «Жуны и ди живут на траве, они ценят богатства и пренебрегают землей, поэтому землю можно будет покупать»⁴.

Раннеханьский комментатор Фу Цянь разъясняет слова «живут на траве» трафаретной формулой, прилагавшейся китайскими историками ко всем кочевникам: «не имеют постоянного местожительства, переходя с места на место в поисках воды и травы»⁵. Слово «богатство» встречается в одном из древнейших памятников китайской письменности «Шан-шу»⁶ и, по мнению Кун Инь-да (574—648), употреблено в собирательном смысле, означая золото, яшму, полотно и шелк. Близкое толкование дает Бань Гу: богатство — это полотно и шелк, которые можно носить как одежду, а также металл, деньги, панцири черепах и раковины⁷.

¹ «Чжоу-и чжэн-и» («Чжоуская книга перемен»). — Серия «Шисань цзин чжушу» («Примечания и толкования к тринадцати классическим книгам»). Т. 2, с. 339. Ван Го-вэй. Гуаньтан цзи линь («Собрание сочинений Ван Го-вэя»). Т. 2. Шанхай, 1930, гл. 13, с. 586, 587.

² «Летопись Чунь-цю» в редакции Цзо Цю-мина». — Серия «Шисань цзин чжушу». Т. 30, гл. 32, с. 1309.

³ «Лунь-юй». — Серия «Чжу-цзы цзицэн», гл. 14, с. 314.

⁴ «Летопись Чунь-цю». Т. 29, гл. 29, с. 1193.

⁵ Там же.

⁶ «Шан-шу». — Серия «Шисань цзин чжушу». Т. 4, гл. Хун-фань, с. 411.

⁷ Бань Гу. История династии Хань, гл. 24-а, л. 1-а.

Анализ цитаты позволяет сказать, что в VI в. до н. э. северные соседи Китая уже были кочевниками-скотоводами, но, поскольку этот тип хозяйства не может удовлетворить всех потребностей кочевников, они были заинтересованы в получении в порядке обмена от земледельческого Китая таких необходимых для них предметов, как полотно, шелк и некоторые металлические изделия.

Хорошо известно, что кочевой образ жизни возникает лишь при соответствующих географических и биологических условиях. Это — обширные пространства малопродуктивной, засушливой земли, скупо одаренные природой, и определенные виды прирученных копытных животных, живущих стадами — лошадей, овец, крупного рогатого скота и верблюдов. Такие условия были характерны для земель, лежащих к северу и западу от собственно Китая.

С точки зрения оседлого народа, эти земли бесполезны. Из-за твердой малопродуктивной почвы, недостатка влаги и из-за сурового климата на них нельзя заниматься земледелием. Поэтому китайцы и говорили о них, что они не производят «пять видов злаков». А ведь, по существовавшему тогда представлению, «главное занятие народа — земледелие. Оно дает просо и рис для [жертвоприношений] Верховному владыке, приносит народу отдых и процветание, от него зависит снабжение [необходимым] всех дел, оно рождает согласие и дружелюбие [среди людей], с него начинается увеличение богатства, оно создает полную безопасность и огромную устойчивость»⁸.

Различие природной среды, а отсюда и различие в хозяйственной деятельности ясно сознавалось китайцами. Бань Гу пишет: «По сравнению с Средним государством у них другая одежда, другие обычаи, они употребляют другую пищу и другие напитки, говорят на непонятном языке, уединенно живут в степях на северной окраине, где выпадают холодные росы, переходят [с места на место] в поисках травы для скота и занимаются охотой, чем поддерживают свое существование. Они отрезаны [от нас] горными долинами и укрыты песчаной пустыней, которыми Небо и Земля отделили внутренние земли от внешних»⁹.

Влияние географической среды на жизнь человека, подмеченное в древности, сохранялось в течение многих веков почти без изменений. Например, авторы «Ляо-ши» («История династии Ляо»), составленной в 1344 г., правильно подметили, что человечеству «отпущено» неодинаковое количество света, тепла, воды, осадков.

Значение географической среды для жизни человека «Ляо-ши» иллюстрирует двумя примерами. В Китае, где много тепла и осадков, население добывает продукты питания, занимаясь земледелием, одевается в ткани, для чего разводит тутовые деревья и коноплю, живет оседло в дворцах и домах, правители, чтобы осуществлять управление, строят города, окруженные внешними и внутренними стенами.

Иное положение на севере, в пустыне Гоби. Сильные морозы и ветры не дают возможности заниматься земледелием. Поэтому население питается продуктами скотоводства, охоты и рыболовства, одевается в шкуры и шерсть животных. Занятие скотоводством заставляет все время перекочевывать с места на место в поисках удобных пастбищ, а частые перекочевки не позволяют строить жилища, в связи с чем, по выражению авторов «Ляо-ши», «повозка и спина лошади служат для населения домом».

⁸ «Го-юй». — Серия «Го-сюэ цзи-бэнь цуншу». Шанхай, 1958, гл. 1, с. 5.

⁹ Бань Гу. История династии Хань, гл. 94-б, л. 32-а.

По-разному осуществляется и управление кочевыми и оседлыми народами, так как правители должны считаться с тремя силами природы. Под тремя силами природы имелась в виду Небо, ниспосылающее тепло и влагу, Земля, создающая условия для занятия производством, и Человек, занимающийся различными видами хозяйственной деятельности, которые зависят от условий, предоставленных ему Небом и Землей.

Таким образом, земли, занятые кочевниками-скотоводами с хозяйственной точки зрения для китайцев-земледельцев были не нужны. Географическая среда защищала кочевников и позволила им в течение тысячелетий сохранить независимость*.

Хотя среда и служила для кочевников защитой, она не могла помешать установлению и развитию отношений между кочевой степью и оседлым обществом. Для земледельца было экономически выгодно получать от кочевника, специально занимающегося разведением скота в степях, живой скот, шкуры и т. п. Со своей стороны, кочевник нуждался в продуктах, производимых оседлым земледельцем, зерне, тканях, предметах ремесла и т. д.

Это положение ярко характеризуют подарки, по сути, замаскированную дань, которую требовали сюнну. Например, император Гао-ди при заключении с шаньюем Маодунем договора о мире, основанном на родстве**, обещал ежегодно посылать в подарок определенное количество шелковой ваты, шелковых тканей, вина, риса и пр.¹⁰. В 89 г. до н. э. шаньюй Хулугу потребовал, чтобы Хань ежегодно посылала ему 10 тыс. даней рисового вина, 5 тыс. ху проса, 10 тыс. кусков различных шелковых тканей, а также все остальное, согласно прежнему договору¹¹.

Кроме «подарков», происходил и обычный торговый обмен. Однако такие мирные отношения редко были длительными. Либо они нарушались кочевниками, находившими более выгодным добывать необходимое для жизни силой, посредством набегов и грабежей, либо, наоборот, против кочевников выступал Китай, стремившийся установить над ними свое господство.

Таким образом, чисто экономические причины, лежавшие в основе отношений между кочевниками и Китаем, вызвали почти непрерывную, ожесточенную борьбу. Естественно, что это вынуждало китайских правителей постоянно вырабатывать тактику борьбы и строить различные планы против своих беспокойных соседей.

Именно поэтому Бань Гу пишет: «Начиная с возникновения династии Хань, разве [те, кто] произносили преданные речи и сановники, составлявшие прекрасные планы, не спорили все время друг с другом, строя замыслы в залах дворца?.. Ученые... высказывались за мир, основанный на родстве, а воины... говорили о карательных походах. Но те и другие видели только то, что было выгодно или вредно в данный момент и не разбирались в отношении сюнну от начала до конца»¹².

* В рассматриваемый период вследствие низкого уровня развития производительных сил географическая среда, несомненно, играла важную роль в развитии земледельческих и кочевых скотоводческих обществ. Однако автор, очевидно, преувеличивает роль этого фактора, игнорируя важные опосредствующие звенья, и в частности особенности хозяйственного уклада (земледельческих и кочевых) скотоводческих обществ древности и средневековья. — Прим. ред.

** То есть путем династического брака.

¹⁰ Сыма Цянь. Исторические записки, гл. 110, л. 12-б.

¹¹ Бань Гу. История династии Хань, гл. 94-а, л. 29-б.

¹² Там же, гл. 94-б, л. 29-а.

Практика в отношении степи менялась от династии к династии, но ни одна из них не смогла добиться успеха.

Ван Ман, создатель династии Синь и император Китая с 9 по 23 г. н. э., решил наконец покончить с сюнну. Он задумал, собрать 300 тыс. воинов и, обеспечив их продовольствием на 300 дней, занять земли сюнну, разделить их на 15 частей и поставить во главе каждой части самостоятельного шаньюя. Предполагалось, что разделенные и ослабленные сюнну будут более послушными.

Военачальник Ван Мана, Янь Ю, предостерегая от подобных действий, сослался на то, что в глубокой древности походов на северных кочевников не предпринималось. Это, по мнению Янь Ю, было лучшим образом действий. Во времена династий Чжоу, Цинь и Хань такие походы бывали, но ни одна из этих династий не смогла выработать удачный план¹³. В основе оценки Янь Ю лежала конфуцианская концепция укрепления государства и подчинения других народов путем совершенствования собственных добродетелей и морального воздействия на окружающих.

Именно так якобы поступал легендарный император Яо, который «сумел проявить добродетели, ведущие людей к повиновению, и с их помощью сблизил все девять поколений (девять колен родства от прапрадеда до праправнука. — В. Т.). Когда среди девяти поколений установилось согласие, он навел порядок среди простого народа и просветил его. Когда простой народ просветился, он объединил и привел к согласию десять тысяч владений»¹⁴.

Все остальные методы борьбы Янь Ю оценивает лишь в зависимости от того, насколько они подходят к изложенной концепции.

При ханьском императоре У-ди Китай взял инициативу в свои руки и перешел к активным наступательным действиям, хотя в то время «все сюнну, начиная с шаньюя, дружественно относились к [династии] Хань и общались [с ханьцами] у Великой стены»¹⁵.

При обсуждении политики в отношении сюнну в 133 г. до н. э.¹⁶ мнения сановников разошлись. Большинство во главе с Хань Ань-го высказывалось за сохранение мирных отношений, считая, что сюнну сильны, вторжение в занимаемые ими степи из-за дальности расстояния опасно, а приобретение сюннских земель для Хань бесполезно, поскольку они ничего не производят. Продолжительная война только усилит тяготы населения Ханьской империи, что может привести к беспорядкам.

Остальные сановники во главе с Ван Хуэем возражали против таких доводов. Они утверждали, что, хотя сюнну и сильны, Китай может одержать победу, как это случилось раньше, например при Цинь Шихуане. Сюнну нельзя верить. Они будто бы постоянно нарушают заключенный договор, а проводимая в отношении их мирная политика продиктована всего лишь временными неблагоприятными обстоятельствами. Она наносит непоправимый вред пограничному населению. У-ди склонился на сторону Ван Хуэя.

Решено было пренебречь мирными отношениями, заманить сюнну в китайские земли и уничтожить. Для осуществления этого плана один из купцов пограничного города Ман, некто Не И, явился к шаньюю

¹³ Там же, л. 24-а.

¹⁴ Сыма Цянь. Исторические записки, гл. 1, л. 10-б, 11-а.

¹⁵ Там же, гл. 110, л. 20-б, 21-а.

¹⁶ Бань Гу. История династии Хань, гл. 52.

и сказал: «Я могу убить начальника уезда Маи и его помощника и сдать вам город, тогда вы получите все имеющиеся там богатства»¹⁷.

Шанью соблазнил этим предложением. Во главе 100-тысячной армии он в 133 г. до н. э. вторгся в пределы Китая. Вблизи города его поджидали в засаде 300 тыс. китайских воинов. По пути к Маи сюнну захватили в плен мелкого пограничного чиновника. Он знал о планах ханьского двора и, спасая жизнь, рассказал про засаду. Напуганный шаньюй поспешно повернул обратно, в то время как китайские войска напрасно ждали подхода сюнну. Неудача так разгневала У-ди, что он предал суду главного полководца Ван Хуэя.

События под Маи положили начало ожесточенным военным действиям, которые с небольшими перерывами происходили на протяжении всего правления У-ди. Хотя в ходе войны китайские военачальники Вэй Цин и Хо Цюй-бин несколько раз глубоко вторгались в сюннские земли и добивались крупных успехов, так что шаньюю пришлось перенести свою ставку на север от пустыни Гоби, конец войны оказался для Китая плачевным.

В 90 г. до н. э. три китайские армии вновь выступили против сюнну. Военачальник Шанцю Чэн вышел из округа Сихэ, и вторгся в степи, имея более 30 тыс. воинов. Удар был нанесен в пустоту, он повернул назад. Во время отхода на него напали сюнну, 9 дней шли непрерывные бои. В конце концов китайцам с трудом удалось пробиться на родину.

Другой военачальник Ман Тун во главе 40 тыс. всадников дошел до предгорий Тянь-Шаня. Войска шаньюя не приняли бой и отошли в глубь степей.

Действия 70-тысячной армии под командованием Ли Гуан-ли вначале протекали успешно. Она разбила 5-тысячный сюннский отряд, преградивший ей путь в одном из горных ущелий, и энергично преследовала бежавшего противника. В это время Ли Гуан-ли узнал, что его семья заключена в тюрьму по обвинению в воровстве. Имелось в виду заклинание духов с просьбой о ниспослании бедствий на то или другое лицо. Практически все сводилось к следующему нехитрому способу. В землю закапывалась деревянная фигура человека, изображавшая то лицо, на которое навлекалось бедствие, а затем шаман произносил над ней заклинания.

Ли Гуан-ли понимал нависшую над ним угрозу и решил купить милость императора победами. Он далеко углубился на север и разбил 20-тысячный отряд сюнну. Безрассудные, по мнению ряда старших командиров, действия Ли Гуан-ли вызвали их недовольство. Они сговорились взять его под стражу. Ли Гуан-ли казнил всех участников заговора, но тем не менее начал отступление.

Пользуясь усталостью ханьских войск, шаньюй лично с 50 тыс. всадников преградил им путь у горы Яньшань. В разыгравшемся сражении обе стороны понесли тяжелые потери убитыми и ранеными. Ночью сюнну выкопали перед ханьскими войсками глубокий ров, а утром стремительно напали на них с тыла. В китайской армии поднялась паника. Ли Гуан-ли сдался, а вся его армия погибла. Китай потерпел небывалое поражение, которое перечеркнуло все достигнутые ранее успехи.

В 89 г. до н. э., то есть через год после одержанной победы, шаньюй Хулугу отправил к У-ди посла. В заносчивом письме шаньюя говорилось: «На Юге есть великое государство Хань, а на Севере — могущественные хусцы (сюнну. — В. Т.); хусцы — любимые сыны Неба, по-

¹⁷ Б а н ь Г у. История династии Хань, гл. 52, л. 19-а.

этому я не обременяю себя мелочами этикета. Ныне я хочу открыть вместе с Хань большие заставы для торговли, взять в жены дочь из дома Хань. Хочу, чтобы мне ежегодно посылали 10 тыс. даней рисового вина, 5 тыс. ху проса, 10 тыс. кусков различных шелковых тканей, а также все остальное, согласно прежнему договору. Тогда на границах не будет взаимных грабежей»¹⁸. Как победитель, Хулугу мог диктовать свои условия.

Судя по так называемому Луньтайскому указу¹⁹, У-ди глубоко раскаивался в провале своей политики. Указ был издан в связи с докладом сановника Сан Хун-яна. Он просил направить переселенцев для освоения земель к востоку от владения Луньтай (современный Синьцзян-Уйгурский автономный район). Отвергая это предложение, У-ди говорит в указе, что война с сюнну была начата им по неразумной гордости: поражение Ли Гуан-ли постоянно вызывает в его сердце великую скорбь; он не может слышать об обработке далеких земель в Луньтае, так как это только утомит Поднебесную, но не принесет изобилия народу.

В 87 г. до н. э. У-ди умер. Его попытки подчинить сюнну провалились, несмотря на длительную и тяжелую борьбу. Именно поэтому Янь Ю и говорил Ван Ману, что в результате затянувшейся на 30 лет войны Среднее государство только устало и истощилось. Поэтому планы У-ди не заслуживают одобрения²⁰.

Как же могло случиться, что могущественная империя, 30 лет проводя активную наступательную политику, так и не смогла одержать победы над своим, несомненно, более слабым противником?

Аргументация Янь Ю очень интересна и заслуживает подробного изложения. Янь Ю указывает на пять трудностей, препятствующих осуществлению планов Ван Мана.

Во-первых, как показывает опыт, сбор 300-тысячного войска и подвоз провiantа приходится производить на обширной территории, что весьма сложно.

Во-вторых, скудные ресурсы пограничных земель не могут быть использованы, и войскам придется опираться на снабжение из глубинных районов.

В-третьих. На 300 человеко-дней требуется 18 ху сушеного вареного риса, для перевозки которого нужен вол. Фураж для вола составит 20 ху. Земли сюнну бесплодны и засушливы, по опыту известно, что уже через 100 дней вола погибают.

В-четвертых, климат в землях сюнну суров, и без горячей пищи и в войсках распространяются болезни. Потому раньше походы не продолжались больше 166 дней.

И в-пятых. Обремененное большим обозом, войско теряет маневренность, в теснинах легко может быть окружено²¹.

Рассуждения Янь Ю весьма убедительно показывают трудности походов в глубь степей, вызванные природными условиями. Не случайно сановник Ян Сюн удачно сравнил походы ханьских войск с ударом грома или порывом ветра²². Как ни удар грома, ни порыв ветра не оставляют после себя следов, точно так же не приносят результатов и походы в земли сюнну.

¹⁸ Бань Гу. История династии Хань, гл. 94-а, л. 29-б.

¹⁹ Там же, гл. 96-а.

²⁰ Там же, гл. 94-б, л. 24-а, 24-б.

²¹ Там же, л. 24-б, 25-а.

²² Там же, гл. 94-б, л. 16-б.

Наиболее резкой критике Янь Ю подвергает действия Цинь Ши-хуана, который, избрав оборонительную тактику, решил защитить страну от набегов кочевников, воздвигнув вдоль границы Великую китайскую стену, протянувшуюся на 4 тыс. км вдоль северной границы. Возможно, предпринимая такое грандиозное строительство, Цинь Ши-хуан использовал, но только в значительно более широких масштабах, опыт чжао-ского военачальника Ли Му, избравшего своеобразную оборонительную тактику в борьбе с кочевниками. Он отдал по войскам приказ: «Если сюнну вторгнутся с целью грабежа, немедленно собирайте имущество и укрывайтесь в укреплениях. Кто посмеет ловить варваров, будет обезглавлен»²³.

Расчет Ли Му основывался на отсутствии у сюнну осадной техники. Как только расставленные повсюду сигнальные маяки сообщали о появлении врага, войска собирали население и скот и укрывались в обнесенных стенами укреплениях, где чувствовали себя в безопасности. В результате такой тактики, замечает Сыма Цянь, владение Чжао «никаких потерь не несло»²⁴.

Однако сооружение Великой китайской стены в военном отношении оказалось бесполезным, и, если верить многочисленным свидетельствам источников, создание ее послужило одной из причин крушения династии Цинь. Разбирая ход войны с сюнну, ханьский сановник Чжуфу Янь говорил: «Император Цинь послал против хусцев войска во главе с Мэн Тянем, который расширил территорию государства на тысячу ли и провел границу по Хуанхэ. Приобретенные земли состояли из озер и солончаков, не производили «пять видов злаков». Тем не менее из Поднебесной в дальнейшем посылались рекруты для обороны Бэйхэ. Более 10 лет солнце палило воинов, а роса увлажняла войска, погибло неисчислимое множество солдат, которым так и не удалось достичь северного берега Хуанхэ. Разве для этого не хватало людей или не было достаточного количества оружия и доспехов? Нет, не позволяли условия местности.

Кроме того, Поднебесной было приказано срочно посылать солому и тянуть [телеги и лодки] с зерном, которое перевозилось в [район] Бэйхэ, начиная от уездов Хуан и Чуй и округа Ланье, примыкающих к морю. Как правило, из каждых 30 чжунов зерна [до места] доходил лишь один дань. Хотя мужчины старательно обрабатывали поля, провианта для войск не хватало, и, хотя женщины пряли, полотна для палаток не доставало. Народ утомился, сироты и одинокие, старики и дети были не в состоянии содержать друг друга, на дорогах повсюду валялись трупы, и, видимо, поэтому Поднебесная восстала против династии Цинь»²⁵.

Как явствует из приведенной цитаты, для обороны стены на всем ее протяжении требовалось огромное количество воинов, а содержание их оказалось непосильным бременем для страны, о которой не думал Цинь Ши-хуан.

Таким образом, ни оборонительная, ни наступательная тактика не приносила Китаю успеха.

Первый ханьский император, Гао-цзу, пытался установить мирные отношения с кочевниками. Он обратился к сановнику Лю Цзиню. Тот посоветовал ему выдать дочь замуж за шаньюя Маодуня и послать щедрые подарки. Шаньюю соблазнится и, конечно, женится на дочери хань-

²³ Сыма Цянь. Исторические записки, гл. 81, л. 11-а.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, гл. 112, л. 6-а, 6-б.

ского императора. Ее сын от Маодуня непременно станет наследником, а после смерти Маодуня займет его место. Само собой разумеется, внук будет почитать деда, как старшего. Таким путем сюнну со временем станут покорными слугами ханьского двора. Неотъемлемую часть задуманного Лю Цзином плана должна была составить систематическая посылка подарков, иными словами, дани ²⁶.

Гао-цзу последовал совету. Так в 193 г. до н. э. было положено начало унижительным для Китая договорам, известными в истории как договоры о мире, основанном на родстве.

Бань Гу весьма скептически оценивал эту политику: аппетиты шаньюев росли, держались они отнюдь не по-родственному, а все более заносчиво и высокомерно, набеги сюнну в пределы Китая все усиливались и учащались. Договор о мире, основанном на родстве, оказался бесполезным ²⁷. Таков вывод Бань Гу.

Тем не менее ханьский сановник Дун Чжун-шу, служивший четверем императорам, стремился сохранить договор о мире ценой еще более тягостных уступок. «Он считал,— пишет Бань Гу,— что справедливо действует на благородных, а выгода влияет на корыстолюбивых. Сюнну нельзя удовлетворить гуманностью и справедливостью, а лишь предоставлением больших выгод... Стоимость подарков за счет налогов меньше расходов на содержание войск. Договоры, заключаемые верными чиновниками, приносят те же результаты, что и упорная защита городов...» ²⁸.

Дун Чжун-шу рассчитывал, что такая уступчивая политика прекратит набеги варваров, облегчит положение пограничного населения, да и всей страны.

Бань Гу отмечает, что будущее показало ошибочность рассуждений Дун Чжун-шу. По мнению Бань Гу, требовался подбор талантливых военачальников, систематическое укрепление границы, заготовка вооружения. Шаньюй не откажется от нападений, ибо стоимость подарков не превышала 100 цзиней золота, а грабежи приносили миллионы монет ²⁹.

Однако, если Бань Гу отвергает как наступательную, так и оборонительную тактику, выступает против заключения мирных договоров, где же, по его мнению, выход? Выход он видит в подражании мудрым правителям древности, которые не заключали с северными соседями договоров и не ходили против них в походы. Заключение договоров заставило бы мудрых правителей только попусту тратиться на подарки, а нападения лишь утомили бы войска и вызвали ответные набеги врага.

Он пишет: «Их земли непригодны для обработки, а народ нельзя сделать [своими] слугами. Поэтому варваров держали за границей, не принимали в пределы [Срединного государства], отстраняли подальше... Если они появлялись, их наказывали и управляли ими; если они уходили, принимали меры предосторожности против них и оборонялись; если они, ценя справедливость, приходили с данью, их принимали с почестями, проявляя учтивость. Таким образом, варваров непрерывно держали на привязи, стремясь возложить на них вину за несправедливые действия, и это был обычный путь, по которому шли мудрые правители, управляя варварами» ³⁰.

²⁶ Там же, гл. 99, л. 4-а, 4-б.

²⁷ Бань Гу. История династии Хань, гл. 94-б, л. 24-б, 30-а.

²⁸ Там же, гл. 94-б, л. 30-а, 30-б.

²⁹ Там же, л. 30-б, 31-а, 31-б.

³⁰ Там же, л. 32-а, 32-б.

Таким образом, Бань Гу предлагает политику, основанную на строгости и гуманности. Если варвары нападают, их необходимо наказывать; если они изъявляют покорность, их необходимо принимать с почестями; если они восстают и уходят, их не нужно наказывать, а следует принимать меры предосторожности против дальнейших возможных нападений. Сам Китай должен относиться к варварам как к диким птицам и зверям, не вступая с ними ни в какие отношения, с тем чтобы вина за несправедливые действия всегда лежала на варварах.

Из всех многочисленных методов китайской политики в отношении своих северных соседей мы коротко упомянули лишь 5. 1. Разделение единого чужого владения на части с целью его ослабления, задуманное Ван Маном. 2. Укрепление собственного государства и подчинение других народов путем «совершенствования добродетелей правителя и морального воздействия на окружающих». 3. Подчинение других народов с помощью силы, наиболее ярко проявившееся при ханьском императоре У-ди. 4. Тактика обороны, принятая циньским императором Ши-хуаном. 5. Установление мирных отношений с помощью брака дочери китайского императора с вождем кочевников. Естественно, что, помимо перечисленных методов, имелись многие другие, и среди них очень важные, например использование одних народов против других неханьских народов. Принцип «разделяй и властвуй» проходит через всю историю покорения Китаем неханьских народов. Однако ни один из названных методов не принес Китаю окончательной победы над сюнну. Китаю приходилось ограничиваться короткими военными походами, которые в лучшем случае приносили лишь временный успех, а затем китайские войска отводились обратно, и восстанавливалось прежнее положение.

Камбоджа вновь обретает независимость

Ю. Я. Михеев,
кандидат юридических наук

15 апреля 1975 г. народные вооруженные силы национального освобождения овладели столицей Камбоджи Пномпенем, и вскоре вся страна была освобождена от остатков продажного, проамериканского, антинародного режима Лон Нола. Закончилась война, длившаяся 5 лет и один месяц и унесшая, по предварительным подсчетам камбоджийских патриотов, 600 тыс. жизней камбоджийцев. Каковы были причины возникновения войны и ее характер, в чем «секрет» успехов патриотических сил, какие изменения она внесла в жизнь камбоджийского общества? Такие и ряд других вопросов возникают при анализе последних событий в Камбодже.

Долгой и напряженной была борьба камбоджийцев за независимость.

В 1863 г. французские войска под командованием адмирала Ле Грандьера при помощи канонерок навязали Камбодже протекторат Франции. Много раз поднимались камбоджийцы против иноземных поработителей, но каждый раз их выступления подавлялись самым жестоким образом. Во время второй мировой войны страна была оккупирована японскими войсками. В октябре 1945 г., после поражения Японии, Камбоджу вновь захватили французские колонизаторы.

В результате самоотверженной борьбы камбоджийского народа 9 ноября 1953 г. была прекращена деятельность французской администрации и с территории Камбоджи были выведены французские войска. Этот день был объявлен национальным праздником Камбоджи — Днем независимости.

Но борьба за независимость на этом не окончилась. В 1954 г. на Женевском совещании по Индокитаю камбоджийская делегация заявила, что Камбоджа не будет участвовать в военных блоках и не разрешит создания иностранных военных баз на своей территории. 6 ноября 1957 г. был принят закон о нейтралитете, в котором говорилось, что Камбоджа будет воздерживаться от любого военного или идеологического союза с иностранными державами и не предпримет нападения на какое бы то ни было иностранное государство. Выполняя положения закона о нейтралитете, камбоджийское правительство категорически отказалось присоединиться к военному блоку СЕАТО и выступило против распространения его деятельности на территорию Камбоджи. В 1962 г. оно выступило с предложением о признании нейтралитета и территориальной целостности страны и представлении ей международных гарантий. Все социалистические страны летом 1967 г. заявили о признании и уважении нейтралитета, независимости и территориальной целостности Камбоджи в ее нынешних границах. Этому примеру последовали и некоторые западные страны.

В ноябре 1963 г. Камбоджа отказалась от всех видов американской помощи. В стране были ликвидированы американские службы, занимавшиеся распределением этой помощи, и представительства информационного агентства США. Все это нанесло сильный удар по позициям сторонников США в Камбодже. Камбоджийские руководители подвергали резкой критике американскую агрессию во Вьетнаме и поддерживали справедливую позицию правительства ДРВ и Национального фронта освобождения Южного Вьетнама.

Политика нейтралитета, добрососедства и мирного сосуществования, проводившаяся правительством Камбоджи, давала ей возможность оставаться вне сферы военных действий, происходивших по соседству с ней. Но антиимпериалистическая, антиколониальная внешняя политика камбоджийских руководителей вызывала раздражение и резкое недопольствие реакционных кругов США, которые рассматривали Камбоджу как своеобразную «брешь» в цепи американских военных баз и опорных пунктов на Индокитайском полуострове. Стремясь столкнуть Камбоджу с избранного ею пути нейтралитета, американская верхушка прибегала к шантажу и угрозам, к организации военных провокаций на камбоджийских границах, к грубому вмешательству в ее внутренние дела.

Более того, в марте 1964 г. министр обороны США Макнамара в меморандуме на имя президента Джонсона рекомендовал перенести военные операции американских войск в Южном Вьетнаме на камбоджийскую территорию. Подобные предложения руководители Пентагона вносили и в последующие годы¹.

Американо-сайгонские провокации на границах Камбоджи приняли такой размах, что в мае 1965 г. камбоджийское правительство было вынуждено порвать дипломатические отношения с США. Лишь летом 1969 г., после того как американское правительство выступило с заявлением о признании нейтралитета, независимости и территориальной целостности Камбоджи в ее нынешних границах, дипломатические отношения между США и Камбоджей были восстановлены. Но, как показали последовавшие события, заявление правительства США носило чисто декларативный характер.

В марте 1970 г. правые, проамериканские силы, воспользовавшись отъездом главы государства Н. Сианука на лечение во Францию, решили захватить власть в свои руки. 11 марта они организовали в Пномпене антивьетнамские демонстрации. Участники этих демонстраций ворвались в посольства ДРВ и РЮВ и разгромили их. В городе начались погромы. В телеграмме из Парижа в Пномпень Н. Сианук подчеркивал, что эти выступления «задуманы и организованы некоторыми личностями, желающими разрушить дружбу Камбоджи с социалистическим лагерем и бросить нашу страну в объятия империалистической буржуазной державы».

Используя антивьетнамские выступления как предлог, организаторы заговора стянули в Пномпень верные им войска якобы для «наведения порядка и безопасности». Эти войска были размещены вокруг резиденции главы государства, других государственных и правительственных учреждений. Из правительства и с других важных постов были устранены прогрессивные деятели. 18 марта Королевский совет и Национальное собрание под давлением военных и правых деятелей во главе с генералом Лои Нолом и принцем Сирик Матаком заявили об отстранении от власти главы государства Н. Сианука.

Органы информации многих стран указывали в то время на причастность к этим событиям в Пномпене Центрального разведывательного управления США.

Уже 19 марта, то есть на следующий день после государственного переворота в Камбодже, государственный департамент США объявил о признании новых властей в Пномпене. 30 марта представитель Белого дома по вопросам печати заявил, что американскому командованию в Южном Вьетнаме предоставлено право «санкционировать вторжение американских войск на территорию Камбоджи или Лаоса в случае военной необходимости». 16 апреля пномпеньские власти обратились к США с просьбой о предоставлении им военной помощи. Уже через два дня после этого в Пномпень из Южного Вьетнама начали прибывать американские самолеты с оружием и снаряжением. Одновременно участились случаи вторжений южновьетнамских частей на территорию Камбоджи для оказания помощи войскам лонноловского режима в подавлении выступлений камбоджийцев за продолжение политики нейтралитета, суверенитета и территориальной целостности страны.

В ночь с 30 апреля на 1 мая американо-сайгонские вооруженные силы, в нарушение нейтралитета Камбоджи, вторглись на ее территорию. К концу мая численность войск интервентов уже превышала 80 тыс. чел., а их карательные операции распространились на десять провинций страны. Одновременно американский флот блокировал побережье Камбоджи.

Как отмечалось в Заявлении Советского правительства от 4 мая 1970 г., «после американского вторжения в Камбоджу стала еще более ясной связь между подрывной деятельностью соответствующих служб США и государственным переворотом в Пномпене, в результате чего был отстранен законный глава государства принц Нородом Сианук»².

Решение о военном вторжении в Камбоджу в Вашингтоне пытались мотивировать тем, что оно якобы необходимо для спасения жизни американских солдат, находившихся в Южном Вьетнаме. В связи с этим в указанном Заявлении Советского правительства говорилось: «Это более чем странная логика. Агрессор, вторгнувшись сначала на территорию одной страны, заявляет, что жизни его солдат, то есть иностранных интервентов, кто-то угрожает, и это, с точки зрения агрессора, достаточный предлог для того, чтобы вторгнуться на территорию еще одной страны, соседней с первой. При этом для США уже перестают иметь какое-либо значение границы и суверенитет государств, неприкосновенность их территорий».

Таким образом, Камбоджа превратилась из «оазиса мира», каким она была до марта 1970 г., в арену ожесточенной войны. Причиной этой войны было стремление империалистических кругов США и их ставленников в Пномпене столкнуть Камбоджу с пути независимости и нейтралитета и превратить ее в американского сателлита и в базу для борьбы с национально-освободительным движением в Индокитае.

¹ «The Pentagon Papers as published by 'The New York Times'». Toronto — New York — London. July 1971, p. 287, 511, 568.

² «Правда», 5. V. 1970.

Распространение американской агрессии на Камбоджу вызвало массовые протесты во всем мире. Во многих странах прошли бурные митинги и демонстрации против вторжения американско-сайгонских войск в Камбоджу. Даже некоторые союзники США предпочли откеститься от действий Вашингтона в этой стране. Волна протестов захлестнула и США.

В результате давления общественности, в том числе и в США, американское правительство было вынуждено к 1 июля 1970 г. вывести свои войска из Камбоджи. Однако в стране еще долго оставались солдаты сайгонского марионеточного режима, а американская авиация вплоть до 15 августа 1973 г. наносила массированные бомбовые удары по мирным городам и селам Камбоджи. За это время, по сведениям газеты «Нью-Йорк таймс», американские самолеты сбросили на Камбоджу 442 735 т. бомб. Американское правительства целиком взяло на свое содержание лонноловский режим. Уже в 1970 г. оно предоставило ему помощь (в основном военную) в размере 255 млн. долл. Всего же, по американским данным, США за 5 лет предоставили лонноловскому режиму помощь на сумму 1,75 млрд. долл. По данным НЕФК, Соединенные Штаты дали лонноловскому режиму 3 млрд. долл. и израсходовали на военные действия в Камбодже 7 млрд. долл.

Американская помощь дала возможность лонноловскому режиму увеличить численность армии с 30 тыс. чел. до 200 тыс., оснастить ее современным американским оружием, снабдить огромным количеством боеприпасов.

Стремясь как-то укрепить свое положение, лонноловский режим предпринял ряд других мер. 9 октября 1970 г. этот режим провозгласил Камбоджу «Кхмерской Республикой». В марте 1972 г. глава пномпеньского режима Лон Нол распустил парламент и правительство и объявил себя президентом республики. 30 апреля 1972 г. в Пномпене проведен «референдум» для одобрения новой конституции, 4 июня проведены «выборы» президента, 3 сентября — выборы членов Национального собрания, а 17 сентября — выборы членов сената. Президентом был «избран» Лон Нол, а все места в Национальном собрании и сенате получили члены созданной им социал-республиканской партии. В апреле 1973 г. в Пномпене был создан высший политический совет во главе с Лон Нолом, а в мае — образовано «чрезвычайное правительство». В конце марта 1974 г. высший политический совет был распущен и вместо него создан Исполнительный совет во главе с Лон Нолом.

Но все эти маневры и перестановки в недрах лонноловского режима не изменили его антинародного, военно-диктаторского, фашистского характера. Он полностью зависел от воли американского правительства. Всеми делами в Пномпене руководили американские «советники» и «эксперты». Они не только занимались вооружением и обучением пномпеньской армии, руководством военными операциями, но и фактически определяли всю внешнюю и внутреннюю политику режима Лон Нола.

Газета «Нью-Йорк таймс» в номере за 27 февраля 1975 г. писала о Лон Ноле следующее: «Его проникнутое духом коррупции, неэффективное правительство находится в полной зависимости от Соединенных Штатов».

В защиту свободы и независимости Камбоджи, ее самостоятельного нейтралистского внешнеполитического курса выступили широкие слои патриотически настроенного камбоджийского населения.

23 марта 1970 г. глава государства Камбоджа Н. Снанук в своем заявлении охарактеризовал совершенный правыми деятелями под руководством Лон Нола государственный переворот как незаконный и неконституционный и объявил о роспуске находящихся в Пномпене правительства и парламента. Одновременно Н. Снанук заявил о создании Национального единого фронта Камбоджи (НЕФК) и национально-освободительной армии. Камбоджийские патриоты считают 23 марта днем образования НЕФК и Народной армии национального освобождения Камбоджи.

3—4 мая 1970 г. состоялся Национальный конгресс Камбоджи. Конгресс избрал ЦК НЕФК и Политбюро ЦК НЕФК и создал Королевское правительство национального единства Камбоджи (КПНЕК). Председателем НЕФК был избран Н. Снанук, а председателем Политбюро ЦК НЕФК — Пенн Нут, один из его ближайших соратников. Премьер-министром был назначен Пенн Нут, заместителем премьер-министра и министром обороны — один из известных прогрессивных деятелей Камбоджи Кхнеу Самфан.

В одобренной на конгрессе политической программе НЕФК провозгласил своей целью достижение широкого национального единства для борьбы против агрессивных действий американских империалистов, свержения пномпеньского диктаторского режима, для защиты независимости, мира, нейтралитета, суверенитета и территориальной целостности страны в ее нынешних границах, для создания народной свободной и демократической власти, устремленной к построению процветающей Камбоджи в соответствии с сокровенным желанием камбоджийского народа.

Созданные НЕФК Народные вооруженные силы национального освобождения Камбоджи, главнокомандующим которыми был назначен Кхнеу Самфан, вскоре стали грозной силой для пномпеньского режима. Они объединили регулярные войска, ополчение и партизан. Верховное командование ими осуществлял национальный военный комитет.

которому помогал генеральный штаб. К 1975 г. вооруженные силы патриотов освободили 90% территории страны, на которых проживало около 80% населения.

Особенно значительных успехов патриоты добились в первые месяцы 1975 г. Части Народных вооруженных сил национального освобождения вплотную подошли к Пномпеню и перерезали все сухопутные и водные пути, по которым шла американская помощь. Военные объекты лонноловских войск в Пномпене подвергались постоянному ракетному и артиллерийскому обстрелу. В плотном кольце патриотов находились лонноловские войска и в некоторых других камбоджийских городах, еще оставшихся под контролем пномпеньского режима.

Американцы попытались спасти лонноловский режим путем организации так называемого «воздушного моста», соединив аэродром Поченгтон в пригороде Пномпеня с американскими военными базами в Южном Вьетнаме и Таиланде. Через этот «воздушный мост» в Пномпень доставлялись боеприпасы, горючее, рис.

Но крах лонноловского режима был неизбежен. Его не могли уже спасти ни «воздушные мосты», ни лицемерные заявления пномпеньских властей об их стремлении к прекращению войны и национальному согласию. 1 апреля 1975 г. Пномпень покинул глава режима Лон Нол.

Понимая обреченность остатков лонноловского режима в Пномпене, американцы предприняли попытку повлиять на ход событий в Камбодже дипломатическими средствами. Руководитель группы связи США в Пекине Дж. Буш в официальной ноте на имя главы государства Камбоджа, председателя Национального единого фронта Камбоджи принца Нородома Сианука предложил ему немедленно отправиться в Пномпень, чтобы взять власть в свои руки и добиться от сил национального освобождения прекращения огня. Но и эта попытка американцев потерпела провал. Нородом Сианук в ответной ноте заявил, что он передал все правительственные функции «красным кхмерам».

11—12 апреля по рекомендации американского посла Дж. Дина из Пномпеня были вывезены оставшиеся там 82 американских гражданина. Одновременно с эвакуацией американцев были прекращены американские поставки боеприпасов, горючего и риса в Пномпень.

Комментируя выезд американского персонала из Пномпеня, вьетнамская газета «Нян зан» 14 апреля 1975 г. писала: «Вывод администрацией Форда всех дипломатов, всего военного и гражданского персонала США из Пномпеня означает признание Вашингтоном полного поражения американского империализма в его политике агрессии, вмешательства в дела Камбоджи и военного участия, продолжавшегося 5 лет». «Суть этой политики,— отмечала далее газета,— реакционный переворот, направленный против законного правительства, отправка американских войск для ведения агрессии, использование антиреволюционных сил против патриотических сил».

14 апреля патриоты овладели столичным аэродромом, а 17 апреля части освободительной армии вошли в Пномпень. Руководители остатков прежнего лонноловского режима объявили о капитуляции. Вслед за Пномпеном были освобождены и другие города Камбоджи. Так закончилась полная победой патриотических сил и сокрушительным поражением лонноловского режима, поддерживавшегося империалистическими силами США, борьба, которая длилась 5 лет и один месяц.

Со стороны патриотических сил это была национально-освободительная борьба, за свободу и независимость родины, против империалистического вмешательства, против продажного лонноловского режима, за обеспечение народу Камбоджи права самому, без вмешательства извне, решать свои дела. Со стороны США это было грубое вмешательство во внутренние дела Камбоджи и развертывание против нее открытых агрессивных действий. Лонноловский же режим был лишь покорным слугой американского империализма, лишенным всякой независимости и самостоятельности.

Все это явилось главной причиной, которая обеспечила патриотическим силам Камбоджи во главе с НЕФК и КПНЕК широкую поддержку как внутри страны, так и за ее пределами и обрекла на провал все усилия лонноловского режима и его заокеанских покровителей укрепить этот режим.

С самого начала НЕФК стал широкой массовой организацией. В него вошли массовые общественные организации, союзы рабочих, крестьян, женщин, молодежи, писателей, интеллигенции и др. Наряду с этим к НЕФК присоединились многие сторонники королевской семьи и буддийские монахи. Такой представительный характер НЕФК обеспечил ему поддержку самых различных слоев камбоджийского населения. Всех их объединило стремление восстановить суверенитет, независимость и территориальную целостность страны, создать мирную, нейтральную демократическую Камбоджу, как это зафиксировано в политической программе НЕФК.

Еще более подняли авторитет НЕФК и КПНЕК среди широких слоев населения, особенно крестьянства, прогрессивные социально-экономические преобразования, которые были за время войны проведены в освобожденных районах. Здесь были конфискованы и переданы в коллективную собственность крестьян земли, принадлежавшие предателям. Залежные земли были переданы для обработки безземельным крестьянам, вносящим небольшую арендную плату. Запрещено ростовщичество, которое ранее было

бичом для камбоджийских крестьян. Созданы производственные и потребительские кооперативы, развивались традиционные ремесла. Национализированы каучуковые плантации. Развиваются народное просвещение, культура и здравоохранение. Образованию стало бесплатным и ведется только на кхмерском языке. Власть на местах осуществляется комитетами НЕФК. В июле 1973 г. состоялся первый, а 24—25 февраля 1975 г. второй национальные конгрессы патриотических сил Камбоджи. Участники конгрессов наметили конкретные цели борьбы за национальное возрождение, подлинную независимость, мир и нейтралитет Камбоджи.

Резкую противоположность патриотическим силам являл собой пномпеньский режим. В него входили правые деятели, которых в марте 1970 г. объединила ненависть к существовавшему в то время в стране режиму. Однако после захвата власти среди пномпенского режима начался разброд. Его руководители создали в Пномпене три партии — социал-республиканскую, демократическую и республиканскую. Лидером первой стал Лон Нол, который постепенно оттеснил от власти других руководителей переворота. Его социал-республиканская партия захватила все места в Национальном собрании и сенате. Разброд в стане пномпенского режима в последние дни его существования приобрел особенно острый характер, ряд его деятелей вышел из правительства, усилилась критика Лон Нола и его ближайших сторонников.

По вине лонноловского режима за годы войны Камбоджа из цветущей страны превратилась в полуразрушенный край. В районах, которые до последнего времени контролировались лонноловским режимом, производство сельскохозяйственной продукции по сравнению с довоенным уровнем сократилось до $\frac{1}{4}$, а промышленной — до $\frac{1}{8}$. Пномпень из экспортера превратился в импортера риса. Баснословных размеров достигли цены на товары первой необходимости, небывалый размах приобрели инфляция, безработица, пыльным цветом расцвела коррупция.

Лонноловский режим не пользовался авторитетом не только в самой Камбодже, но и в других странах, в том числе и капиталистических, включая США. Недовольство американской общественности этим режимом нашло свое отражение в ряде акций конгресса — в запрещении финансирования каких-либо военных операций США в Камбодже после 15 августа 1973 г., в сокращении военной помощи этому режиму в 1974/75 финансовом году, отказе предоставить ему в 1975 г. дополнительную помощь. При этом многие деятели в США прекрасно отдавали себе отчет в том, что никакая помощь не сможет спасти от гибели лонноловский режим.

На протяжении пятилетней борьбы НЕФК и КПНЕК пользовались не только вооруженными, но и другими формами борьбы, в том числе политическими и дипломатическими, что дало определенные позитивные результаты. Еще до освобождения Пномпеня с КПНЕК установили или продолжали поддерживать дипломатические отношения 62 страны.

В первые же дни после государственного переворота в Пномпене на помощь камбоджийским патриотам пришли их братья по борьбе с американской агрессией в Индокитае — народы Вьетнама и Лаоса. 24—25 апреля 1970 г. состоялась конференция народов Индокитая, в которой приняли участие делегация Камбоджи во главе с главой государства Камбоджа Н. Спануком, делегация Лаоса во главе с председателем ЦК ПФЛ Суфанувонгом, делегация Республики Южный Вьетнам во главе с председателем президиума ЦК НФОЮВ Нгуен Хью Тхо и делегация ДРВ во главе с премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом.

Участники конференции призвали народы трех стран Индокитая укреплять солидарность и вести борьбу против американских империалистов и их приспешников в защиту своих национальных прав, с тем чтобы Индокитай действительно стал районом независимости и мира в соответствии с чаяниями народов трех стран и интересами мира в Юго-Восточной Азии и во всем мире. Отметив, что освобождение и защита каждой страны является делом народа этой страны, принимавшие участие в конференции стороны обязались оказывать друг другу всемерную поддержку в соответствии с просьбами каждой страны и на основе взаимного уважения. Особое внимание конференция уделила положению в Камбодже, решительно поддерживая мужественную борьбу кхмерского народа против американских империалистов и их приспешников. Решения конференции стали прочной основой для боевого сотрудничества народов индокитайских стран в борьбе за свободу и независимость.

В борьбе против иностранного вмешательства и лонноловского режима камбоджийские патриоты опирались на поддержку и солидарность трех основных движущих сил нашей эпохи — стран социализма, коммунистического и рабочего движения, сил национального освобождения.

Советский Союз, верный принципам пролетарского интернационализма и поддержки народов, подвергавшихся нападению со стороны империализма, всегда стоял на стороне патриотических сил Камбоджи. В Советском Союзе рассматривали справедливую борьбу камбоджийских патриотов как важную составную часть общей борьбы народов Индокитая против империалистического вмешательства в их внутренние дела, за право самим решать свою судьбу.

20 апреля 1970 г. в «Правде» была опубликована статья политического обозревателя Ю. Жукова «Запленных дел мастера», в которой разоблачались действия американцев и лонноловского режима по подавлению национально-патриотических выступлений населения Камбоджи. 25 апреля было опубликовано Заявление ТАСС, в котором решительно осуждались преступные действия пномпенских военных властей против лиц вьетнамской национальности, проживающих на территории страны. В Заявлении ТАСС от 1 мая ввод в Камбоджу американских войск квалифицировался как агрессивный акт, направленный на распространение Вашингтоном военных действий на весь Индокитайский полуостров, как попытка столкнуть Камбоджу с пути мира и нейтралитета. Действия США, отмечалось в Заявлении, ведут к дальнейшему осложнению обстановки в Индокитае и всей Юго-Восточной Азии и вызывают законную тревогу.

4 мая 1970 г. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин огласил на пресс-конференции Заявление Советского правительства, в котором резко осуждалось вступление американских войск на территорию Камбоджи. «Нет сомнения в том, — говорилось в Заявлении, — что расширение американской агрессии в Юго-Восточной Азии встретит еще более решительный и эффективный отпор со стороны народов, подвергшихся империалистическому нападению, со стороны всех, кому дороги интересы мира и свободы народов».

10 мая 1970 г., после того как стало известно об итогах работы конференции народов Индокитае и Национального конгресса Камбоджи, А. Н. Косыгин направил Н. Снануку телеграмму, в которой говорилось: «В Советском Союзе приветствуют образование Национального единого фронта народов Индокитае, а также меры, принятые для организации борьбы патриотических сил Камбоджи против американской агрессии. Советский Союз глубоко возмущен агрессивной США в Камбодже, являющейся циничным попранием Женевских соглашений. Борьба, которую Вы ведете вместе с патриотическими силами страны против агрессора, за свободу, независимость, нейтралитет Камбоджи, будет находить и впредь сочувствие и поддержку в Советском Союзе».

Решительному осуждению распространение военных действий США на Камбоджу подверглось в Заявлении Верховного Совета СССР от 15 июля 1970 г.

Политика полной поддержки патриотов Камбоджи была закреплена в решениях XXIV съезда КПСС. В Обращении «Свободу и мир народам Индокитае!», принятом съездом 8 апреля 1971 г., в частности, говорилось: «Наши симпатии и наша поддержка на стороне патриотических сил Лаоса и Камбоджи, которые ведут решительную борьбу против империалистической интервенции США, отстаивая свое правое дело». В Обращении подчеркивалось, что конструктивной основой для решения камбоджийской проблемы являются предложения Национального единого фронта Камбоджи, и заявлялось, что Советский Союз выступал и впредь будет выступать на стороне освободительного движения в Камбодже.

В Советском Союзе рассматривают Национальный единый фронт Камбоджи и Королевское правительство как подлинных руководителей камбоджийского народа, возглавляющих его борьбу за свободу и независимость своей родины. На XXVIII и XXIX сессиях Генеральной Ассамблеи ООН делегация СССР вместе с делегациями других стран голосовала за признание Королевского правительства национального единства единственным законным представителем Камбоджи.

И после 1970 г. в Москве оставалось и продолжало действовать королевское посольство Камбоджи. В государственных и общественных организациях СССР принимались представители НЕФК и КПНЕК. В поддержку справедливого дела камбоджийских патриотов активно выступали советские общественные организации, печать, радио, телевидение. В Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и других городах СССР регулярно проводились недели солидарности с борьбой камбоджийских патриотов.

Понятно поэтому, что в Советском Союзе с чувством глубокого удовлетворения и радости была встречена окончательная победа камбоджийских патриотов.

18 апреля 1975 г. — на следующий день после освобождения Пномпеня — товарищи Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин направили руководителям камбоджийских патриотов Н. Снануку, Пени Нуту и Кхнеу Самфану приветствие, в котором говорилось: «Верный принципам интернационализма и солидарности с народами, борющимися за свое национальное освобождение, Советский Союз всегда поддерживал камбоджийских патриотов, Национальный единый фронт и Королевское правительство национального единства Камбоджи. Советский Союз будет и впредь развивать традиционные отношения дружбы и плодотворного сотрудничества между нашими странами, оказывать камбоджийскому народу поддержку в его усилиях, направленных на строительство мирной, независимой, нейтральной, демократической и процветающей Камбоджи».

Позиция Советского Союза по камбоджийскому вопросу неизменно находит высокую оценку со стороны НЕФК и КПНЕК.

Так, глава государства Камбоджа, председатель НЕФК Народом Снанук и председатель политбюро ЦК НЕФК, председатель Королевского правительства национального единства Камбоджи Пени Нут в телеграмме по случаю 57-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции писали: «В эту памятную дату исто-

рин человечества, отмеченную замечательными и благородными идеалами славной Октябрьской революции и учением великого Ленина, позвольте нам вновь выразить нашу глубокую благодарность правительству и советскому народу за их поддержку, оказываемую нашему народу в его справедливой борьбе за освобождение своей родины».

На стороне патриотов Камбоджи неизменно выступали также и другие страны социалистического содружества. Суровым осуждением агрессии США против Камбоджи прозвучало Заявление глав правительств восьми социалистических стран от 14 мая 1970 г. В Заявлении поддерживалась как конструктивная и разумная основа урегулирования камбоджийской проблемы программа борьбы против американской агрессии и защиты нейтралитета и независимости Камбоджи, выработанная НЕФК. О поддержке патриотических сил Камбоджи говорилось также в принятом 26 января 1972 г. в Праге на заседании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора «Заявлении в связи с продолжением агрессии США».

Неоднократно в поддержку справедливой борьбы камбоджийского народа выступали представители коммунистических партий. Такое выступление содержалось, в частности, в Обращении к народам западноевропейских стран, принятом 15 мая 1970 г. на Совещании представителей коммунистических партий капиталистических стран Европы в Париже.

В поддержку НЕФК и КПНЕК выступили также участники движения неприсоединения. Состоявшаяся в сентябре 1973 г. в Алжире IV конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран заявила, что единственным законным правительством Камбоджи является КПНЕК, и призвала все страны признать его.

На стороне камбоджийских патриотов выступали широкие круги международной общественности. Ярким свидетельством поддержки международной общественностью справедливого дела патриотов Камбоджи явилась состоявшаяся 8—9 декабря 1973 г. в Париже международная конференция солидарности с камбоджийским народом, в которой приняли участие 300 делегатов от 53 стран и представители международных и национальных общественных организаций.

На всю планету прозвучали документы Всемирного конгресса миролюбивых сил, состоявшегося в Москве 25—31 октября 1973 г. Участники конгресса, в работе которого приняла участие и делегация НЕФК и КПНЕК, осудили деятельность США и их пномпеньских прислужников в Камбодже и высказались в поддержку позиции камбоджийских патриотов.

В настоящее время перед камбоджийским народом стоят трудные задачи: залечить раны войны, восстановить приведенное в упадок пномпеньским режимом народное хозяйство, укрепить народную власть, продолжить начатые прогрессивные социально-экономические преобразования.

Состоявшийся 25—27 апреля 1975 г. под председательством Кхнеу Самфана Чрезвычайный национальный конгресс поставил задачу построения в Камбодже национального сообщества согласия, где будут царить равенство и демократия, будут отсутствовать эксплуататоры и эксплуатируемые, богатые и бедные, где все будут трудиться, участвовать в производственном процессе, строить и защищать родину. Что касается внешней политики, то конгресс высказался за то, чтобы Камбоджа твердо придерживалась политики независимости, мира, нейтралитета и неучастия в союзах, не позволяла ни одному иностранному государству создавать на ее территории военные базы, принимала решительные меры против любого иностранного вмешательства и любой иностранной подрывной деятельности.

Успешная борьба камбоджийских патриотов и их окончательная победа вновь продемонстрировали, что в наши дни никакая сила не может сломить народ, поднявшийся на борьбу за свою свободу и независимость и пользующийся поддержкой стран социалистического содружества и всех прогрессивных сил мира.

Век, когда империалистические державы могли диктовать свою волю малым народам, канул в прошлое. Соотношение сил на международной арене все больше меняется в пользу мира, прогресса и социализма. И этот процесс — необратим.

«Ла нувель Шин», Мишель Луа и китайская литература

В. Ф. Сорокин

Сфера культуры, в особенности литература и искусство, до сих пор не была в большой чести у не слишком многочисленных, хотя порой и весьма шумных адвокатов маоистской «культурной революции» из среды западноевропейских китаеведов. Они предпочитали более выигрышные, с их точки зрения, темы — например, порассуждать о якобы осуществляемой в Китае «линии масс», о так называемой «борьбе с бюрократией», на худой конец — об анестезии с помощью иглоукалывания... И в самом деле: что можно было рассказать о литературе и искусстве КНР конца 60-х годов? Разве только то, что не печаталось ни стихов, ни прозы, за исключением славословий «великому кормчему» и анафем его противникам, что под запретом оказалась вся отечественная классика и зарубежная культура, что писателей и художников травят, подвергают бесконечному «перевоспитанию». Но подобные рассказы если и могли кому-либо прийтись по вкусу на Западе, то лишь левакам-юнцам, да отдельным «интеллектуалам», тем, кто свое неприятное буржуазной культуре распространяет на современную культуру вообще. Однако по мере того, как сквозь дымовую завесу «революционных» фраз все четче проступала подлинная суть политики маоистского руководства, стала сокращаться и эта аудитория.

Но когда, начиная с 1972 г., в Китае в известной мере ожил книжный рынок, в театрах стали играть не одни лишь «образцовые пьесы», когда в печати вновь начали упоминать имена некоторых известных в прошлом творческих работников, кое-кто на Западе решил, что пришла пора «реабилитировать» маоистскую политику в сфере культуры. Об одной попытке такого рода мы и хотим рассказать. Речь идет о статье Мишель Луа «Писатели вчера и сегодня», опубликованной в нынешнем году парижским журналом «Ла нувель Шин» («Новый Китай») ¹. О нем следует сказать несколько слов.

Журнал издается «Центром исследований современного Китая» университета Париж — Венсен и выходит раз в 3 месяца. Правда, задуман он был как двухмесячник, но практически этот срок выдерживать не удавалось, а с весны 1974 г., после 16-го номера, наступила долгая пауза. Казалось, журнал разделил участь некоторых своих эфемерных собратьев, эксплуатировавших интерес западной общественности к Китаю в определенных политических целях. Но в марте 1975 г. все же появился помеченный февралем 17-й номер «Ла нувель Шин».

Объясняя причину перерыва в издании, редакция говорит о «долгом кризисе» в ее рядах: одни из сотрудников уехали в КНР, другие отошли от активной работы «по личным причинам» и т. п. Но это явно не вся правда. Очевидно, откровенно апологетическая по отношению ко всему, что творится в нынешнем Китае, позиция журнала стала создавать для него все большие трудности. Косвенным подтверждением этого является обещание редакции впредь не только писать об «успехах на всех фронтах» в КНР, но и «объективно рассматривать противоречия» китайской действительности и даже «признавать неизбежность ошибок». Впрочем, если судить по первому после перерыва номеру, это не более как обещание.

Хотя в журнале печатаются материалы не только французских поклонников Пекина, но и их итальянских и иных единомышленников, большинство его постоянных авторов так или иначе связано с упомянутым «Центром исследований современного Китая». Не представляет исключения и Мишель Луа: она преподает в этом университете новую китайскую литературу. Ее перу принадлежит книга о китайских поэтах «западниках» 20—40-х годов нынешнего столетия, а также ряд статей и переводов. О политической окраске этих публикаций можно судить по тому, что несколько лет назад она была удостоена приглашения посетить Китай, сделанного от имени Го Мо-жо. Новую поездку в

¹ «La nouvelle Chine», 1975, № 17.

Пекин она совершила в дни празднования 25-летия КНР. В результате и появилась привлекающая наше внимание статья.

«Я вернулась из Китая и меня спросили:— Встречались ли вы с писателями?— Да. — С какими? И тут начинается разочарование», — читаем мы в начале этого произведения. «Разочарование» своих собеседников М. Луа объясняет тем, что, «если не считать двух-трех очень старых господ и одной очень старой дамы», она встречала в Китае лишь «молодых, почти молодых или счень молодых» авторов. А французские специалисты, которые-де «в течение пятидесяти или шестидесяти лет привыкли называть одни и те же имена», этих молодых писателей не знают. Не будем гадать, насколько справедливо это заявление по адресу французских специалистов и какова доля истины в утверждении, что один из них в принципе отказывается «делать новые знакомства в этой области», а другие «упрямо считают, что в КНР нет новых значительных писателей после того, как вчерашние «мэтры» исчезли». Вернемся к существу дела.

Своим «разочарованным» собеседникам М. Луа объясняет «вчерашние» писатели не исчезли. Правда, они больше не пишут. Но утверждать, будто для писателя не писать «все равно что не жить или потерять всякую ценность», — это «нечестный прием». Ведь они не пишут просто потому, что очень стары. Если бы Лу Синь дожил до наших дней, ему было бы 93 года; разве мы удивились бы, что он больше не пишет? За столь неопровержимым аргументом следует другой: 3 года назад автор встречалась с Го Мо-жо, «автором бесчисленных романов, поэм и театральных пьес» (заметим в скобках, что лишь одно произведение Го Мо-жо можно отнести к романам, и то с известной натяжкой). Так вот, тогда он был «счастливым и бодр», занимался изучением археологических находок, демонстрировал выпущенную им незадолго перед тем книгу о Ли Бо и Ду Фу², рассказывал о периоде «4 мая» 1919 г. и «о своих былых соратниках». (Жаль, что автор не захотела поделиться с читателями тем, что ей сообщил Го Мо-жо о своих «былых соратниках», — может быть, мы узнали бы о судьбе ставшего одной из жертв «культурной революции» — виднейшем драматурге-коммунисте Тянь Хане, с которым он вместе основывал общество «Творчество» в 1921 г.) В этот же приезд «родственники и врачи» не подпустили М. Луа даже близко к «почтенному Го», которому шел 83-й год. Что уж тут говорить о новых книгах...

На правительственном юбилейном приеме М. Луа видела — судя по всему, тоже издала — и нескольких других писателей старшего поколения: Мао Дуня, давно отошедшего от литературы, критика Чэн Фан-у. Из нескольких более молодых литераторов она упоминает драматурга Цао Юя, который якобы «по-прежнему руководит пекинской театральной труппой». (Какой? В китайских материалах не встречалось никаких сведений об этом, так что сообщение М. Луа было бы интересным — конечно, если оно достоверно.) Не слишком длинный список завершает поэт Юань Шуй-по. Чем он занимается сейчас, не говорится. Во всяком случае, ни одной строчки, подписанной его именем, равно как и перечисленными выше именами, за последнее десятилетие в китайских изданиях не появлялось.

Впрочем, с одной писательницей (Се Бин-синь) автору удалось поговорить. Это и есть та «очень старая дама», о которой упоминалось в начале статьи, и которую посылают вести душеспасительные беседы чуть ли не со всеми представителями зарубежной науки и культуры, посещающими Китай. Делается, это, как мы убедимся, неспроста. Но прежде остановимся на личности Се Бин-синь.

Она родилась в 1902 г. в семье офицера, училась в Китае и Америке, впоследствии долго, до 1951 г., жила с мужем в Японии. Типичная представительница обеспеченной буржуазной интеллигенции, она никогда не была близка к прогрессивному литературному движению. М. Луа представляет ее как «поэтессу и эссеистку». Се Бин-синь действительно писала стихи и эссе, но известность в 20-е годы она приобрела главным образом благодаря своим рассказам на новые тогда темы — о раскрепощении женщины, о проблеме «отцов и детей», о неразделенной любви. Затем надолго замолчала. После образования КНР опубликовала несколько произведений, не вызвавших читательского интереса. Зато ее стали все чаще использовать для международных контактов, а попросту говоря — для «обхаживания» иностранных визитеров и соответствующего воздействия на них.

В этом амбула она подвизается и сейчас, после перерыва в несколько лет, вызванного «культурной революцией». Маоисты говорят о ней как о «типичном представителе старшего поколения интеллигенции, перевоспитавшемся под солнцем идей Мао Цзэ-дуна». Посмотрим же, как она с этой ролью справляется.

В годы народной республики, повествует Се Бин-синь, многие писатели хотели коренным образом изменить свое отношение к литературному творчеству. Лично ей очень помогло в этом, конечно же, чтение яньаньских выступлений Мао Цзэ-дуна по вопросам литературы и искусства. «Там поставлен вопрос, над которым я никогда не задумывалась: для кого писать?» Она хотела служить народу, но оказывается, что до «культурной революции» этого по-настоящему сделать было нельзя. Почему же? «Нас вывозили

² Об этом см.: «Го Мо-жо: «Возрождение» из пепла». — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2.

на короткую экскурсию в деревню, мы бегло осматривались, встречались с образованными работниками и быстро возвращались в свои кабинеты, чтобы писать». Что ж, в случае с Се Бин-синь дело, возможно, обстояло именно так. Но мы помним и другое: такие видные китайские писатели, как Чжао Шу-ли и Чжоу Ли-бо, годами жили и работали в деревне, другие — Цао Мин, Ай У, если называть лишь самые известные имена, долгое время проводили на заводах, среди рабочих и инженеров. (Мы уже не говорим о том, что неправоммерно определять — служит писатель народу или нет — по тому, сколько времени он проводит в деревне: критерием здесь является лишь степень идейно-художественной зрелости его произведений, их соответствие подлинным интересам народа.) Однако эти общезвестные факты не мешают Се Бин-синь высказаться, а М. Луа принять заранее заданный тезис: «Действительно, сблизиться с массами, жить их жизнью стало возможно после культурной революции». И к тому же сделать вид, будто названных писателей, равно как и многих других, определявших лицо китайской литературы в 50-х — начале 60-х годов, вообще не существовало.

Как выглядит «культурная революция» в описании Се Бин-синь? «Молодые люди» приходили к писателям и говорили: «Так не пойдет». Они «проводили дискуссии, вот и все». И все? Значит, не было митингов борьбы, где людей ставили на колени, оплевывали, шельмовали? Никого не водили по улицам в дурацких колпаках, не выстраивали в качестве «живых мишеней» с бирками «преступник» на шее? Не уничтожали личные библиотеки, не отбирали предметы искусства, не топтали пластинки? Как бы забыв обо всем этом, Се Бин-синь, согласно изложению М. Луа, с деланной наивностью восклицает: «Что же плохого в критике? От нее не умирают!» Слова эти звучат циничной издевкой над теми, кто, подобно писателю Лао Шэ, этой самой «критикой» был доведен до самоубийства.

Побывала Се Бин-синь и в одной из пресловутых «школ 7 мая», где ей пришлось — в возрасте 68 лет — собирать хлопок. Разумеется, она представляет это как добровольный акт и даже сетует, что ей не разрешили пожить в крестьянской семье.

Читатель вправе спросить: какова же творческая отдача после всех этих «критик» и «перевоспитаний»? Се Бин-синь написала поэму, в которой уверяет, что «культурная революция» ее омолодила. Но другой популярный в 20-е годы писатель, Сюй Цинь-вэнь, прямо заявил автору статьи во французском журнале: «Старики, вроде меня, писать не могут...» Почему бы тогда не оставить старых людей в покое? И не является ли подлинной целью так называемого «перевоспитания» интеллигенции ее устрашение? Дочитав изложение беседы с Се Бин-синь, испытываешь неловкость и за бывшую писательницу, вынужденную твердить заведомую неправду, и за автора статьи, всерьез ее повторяющую.

Известно, однако, что большинство членов упраздненного в 1966 г. Союза китайских писателей составляли люди, которым ко времени «культурной революции» было не свыше 40—50 лет. Что произошло с ними? М. Луа говорит, что виделась примерно двадцатью из них, но называет одну лишь писательницу из Шанхая Хань Цзы. Ее первые романы были, по ее словам, раскритикованы Чжоу Яном и Дин Лин. Вняв их советам, Хань Цзы «повернулась спиной к действительности» и встала на «ложный путь». Теперь, поработав 4 года на стройке, она стала все понимать правильно и уже посылает свои новые рассказы в журнал «Чжао ся». А что с первыми романами? Ведь если их ругали «главари черной линии» и хвалил Ли Си-фань, нынешний руководитель отдела литературы и искусства газеты «Жэньминь жибао», стало быть, они сейчас достойны опубликования? Об этом ничего не говорится.

Остальных писателей среднего поколения М. Луа скопом изображает жертвами той «черной линии», которая, согласно нынешней официальной версии, господствовала в литературе и искусстве КНР в течение 17 лет, до «культурной революции». Не утруждая себя ни примерами, ни доказательствами, автор статьи пускает в ход стандартный набор обвинений, которые маоисты предъявляют писателям 50—60-х годов, отставившим социалистические принципы развития культуры. В числе этих обвинений и «внеклассовый гуманизм» (как известно, маоисты отвергают понятие «социалистический гуманизм»), и призыв «писать правду», истолковываемый сторонниками «культурной революции» как «очернительский», и не менее «крамольный» тезис об «углублении реализма».

Нас вновь пытаются уверить, будто Чжоу Ян и «его команда», олицетворяющие ныне так называемую «черную линию», принуждали писателей «поворачиваться спиной к народу» и подменяли «первоначальный лозунг социалистического реализма» буржуазным критическим реализмом. А ведь не кто иной, как Мао Цзэ-дун, в 1956 г. провозгласил курс «сто цветов», предусматривавший сосуществование различных творческих методов, а 2 года спустя вообще отказался от социалистического реализма.

Начало 60-х годов М. Луа вслед за нынешней маоистской версией характеризует как время разгула «ревизионизма». Но из документов того времени, в особенности из «10 тезисов по литературе и искусству» 1961 г.³, отчетливо видно, что руководители культурного фронта, которых впоследствии маоисты называли «ревизионистами», добивались того, чтобы литература и искусство своими специфическими средствами служили

³ «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 1.

делу социалистического строительства в КНР, подлинным интересам китайского народа, а не сомнительным экспериментам, вроде «большого скачка».

Представляя в ложном свете китайскую литературу прошлых лет, М. Луа, возможно, учитывает ее недоступность для большинства читателей, поскольку она почти не переводилась на французский язык. Но все, кто имел возможность соприкоснуться с литературой КНР в подлиннике или в переводах на другие языки, знают, что произведения 50—60-х годов меньше всего заслуживают упрека в «очернительстве» или в следовании принципам «буржуазного критического реализма». Не менее беспочвен и упрек в «отрыве от народа»: темы и героев для своих произведений писатели находили в современной действительности, их вдохновляли жизнь и труд народных масс Китая.

Наверное, об этом знает и М. Луа, но умалчивает — ведь ее задача оправдать «культурную революцию», доказать ее необходимость. Вот почему она не может назвать подлинные причины травли крупнейших китайских писателей, не может признать, что Чжао Шу-ли пострадал за правдивые слова о бедственном положении крестьян после провала «большого скачка», Тянь Хань — за противодействие губительной для театра маоистской «реформе», Оуян Шань — за то, что в романах о революции 1925—1927 гг. не поставил в центр образ Мао Цзэ-дуна, а все вместе — за то, что не соглашались считать являвшие выступления Мао «вершиной марксистской эстетики».

Но вот автор статьи переходит к действующим ныне писателям и называет 3 имени и 5 произведений. С одним из этой троицы журнал «Проблемы Дальнего Востока» уже знакомил читателей⁴ — это прозаик Хао Жань, отличающийся удивительной плодотворностью. В мае 1974 г. вышла вторая часть его тетралогии «Сверкающий путь». Однако М. Луа говорит, что в октябре того же года видела его «последний роман» под названием «Весенняя песня». Странно, однако, что в китайской печати об этой книге ничего не говорится. Несколькими строками ниже М. Луа сообщает, будто Хао Жань в 1971 г., после того как ряд лет прожил вместе со своими будущими героями, издал трехтомный роман «Солнечные дни». А ведь на самом деле роман вышел еще до «культурной революции» (когда, по уверению М. Луа, писателям не разрешали жить одной жизнью с массами), а в 1972 г. (не в 1971 г.) лишь переиздан. Чем объяснить эту ошибку — неосведомленностью автора, не заглянувшего в выходные данные книги, или стремлением подогнать факты под заданную схему? Вообще следует заметить, что для статьи, опубликованной в органе «научного центра» и принадлежащей перу профессора китайской литературы, в ней многократно фактически неточностей и ошибок.

Кратко упомянув о «самом продуктивном поэте нынешнего Китая» Чжан Юн-мэе и пересказав биографию другого поэта, Ли Сюэ-ао (как и Хао Жань, они выступают в печати с 50-х годов), М. Луа бегло рассказывает о литературно-художественной самодеятельности в «рабочем университете» и на селе, так и не разобрав ни одного нового произведения, не попытавшись показать, в чем же конкретно они «превосходят» те, что были созданы десятилетием раньше. Вопреки намерениям автора, статья наводит на мысль — вполне справедливую — о бедности и бледности культурной жизни в современном Китае.

Итак, М. Луа преследовала три главные цели: объявить «культурную революцию», представить ее как безобидную «дискуссию»; опорочить «предшествовавшую» ей литературную продукцию и тем самым оправдать ее уничтожение маоистами; показать, будто нынешний Китай «дает свой шанс и свое место писателю любого происхождения, любого происхождения и образования». Во всем этом она явно не преуспела, да и не могла преуспеть. Перед нами образец слишком явной и слишком неуклюжей апологетики, не способной убедить сколько-нибудь осведомленного и думающего читателя.

И в заключение: редакция журнала «Ла нувель Шин» именует себя и своих авторов «друзьями Китая» и даже пытается монополизировать право называться этим именем. Думается, однако, что восхваление и оправдание всего, что творит нынешняя пекинская верхушка, — далеко не лучший путь проявления дружбы к китайскому народу.

⁴ «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2.

Дуньхуанские рукописи*

*Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР*

Чжэн Чжэнь-до, как истолкователь древнего текста, стремился приблизить к себе далекий мир, далекую эпоху, пытался взглянуть через толщу столетий в лицо древнего автора жанра бяньвэнь, увериться в правомерности постигнутого смысла и значения написанного, а затем в достоверности своего открытия убедить других. И все достигнутое ученым: наблюдения, оценки, его заключения — продолжает сохранять свой смысл и научную обоснованность и по сей день.

Дальнейшее изучение бяньвэнь, по существу, проходило в русле главных выводов и основных положений, которые были выдвинуты Чжэн Чжэнь-до в его исследованиях. Это относится, пожалуй, в одинаковой мере и к многочисленным работам китайских авторов¹, и к некоторым публикациям синологов других стран (Демьевиль, Соймье, Прушек, Хрдличкова и др.). Ничего принципиально нового в исследование проблемы бяньвэнь эти работы не привнесли. Правда, вряд ли можно серьезно говорить о том, что все вопросы жанра бяньвэнь, его истории и роли в китайском литературном процессе уже получили исчерпывающее разрешение. Напротив, своего освещения ждут многие аспекты дуньхуанских рукописей и жанра бяньвэнь. Так, например, в книге Сунь Кай-ди «Суцзян, устные рассказы и сяшо на байхуа» (1956) содержатся, несомненно, ценные сведения, указывающие на взаимосвязь произведений, написанных в жанре бяньвэнь, с буддийским каноном, излагавшимся проповедниками на разговорном языке, а также с простонародными повествованиями — суцзян, однако данной работе недостает углубленного анализа этого важного явления в исто-

рии развития китайского словесного искусства.

Относительно большей конкретностью, из наш взгляд, отличаются исследования Лю Да-цзе — «Танские бяньвэнь» и «Дуньхуанские цюйцы», вошедшие в книгу «История развития китайской литературы»². Подчеркивая важность открытия дуньхуанских рукописей для изучения китайской древней культуры, Лю Да-цзе отмечает, что бяньвэнь представляет собой новый жанр, возникший на чередовании прозаической и поэтической форм повествования. Именно бяньвэнь, как новый жанр, не встречается в ортодоксальной литературе до Танской эпохи. Сверх того, непосредственно от жанра бяньвэнь возникли такие жанры народной литературы, как танцы и баоцзюнь. Известно также, что бяньвэнь оказали существенное влияние на сяшо и драму эпох Сун и Юань. В указанных работах автор стремится постигнуть огромную живую стихию бяньвэнь, которая находилась в постоянном движении и обновлении, влияя на создание новых жанров словесного искусства, в творческие процессы времени.

Выделяются работы японских исследователей бяньвэнь — Кавагути Хисао, Ирия Еситака, Наба Тосисюдза, Канаока Сёко. Так, Кавагути в «Исследованиях хэйанской литературы» по-новому поставил вопрос о взаимосвязях китайской (бяньвэнь) и японской литератур; Ирия подверг исследованию лексику бяньвэнь, создав весьма полезный указатель; Наба ввел в науку ряд текстов танского периода, касающихся бяньвэнь; Канаока заново и оригинально рассмотрел вопросы, связанные с бяньвэнь в частности и «дуньхуанской литературой» вообще.

Композиционно произведения бяньвэнь строились, в основном, по принципу уравновешенного чередования прозаических и стихотворных текстов. Примечательно, с нашей точки зрения, именно то, что в новом жанре бяньвэнь прозаическое и стихотворное начала отнюдь не нарушали повествования, не осложняли и не тормозили, а способствовали развитию сюжета. Обе части текста — прозаическая и поэтическая — дополняли друг друга, гармонично сочетаясь в произведениях бяньвэнь. Единство двух начал, между которыми искони проходил водораздел, как оказалось, способно было помогать авторам и исполнителям дорисовывать, дополнять образы, делать их художественно более насыщенными и весомыми. Мастерский рассказ бяньвэнь создавал впечатление некой объемной и многокрасочной фрески. Так, в «Жизнеописании Дао-хуэя» читаем: «Сутры читать любил параспев, де-

* Окончание. Начало см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 2.

¹ См.: Гуань Дэ-дун. Собрание статей о песенно-повествовательном искусстве. Шанхай, 1958; Цзэн И-гун. Каталог статей о дуньхуанских бяньвэнь. — В сб.: «Собрание дуньхуанских бяньвэнь». Пекин, 1957.

² Лю Да-цзе. История развития китайской литературы. Т. 2. Шанхай, 1958. с. 32—45, 167—170.

Мамания его звучала согласно и необыкновенно, и создавал он не существовавшие ранее нормы. Деление текста на части и фразеологические построения были у него архаичны и ясны»³. В «Юэфу цзалу» сохранилась следующая запись: «В период Чанцинь монах — рассказчик простонародных историй Вэнь-шу мастерски читал сутры. Песвучный его голос глубоко трогал простых сельчан»⁴. Примечательно и то, что буддийские монахи выступали в роли исполнителей простонародных рассказов в средний и поздний периоды династии Тан, что в свою очередь свидетельствует о широкой популярности жанра бяньвэнь в то время. Иными словами, произведения бяньвэнь, если говорить о временных границах жанра, продолжали пользоваться успехом, видимо вплоть до начала XI в., то есть до той поры, когда была закрыта пещера с рукописями.

Нельзя не учитывать того, что основатели и проповедники буддизма, быть может, более чем проповедники какого-либо другого религиозного учения, заботились о доходчивости и доступности их сутр для различных аудиторий и общественных слоев обращаемых. Это находило свое выражение в наглядной форме выражения буддийских догматов — на простых и ясных примерах, понятных всем иллюстрациях. К этому следует добавить и то, что буддизм обладал необычной способностью приспособляться к ситуации в самых различных общественных и исторических условиях.

Следует также отметить, что в немалой степени успеху исполнения бяньвэнь способствовало музыкальное сопровождение, которое не просто привлекало слушателей, но и облегчало восприятие содержания проповеди — буддийской и небуддийской. В известной мере музыкальное оформление украшало и погрешности стихотворного текста буддийских сутр, перевод которых отнюдь не отличался совершенством, так как осуществлялся не всегда первоклассными поэтами или стилистами. Традиции словесного и музыкального сопровождения, как нам известно, восходят к древнейшему песенно-поэтическому народному творчеству в Китае, начиная с «Шицзин» и «Юэфу».

Лю Да-цзе, не преувеличивая и не преуменьшая художественной ценности произведений бяньвэнь, справедливо указывает на достаточно важное место, которое принадлежит этому жанру в истории развития китайской литературы. Характерно при этом его замечание о том, что у «бяньвэнь — свой источник происхождения и свой реальный успех. Его источник — буддийские сутры, а его успех — проповеди». Автор поясняет, что в период своего зарождения

произведения этого жанра не имели какого-либо литературного значения, а представляли собой некий атрибут религии, материал для распространения буддизма. Впоследствии произведения, написанные в жанре бяньвэнь, приобрели широкую популярность в народе, и это дало возможность писателям постепенно изменять их религиозное содержание, заменяя его повествованиями исторического характера. Авторы бяньвэнь не только не обходили ортодоксальных сюжетов буддизма, но и проявляли живейший интерес к различным житейным мудрешам, которые часто трактовались не как святые, а, скорее, как исторически достоверные, добродетельные люди, заботящиеся о справедливости, нравственности сыновнем долге и т. п. Вследствие этого бяньвэнь превратились в новую форму простой народной литературы. И при всей доминанте буддийского канона в произведениях бяньвэнь явно обнаруживаются те элементы, в которых в фантастической религиозной оболочке проявились действительные этические, нравоучительные и эстетические идеи и устремления китайского народа в пору средневековья. Существенно и то, что в известной мере религии разных народов отображают разновидности фольклора, хотя, разумеется, речь может пойти лишь о фольклорных элементах или выражениях.

Следовательно, рождение нового жанра бяньвэнь, несомненно, было вызвано к жизни самим опытом, творческими исканиями и тех, кто создавал бяньвэнь, и тех, кому приходилось их рассказывать: литературные источники указывают на то, что автор и исполнитель нередко выступали в одном лице. Успех жанра бяньвэнь объясняется также тем, что чередование прозаического и стихотворного текстов делало повествование многограннее, придавало рассказу большую эстетическую привлекательность, что, собственно, отвечало задаче проповеди — ее доходчивости, доступности для обращаемых. Важно, с нашей точки зрения, установить, что бяньвэнь выходит за рамки первоначальной фактографической фабулы, исторического предания или события. Сюжеты произведений бяньвэнь стали приобретать живой и доступный для восприятия на слух характер, начали увлекать обращаемых. Все это обуславливало особый интерес слушающих, повышенное их внимание, с которым они следили за развитием повествования, смеялись и грустили, гневались и восхищались поведением героев, противоборством добра и зла.

Существенно, на наш взгляд, наблюдение Лю Да-цзе о том, что среди буддийских сутр можно встретить множество произведений, имеющих литературную ценность. Такие сутры, как «Вэймоцзе», «Жизнеописание Будды», «Повсеместное сняние», говорит автор, представляют собой увлекательнейшие повествования. Чрезвычайно живо написаны эти сутры, в которых применены четырех-, пяти- и семисловные стихи. В этих произведениях буддийской ли-

³ См.: Сунь Кай-ди. Суцзян, устные рассказы и сяошо на байхуа. Пекин, 1956, с. 46.

⁴ Цит. по: Чжэнь Чжэнь-до. Иллюстрированная история китайской литературы. Т. 2. Бэйпин, 1932, с. 590.

тературы обнаруживаются две особенности: богатство воображения и органическое сплетение прозаического и поэтического текстов. Именно эти особенности оказали весьма определенное влияние на позднейшее развитие китайской литературы. Китайским произведениям, подчеркивает Лю Да-цзе, всегда недоставало полета фантазии, то есть того, чем отличается буддийская литература, в которой малейшее событие получает бесконечные превращения, небесные и земные, с неисчерпаемыми чудесами. Фантазии эти, разумеется, далеки и от здравого смысла, и от реальности, однако именно в такой силе духа нуждалась китайская литература, искони пренебрегавшая способностью фантазии. Привнесение этого элемента, несомненно, принесло китайской литературе огромное освобождение. Прочтя, говорит Лю Да-цзе, такие древние сочинения, как «Шанхайцзин» («Книга гор и морей»), «Му тяньцзы чжуань» («Жизнеописание Сына Неба Му»), и многочисленные рассказы о странном эпохи Шести династий, где влияния буддизма нет или почти нет, и сравнивая их с такими книгами, как «Сиюцзи» («Путешествие на Запад») и «Фыншэнь чжуань» («Повесть о возведении в духи»), мы тотчас поймем, что в китайском сяшо дух фантазии индийской литературы, несомненно, сыграл определенную роль.

Важны наблюдения Лю Да-цзе и в отношении того, что «жанры в китайской литературе характеризовались однородностью: это либо проза, либо поэзия... тогда как в буддийских сутрах многочисленны жанры, в которых применяются смешанные тексты прозы и поэзии». В самом деле, в буддийских сутрах часто после прозаического повествования содержание вновь повторяется, но уже в стихотворном виде, который называется «цзи» (гимн или псалом) и обычно поется, что облегчает их запоминание. К тому же подлинное значение сутры часто заключено именно в этих «цзи», которые в литературном отношении привлекательнее и богаче, чем прозаические повествования.

Стилевые эти особенности буддийских сутр имели чрезвычайно важное значение для дальнейшего движения народного творчества (сунсу, чаибэнь, сишюй). Благодаря воздействию бьяньвэнь в процессе последующего развития словесного искусства в Китае мы наблюдаем известное жанровое и стилистическое разнообразие в виде рождения таньцзы, пинхуа, сишюй и других стиливых разновидностей.

Жанр бьяньвэнь открывал большие возможности для создания произведений не только на буддийские, но и небуддийские сюжеты, то есть на сюжеты, взятые из китайских национальных источников. Так, например, широкую популярность приобрел бьяньвэнь об У Цзы-сюе, прославленном полководце, жившем в конце династии Чжоу (VIII—III вв. до н. э.). Его имя было овеяно легендами в течение многих веков. «Среди бьяньвэнь на сюжеты народных преда-

ний, — отмечает Тань Пэй-мо, — самая выдающаяся — это бьяньвэнь об У Цзы-сюе⁵. Произведение это явилось предметом специального разбора в трудах таких ученых, как Чжэн Чжэнь-до, Ли Цянь-дэн, Вэй Чжун-минь и др.

Характеризуя бьяньвэнь об У Цзы-сюе, И. С. Гуревич отмечает, что в этом произведении наряду с историческими фактами, зафиксированными, например, Сыма Цянем в его «Исторических записках», имеются и вымышленные эпизоды, причем в художественном отношении это наиболее эмоционально насыщенные отрывки — встреча У Цзы-сюя с девушкой, полоскающей белье, встреча с женой, с сестрой и т. д. Воспевав простых и честных людей из народа, автор осуждает врагов У Цзы-сюя: Пинвана, который отнимает невесту у собственного сына, казнит верного сановника У Шэ, отправляет погоню за У Цзы-сюем в расчете на расправу с ним; правителя царства У, который использует талант У Цзы-сюя, чтобы разгромить царство Чу, но после победы, поверив клевете, уничтожает У Цзы-сюя; племянников У Цзы-сюя, в образах которых разоблачается алчность, стремление любой ценой сделать карьеру.

Композиция бьяньвэнь об У Цзы-сюе, отмечает И. С. Гуревич, отличается большой стройностью и позволяет четко следить за развитием событий. Центральная часть повествования — изображение встреч У Цзы-сюя с различными людьми — построена весьма эмоционально. Это способствует раскрытию образа главного героя, показывая его близость к простому народу, и помогает изображению людей из народа — простых и бескорыстных, поступки которых волновали слушателей и вызвали их сочувствие⁶.

В произведениях бьяньвэнь, в том числе небуддийского содержания, обнаруживаются высокие художественные достоинства. Это относится к выразительным средствам — образности, метафоричности, поэтичности сравнений, символике, языку — живому, яркому, меткому.

Художественно-образительные средства произведений бьяньвэнь в немалой мере порождены самим песенно-повествовательным жанром, который всецело был обусловлен устной формой его исполнения и обращен к слушателям, ожидавшим увлекательного рассказа и интересного повествования.

Таким образом, при рассмотрении произведений жанра бьяньвэнь необходимо принимать во внимание их сложную структуру, их составные художественные элементы — словесный, напевный, музыкальный, драматический и т. п., — представляющие собой

⁵ Тань Пэй-мо. Очерки истории китайской литературы. Пекин, 1958, с. 312.

⁶ И. С. Гуревич. К вопросу о жанре небуддийских бьяньвэнь (на материале бьяньвэнь об У Цзы-сюе). — «Сборник статей по филологии, истории, философии». М., 1961, с. 31, 33.

определенную совокупность, структурную целостность. В основе этого жанра заложена характерная для него неразрывная взаимосвязь слова с другими элементами речевого искусства, которые находятся в органической взаимозависимости и взаимодействии.

В связи с этим внимание привлекает проблема языка и стиля произведений бьяньвэнь, проблема, которая еще ждет своего исследования. Среди работ, посвященных исследованию лексики и стилистики бьяньвэнь, следует назвать книги Жэнь Эр-бэя «Первые шаги в изучении песен из Дуньхуана» (1955) и Цзян Ли-хуна «Толкование слов дуньхуанских бьяньвэнь» (1960), в которых авторы подвергают конкретному анализу специфические слова и термины, встречающиеся в произведениях бьяньвэнь, а также в песнях и других простонародных произведениях из Дуньхуана. Предприняты, однако, лишь первые усилия в этом отношении, и исследователям еще предстоит изведать здесь много нового.

Влияние бьяньвэнь, указывает Лю Да-цзе, на дальнейшее развитие литературного процесса в Китае нашло свое выражение в ряде конкретных явлений. Во-первых, бьяньвэнь оказали воздействие на форму хуабэнь Сунской эпохи. Во-вторых, баоцзюань и таньцы, как формы народного творчества, представляют собой производные от бьяньвэнь. В-третьих, введение поэтических, ритмических или песенных повествований в китайский роман, в свою очередь, является заимствованием именно от бьяньвэнь. В-четвертых, значительное развитие сценического искусства благодаря введению в китайскую драму новой формы — сочетание пения и монолога, — видимо, также связано с влиянием бьяньвэнь.

И наконец, указывая на то, что дуньхуанские рукописи, бьяньвэнь, в частности, имеют, как правило, тибета — своеобразные послесловия или пометки, Лю Да-цзе отмечает возможность их датировки: самые ранние из рукописей, по его мнению⁷, относятся к концу IV в., а самые поздние — к концу X в. (к этому следует добавить, что в дуньхуанской коллекции ЛО ИВ АН СССР есть рукописи 1002 и 1006 гг.). При этом автор пытается как бы заглянуть за горизонт бьяньвэнь и проследить за путями проникновения буддийской литературы в Китай, ее ролью и значением в судьбах ки-

тайского словесного искусства. Правда, здесь, как и в описании истории с открытием дуньхуанских рукописей, Лю Да-цзе в основном придерживается, а порой буквально повторяет не только концепцию, но и самое изложение материала Чжэн Чжэнь-до. С той лишь, пожалуй, разницей, что в отношении влияния буддийской литературы на китайскую Лю Да-цзе высказывается более сдержанно, чем Чжэн Чжэнь-до, который одним из первых указал на огромное воздействие, оказанное индийской буддийской литературой в Китае. Обстоятельство это имело и имеет весьма существенный смысл, если учесть длительное господство китаецентрических течений в стране, пытавшихся давать всему объяснение с позиций китайской национальной автономности, а также своей исключительностью и отрицать всякое культурное или духовное влияние извне.

В своих трудах о бьяньвэнь Чжэн Чжэнь-до идет от явления к сути и от сути к явлению. Схема, типологические построения его, кажется, не очень привлекают. Вероятно, ему была хорошо известна модель распространенной типологии: литературное творчество в основном у всех народов возникало и развивалось одинаково. В основном одинаково — значит одинаково в главном, наиболее существенном. Все остальное, таким образом, значения не имеет. Но именно здесь возникал вопрос, что, собственно, относится к несущественному, не имеющему значения? Сюда относится, следовательно, все, что неодинаково, различно, своеобразно. Но второстепенно ли это? Смотря по тому, с какой мерой подходить.

Вообще говоря, мы, кажется, слишком много порой классифицируем и типизируем, но слишком мало занимаемся конкретным исследованием литературных памятников, многообразных явлений словесного искусства. Похоже, что не так уж трудно, если человек одержим внушенной кем-то или самим себе идеей, извлечь из контекста историко-литературных связей нужную мысль, удобную для данной концепции, нужное высказывание того или иного автора, чтобы претенциозно изображать это как некое открытие, новаторский вклад в науку. Повинен в этом не сам метод типологического исследования, а субъективность и произвольность, допускаемые некоторыми авторами. Научная типология должна строиться на подлинных и достоверных явлениях и фактах, органически связанных с реальным литературным процессом той или иной страны, в соответствии с принципами историзма и научной объективности, а не посредством сурьезного, линейного понимания развития общемировой литературы, то есть понимания этого процесса как повторения разными национальными литературами одних и тех же фаз, в виде простого прохождения всеми литературами одного и того же, своего рода стереотипного, пути. В таком случае не может не возникнуть вопрос, действительно ли своеобразные и самобыт-

⁷ В собрании сюжетов китайской повествовательной прозы «Тайпин гуацзи» (Пекин, 1959), в цзюане 251, содержится запись разговора танских поэтов Бо Цзюй-и и Чжан Ху, который, приведя строки из поэмы Бо Цзюй-и «Песня о бесконечной тоске», сказал, что они напоминают «Бьянь (вэнь) о Муляне» (Цит. по: «Бьяньвэнь о Вэймоцзе». Издание текста, предисловие, перевод и комментарии Л. Н. Меньшикова. М., 1963, с. 20). Из этой записки явствует, что бьяньвэнь приобрели в начале — середине IX в. определенную популярность.

ность различных национальных литератур значения не имеют и для научного понимания интереса не представляют? Речь, разумеется, идет именно о своеобразии, а не о пресловутой исключительности той или иной литературы.

Для современной советской науки характерно следование методологии творческого марксизма-ленинизма, историческое изучение словесного искусства, основанное на конкретном анализе свойственных этому искусству своеобразия и специфики, стремление установить присущие ему объективные закономерности развития.

Древние авторы, насколько известно, имели определенную манеру отдавать дань своей эпохе и, увы, не были способны дотянуть до иных, не очень обоснованных, типологических систем и критериев. Впрочем, может быть, этим следует и пренебречь, покровительственно отнесясь к их «наивности и ограниченности»?

Доказательность концептуальным положениям в конечном счете придает не детализация отдельных моментов, хотя, быть может, и привлекательных, и не сумма выхваченных избирательно примеров, но мера внутренней взаимосвязи полученных наукой фактов, типичность выбора иллюстраций, характеризующих важнейшие явления литературного процесса в исторически определенное время.

В исследованиях Чжэн Чжэнь-до рельефно обнаруживается живое чувство национальной традиции. Ученый отдает себе отчет в том, что едва ли возможно ощутить богатство и обаяние литературы без ее первоосновы — национального своеобразия и самобытности. Они же в своей глубокой сути зависят от социально-исторического развития, определяют особенности художественного мышления.

Чтобы выразить самобытное, национальное, надо знать его в самых мельчайших деталях, в его конкретности. О Латинском квартале в Париже или Чайна-тауне в Сан-Франциско можно писать, не зная истории Франции и Америки. Но невозможно писать о китайской литературе, не зная истории, языка, иероглифической письменности Китая.

В произведениях бьяньвэнь, буддийских и небуддийских сюжетов, отображена некая совокупность верований, живых традиций, обычаев, обрядов, преданий и легенд, связанных с миропредставлением определенных социальных слоев китайского средневековья. И потому при исследовании бьяньвэнь существенно важен не только исторический, но и социологический аспект, то есть конкретно-исторический, научно-социологический принцип изучения.

В сфере духовной жизни, в литературном творчестве существенно для исследователя именно то, что специфично для данного народа, органически взаимосвязано с его прошлым, с его историческим движением и судьбой. Наиболее интересны народам те самые художники слова, кото-

рые всего ближе отвечают сущности собственного народа.

Нельзя не учитывать, что существует индивидуальная неповторимость человека, науки, народа, что подтверждает известное высказывание А. С. Пушкина: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более и(ли) менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу».

Движение каждой национальной литературы таит в себе глубоко своеобразные, самобытные черты, особенности. Выступая как составная часть общемировой литературы, как часть общего целого, каждая национальная литература при этом представляет собой нечто целое. В этом фактическое единство разного, единство многообразия.

Вместе с тем Чжэн Чжэнь-до в равной мере далек от концепций китаецентризма и европеоцентризма. Похоже, что в его представлении это две крайности, между которыми, вероятно, затаилась истина. Она лежит не обязательно в центре или середине. Трудность и состоит в выявлении ее местонахождения, то есть в поисках истины, которая нередко оказывается в несколько иной плоскости. В отличие от тех, кто считает, что разговор здесь вообще не нужен и в самом существовании указанных противоборствующих концепций как бы находит некое облегчение, Чжэн Чжэнь-до скорее усматривает сущность в том, что различные регионы словесного творчества предстают перед нами как части чего-то единого, целого, как части общемировой структуры. И понимание их мыслимо лишь в том случае, если не принимать ту или другую часть за целое.

Существует, к примеру, утверждение, будто реализм в литературе возник благодаря воздействию западноевропейского реалистического творчества. И эта точка зрения имеет своих сторонников, потому что некая внешняя убедительность здесь есть. Но это, пожалуй, заблуждение. Правомернее говорить — и этот взгляд разделяется в работах Чжэн Чжэнь-до — об ускорении или активизации реализма в литературном процессе восточных писателей под воздействием произведений европейских художников, о влиянии на их творчество.

Что касается проблемы взаимосвязей буддийской и китайской литератур, то Чжэн Чжэнь-до принадлежит едва ли не наиболее важная оценка и выводы в этом отношении. В своем исследовании «Проникновение буддийской литературы»⁸ Чжэн Чжэнь-до, в частности, писал еще в начале 40-х годов, что самым крупным событием в литературе средневековья явилось проникновение буддийской литературы, по-

⁸ Чжэн Чжэнь-до. Иллюстрированная история китайской литературы. Т. I, с. 255—264.

сле чего пути движения китайской средневековой литературы стали совершенно иными, чем это было прежде. Помимо того, что китайцы получили многочисленные переводы великих творений, китайское словесное искусство испытало влияние буддийской литературы как в области поэтики и стиля, так и в области древних сказаний и афористики. Наконец, в Китае появились многие выдающиеся жанры и литературные стили как подражание индийской литературе.

В самом деле, можно без всякого преувеличения сказать, что китайское словесное искусство в своем движении никогда ранее не испытало такого глубокого воздействия со стороны иноземной литературы, как именно в процессе проникновения и распространения индийской буддийской литературы.

Явление это невозможно переоценить. В сущности, именно литературные произведения, пришедшие из Индии, впервые в истории китайского искусства слова стали фактом китайской национальной литературы, приобрели значение и норму отечественной литературы.

Огромно было влияние буддийской культуры и на китайскую эстетическую мысль, влияние, которое шло многосложными и недостаточно исследованными путями как в самом Китае — не в последнюю очередь по причинам националистического и великодержавного характера, — так и на Западе, где главным образом интересовались влиянием европейской цивилизации на Востоке.

Между тем история развития китайского искусства свидетельствует о том, что сильнейшее воздействие было оказано буддийским мироощущением на развитие китайской живописи. Достаточно сказать, что китайская пейзажная живопись начиная с эпохи Тан (VII—X) и особенно в эпоху Сун (X—XIII), ознаменовавшуюся новым подъемом поэзии и высшими достижениями керамического искусства, развивалась под огромным влиянием чань — буддизма, сложившегося в Китае на стыке V—VI вв., в процессе превращения некоторых доктрин буддизма на китайской почве. Ярким примером служит творчество крупнейших художников Ван Вэя, Ма Юаня, Лян Кая, Му Ци и др. Именно искусству Ван Вэя, ознаменовавшему славу патриарха «южной школы» в живописи, тесно связанной с чань, осуждено было стать эстетическим эталоном чаньской живописи. Крылатым афоризмом явилось определение поэтом Су Ши творчества Ван Вэя: «В его поэзии — картинность, а в картинах — поэзия». Ван Вэй — выдающийся мастер пейзажного жанра в китайской живописи, в основе которой заложены принципы чаньского мирозерцания.

К этому надо добавить, что эстетика чань (дзэн), которая вместе с буддийским учением пришла в Японию из Китая в IX—

XI вв., оказала громадное влияние на развитие японского искусства, став доминирующим фактором в художественной жизни страны.

Исследование бяньвэнь в отечественной синологии

Мы знаем, сколь справедливо восточное речение, что высоту может оценить и современник, но прочность фундамента — лишь потомки. Этот афоризм как бы напоминает нам, что время необратимо и что критическая мысль не всегда успевает своевременно оценить след его в литературе, вклад в художественную культуру, существенный не только для сегодняшнего, но и наступающего дня. По словам Горького, забыв свое прошлое, человек может не понять настоящего и неправильно представить будущее. К этому следует добавить народное речение: не стреляй в свое прошлое из пистолета — будущее выстрелит в тебя из пушки. Нельзя не считаться с тем, что вследствие распространения буддизма в Китае, в связи с чем родилась литература бяньвэнь, человеческое мироощущение китайцев заметно изменилось, пожалуй, впервые за многие столетия.

Дуньхуанское хранилище рукописей было закрыто в связи с военной смутой в стране. Судя по датам на сохранившихся свитках, произошло это в 1035 г., в начале эпохи Северная Сун, во время войны Китая с киданями и создания тангутского царства Си Ся. Перед тем как покинуть Дуньхуан, служители монастыря, собрав рукописные свитки, иконописные произведения и книги, замуровали их для сохранности в одной из пещер, которых насчитывалось свыше тысячи⁹. Бежавшие монахи, по всей вероятности, в Дуньхуан уже не вернулись, унеся с собой тайну хранилища с рукописями. С тех пор к этим уникальным рукописям доступа не было. На протяжении тысячи лет они пребывали в забвении.

И лишь в 1900 г. безвестный даосский отшельник Ван Юань-лу, избравший своим приютом одну из пещер Дуньхуана (известную под номером 143), волею случая попал на след тайного хранилища рукописей. Находка его крайне озадачила. Однако невежественные провинциальные чиновники, к которым верноподданнически обратился даос, тогда усмотрели опасность великого греха в извлечении из пещеры буддийских канонических сочинений и приказали Ван Юань-лу оставить все в неприкосновенности¹⁰. Но, как нами было ранее отмечено,

⁹ Цзян Лян-фу. Дуньхуан — великая сокровищница культуры. Шанхай, 1956, с. 17, 144.

¹⁰ Там же, с. 18.

дуньхуанское храпилище в неприкосновенности, увы, не осталось: оно подверглось расхищению со стороны европейских «археологов» и «коллекционеров».

С тех пор как в начале нашего века были обнаружены дуньхуанские рукописи, поиски произведений бяньвэнь были предприняты и в других районах Китая, особенно в тех местах, за которыми утвердился слава очагов буддийской активности. Некоторые произведения бяньвэнь, очевидно, были известны и ранее, но произведения эти рассматривались как единичные случаи, которые не давали основания для определения жанра. Пока, однако, бяньвэнь, кроме Дуньхуана, не обнаружили нигде.

По сведениям Чжэн Чжэнь-до, обнаруженных произведений бяньвэнь, на буддийские и небуддийские сюжеты, насчитывается теперь свыше сорока. Это, по всей видимости, наиболее распространенные и часто встречающиеся бяньвэнь. Об этом, в частности, можно судить как по тому, что сутра «Вэймоцзе» является одной из важнейших в буддийском каноне, так и по количеству списков найденных бяньвэнь. Вместе с тем несомненно, что указанное число обнаруженных бяньвэнь представляет собой главнейшие произведения этого жанра, хотя поиски продолжают и можно верить, что будут еще обнаружены не менее интересные сочинения — буддийские и небуддийские. Но уже найденные бяньвэнь открыли новый жанр и новые горизонты в словесном искусстве китайского средневековья.

Исследование дуньхуанских рукописей в Китае и за его пределами помогло ученым проникнуть сквозь пелену векового тумана и ощутить живую реальность китайского средневековья в ее многообразии и самобытности. За особенностями жанра бяньвэнь, сюжетами сутр, их проповедями и истолкованием перед нами возникает пейзаж эпохи, который породил произведения бяньвэнь.

В научную разработку проблемы бяньвэнь существенный вклад внесло и наше отечественное китаеведение. Исследования произведений этого жанра в нашей стране были начаты главным образом на базе рукописей Дуньхуанского фонда Института востоковедения Академии наук СССР. Среди первых работ в этой области следует назвать «Краткую опись древних буддийских рукописей на китайском языке из собрания Института востоковедения АН СССР», изданную К. К. Флугом в 1935 г.¹¹ Значение этой публикации состояло прежде всего в том, что указанное собрание рукописей, о котором за рубежом почти ничего не было известно, ученый сделал достоянием исследователей дуньхуанских материалов и ввел их в научное обращение. Начатая К. К. Флугом работа была продолже-

на коллективом авторов¹², давших описание части (около одной трети) Дуньхуанского фонда Института востоковедения АН СССР. Достоинством этой работы является не только то, что в ней содержится более обстоятельное описание рукописей, а то, и это главное, что в ней указывается жанровая принадлежность произведений, то есть отмечаются сочинения, написанные в жанре бяньвэнь, что выгодно отличает ее от других описаний рукописей.

В 1963 г. в серии «Памятники литературы народов Востока» ленинградским исследователем Л. Н. Меньшиковым были изданы «Китайские рукописи из Дуньхуана»¹³, представляющие ряд произведений из упомянутой нами коллекции китайских рукописей, привезенных акад. С. Ф. Ольденбургом. Сюда вошли произведения жанра цзань (славословие), наиболее популярного вида китайской буддийской поэзии. Публикация Л. Н. Меньшикова восполняет существовавший ранее пробел в области освещения текстов устных проповедей из Дуньхуана, которые получили широкое хождение в ранний период распространения буддийского вероучения в Китае (IV—VI).

Слово — свидетель прошлого. Зафиксированное иероглифической живое слово рассказчика — достоверный источник для исследователя в его разысканиях. Важно в этой связи отметить, что опубликованные тексты устной проповеди, в частности «Восемь видов воздержания», представляющей собой доказательство органической взаимосвязи жанра устной проповеди с произведениями бяньвэнь, являясь прямой их предшественницей. Л. Н. Меньшиков в своем предисловии к публикации на основе анализа соответствующих текстов обнаруживает структурное и композиционное сходство принципов построения устной проповеди и бяньвэнь. Автор при этом отмечает, что публикуемая рукопись «впервые дает нам пример сочетания яэзовэнь не с бяньвэнь, а с устной проповедью, и тем самым доказывает, что рассказчики или проповедники рассматривали бяньвэнь и проповедь (по крайней мере на первом этапе развития бяньвэнь) как явления одного и того же порядка. Скорее всего, первые бяньвэнь, являющиеся повествованиями на сюжеты буддийских сутр (то есть в конечном счете использовавшие сюжеты индий-

¹² М. И. Воробьева-Десятовская, И. С. Гуревич, Л. Н. Меньшиков, В. С. Спирин, С. А. Школяр. Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии АН СССР. Вып. 1. М., 1963; М. И. Воробьева-Десятовская, И. Т. Зограф, А. С. Мартынов, Л. Н. Меньшиков, Б. Л. Смирнов. Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии АН СССР. Вып. 2. М., 1967.

¹³ «Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы суизьсюэ». М., 1963.

¹¹ См.: «Библиография Востока». Вып. 9, 1935.

сказки легенд), первоначально были одной из разновидностей буддийских проповедей, тогда для привлечения слушателей обычное сложное терминов и понятий заменено сюжетным рассказом»¹⁴.

Появившиеся за последние десятилетия в Китае и за его пределами работы различных авторов о бьяньвэнь в своем большинстве носят общий или обзорный характер. Изучение же конкретных произведений жанра бьяньвэнь является, скорее, исключением¹⁵. Между тем именно конкретные исследования, аналитический разбор бьяньвэнь, всестороннее и углубленное рассмотрение наиболее характерных сочинений этого жанра только и могут послужить научной основой для широких обобщений и концептуальных построений. Речь, разумеется, идет не о частностях, а о выявлении основных закономерностей жанра бьяньвэнь, о его месте и значении в словесном искусстве, о соотношении произведений этого жанра с другими видами и формами литературного творчества китайского народа.

Тайна многих явлений словесного искусства нередко кроется в их происхождении, корни которого уходят в многосложные события истории, взаимосвязаны с происходящими процессами в материальной и духовной жизни общества. Именно здесь, на наш взгляд, и нужно искать смысл явлений и вещей. Речевое творчество живет в своем возвышении и уничтожении. В вечном претворении и развитии. История бьяньвэнь — яркое тому свидетельство. По оценке Цзян Лянь-фу, в результате соприкосновения культуры Китая и Индии возникло великое искусство эпохи Тан¹⁶.

В свете этих соображений, с нашей точки зрения, необходимо рассматривать и синологические работы советских ученых, посвященные изучению произведений бьяньвэнь и опубликованные у нас в последние годы. Речь раньше всего пойдет о книге «Бьяньвэнь о Вэймоцзе». Бьяньвэнь «Десять

благих знамений», в основу которой положены ранее неизвестные рукописи бьяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института востоковедения АН СССР¹⁷.

Значение данного труда не только в том, что это фактически первая аналитическая работа о бьяньвэнь в отечественном Китае, но и в том, что перед нами конкретное исследование литературных памятников бьяньвэнь с научных марксистских позиций. В своем предисловии, которое в действительности представляет собой аналитический разбор жанра бьяньвэнь и его истоков, автор справедливо отмечает, что возникновение жанра бьяньвэнь является важной вехой в истории китайской литературы, ибо с этим жанром связаны драма, роман, новелла, песенно-повествовательные произведения, то есть все последующие жанры. В которых проза перемежалась со стихами. При этом автором приводятся особенности жанра бьяньвэнь как повествования, использующего уже известные сюжеты и излагающего их в расширенном плане, с введением большого количества деталей и сюжетных ходов, далеко не всегда содержащихся в произведении, которое послужило источником бьяньвэнь. И хотя характеристика эту нельзя назвать в полной мере исчерпывающей, все же она содержала наиболее существенные признаки жанра бьяньвэнь и позволила Л. Н. Меньшикову в дальнейших его исследованиях привести новые и уточняющие моменты.

Соединение стихов и прозы, отмечает далее автор, в собственно китайской литературе до возникновения жанра бьяньвэнь не встречалось, или если и встречалось, то совсем в другом качестве. Источником и образцом этой формы послужили, по всей вероятности, сочинения индийского происхождения, а именно переводы на китайский язык буддийских произведений. Вряд ли можно сомневаться, что заимствование индийских сочинений произошло посредством переводов их на китайский язык. Подвергнув анализу две основные группы произведений разбираемого жанра, если рассматривать их с точки зрения формы, цзянцзинвэнь и собственно бьяньвэнь, автор приходит к заключению, что наиболее развитая форма бьяньвэнь по своим приемам построения прозы и стиха — явление целиком китайское, «сохранившее от буддийских сочинений только одно — общий принцип соединения в одно целое стихов и прозы»¹⁸. Не ставя под сомнение содержание вывода, трудно, однако, полностью освободиться от вопроса: действительно ли все дело «только в одном» лишь простом соединении стихов и прозы? Или в чем более? Верно ли сводить существо явления

¹⁴ «Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятник буддийской литературы сувэньсю». М., 1963, с. 16.

¹⁵ См., например: Чжао Цзинь-шэнь. Эволюция сюжета о Мулянь. — В сб.: «Иньцзы цзи». Шанхай, 1946; Кавагучи Хисао. Материалы дуньхуанских бьяньвэнь и японская литература (произведения о войнах, восходящие к «Бьяньвэнь о Ван Лине» и «Песне о разлуке Су У и Ли Лина»). — В сб.: «Канадзава дай ронсю», 1955; его же. «Материалы дуньхуанских бьяньвэнь и японская литература («Бьяньвэнь о Мулянь, спасающем мать» и «Бьяньвэнь о победе над наваждением»)». — «Нихон Тюококу хо», 1956, № 8; М. Soumié. L'Entrevue de Confucius et de Hsiang To. — «Journal Asiatique», CCXLI, 3—4, 1956.

¹⁶ Цзян Лянь-фу. Дуньхуан — великая сокровищница культуры. Шанхай, 1956, с. 54.

¹⁷ «Бьяньвэнь о Вэймоцзе». Бьяньвэнь «Десять благих знамений». Издание текста, предисловие, перевод и комментарии Л. Н. Меньшикова. М., 1963.

¹⁸ Там же, с. 27.

творческого к чисто механическому соединению?

Тут исследователя никогда не должно покидать ощущение, что чего-то он не заметил, не обнаружил чего-то, быть может, весьма существенного. Проблема эта должна быть рассмотрена всесторонне: своеобразие сюжетов бяньвэнь, композиционные особенности, специфика стиля и языка и т. д. Именно в совокупности, в органической взаимосвязи этих и других элементов можно точнее выявить природу жанра бяньвэнь.

Автор, в сущности, касается этих сторон вопроса, но лишь мимоходом, не развивая и не углубляя их, как этого требует его собственное толкование. Он, скорее, сосредоточивает внимание на дифференциации бяньвэнь, указывая на существование двух групп бяньвэнь с точки зрения их сюжетов. Как и в случае с формой, оговаривается Л. Н. Меньшиков, при всем различии этих видов в один жанр их объединяет то, что они являются подробными повествованиями с хорошо разработанными частями сюжета «в отличие от предшествовавших рассказов периода Лючао»¹⁹. Приспосабливаясь к вкусам слушателей, добавляет автор, буддийские проповедники очень быстро заменили проповедь сюжетным рассказом. «Процесс этот пошел еще и далее. Трудно сказать, в какое время это произошло, но буддийские сюжеты тоже не остались у монахов-рассказчиков единственными. В их репертуар во времена Тан вошел целый ряд бяньвэнь, основой которых послужили китайские легенды. Бяньвэнь на темы китайских народных преданий составляют весьма значительную часть всех произведений этого жанра, обнаруженных в Дуньхуане»²⁰.

Интерес в этой связи представляет работа И. С. Гуревич «К вопросу о жанре небуддийских бяньвэнь», написанная на материале бяньвэнь об У Цзы-сюе²¹. Автор показывает, в частности, что художественное мастерство создателей бяньвэнь проявилось очень ярко в языке сочинения об У Цзы-сюе, в выборе выразительных средств: образных сравнений, гиперболических метафор, ярких эпитетов, встречающихся в любом отрывке бяньвэнь (хотя язык бяньвэнь, думается, не всегда разумно раскладывать на составные части, перебирать и сортировать ожерелья метафор, сравнений, параллелей). Объяснение большого количества художественных особенностей, по мнению автора, следует искать в специфике жанра, рассчитанного на устный характер исполнения.

¹⁹ «Бяньвэнь о Вэймоцзе». Бяньвэнь «Десять благих знамений». Издание текста, предисловие, перевод и комментарии Л. Н. Меньшикова. М., 1963.

²⁰ Там же.

²¹ См.: «Дальний Восток». — «Сборник статей по филологии, истории, философии». М., 1961.

Ценными, на наш взгляд, представляются разбор и анализ Л. Н. Меньшиковым «Бяньвэнь о Вэймоцзе», несомненно, являющимся наиболее интересным и важнейшим произведением этого жанра. Произведение «Бяньвэнь о Вэймоцзе» возникло на основе буддийской сутры «Вэймоцзе», принадлежащей к числу наиболее интересных и в литературном отношении. Примечательно, что оригинальный текст сутры «Вэймоцзе» в процессе переработки в жанр бяньвэнь был в несколько раз расширен автором — исполнителем (или исполнителями) устных рассказов не только из-за переложения с письменного языка, понятного лишь при зрительном восприятии, на профессиональный разговорный язык, но в связи с развитием самого сюжета произведения. Было в этом нечто большее, была тут зона воплощения своего мироощущения, духовной независимости автора-исполнителя, его творческое вдохновение. Судя по мастерству и богатству содержания рассматриваемого произведения бяньвэнь, у автора, вне всякого сомнения, не могло не быть своего этического и эстетического символа веры, самопознания и самовыражения. Человек, по выражению поэта Лу Ю (XII—XIII вв.), должен жить по велению души (жэнь шэн шин).

Из небольшого отрывка из сутры «Вэймоцзе» в сто с лишним иероглифических знаков было создано произведение жанра бяньвэнь в три-четыре тысячи знаков. Причем нам пока известно только двадцать цзюаней (глав). Ряд цзюаней был утрачен. Их общее число определить не удастся. И к сожалению, недостающие части невозможно восстановить с помощью сохранившихся. В результате творческой переработки буддийской сутры в «Бяньвэнь о Вэймоцзе» вещь эта приобрела достоинства подлинного литературного творения. По замечанию Чжэнь-до, сочинение «Бяньвэнь о Вэймоцзе» вошло в сокровищницу словесного искусства как выдающаяся «эпическая поэма», равной которой не знает история китайской литературы²². Не менее высоко оценивает «Бяньвэнь о Вэймоцзе» Тань Пэй-мо в своей книге «Очерк истории китайской литературы», подчеркивая, что произведение это по богатству образов превосходит кисть Чжуан-цзы²³.

Важно отметить, что публикация Л. Н. Меньшикова предоставляет в распоряжение исследователей еще два свитка, в значительной мере заполняющих лакуны в известном доньше тексте этого произведения. Именно ему удалось также впервые определить, что две рукописи данной публикации являются частями «Бяньвэнь о Вэймоцзе».

²² Ч ж э н Ч ж э н - д о. Иллюстрированная история китайской литературы. Т. 2. Бэйпин, 1932, с. 594.

²³ Т а н ь П э й - м о. Очерк истории китайской литературы. Т. 1. Пекин, 1958, с. 312.

Эти рукописи эти ранее изучались К. К. Фунгом, которому не удалось определить их принадлежность к жанру бяньвэнь, видимо, вследствие того, что он не был еще ознакомлен об открытии этого нового жанра.

Сопоставляя индийские сочинения и бяньвэнь, Л. Н. Меньшиков обнаруживает существенные их различия. Если в первых, отмечает он, описания подробны лишь при изложении событий, то бяньвэнь своими деталями привлекают внимание к человеку, легко убедиться, что почти все описания в них посвящены либо внешности человека, либо деталям окружающей обстановки. Из этого автор выводит заключение, что бяньвэнь заложил основы нового эстетического видения мира и человека, хотя преобладают в них внешние описания, а не раскрытие внутреннего мира человека. Однако, добавляет он, это уже следующий шаг, который был сделан не в бяньвэнь, а в сунской новелле и юаньской драме.

Резюмируя, Л. Н. Меньшиков приходит к важному выводу, что бяньвэнь, взявшие общие принципы построения от сутр, в деталях использовали самые разнообразные формы поэзии периода Тан, как индивидуальной, так и народной, объединили их в едином произведении, развили их дальше и, таким образом, явились качественно новой формой, где встречается многое из того, что было присуще самым различным видам китайской поэзии до бяньвэнь. Одновременно бяньвэнь явились в Китае первым известным ныне эпическим жанром. Не удивительно поэтому их значительное влияние на последующую литературу.

Здесь следует упомянуть работу Л. Н. Меньшикова «О жанре «чжугундяо»²⁴, в которой автор касается народных рассказов бяньвэнь. В них впервые в истории китайской литературы прозаическое произведение бытового органически соединено со стихами (песней), что оказало сильнейшее влияние на всю последующую китайскую литературу на языке байхуа. В этой связи автор высказывает мысль о том, что между бяньвэнь и драмой лежат такие жанры, как цзюаньши, чжуаньта, шюйпо, чжуаньцы и чжугундяо; наиболее поздний по времени из этих жанров (XII—XIII) и последний в этом ряду, ведущий от бяньвэнь к юаньской драме, — цзанцзюй. К этому можно лишь добавить, что и жанр янь был в действительности, так сказать, возмеченным эстетическим воплощением бяньвэнь, поскольку китайский роман в свою очередь взаимосвязан с бяньвэнь.

Продолжая изучать произведения бяньвэнь, Л. Н. Меньшиков опубликовал новую работу «Бяньвэнь о воздаянии за милость», явнившуюся дальнейшей разработ-

кой рукописей Дуньхуанского фонда Института востоковедения АН СССР²⁵.

В главе «Некоторые проблемы изучения бяньвэнь» автор резонно подчеркивает, что исследования бяньвэнь, которые во всей глубине раскроют процесс образования жанра, его особенности, роль в истории китайской литературы, еще впереди. Пока же необходимы тщательные исследования конкретных произведений, которые в будущем должны выделиться в историю жанра. Такие исследования для истории жанра необходимы еще и потому, что у каждого произведения бяньвэнь есть свои особенности, далеко не всегда повторяющиеся в остальных произведениях того же рода. Без выяснения этих особенностей история бяньвэнь невозможна.

Такая постановка вопроса, обращенная к методу, представляется единственно правомерной и оправданной. Выше нами уже отмечалась важность именно конкретных исследований, которые должны предшествовать всякому обобщению и концептуальности. Поступать наоборот — значит идти против логики, создавать искусственные построения, то есть ставить телегу впереди лошади.

Несомненный интерес в рассматриваемой работе Л. Н. Меньшикова представляют разделы: «Некоторые проблемы изучения бяньвэнь», «Вступительная часть рукописи «Бяньвэнь о воздаянии за милость», «История принца Друга Добра и его брата Друга Зла», «Этико-моральное содержание «Бяньвэнь о воздаянии за милость». Они написаны со знанием материала, насыщены сведениями из достоверных источников, свидетельствуют о самостоятельности суждений автора.

Немаловажным, на наш взгляд, является наблюдение автора о демократическом по своей направленности «Бяньвэнь о воздаянии за милость»²⁶, где развивается народный сказочный сюжет о поисках волшебного средства для того, чтобы все люди жили в довольстве и справедливости, что является явным выражением сочувствия угнетенным и обездоленным, а также противопоставлением их интересов своекорыстию богатых и сильных. В этом нельзя не видеть их отличия от буддийского канона, проповедующего лишь идеи бренности всего земного или трагедии чистой души в злом и нечеловеческом мире.

Внимания заслуживает раздел работы, озаглавленный «Особенности формы «Бяньвэнь о воздаянии за милость», в котором своеобразие формы данного произведения рассматривается не как явление частное и исключительное, но в сопоставлении с другими произведениями бяньвэнь, а также во взаимосвязи с другими жанрами (цзанцзюй-

²⁵ «Бяньвэнь о воздаянии за милость». Часть I. Факсимиле рукописи, исследование, перевод с китайского, комментарий и таблицы Л. Н. Меньшикова. М., 1972.

²⁶ Там же, с. 91.

²⁴ См.: «Вопросы филологии и истории стран соплекарского и зарубежного Востока», М., 1961.

вэнь, пинхуа, хуабэнь, суцзян). Это позволяет автору объективнее определить место и значение «Бяньвэнь о воздаянии за милости» в истории китайской словесности. Интересен также анализ поэтики бяньвэнь, разбор форм и стилей в стихосложении (гутшиш, цзиньтиши, люйши, цзюэцзюй, гэ-люй, юньцзяо).

Автору, по нашему мнению, удалось главное — увидеть рукопись «Бяньвэнь о воздаянии за милости» в новом свете, с позиции современного мировоззрения, исходя из основополагающих принципов научной методологии, и приблизить ее содержание к нашим глазам, сделать содержание памятника достоянием научного обращения.

Тем не менее нельзя не видеть, что не все в данном труде равноценно и безупречно. Так, например, проблема авторства произведения бяньвэнь в работе фактически обходится стороной, если не считать отдельных замечаний. Между тем, при всей сложности проблемы, при том, что древний текст бяньвэнь и древний его автор отделены от нас дистанцией в тысячу лет, всякая мысль исследователя по этому поводу представляла бы интерес, ибо очень многое упирается здесь в авторское начало, а значит, и в творческую манеру создателя бяньвэнь. Читая текст бяньвэнь, мы ощущаем присутствие автора, творческое его присутствие. Проявляется это и в индивидуальности стиля, и в языке, и в своеобразии образов, порожденных духовной и материальной связью с окружающим миром — людьми и природой, в выразительных средствах, отшлифованных внутренним человеческим чувством, высветленных зрением и разумом.

Когда мы знакомимся с сюжетом, с буддийской легендой, то, может быть, это еще не автор, но слова, интонация, темп повествования бяньвэнь — это, несомненно, уже автор, побуждающий читателя и слушателя оглядеться вокруг себя, осознать происходящее, возмутиться складывающимся порядком вещей и понятий и т. д. Иными словами, главное здесь — авторская личность, которая, в сущности, определяет основное и приносит решающий смысл. Творческая личность, которая характеризуется не только речевыми и лексическими предпочтениями, но способностью усваивать суждения и веяния эпохи, ощущать идейный климат времени. Речь идет о сфере определенного воздействия на художника, творчество которого благодаря этому может представить идейную и эстетическую ценность как для современников, так и для последующих поколений. И разумеется, среди прочего язык здесь, естественно, может сыграть особую роль благодаря своей художественной выразительности.

И вот вопрос: возможно ли отрицать автора литературного текста вообще, древнего в частности? Существование любого текста предполагает автора: это коллектив или личность, безымянный или индивидуальный создатель текста. В самом призна-

нии древнего автора содержится и признание нашего собеседника. И это дает какое-то дополнительное, а нередко и живое бытие литературному памятнику. В полной мере это можно отнести к произведениям бяньвэнь, где имеются целые залежи изначального свежего слова, почерпнутого авторами бяньвэнь из глубин народной жизни. Речь, естественно, идет об органическом и плодотворном сочетании и совмещении приобретенного в течение веков с тем, что непрерывно рождается в живой разговорной речи.

Именно в этом свете было бы весьма существенно выявить творческое присутствие автора. Потому речевой характеристике образов, созданных авторами, работавшими в жанре бяньвэнь, должно быть придано первостепенное значение. Здесь может обнаруживаться наибольшая смысловая и эмоциональная наполненность каждого слова. Думается, что создатели бяньвэнь отдавали себе отчет, что художественное значение фраза приобретает именно тогда, когда автором учтены и воплощены все возможности эмоционального воздействия на читателя и слушателя.

Обратимся теперь к переводу текста «Бяньвэнь о воздаянии за милости», который наряду с достоинствами, на наш взгляд, содержит и слабости. Перевод данного произведения, говорит Л. Н. Меньшиков, выполнен на тех же принципах, что и опубликованные ранее переводы «Бяньвэнь о Вэймоцзе» и «Десять благих знамений»: он не является «художественным и должен удовлетворять целям научного исследования произведения. Для удобства отсылки переводчик стремился к точной передаче каждого слова подлинника — это должно облегчить сравнение при параллельном пользовании подлинником и переводом». А несколько ниже автор поясняет: «Стихотворные части перевода даются в слегка ритмизованном виде для четкого отделения стихов от прозы... Пятисложный размер передается пятистопным стихом, семисложный — семистопным»²⁷.

Приведенное пояснение по меньшей мере противоречиво: если это перевод не художественный, а буквальный, то как понимать указание автора на «слегка ритмизованный вид» и на передачу стихотворных строк пятистопным и семистопным стихом?

Далее возникает вопрос о том, насколько правомерно само противопоставление художественного перевода научному? Существует один принцип интерпретации — верное прочтение, адекватное постижение подлинника и его толкования. Говоря о художественном произведении, мы имеем в виду творческое вхождение в образную систему и смысловую сущность оригинала. Перевод должен обладать силой жизни в той

²⁷ «Бяньвэнь о воздаянии за милости». Часть I. Факсимиле рукописи, исследование, перевод с китайского, комментарии и таблицы Л. Н. Меньшикова. М., 1972.

не мере, что и оригинал. Известны пушкинские слова о том, что подстрочный перевод никогда не может быть верен. «Существеннейшая обязанность переводчика, в которой уже заключаются и все другие,— по словам Деллиа,— состоит в том, чтобы добиться в каждом отрывке тех самых результатов, которых сумел достигнуть автор... Каждый, кто взялся за перевод, берет на себя долг и обязан выплатить его, если не той же монетой, то в той же сумме»²⁸.

Переводчик обычно стоит между автором произведения и своим современником, между оригиналом и родным языком. Причастие его вынужденное. И чем оно больше ощущимо, тем менее остается от автора. В идеале должен быть эффект не присутствия переводчика, а его отсутствия. Причастие вынужденное должен автор и созданный им текст.

Несомненно, что смысл, ждущий нас в древнем тексте бьяньвэнь, раскрывается через с большим трудом. Он предстает перед нами как нечто внутри себя, внутри своего контекста, как нечто загадочное для нашего миропонимания, для понимания нашего современника. Обращает на себя внимание то, что нередко в тексте бьяньвэнь как бы отсутствует полное раскрытие мысли или ситуации. Тут зачастую угадывается лишь прирывочная идея, прерванная канва речи, для понимания и логической завершенности которой недостает каких-то звеньев.

Нередко это не законченный образ, а лишь намек, литературная посылка, которая не без труда поддается расшифровке. Часто нелегко обнаружить точность, быть может, оттого, что делается это сознательно. Здесь, скорее, не точность, а как бы недосказанность, намеренная многозначность. Иногда это находит свое проявление в виде ряда предпосылок: «слышать слышимое», «слышать неслышимое», «не слышать слышимое», «не слышать неслышимое». Иными словами, от посылки через принятие и прояснение к постижению мысли. В этом мы видим особый характер организации или системы мышления приверженцев буддизма, которые вторгались в уже существовавшее и сложившееся конфуцианское мироощущение китайцев в эпоху средневековья.

Отсюда необходимость толкования, разъяснения, так сказать, интерпретации своеобразных конструкций недоговоренности, какой-то недосказанности в целях восстановления недостающих звеньев в логическом развертывании темы и раскрытии затаенного смысла, хотя подобные разрывы и недосказанность до конца когда-то считались чем-то наиболее привлекательным и прекрасным. Неясно — значит высокоинтеллектуально.

Вчитываясь в текст бьяньвэнь, мы обнаруживаем, что их создатели видели мир как бы в трех измерениях: настоящее — открывающаяся перед нами реальность,

прошлое, связанное с нынешним, как день сегодняшний со вчерашним, и наконец, действительность в опосредствованном творчестве.

Трехмерность видения имеет свои традиции, уходящие в далекие минувшие века. Традиция эта наследовалась из поколения в поколение. В ее духе воспитывались сменявшие друг друга поколения поэтов и художников. Не просто наследовались и не просто воспитывались. Шел процесс развития и обогащения этой традиции как своеобразного мироощущения.

Отсюда и нередко встречающееся даже для современных писателей явление насыщенности произведений словесного искусства историческими намеками, литературными посылками, поэтическими образами, созданными различными художниками слова предшествовавших эпох. Характерная расплывчатость, незаконченность, незавершенность зрительного образа, особенно в стихотворной части бьяньвэнь,— все это идет от песенной традиции глубокой древности.

Понимание многозначности не только сочетаний, фразеологических построений, но даже отдельного слова — в зависимости от его контекста и эпохи — существенный аспект для исследования наиболее сложных стилистических явлений. Важнейшим фактором при этом всегда выступают мысли и чувства, которые лежат в основе всего и без одухотворения которыми слова и фразы остаются мертвыми. И ни правила синтаксиса, ни безупречная орфография не способны их воскресить.

Так, начало третьей части бьяньвэнь «О милости родителей» Л. Н. Меньшиков переводит: «Сутра (гласит): «Вот что я слышал. Однажды Будда в горах Гридхра...» В китайском оригинале эта часть гласит: «Цзин жуши уо вэнь иши фо цзай...»²⁹. В этом отрывке существенны первые слова: «жуши уо вэнь», требующие адекватного выражения в переводе. «Вот что я слышал», как предлагает Л. Н. Меньшиков, скорее, соответствует буквальному значению иероглифических знаков, которое обычно дают нормативные словари. При таком переводе слова «вот что» приравниваются автором перевода к понятию «вера»³⁰. Получается, что «вера» — это «вот что». С таким толкованием едва ли можно согласиться. Как известно, словами «жуши» обычно начинаются многие буддийские сутры, связанные с именем Аняны, одного из учеников Будды. И не только с его именем. Согласно легенде, после отхода Будды в вечность его ученики решили собрать высказывания своего наставника. При этом выяснилось, что именно Аняну пришлось больше всех находиться рядом с Буддой, слушать его высказывания. И потому его стали просить об изложении того, что он постиг. И Анянд, согласившись, начал свою речь фразой: «жуши», которую можно пе-

²⁹ Там же, с. 45—46.

³⁰ Там же.

ревести словами: «Такова истина» или «Правда такова». Этимологически знак «жу» выступает в значениях «подобно», «согласно», «похоже», «как бы» и т. д. А знак «ши» — «истина», «правда», «суть» и т. д. Таким образом, возможны варианты: «согласно истине», «как истина», «подобно истине», «согласно правде» и т. д. Тот же знак «ши» в сочетании с иероглифом «чжи» («доходить до», «достигать», «крайний» и т. д.) образует понятие «крайняя истина», «совершенная истина» и т. д.

Изложенное помогает перевести знаки «жуши», как «правда такова», «согласно истине» или «по истине». Отсюда и толкование этих слов через понятие «синь» — «вера» или «синьфа» — «способ веры», состоящий в следовании истине, правде или в том, чтобы вести себя в соответствии с истиной и правдой.

В этой связи следует напомнить, что за приемами и методикой буддийских проповедников школы чань существовало убеждение, что истинное и сокровенное не может быть выражено словами или с помощью письменных знаков. Характерно изречение основателя философии чань-буддизма Бадхихармы, гласящее: «Передача истины вне письмен и речей, никакой зависимости от слова и буквы. Передача мысли непосредственно от ума к уму».

Проповедники буддизма верили, что по словам или посредством слова передается только видимость сущего, нечто внешнее, поверхностное, поскольку, согласно буддийской теории иллюзорности бытия, окружающий мир есть всего лишь подобие нашего чувственного представления о вещах. Отсюда проистекает путь уподобления, смысл которого овеян тайной, сокрыт от человека. И обнаруживается он только благодаря субъективному постижению истины, прозрению или озарению.

Мистифицированное, фантастическое восприятие окружающего мира не могло не найти своего выражения в произведениях бьяньвэнь. Оно органично входило в поэтику этого жанра уже в силу своего буддийского происхождения. Известно, однако, что у искусства связи с действительностью опосредствованные и что воображение человека, создавая любые образы, всегда отражало, порой в самой причудливой форме, явления и факты реальной жизни, окружающей действительности. Иными словами, любой словесный, поэтический, художественный образ опирается на жизненные реалии.

Анализируя, далее, выражение «уо вэнь» («я слышал»), Л. Н. Меньшиков говорит о том, что, согласно буддийскому вероучению, Ананд должен бы говорить «у уо», и переводит эти знаки словами «не я». Оставляя в стороне вопрос толкования автором разновидностей понятия о первом лице в буддийском вероучении, следует сказать, что иероглифы «у уо», видимо, не означают здесь «не я» (тогда было бы «фэй уо»), а выражают собой отрицание

самостоятельного, личного бытия («нет меня»), состоящие полной абстракции. Понятие это относится к буддийскому догмату о бесформенности, то есть о нирване, основные свойства которой — пустота и недеятельность. Отсюда широкоизвестное выражение «у уо сян у жэнь сян» («никакой реальности ни во мне, ни в других»). В этом «внутренняя сила стиля», о которой Флобер сказал, что она, «как земля», поддерживает литературное произведение.

Мы изложили здесь отдельные соображения по некоторым аспектам работы Л. Н. Меньшикова о бьяньвэнь. Поступить с ними можно различно. Принять или отвергнуть. А может быть, задуматься над ними? Любое отношение правомерно. И каким бы оно ни было, важно одно: рассматриваемый труд представляет собой глубокое и самостоятельное исследование, которое войдет ценным вкладом в наше отечественное Китаеведение.

Часть вторая публикации «Бьяньвэнь о воздаянии за милости» является монографическим описанием языка дуньхуанских бьяньвэнь (VIII—X) принадлежащим И. Т. Зографу (М., 1972). Работа состоит из двух разделов: «Грамматический очерк» и «Словарь». Представляя собой специальное лингвистическое исследование, «Грамматический очерк» построен на тщательном анализе текстов рукописи «Бьяньвэнь о воздаянии за милости» и двухтомного сборника «Собрание дуньхуанских бьяньвэнь» (Ван Чжунмин и др., Пекин, 1957). На основании изучения иероглифических текстов бьяньвэнь автором работы дается характеристика главных особенностей грамматического строя языка литературных памятников этого жанра в соотношении с языком хронологически или по жанру отличных от них текстов — произведений буддийской литературы на китайском языке, тапских юйлу — записей речей буддийских проповедников, сунских рассказов. Таким образом, описание языка бьяньвэнь производится И. Т. Зографом не обособленно, но в сопоставлении с состоянием китайского языка в различные исторические периоды, то есть в эпоху Лючао (III—V) и более позднего периода Сун (X—XIII). Состояние языка показывается не в застывшей форме, а в движении, в процессе развития, что позволяет объективнее выявить своеобразие грамматических и лексических явлений, относящихся к языку произведений жанра бьяньвэнь. Второй раздел, «Словарь», охватывающий весь лексический состав рукописи «Бьяньвэнь о воздаянии за милости», дает ясную картину словарного состава этого памятника культуры и служит полезным справочным инструментом.

Работа И. Т. Зографа стоит в ряду конкретных исследований, тем более ценных, что принадлежит к числу первых специальных работ по лингвистическому изучению памятников бьяньвэнь. Труд этот, несомненно, заслуживает особого и подробного разбора.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На рубеже веков ¹

П. Е. Скачков

Восточный факультет Петербургского университета не мог удовлетворить и сотой доли той потребности, которая начала ощущаться в конце прошлого века в переводчиках с дальневосточных языков. С 1887 по 1900 г. китайско-маньчжурский разряд факультета окончил 26 чел., и все они уходили на консульскую или на преподавательскую работу. Нужно было или реорганизовать Восточный факультет, или создать новый институт с чисто практическими целями.

В 1899 г. во Владивостоке был открыт Восточный институт, имевший главной задачей практическое изучение языков Дальнего Востока: китайского, японского, корейского, монгольского и маньчжурского. В феврале 1898 г. был образован особый комитет в составе представителей Министерства народного просвещения и Министерства финансов, который выработал Устав института. Указ об открытии института последовал 9 июля 1898 г. Директором его был назначен доктор монгольской и калмыцкой словесности А. М. Позднеев, принимавший деятельное участие в выработке Устава института. Для подготовки к преподавательской деятельности Восточным факультетом были командированы в Пекин двое окончивших его в 1896 г. — П. П. Шмидт и А. В. Рудаков. В 1899 г. они приступили к чтению своих лекций.

Курс института был рассчитан на 4 года. В течение первого года все студенты занимались исключительно китайским языком, со второго года студенты выбирали одно из четырех отделений: китайско-японское, китайско-корейское, китайско-монгольское или китайско-маньчжурское, где они изучали два языка, причем здесь китайский язык занимал уже второе место.

Для всех 4-х курсов, помимо восточных языков, обязательными предметами являлись богословие, английский язык, география и этнография страны, политическая организация современного Китая, новейшая история (XX в.) Китая, Кореи и Японии, коммерческая география Восточной Азии, политическая экономия, международное право, государственное устройство России и главнейших европейских держав, счетоводство и товароведение.

Директорами института за время его существования были: А. М. Позднеев (1899—1903); Д. М. Позднеев (1904—1906), А. В. Рудаков (1907—1917). Китайский язык преподавали П. П. Шмидт, А. В. Рудаков, маньчжурский — А. В. Гребенщиков, П. П. Шмидт.

Состав лекторов-китайцев (полагалось два лектора) часто менялся: например, с 1899 по 1909 г. сменилось 13 лекторов китайского языка.

Тибетский язык считался факультативным, преподавал его Гомбоджан Цыбиков (с 1906 г.).

В феврале 1900 г. директор института ходатайствовал перед Министерством народного образования о командировании в Китай окончившего Восточный факультет Н. В. Кюнера для приготовления его к преподавательской работе в институте по кафедре исторических наук. Н. В. Кюнер, еще будучи студентом 3-го курса, работал над историей и географией Восточной Азии и в 1900 г. был награжден золотой медалью за сочинение «Историко-географическое описание Японии». После возвращения из Китая Н. В. Кюнер стал преподавать во Владивостокском Институте географию Китая, Японии и Кореи, историю этих стран и историю отношений с ними России.

Профессора института вели не только большую преподавательскую работу, они выполняли обязанности библиотечкарей (например, Н. В. Кюнер с декабря 1902 г. по май 1905 г.), членов правления и секретарей конференции, редактировали «Известия

¹ Продолжение. Начало см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1, 2.

Восточного института» и подготавливали к печати свои труды, главным образом учебные пособия.

П. П. Шмидтом были изданы лекции по китайскому языку, хрестоматии, учебник маньчжурского языка и составивший эпоху в русском Китаеведении «Опыт» китайской грамматики с лингвистическим введением в изучение китайского языка, опубликованный в 1902 г. и защищенный в качестве диссертации на профессорское звание в октябре того же года.

А. В. Рудаков опубликовал большое число различных образцов китайских текстов (официальных бумаг, драматической литературы, извлечения из трактатов Китая с Россией и т. п.), пособия по изучению скорописи. Издал большой труд «Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции» (1909) и другие не менее ценные работы учебного и научного значения.

Маньчжурский язык в институте преподавали вначале А. М. Позднеев, издавший «Опыт собрания образцов маньчжурской литературы»; А. В. Рудаков, опубликовавший «Образцы маньчжурского официального языка» и «Политическую организацию Маньчжурии». С 1909 г. преподавание маньчжурского языка перешло к А. В. Гребенщикову, окончившему институт в 1907 г.

Н. В. Кюнер написал ряд пособий по географии и истории Китая, в частности «Коммерческая география Китая», «Лекции по истории Китая», «История китайской культуры и география стран Дальнего Востока», «История отношений с Китаем европейских государств и России».

Наиболее капитальным трудом Н. В. Кюнера, подготовленным им во время пребывания во Владивостоке, является «Описание Тибета». Труд хотя и компилятивный, но до сих пор непревзойденный, представляющий как бы энциклопедию разнообразных знаний о Тибете, накопленных наукой к тому времени, и вобравший всю вышедшую до 1907 г. литературу по Тибету.

Изучение разговорного китайского языка было налажено в институте хорошо. Ежегодно значительное число студентов командировалось в Китай, Японию и Корею. Многие студенты удачно публиковали свои письменные работы в «Известиях Восточного института».

Многие из окончивших институт известны в истории отечественного Китаеведения своими трудами по истории, экономике, культуре Китая. Их работы были опубликованы не только в журналах «Вестник Маньчжурии», «Экономический бюллетень», но и в других журналах и газетах на русском языке, периодически издававшихся в Харбине, Шанхае и других городах Китая. Научная деятельность русских Китаеведов вне России является отдельной темой, которой должно быть посвящено специальное исследование.

Благодаря своей типографии институт выпустил большое число печатных и литографических изданий. Основным из них были «Известия Восточного института». В них публиковались отдельные труды профессоров и студентов, учебные пособия, учебные программы. В 1900—1904 гг. в качестве приложения к «Известиям» каждые 10 дней выпускалась «Современная летопись Дальнего Востока», в которой помещались сведения, почерпнутые из более чем 60 дальневосточных периодических изданий как на восточных, так и на западноевропейских языках. Благодаря использованию большого числа периодики «Летопись» сохраняет ценность до сих пор.

Открытие Восточного института способствовало не только прогрессу в изучении Китая в России, но и благоприятно сказывалось на культурной жизни Владивостока.

За время с 1899 по 1916 г. включительно институт окончило более 300 студентов и более 200 офицеров. Из окончивших Восточный институт формировались кадры переводчиков (драгманов), преподавателей китайского и русского языков в Китае. Институт выпустил большое количество изданий по изучению китайского языка, а также по истории, экономике и культуре Китая.

В напряженной педагогической работе окрепли и стали известны в мировой науке такие профессора — китаисты и маньчжуристы, как П. П. Шмидт, А. В. Рудаков, Н. В. Кюнер, А. В. Гребенщиков, тибетолог Г. Цыбиков. Из института вышли такие знаменитости Китая, как Б. И. Панкратов, И. Г. Баранов, А. П. Хионин, А. В. Спицин, Н. К. Новиков и др.

* * *

1900 г. в истории Восточного факультета Петербургского университета был переломным. В апреле 1900 г. скончался акад. В. П. Васильев. В том же году А. О. Ивановский, пережив тяжелую личную драму, психически заболел и прекратил свои лекции. А. М. Позднеев, преподававший маньчжурский язык, в 1898 г. был переведен на должность директора Владивостокского восточного института. Оставленные для подготовки к профессорскому званию П. П. Шмидт и А. В. Рудаков были направлены в Китай и затем причислены к Восточному институту.

На китайско-маньчжурском и японо-китайском разрядах факультета китайский язык остался преподавать один Д. А. Пещуров.

В это время наплыв студентов на китайско-маньчжурский разряд был исключительно велик. С конца XIX в. ежегодно поступало на разряд от 40 до 50 чел. Преподавательская работа Д. А. Пещурова в эти годы была самопожертвованием. Несмотря на свой преклонный возраст и неизлечимую болезнь, он один читал китайский язык на всех четырех курсах двух разрядов.

Декан факультета В. Р. Розен, понимая, что сложившаяся обстановка приведет в случае смерти Д. А. Пещурова к закрытию части факультета, в марте 1902 г. пригласил на преподавательскую должность единственно возможным кандидатом — бывшего в отставке П. С. Попова. Не имевший ученой степени, он был зачислен в качестве приват-доцента.

20 сентября 1902 г. П. С. Попов прочел вступительную лекцию и начал занятия на всех четырех курсах. По сравнению с предыдущими преподавателями он отдавал занятиям гораздо больше времени — 4 раза в неделю по 3 часа.

Во вступительной лекции П. С. Попов подчеркивал, что Китай является колыбелью одной из древнейших цивилизаций мира, рассказал об изучении истории сношений России с Китаем. Пробыв в Китае на дипломатической работе более тридцати лет, П. С. Попов хорошо ориентировался в политической обстановке.

Впервые на Восточном факультете П. С. Попов опубликовал на китайском языке специальные тексты для чтения, используя их для практики в разговорном языке.

В качестве учебных пособий им изданы: избранные китайские тексты, перевод с китайского «Мынцзы», «Изречения Конфуция», «Государственный строй Китая» и дополнения к нему. Брошюра «Конституция и земские учреждения в Китае» изданная им в 1910 г., показывала интерес к реформаторской деятельности Кан Ю-взя, проявленный ранее в статьях, опубликованных в «Вестнике Европы».

Сравнивая программу преподавания, применявшуюся П. С. Поповым, с программами предшествовавших ему преподавателей, можно заметить в ней большую стройность и широту. Это был хотя и небольшой, но шаг вперед.

В 1905 г. вышел в отставку в возрасте 72 лет Д. А. Пещуров, уехавший в свое каляжское имение и умерший там 1 ноября 1913 г.

П. С. Попов остался один, положение с преподаванием китайского языка снова ухудшилось.

В 1908 г. П. С. Попов издал в Йокохаме «Краткое введение к изучению китайского языка». Это небольшое пособие не может, конечно, идти в сравнение с вышедшей в 1902 г. во Владивостоке грамматикой П. П. Шмидта, защищенной на степень магистра в стенах Восточного факультета, но почему-то не принятой в качестве учебного пособия на факультете П. С. Поповым. В его программе нельзя найти даже намека на учебные пособия, изданные Восточным институтом в 1905—1910 гг. («Китайские хрестоматии» П. П. Шмидта, «Образцы китайской литературы» А. В. Рудакова и другие!).

Разобщенность двух высших учебных заведений, в которых велось преподавание китайского и маньчжурского языков, отсутствие единых программ, методики и учебных пособий начинали отрицательно сказываться на возможностях дальнейшего развития отечественного китаеведения.

* * *

В 1901 г. окончил Восточный факультет по китайско-маньчжурскому разряду с дипломом 1-й степени А. И. Иванов.

А. И. Иванов родился 16 марта 1878 г. в Петербурге в семье артиста. Окончив в 1897 г. Петербургскую гимназию, А. И. Иванов поступил на Восточный факультет, после окончания которого был оставлен для подготовки к профессорскому званию и направлен в 1902 г. на два года в научную командировку в Китай.

После возвращения из Китая А. И. Иванов в 1904 г. был еще на один год послан в Западную Европу, где занимался в востоковедных научных учреждениях и библиотеках Англии, Франции и Германии.

15 октября 1905 г. он был допущен к чтению лекций по кафедре китайской словесности в качестве приват-доцента.

Благодаря солидной трехлетней предварительной подготовке А. И. Иванов внес немало нового в преподавание китайского языка.

Он имел возможность изучить разговорный язык и продолжить изучение письменного в Китае; познакомиться с методикой преподавания китайского языка на Западе и противопоставить полусхоластическому методу, сохранявшемуся на разряде, нечто новое. С приходом на кафедру А. И. Иванова стало возможным расширить преподавание китайского языка и ввести курс истории китайской литературы, который он стал читать. Он читал также введение в изучение китайского языка и курс перевода официальных документов.

С 1907/08 учебного года программа А. И. Иванова усложнилась: кроме курса «История китайской литературы XVII—XX вв.», на 5—8-ом семестрах он стал читать лекции, названные им «Очерками конфуцианства, буддизма и даосизма», и на 3—4-ом семестрах — «Новейшие исторические и беллетристические тексты».

А. И. Иванов был первым русским ученым, обратившим внимание на тангутские рукописи, привезенные П. К. Козловым из Хара-Хото. В качестве результатов его весьма предварительных исследований им был издан ряд статей, положивших начало тангутоведению в России.

Еще более заметное улучшение преподавания китайского языка и вопросов китайской истории и культуры наступило в следующем 1910/11 учебном году, когда в число преподавателей вступил новый приват-доцент В. М. Алексеев.

В. М. Алексеев родился 2 января 1881 г. в г. Валдае. После окончания Кронштадтской гимназии (где он учился на стипендию) В. М. Алексеев начал университетское образование в 1898 г. без всяких средств (кроме небольшой стипендии). Окончив в 1902 г. Восточный факультет по китайско-маньчжурскому разряду, он был оставлен по кафедре китайской и маньчжурской словесности по 1 июля 1904 г. и отправлен за границу, где работал в музеях и библиотеках Франции, Англии и Германии. После возвращения из научной командировки В. М. Алексеев трудился над своей магистерской диссертацией.

В 1907—1909 гг. В. М. Алексеев вместе с известным французским синологом Эдуардом Шаванном совершил большую научную экспедицию по Северо-Восточному Китаю, где собирал фольклорный материал и коллекционировал народные картины. В 1909 г. он снова побывал в Европе и в 1911 г. в Китае.

Подготовительная научная работа В. М. Алексеева в течение восьми лет в европейских синологических центрах и в Китае, при неизменном его трудолюбии и блестящих филологических способностях, создала талантливого преподавателя китайского языка и китайской культуры, учителя нескольких поколений китаеведов.

В 1910 г. В. М. Алексеев начал преподавание китайского языка с занятий по фонетике («Учение о звучании пекинского диалекта и чтение текстов фонетической записи»). Это был совершенно самостоятельный курс, созданный В. М. Алексеевым на основе его наблюдений во время пребывания в Китае и работы во Франции.

На 3—4-ом семестрах лекции его были посвящены чтению «Шицзи» Сыма Цяня, на 5—6-ом семестрах В. М. Алексеев читал из истории китайской литературы — критические статьи Люй Цзун-юня (XII в.) о летописи «Цзочжуань», на 7-м семестре — поэзию эпохи Тан, на 7 и 8-ом семестрах — образцы прозы Ван Би, Хань Юя, Люй Цзун-кая. К программе был приложен большой список литературы — пособие, к которым предлагалось обращаться студентам (из них «Канси цзыдянь», «Пэйвэнь юньфу», переводы Шаванна, Легга и др.).

Все это было необычно для китайско-маньчжурского разряда и являло новую, более прогрессивную методику в преподавании китайского языка.

С 1910/11 учебного года начал преподавание приват-доцент А. Е. Любимов, поступивший на Восточный факультет в 1903 г. и окончивший его в 1908 г. Он читал курс «Политическая история Китая XIX в.», историко-географический обзор Китая с древнейших времен. В программе было также «чтение и интерпретация» маньчжурских документов.

Длительная предварительная подготовка к преподавательской деятельности А. И. Иванова и В. М. Алексеева обеспечила Восточный факультет квалифицированными преподавателями китайского языка. Изучение китайского языка стало на твердые, научно обоснованные позиции.

Лекции А. Е. Любимова по истории Китая восполнили пробел, который после ухода В. П. Васильева с конца XIX в. был одним из существенных недочетов в подготовке китаеведов.

Курсы, введенные в преподавание А. И. Ивановым, В. М. Алексеевым, А. Е. Любимовым и В. Л. Котвичем, позволили поставить преподавание китайского языка и китаеведческих дисциплин не только на уровень западноевропейских высших учебных заведений, но превзойти их в разнообразии и широте охвата проблематики.

Ежегодно как В. М. Алексеев, так и А. И. Иванов вносили изменения в свои программы. Например, в 1914—1915 гг. А. И. Иванов, кроме грамматики, стал читать курсы «Введение в изучение китайского языка», «Образцы юридической литературы и китайской поэзии до цинского периода» и «Очерк древней китайской литературы».

В. М. Алексеев, продолжая читать избранные произведения китайской поэзии до эпохи Тан, останавливался на жизни и творчестве Хань Юя, ввел курс «Изложение терминологии китайских исторических рассуждений и чтение Су Сюня». В 1916/17 учебном году В. М. Алексеев принял на себя чтение курсов «Введение в изучение китайского языка» и «История изучения китайской литературы». Кроме образцов поэзии до танского периода и танских авторов, сунской художественной прозы, Василий Михайлович ознакомил (впервые) с повестями Пу Сун-лина.

А. Е. Любимов, кроме предметов, читаемых в предыдущие годы, ввел в курс «Историю изучения Дальнего Востока в Европе и России». В дополнение к китаеведческим дисциплинам студенты слушали курс «Введение в языкознание и историю древней философии».

Таковы были программы и циклы лекций на китайско-маньчжурском отделении Восточного факультета на пороге Великой Октябрьской революции. Преподавание сво-

двиглось к изучению китайского литературного языка на образцах, сложившихся главным образом до маньчжурского периода.

Благодаря высокой квалификации профессоров, и главным образом В. М. Алексеева, русское Китаеведение стояло на одном из первых мест в Европе и советская наука получила таких крупных специалистов-Китаеведов, подготовленных в предреволюционные годы, как Н. И. Конрад, Н. А. Невский, К. К. Флуг и др. Ведя преподавательскую работу, В. М. Алексеев и А. И. Иванов до Октябрьской революции создали и ряд научных трудов. В. М. Алексеев, работавший приватно в архиве Азиатского музея с 1902 г., с января 1913 г. был зачислен младшим ученым-хранителем музея и в 1917 г. избран старшим ученым-хранителем. Он не только превратил китайский отдел музея «из архивного дела в лабораторию современного синолога», как сказал об этом С. Ф. Ольденбург, путем создания алфавитного каталога, служившего до самого последнего времени (до нового каталога, созданного в 1961—1962 гг. коллективом под руководством Л. К. Павловской) надежным доступом к музейным коллекциям китайской литературы, но и своими систематическими закупками китайской литературы способствовал весьма ценному пополнению этого фонда.

Многообразие текстов, читанных корифеем русского Китаеведения акад. В. П. Васильевым и В. М. Алексеевым, сближение их интересов в области истории художественной литературы выявляют некоторую преемственность школы В. М. Алексеева от первого академика-Китаеведа. Методика преподавания В. М. Алексеева подчинялась на первых порах, как и В. П. Васильева, субъективным интересам. Отчетливой методической последовательности в преподавательской деятельности В. М. Алексеева в предреволюционный период еще не было. Но в этот период В. И. Алексеев все время ищет других, более совершенных форм методики преподавания китайского языка в связи с изучением истории китайской литературы.

В одной из своих статей в 1917 г. В. М. Алексеев поставил вопрос: «И не будет ли при этом осторожнее всего начать с изучения поэтов как ядра литературы, и не будет ли таким образом положено начало научному изучению китайской литературы». Отсюда начинаются активные поиски усовершенствования методики преподавания не только истории китайской литературы, но и всего комплекса китайского языкознания. В этой же статье В. М. Алексеев подробно обосновывает свое мнение об исключении из учебных программ занятий классическими канонами.

В. М. Алексеев не только предложил начать изучение истории китайской литературы со знакомства с творениями отдельных поэтов и прозаиков, но и сам осуществил это, представив блестящее исследование стансов Сыкун Ту. В истории изучения китайской литературы «Китайская поэма о поэте» — так назвал В. М. Алексеев свое исследование — занимает одно из первых мест в мировой науке: этот фундаментальный филологический труд служит не только примером для исследований подобного рода, но и является учебным пособием для понимания старых текстов.

Все отрицательные черты, присущие старому русскому Китаеведению, были ясно осознаны В. М. Алексеевым позже, уже в советское время.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Как заселялся Дальний Восток¹

Монография д-ра ист. наук В. М. Кабузана «Как заселялся Дальний Восток» рассчитана на историков-специалистов. Она насыщена обширным цифровым и фактическим материалом. Основным главам предпослан историографический обзор. Стиль изложения академичный, профессиональный. Тем не менее книга сразу нашла путь к массовому читателю — тираж разошелся необычайно быстро; в Хабаровске, где она была издана, ее уже практически невозможно достать.

В книге подробно и обстоятельно рассказывается о людях, которые своим трудом «сделали этот край Россией» (с. 141).

Первая глава начинается с краткого обзора истории народностей, населявших Приамурье и Приморье с незапамятных времен и создавших свою, самобытную культуру. «В первой половине XVII в., — указывает автор, — в Приамурье и Приморье обитали, как и ранее, независимые племена (дауры, дючеры, натки, гиляки, тунгусы и др.), добывавшие средства к жизни охотой и рыболовством. Лишь дауры и дючеры... занимались также земледелием. На этой территории совершенно отсутствовало какое бы то ни было маньчжурское или китайское население» (с. 20).

В 40—50-х годах XVII в. край был еще мало заселен — здесь проживало всего 40 тыс. чел. Просторы Дальнего Востока ждали тех, кто сумеет их освоить (с. 21—22).

На привокзальной площади Хабаровска стоит памятник Ерофею Павловичу Хабарову. Он, а также В. Д. Поярков, О. Степанов, Н. Р. Черниговский и другие возглавили партии предприимчивых казаков, которые в первой половине XVII в. положили начало освоению Приамурья и Приморья. В 1649 и 1669 гг. недалеко от устья Амура, при впадении в него реки Амгунь, они установили каменные столбы, свидетельствующие о включении края в состав России.

¹ В. М. Кабузан. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII — начало XX в.). Хабаровск, 1973, 192 с.

Местное население признало власть России. Хабаров и его преемник Степанов приняли в русское подданство население района Амура, а также низовьев рек Сунгари и Уссури.

Русские пришли на Дальний Восток не как завоеватели или поработители, а как труженники-земледельцы. Первые шаги казаков и крестьян по дальневосточной земле были связаны с основанием слобод, деревень, заимок. Вспахивалась целина и выращивался хлеб. В 80-х годах XVII в. «успехи в освоении Приамурья привели к тому, что Албазинский уезд снабжал хлебом Забайкалье и даже другие районы Восточной Сибири» (с. 23).

Процесс заселения и освоения Приамурья и Приморья был прерван агрессивней цинской маньчжурской монархии, незадолго до этого покорившей Китай. В 1689 г. Россия была военной силой навязан несправедливый Нерчинский договор. Отряд русского уполномоченного Ф. А. Головина насчитывал всего 1500 стрельцов и казаков, а маньчжуры привели с собой более чем 12-тысячное войско, оснащенное артиллерией. «Россия вынуждена была отказаться от Верхнего и части Среднего Амура, в течение более чем 40 лет принадлежавшего ей и в значительной мере уже освоенного русскими переселенцами». К Китаю отошли земли, никогда ранее ему не принадлежавшие. Это было прямо признано в докладе Военного совета (Цзюньцзичу) богдыхану Канси (с. 27).

В рецензируемой книге содержится анализ последствий маньчжурского захвата. Автор сравнивает освоение территорий, оставшихся под властью России, с положением на тех землях, которые были отторгнуты Циннами. В XVIII в. и в первой половине XIX в. быстрыми темпами растет население Сибири. За 138 лет оно увеличилось почти на 500%. Население Сибири росло не только абсолютно — увеличивалась его доля в составе всей России. Если в 1719 г. в Сибири проживало 3,1% населения всей страны, то в 1857 г. — 4,58%. Что же касается Приамурья и Приморья, то после Нерчинского договора и ухода русских там прослеживается явный упадок. Численность населения резко сократилась. В середине XIX в. число аборигенов по обоим берегам Амура определялось всего в 15 тыс. Правители Китая никаких мер к освоению края не предпринимали. Это и не удивительно, поскольку к середине XIX в. почти незаселенной оставалась и северная часть самой Маньчжурии, провинция Хэйлунцзян. Таким образом, после заключения Нерчинского договора Приамурье и Приморье, по существу, стали пустынным буферным пространством между Россией и Цинской империей (с. 29—35, 179—180).

Естественно, что Россия не могла примириться с отторжением своих дальневосточных земель. Интерес к ним усиливается в начале XIX в. Казаки и крестьяне, поселившиеся на Амуре, доносили, что там нет оседлого населения, ни государственных властей. А. Ф. Миндендорфом в 1844 г. и Г. Н. Невельским в 1849—1855 гг. было окончательно установлено, указывает В. М. Кабузан, «что племена, обитающие по нижнему и среднему течению Амура, никаких сведений китайскому правительству не представляли и в зависимости от него не находились» (с. 34). Располагая такими сведениями, Россия возбудила перед Китаем вопрос об окончательном разграничении на Дальнем Востоке. Заключение Айгунского (1858), Тяньцзиньского (1858) и Пекинского (1860) договоров было актом исторической справедливости. Нашей стране было возвращено Приамурье, и к ней отошли никогда не принадлежавшие Китаю земли Приморья, где граница между двумя государствами выдвинута с конца XVII в., так и не была проведена. Правый берег Амура, по верхнему и среднему течению, остался в составе китайской монархии, хотя в XVII в. здесь были русские крепости и сельскохозяйственные поселения.

Характерно, что прибытие русских переселенцев началось еще до подписания Айгунского договора. Они шли на никем не занятые земли и осваивали их. С начала 40-х годов XIX в. переселенцы оседают в низовьях Амура, где сейчас находится паттерн городов Дальнего Востока — Николаевск (основан в 1850 г.). К 1858 г. на этой территории Дальневосточного края проживало уже более 6000 русских (с. 44).

На первом этапе освоения возвращенных земель большую роль сыграли казаки. 9 декабря 1858 г. был издан Указ о создании Амурского казачьего войска «для охранения юго-восточной границы... и поддержания сообщения по рр. Амуру и Уссурий» (с. 49). Войско комплектовалось из казаков и «нижних чинов», переселявшихся из Забайкалья. За период 1858—1862 гг.

Амурскую и Приморскую области переселилось около 16 тыс. казаков (вместе с семьями). Казаки основали на Дальнем Востоке более 100 населенных пунктов. Казакам приходилось трудно, они были обременены военной службой и почтовой повинностью и одновременно должны были заниматься сельским хозяйством, содержать семьи. По подсчетам, производившимся в 1869 г., 1/3 всех казачьих семей бедствовали.

Решающую роль в освоении Приамурья Приморья сыграл поток переселенцев-крестьян. В течение нескольких десятилетий, преодолевая большие трудности, эти люди прибывали на Дальний Восток и обживали его. Временами их поток замедлялся, но в основном счете неуклонно нарастал.

Переселение крестьян в заметных количествах начинается с 1859 г. Первый этап, первые десять лет освоения, 1858—1869 гг., показал уже весьма значительный

рост русского населения: в Амурской области — с 2950 до 23 837 чел., в Приморской — с 3456 до 19 222 чел. (с. 66). Амурская область осваивалась быстрее, поскольку туда путь по суше был короче, чем до Приморья. К 1869 г. на территории Дальнего Востока было основано 193 казачьих и крестьянских поселка и 4 города (с. 64).

В 70-х годах поток переселенцев-крестьян уменьшился. Это объяснялось трудностью пути и крайне недостаточной помощью со стороны царских властей. Приходилось преодолевать тысячи и тысячи верст пешком и на лошадях. Не все доходило до цели. Например, в 1877 г. в Амурской области обосновалось лишь 15% из числа получивших разрешение на переселение. Остальные не дошли из-за «истощения средств» (с. 82).

В 1882 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин рекомендовал организовать перевоз переселенцев морем на казенный счет. Это предложение было принято, и начиная с 1883 г. из Одесского порта в Южно-Уссурийский край поплыли новоселы. Перевозка морем дала возможность принять активное участие в заселении Дальнего Востока выходцам из европейских губерний и в особенности с Украины. Поток переселенцев резко возрос. Всего за период с 1883 по 1901 г. морем в Южно-Уссурийский край было перевезено 55 208 чел. Приморье по темпам освоения уже не уступало Амурской области и даже обгоняло ее.

Прошло всего тридцать с небольшим лет после воссоединения дальневосточных земель с Россией, а переселенцы уже решительно изменили их облик. «В отчете приморского военного губернатора за 1891 г. так оцениваются успехи колонизации края: «Переселение шло успешно. Благодаря этому заселению русским народом земель, прилежащих к заливу Петра Великого, край этот за последние годы узнать нельзя». Там, где еще недавно была пустошь, можно увидеть избы новых деревень и услышать русскую и украинскую речь» (с. 111).

На одной из иллюстраций, содержащихся в книге В. М. Кабузана, запечатлено строительство железной дороги в тайге. Под ней подпись: «Транссибирская магистраль заново открывала Сибирь и Дальний Восток» (с. 117). Действительно, трудно переоценить значение Уссурийской и Китайско-Восточной железных дорог, построенных Россией в конце XIX — начале XX вв.² Они намного облегчили путь из

² Уссурийская железная дорога была построена в 1893—1897 гг. Ныне входит в Дальневосточную железную дорогу СССР. КВЖД была построена Россией в 1897—1903 гг. по русско-китайскому договору 1896 г. По советско-китайскому соглашению от 14 февраля 1950 г. СССР все свои права на эту дорогу безвозмездно передал КНР.

Европейской России на Дальний Восток, и в связи с их проведенным перевозка переселенцев морем была прекращена.

Последний, наиболее интенсивный период заселения и хозяйственного освоения Дальнего Востока — это 1906—1917 гг., канун Великой Октябрьской социалистической революции. Интенсификация переселения способствовали политическая ситуация и социально-экономические условия, сложившиеся тогда в России, а железная дорога давала возможность в короткий срок перебросить большие массы людей. Анализируя процесс заселения Дальнего Востока, В. М. Кабузан делает вывод, что максимальное количество переселенцев прибыло сюда в 1907—1910 гг. (с. 147). Многие десятки тысяч людей приезжали ежегодно.

В 1914 г. численность жителей Дальневосточного края увеличилась почти в 50 раз по сравнению с 1858 г. и приближалась к миллиону (с. 169). Большинство из них (81,9%) были русскими и украинцами (с. 190).

Третья глава рецензируемой монографии называется «Трудовой подвиг украинского и русского крестьянства». Его усилиями дикие и пустынные прежде земли за исторически короткий срок были превращены в процветающие сельскохозяйственные районы. «Огромный приток энергичных, предприимчивых русских и украинских крестьян разбудил и призвал к жизни дремавшие силы щедрой природы Дальнего Востока» (с. 192). Нелегко им приходилось, особенно на первых порах.

Однако переселенцы не сдавались. Они накапливали опыт и находили способы ведения сельского хозяйства в условиях Дальнего Востока. Прошло всего несколько лет, и уже были серьезные успехи. В начале 90-х годов край полностью обеспечил себя хлебом (с. 187).

Особенно успешно развивалось земледелие в Амурской области, которая превратилась в житницу Дальнего Востока. В 1869 г. крестьяне этой области собрали урожай по 67,5 пуда (1100,25 кг!) хлеба на душу населения. Для пропитания самих крестьян и на посев требовалось 24 пуда на душу в год. Остальное составляли излишки, товарный хлеб, которые сбывались в Приморье и в Благовещенске (с. 69). Посевные площади, урожайность и валовой сбор хлеба неуклонно возрастали, исключая отдельные относительно менее урожайные годы.

Заметные успехи были достигнуты и в Приморье, особенно в Южно-Уссурийском округе, где только с 1870 по 1890 г. площади земли, обрабатываемой русскими крестьянами, выросли в 23,3 раза (с. 129—130).

На всей территории русского Дальнего Востока успешно развивались огородничество, рыболовство, добыча зверя.

В книге В. М. Кабузана подробно исследован вопрос о том, откуда, в какие

годы, в каком количестве переселялись крестьяне на Дальний Восток. Они прибывали из Сибири, из европейских губерний России, из Белоруссии, даже из Прибалтики, но особенно велико было число переселенцев с Украины.

Социально-классовый состав крестьян-переселенцев менялся в зависимости от условий переезда («своекоштный» или «казеннокоштный»), от политики правительства, поощрявшего переселение то более зажиточных слоев, то маломужих (после реформ Столыпина). Можно заключить, что в целом в массе переселенцев были представлены все слои крестьянства. Их манили на Дальний Восток «вольные просторы», отсутствие помещичьего землевладения.

Исследуется автором также возникновение, рост, развитие городов Дальнего Востока. Выше уже отмечалось, что в 1850 г. был основан Николаевск-на-Амуре, в 50—60-х годах — Благовещенск, Хабаровск (вначале он назывался Хабаровкой), Владивосток. К 1906 г. численность жителей городов определялась в 133 597 чел. (27,7% населения края), к 1914 г. — в 324 250 чел. (33,5% населения) (с. 169).

В. М. Кабузан анализирует национальный состав жителей городов. Преобладающее большинство среди них составляли русские.

В условиях царской России и эгонической, часто за счет национальных интересов, политики буржуазии обрабатывающая промышленность не получила значительного развития в Приамурье и Приморье. «Города Дальнего Востока тогда являлись торговыми, транспортными, административными и в значительно меньшей мере промышленными центрами. Развитие в них промышленности сдерживалось недостатком капиталов, узостью местного рынка и системой «порто-франко», широко открывшей двери для иностранцев. Появление на Дальнем Востоке фабрично-заводских предприятий противоречило бы также интересам промышленной буржуазии центральных районов России. Некоторое развитие на Дальнем Востоке получили лишь отдельные отрасли добывающей промышленности (золото, рыба, лес), военные предприятия, пищевая промышленность и т. д.» (с. 127—128). Такое положение сохранялось до Великой Октябрьской социалистической революции.

В рецензируемой работе много места уделено и аборигенам Дальнего Востока. Племена, проживавшие в бассейнах Амура, Усури, Сунгари, видели во вступлении в русское подданство единственную гарантию своей безопасности. В XVII в. маньчжуры открыли против русских военные действия, а коренных жителей, дауров и дочеров, насильственно переселили в глубь Маньчжурии. Из-за этого численность коренного населения уменьшилась более чем вдвое, с 40,7 тыс. до 20,2 тыс. (с. 21—22, 24, 179). Из-за эпидемий и продолжавшихся переселений в Маньчжурию численность аборигенов к моменту воссо-

заселения края с Россней составляла всего 17 тыс. чел. (с. 79).

Между русскими переселенцами, подавляющее большинство которых были представители трудящихся классов, и местными жителями наладились хорошие отношения. В ходе контактов аборигены приобрели навыки скотоводства и огородничества. Создавались школы для обучения их детей. Численность коренного населения начала расти и в 1897 г. достигла максимума — 17,9 тыс. чел. Затем их численность несколько уменьшилась (в 1916 г. — 15,9 тыс.), в основном из-за того, что царские власти отказывали им должной помощи в деле здравоохранения и в приспособлении к новым экономическим и географическим условиям, которые создавались развитием земледелия, строительством городов и поселков. Большие потери аборигенам наносила эпидемия, в особенности оспа. Только в октябре Октябрь и Советская власть дали новым народам Дальнего Востока полную свободу жизни, возможность участия в строительстве социализма и коммунизма, равное образование, медицинскую помощь.

До воссоединения края с Россней порочный китайский населения здесь не было. Оно появилось лишь после того, как русские переселенцы стали развивать экономику Приморья и Приамурья. Значительную часть китайцев составляли рабочие-сезонники. Цинские власти, озабоченные тем, что многие районы Маньчжурии оставались малозаселенными и неосвоенными, распорядились, чтобы к весне 1883 г. подданные Китая, временно проживавшие в Южно-Уссурийском крае, переселились в пределы Гиринской провинции.

Какова была роль царского правительства в заселении и освоении Дальнего Востока? Факты, приведенные в книге В. М. Кабузана, свидетельствуют, что она была явно недостаточной. «Развитие края, безусловно, проходило бы более ускоренными темпами, если бы царские власти сразу же приняли решительные меры для облегчения и улучшения положения всех желающих переселиться на Дальний Восток» (с. 40—41). В конце 50-х и начале 60-х годов XIX в. на покрытие расходов по переселению выделялось по 100 000 руб. в год. Генерал-губернатору Восточной Сибири выделялось 50 000 руб. на выдачу денег крестьянам из расчета не свыше 60 руб. за одну семью (с. 52). Местные власти в своих «верноподданнейших отчетах» писали совершенно недостаточном характере помощи казны и просили ее увеличить. До столыпинских реформ политика царизма состояла в том, чтобы поощрять миграцию на Дальний Восток зажиточных крестьян за их счет. Правительство руководствовало не национальными интересами страны, а узкоклассовыми, его политика «была направлена на обеспечение помещичьих хозяйств сельскохозяйственных районов Европей-

ской России дешевой рабочей силой» (с. 96).

В ходе проведения столыпинских реформ и после них (1906—1917) правительство стало поощрять переселение безземельных и малоземельных крестьян на «окраины» государства (с. 142), руководствуясь опять узкоклассовыми, на этот раз политическими, интересами тех же помещиков. Поток сельской бедноты хлынул на Дальний Восток, но этим людям не было оказано должной помощи. «Более половины переселенцев не имели возможности обзавестись на новых местах собственным хозяйством. Значительная часть их возвращалась обратно, остальные пополняли огромную армию батраков» (с. 143).

Автор рецензируемой работы ставил «своей целью более подробно, чем это делалось до сих пор, исследовать ход изменений в численности и размещении населения Приамурья и Приморья за период с середины XVII в. по 1917 г.» (с. 14). На наш взгляд, поставленная цель вполне им достигнута. Достоинством книги является ее документальность, анализ обширного архивного материала. Автор подробно показал и охарактеризовал процесс заселения Русского Дальнего Востока.

Хорошо известны слова В. И. Ленина: «Владивосток далеко, но ведь это город-нашенский»³. Исследования, подобные работе В. М. Кабузана, наглядно показывают, как переселявшиеся на Дальний Восток крестьяне и рабочие своим трудом сделали эту землю нашенской. Подлинная история Дальнего Востока, документы и факты убедительно вскрывают несостоятельность попыток сначала цинских историков, позднее — гомильдановских и ныне — маоистских «обосновать» агрессивные территориальные притязания на русские, а ныне — советские Приамурье и Приморье.

Рецензируемая работа не свободна и от недостатков. Думается, следовало шире показать значение Транссибирской железной дороги для заселения и экономического развития Дальнего Востока, больше внимания уделить социальному и материальному положению переселенцев, более подробно рассмотреть правовые документы, регламентировавшие порядок переселения. Встречаются разночтения в цифрах. Например, на с. 44 численность русского населения Приморья в 1858 г. определяется в 3399 чел., а на с. 66 — в 3456 чел. Книга не снабжена оглавлением. Эти недостатки, однако, не колеблют общую позитивную оценку работы В. М. Кабузана.

Ю. В. Качановский,
кандидат исторических наук

Хабаровск

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. с. 303.

Маоизм — идейный и политический противник марксизма-ленинизма

Коллективом научных работников Советского Союза, Болгарии, Венгрии, ГДР, МНР, Польши и Чехословакии выпущена совместная работа «Маоизм — идейный и политический противник марксизма-ленинизма»¹. Авторами предпринята попытка «через призму трех составных частей марксизма-ленинизма раскрыть подлинную суть маонистских взглядов, показать их антинаучный, антимарксистский характер и привести наиболее существенные аргументы, подтверждающие эти оценки» (с. 25).

Такой методологический подход к анализу маоизма как идейного и политического противника марксизма-ленинизма не случаен. Дело в том, что в революционном движении все еще продолжают сохраняться известные заблуждения в отношении маоизма и политики китайского руководства. Иначе говоря, не все революционные силы современности до конца поняли истинную, враждебную марксизму-ленинизму природу маоизма, осознали ту опасность, которую он несет делу социализма, демократии и мира. Необходимость в такой методологии диктовалась еще и тем, что маоизм паразитирует на мировом революционном процессе, прикрываясь знаменем марксизма-ленинизма и громкими фразами о социализме. Поэтому в работе обстоятельно рассматриваются философские взгляды маоизма, раскрывается их истинная сущность — эклектичность, метафизичность и субъективизм, дается анализ экономических концепций, а также отношений маоизма и научного коммунизма.

На последнем хотелось бы остановиться особо. Маоисты утверждают, что не кто иной, как Мао Цзэ-дун, сделал главный вклад в теорию коммунизма. Этот «вклад» они видят прежде всего в создании теории перманентной революции при социализме и, в частности, теории «культурной революции», которая представляет собой, с их точки зрения, «план перехода революции в мировом масштабе от социализма к коммунизму» (с. 86), а также в выработке стратегии мировой революции, состоящей в окружении «мировой деревней» «мирового города». Наконец, вкладом Мао Цзэ-дуна в теорию коммунизма маоисты считают концепцию «больших скачков», что якобы позволяет обществу перепрыгивать благодаря «идеям Мао Цзэ-ду-

на» через определенные этапы и совершать «стремительные взлеты».

В книге показана главная пружина маоизма — его политика, определяемая в настоящее время решениями X съезда КПК. «Для маоизма, — замечают авторы, — мировая революция означает прежде всего волюнтаристический экспорт революционного насилия, искусственное разжигание вооруженных действий, установку на окружение «деревней городов», на борьбу слаборазвитых стран против более развитых стран независимо от их социального строя, на военное насилие в международном масштабе» (с. 105). Справедливость такого вывода подтверждает сама жизнь. В последнее время у маоистов значительно возрос интерес к борьбе, которую ведут страны «третьего мира». Этот интерес, подогреваемый возникновением энергетического кризиса, продиктован сугубо гегемонистскими целями, стремлением Пекина навязать развивающимся странам свои идеи и концепции.

Курс внешней политики Пекина в отношении развивающихся стран преследует прежде всего антисоветские цели. Раскрывая чуждую и враждебную марксизму-ленинизму идеологию китайских руководителей, авторы книги приводят читателя к мысли о том, что маоизм «представляет собой мелкобуржуазное и националистическое идейное и политическое течение, выросшее на почве социально-экономической отсталости и великоханьского шовинизма» (с. 23).

Действительно, маоизм как идеология представляет собой великоханьский социалшовинизм. Теорию революции и социализма он сводит к набору субъективистских постулатов и установок о наследственном преобразовании общества в духе мелкобуржуазных и казарменных представлений о социализме, роль которого — служить великодержавию и гегемонизму. Уже в начале 50-х годов некоторые китайские руководители утопически рассчитывали за 15 лет «догнать Советский Союз», игнорируя экономические и технические возможности Китая. Мао Цзэ-дун выдвинул задачу превратить Китай в первую державу мира. С этой целью был предпринят авантюристический «большой скачок» в народном хозяйстве, закончившийся позорным провалом.

В течение 60-х годов шел процесс дальнейшего роста шовинистических элементов. Маоизм все больше и больше превращался в антисоциалистическую и антисоветскую идеологию, получившую официальное оформление на IX съезде КПК весной 1969 г. Именно эта великодержавная, социалшовинистическая идеология лежит в основе всех теоретических установок внешней политики КНР и практических действий Пекина на международной арене. Под ее непосредственным воздействием X съезд КПК дал определение характера современной эпохи как эпохи «империализма и пролетарских революций». Нетрудно заметить, что это определение полностью игнорирует существовавшие социалистической системы. Сделано это

¹ «Маоизм — идейный и политический противник марксизма-ленинизма». М., Изд-во «Правда», 1975.

преднамеренно, с целью снять вопрос о существовании мирового социализма и представить дело так, будто в мире еще надо создать реальный социализм, и решить эту задачу предстоит Китаю. Следовательно, современная эпоха в конечном счете есть эпоха утверждения маоизма и гегемонии Китая, призванного возглавить «пролетарские революции» и «освободить все человечество».

Политики из Пекина утверждают, что социализм современной эпохи определяет борьба различных держав за гегемонию на мировой арене независимо от их социального строя. А раз так, то международная напряженность и войны — явления неизбежные. «Сегодня за гегемонию, — заявляют политики, — борются главным образом две державы сверхдержавы — США и СССР... они ведут схватку и вместе с тем вступают в сговор друг с другом, причем сговариваются между собой, чтобы еще ожесточеннее вести схватку». Основываясь на своей теории борьбы за гегемонию, маонисты создали в начале 1974 г. теорию «трех миров», изложенную Дэн Сяопином на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в апреле 1974 г. Смысл этой теории состоит в том, что против «первого мира» (то есть СССР и США, а фактически против СССР) ведут борьбу «третий» (развивающиеся страны, куда причисляется Китай) и «второй» (развитые капиталистические и социалистические страны) миры.

Подобная оценка маонистами современной эпохи преследует еще одну цель, а именно — обосновать неизбежность войны. Когда мы говорим сегодня, что войны можно избежать, мы связываем это прежде всего с существованием социалистического содружества, без которого невозможно заставить империализм отказаться от применения силы. Если бы мировой системы социализма не существовало (а китайские лидеры официально утверждают, что таковой «больше не существует»), то возникновение войн было бы неизбежным. Поэтому своим толкованием современной эпохи как «эпохи империализма и пролетарских революций» маонисты не только акцентируют перед империализмом, но и утверждают идею неизбежности войн. На съезде КПК недвусмысленно было сказано, что «ныне обстановка характеризуется колоссальными беспорядками на земле... разрядка — явление временное и поверхностное, а колоссальные беспорядки будут продолжаться». Хорошо известно, что на политическом жаргоне маонистов «колоссальные беспорядки» или «колоссальные потрясения» означают прежде всего войны, к которым, после того как права КНР в ООН были восстановлены, не могут призывать открыто. Стоит ли после этого удивляться, что развитие международной обстановки в будущем маонистам представляется в виде «всеобщих расколов и новых союзов», а затем «пандемии повсюду», или «полного беспорядка», который, согласно маонистской логике, идет к «всеобщему порядку».

«Столь чуждые марксизму-ленинизму

представления о современной эпохе и международном положении связаны не только с социал-шовинистической, гегемонистской сущностью маоизма. Они имеют своим источником также философские взгляды маонистов, их гносеологию и методологию. Дело в том, что Мао Цзэ-дун, как указывают авторы, «не только игнорирует конкретно-исторический подход к проблеме, но и само противоречие, взаимоотношения противоположностей понимает метафизически. Маоизм отождествляет понятие диалектической и социальной противоположности. В этом гносеологический источник его ошибок» (с. 37—38).

Маонисты абсолютизируют борьбу противоположностей, сводят любые противоречия на международной арене к антагонизмам, разрешимым только путем войны. Известны рассуждения Мао о мировой войне: «Если действительно разразится атомная война, не так уж это плохо, в итоге погибнет капитализм и на земле воцарится вечный мир». Только такого рода «диалектика» и могла послужить основой авантюристического подхода маонистов к коренным проблемам современного мира.

В рецензируемой работе убедительно показано, что для маонистской методологии характерны догматизм и доктринерская ограниченность, находящие проявление как в глобальной стратегии, так и во внешнеполитической тактике. Мао Цзэ-дуну и его сторонникам не только чужд научный подход к явлениям современности, они не только еще глубже погружаются в белое догматизма, но и демонстрируют удивительный примитивизм в своих взглядах, в обосновании своих позиций. Для них характерно сочетание примитивизма в мышлении с агрессивностью в политике.

Маонисты отражают действительность в иллюзорных формах, субъективно-идеалистически, произвольно деформируя и искажая реальность, что перниформизм приводит внешнеполитический курс Пекина к провалам и поражениям.

На X съезде КПК было высказано утверждение, что главная опасность войны в настоящее время связана не с империализмом, а с так называемым «современным ревизионизмом», то есть с социалистическим содружеством. Эту идею китайская дипломатия усиленно распространяет за рубежом, особенно в капиталистических странах Европы, рассчитывая с ее помощью внести раскол в мировое коммунистическое движение, сорвать процесс разрядки на Европейском континенте. «Полностью исказив природу противоречий в современную эпоху между двумя противоположными социальными системами, — делают вывод авторы книги, — китайские руководители противопоставили себя всем силам, которые являются главной опорой мирового революционного и освободительного движения, дела мира и безопасности» (с. 101).

В заключительной части книги авторы утверждают, что в подходе к теории социа-

лизма маоистская доктрина представляет собой «обоснование господства военно-бюрократического режима маоистской группировки, широкого применения насилия в общественной жизни, попыток использовать знамя социализма для нужд великодержавной шовиннистической политики, насаждения псевдокоммунистических казарменных прав и порядков» (с. 109).

Судя по содержанию и духу передовой статьи «Жэньминь жибао» «Идти вперед по столбовой дорожке социализма», опубликованной в связи с 25-летием КНР, маоисты намерены и впредь паразитировать на марксизме-ленинизме и социализме. Задача марксистов-ленинцев — вести принципиальную идеологическую борьбу против подобного «примазывания» к нему маоистов. Эта борьба, как и прежде, преследует цель помочь китайскому народу вернуться на позиции научного социализма, что «будет означать не только преодоление маоизма и его последствий, но также установление дружбы и сотрудничества со всеми странами социалистического содружества на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма» (с. 110).

Наша партия давала и будет давать отпор действиям Пекина, направленным на

раскол международного коммунистического движения, на смыкание с крайней империалистической реакцией. «Вместе с тем, — как говорил товарищ Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС, — наша партия и Советское правительство глубоко убеждены, что улучшение отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой отвечало бы коренным, долговременным интересам обеих наших стран, интересам социализма, свободы народов и укрепления мира. Поэтому мы готовы всемерно содействовать не только нормализации отношений, но и восстановлению добрососедства и дружбы между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой и выражаем уверенность, что в конечном счете это будет достигнуто»².

Рецензируемая книга, несомненно, привлечет внимание партийного актива, лекторов, пропагандистов, широкой общественности, поможет составить более четкое и ясное представление о маоизме — идейном и политическом противнике марксизма-ленинизма.

В. А. Кривцов,
кандидат философских наук

² «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, с. 12.

Синьхайская революция и Сунь Ят-сен¹

Советские историки внесли немалый вклад в изучение истории китайской революции 1911—1913 гг., известной под названием Синьхайской революции, и деятельности ее руководителя доктора Сунь Ят-сена². В свое время многое было сдела-

но для исследования истории этой буржуазной революции эпохи «пробуждения Азии» и в Китайской Народной Республике. На Тайване в 1961—1967 гг. опубликовано немало документов, относящихся к периоду революции, в свое время вывезенных гоминьдановцами при их бегстве из материкового Китая. Западная историческая наука проявляет большой интерес к отдельным сторонам Синьхайской революции.

В истории революции 1911—1913 гг. выдающееся место по праву принадлежит ее лидеру Сунь Ят-сену, бесстрашному китайскому революционеру-демократу. Поэтому появление в Советском Союзе новой работы о революции 1911—1913 гг. и Сунь Ят-сене.

¹ Г. В. Ефимов. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен (1911—1913). Факты и проблемы. «Наука». Главная редакция восточной литературы. М., 1974.

² К. В. Антонов. Суньятсенизм и китайская революция. М., 1931; Е. А. Белов. Революция 1911—1913 гг. в Китае. М., 1958; Л. Н. Борох. Союз возрождения Китая. М., 1971; А. А. Григорьев. Антиимпериалистическая программа китайских буржуазных революционеров (1895—1905). М., 1966; В. И. Данилов. «Объединенная революционная лига Китая» и ее роль в подготовке революции 1911—1913 гг. М., 1959; Г. В. Ефимов. Революция 1911 года в Китае. М., 1959; А. С. Костяева. Народ-

ное движение в Китае в 1901—1911 гг. М., 1970; А. Г. Крымов. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900—1917). М., 1972; «Новая история Китая». М., 1972; «Новейшая история Китая». М., 1972; «Синьхайская революция в Китае. Сборник статей». М., 1962; «Синьхайская революция 1911—1913 гг. Сборник документов и материалов». М., 1968; «Сунь Ят-сен. 1866—1966. Сборник статей, документов и воспоминаний к столетию со дня рождения». М., 1966; С. Л. Тихвинский. Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика. М., 1964; Ю. В. Чудодеев. Накануне революции 1911 года в Китае. М., 1966.

заблуждений, основанной на новых фактах и материалах, обобщающей итоги многочисленных исследований, выполненных историками различных школ и направлений, было встречено с большим интересом.

Профессор ЛГУ, заслуженный деятель науки РСФСР Г. В. Ефимов опубликовал свою первую исследовательскую работу о Синьхайской революции и Сунь Ят-сене еще в 1937 г.³ С тех пор эта проблематика постоянно интересует автора, и он периодически печатает итоги своих исследований в виде отдельных книг и статей⁴. В рецензируемой книге автор как бы подводит некоторые итоги как своим многолетним изысканиям, так и работам, выполненным другими советскими и зарубежными историками, и в то же время намечает ряд интересных проблем для дальнейшего исследования. Г. В. Ефимов дал своему труду подзаголовок «Факты и проблемы», который, на наш взгляд, вполне соответствует не только содержанию монографии, но и в значительной мере отражает также и своеобразную форму изложения материала. Читатель становится как бы соучастником интересного процесса выявления и систематизации автором фактов о подготовке и ходе Синьхайской революции, о роли в ней Сунь Ят-сена; в то же время читатель не отстраняется автором и от процесса анализа этих многочисленных материалов, вместе с автором устанавливая правильность или недостаточность, а порой и заведомую ошибку в оценке фактов и событий или вытекающей концепции в трудах предшествующих исследователей. Несомненным достоинством книги является выявление круга проблем, еще не получивших достаточно ис-

черпывающего ответа в трудах историков. Среди таких проблем Г. В. Ефимов называет следующие: о роли народных масс в революции 1911—1913 гг.; аграрный вопрос в программе революционеров и в реальной борьбе крестьянства; об отношениях революционных организаций с тайными обществами и армией; роль армии в революции; буржуазные революционеры и революционные демократы (общее и особенное); провинциальный сепаратизм; шэньши в революции. Сюда следовало бы добавить также вопрос о национальных меньшинствах и национальных окраинах Цинской империи в период революции и проблему отношения к революции китайских эмигрантов.

Хотя автор в предисловии к книге и делает оговорку о том, что в своей работе он предпринимает попытку «широкого обобщения исследований, достигнутых наукой на данном этапе развития, рассмотрения явления в целом», видит главное назначение книги «в том, чтобы дать картину революции в целом, осветить основные факты истории, определить ее проблемы», он по ходу изложения сам дает убедительные ответы на многие из поставленных вопросов. Книга состоит из 4 частей, название которых отражает содержание наиболее крупных этапов в развитии революционных событий в Китае с 1905 по 1913 г.

В первой части — «Революционное движение в Китае накануне революции (1905—1911)» — автор рассматривает создание Сунь Ят-сеном Китайского революционного объединенного союза, анализирует его программу — «три народных принципа Сунь Ят-сена», приводит интересные новые данные о революционном движении 1906—1908 гг. и его историческом значении, выявляет влияние на Китай первой русской революции 1905—1907 гг. Наряду с Объединенным союзом автором тщательно анализируются деятельность и других революционных и оппозиционных цинскому самодержавию организаций в 1908—1910 гг. Отдельная глава первой части книги посвящена истории революционного движения накануне Учанского восстания. Во второй части книги — «Синьхайская революция» — излагается ход Учанского восстания и революционных событий в провинциях, связанных с провозглашением республиканского строя. Значительное место автор уделяет показу вмешательства империалистических держав в переговоры, которые велись между цинским двором, Юань Ши-каем и революционерами. На основе новых документальных данных Г. В. Ефимов показывает внешнеполитическую деятельность Сунь Ят-сена в период от начала Учанского восстания до провозглашения республики сразу же после возвращения Сунь Ят-сена на родину.

Третья часть работы, озаглавленная «От Сунь Ят-сена к Юань Ши-каю», посвящена показу деятельности Временного революционного нанкиннского правительства Сунь Ят-сена, борьбы Сунь Ят-сена за от-

³ Г. В. Ефимов. Сунь Ят-сен в борьбе за независимый Китай. — «Исторический журнал», 1937, № 1.

⁴ Г. В. Ефимов. История Китая в эпоху империализма. — «Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость». М. — Л., 1940, с. 170—406; его же. «Революция 1911—1913 гг. в Китае и Сунь Ят-сен». — «Форменные записки Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена». Т. 5, вып. 1, 1940, с. 159—182; его же. «К вопросу об образовании Китайской нации». — «Вопросы истории», 1953, № 10; его же. «Внешняя политика Китая 1894—1899». М., 1958; его же. «Революция 1911 года в Китае». М., 1959; его же. «Некоторые сведения о революционной деятельности Сунь Ят-сена в 1907—1919 гг.». — «Сунь Ят-сен 1866—1966». М., 1966, с. 81—93; его же. «Синьхайская революция в Китае и английское правительство». — «Новая и новейшая история», 1969, № 5; его же. «К ленинской оценке републиканских демократов Китая». — «В. И. Ленин о проблемах истории стран Азии». Л., 1970, с. 3—28; его же. «История китайского милитаризма». — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 11.

речение Цинской династии и ликвидацию монархического строя, а также маневрам Юань Ши-кая, направленным на упрочение своего руководящего положения в молодой республике.

Последняя, четвертая часть книги — «Политическая борьба в республиканском Китае. Поражение революции» — содержит интересный свежий фактический материал о процессе образования новых буржуазно-помещичьих партий в Китае, обострении политической борьбы в столице и в провинциях и подъеме массового движения в стране. При всемерной поддержке империалистических держав и феодально-помещичьих и компрадорских сил Юань Ши-каю удалось нанести поражение не только революционным демократам, но и либерально настроенным кругам национальной буржуазии. Автор описывает драматические события так называемой «второй революции», поражение которой свидетельствовало о победе реакционных сил и упрочении личной диктатуры милитариста Юань Ши-кая.

Книга Г. В. Ефимова убедительно показывает, что Синьхайская революция была событием не только китайского, но и международного значения. Китайский народ первым среди народов Азии сбросил феодально-монархический абсолютистский режим, который существовал в стране более 2 тыс. лет, и провозгласил республику. Почти 268-летняя борьба китайского народа и неханьских народов Цинской империи против гнета маньчжурской феодальной аристократии и военщины увенчалась в феврале 1912 г. отречением Цинской династии.

Значение революции, как справедливо указывает Г. В. Ефимов, не ограничивается только основным практическим и политическим результатом — свержением Цинской династии и утверждением республики. Революция сыграла важную роль в политическом пробуждении китайского народа, в развитии революционно-демократического движения. Революция 1911—1913 гг. явилась подготовительной ступенью к революции 1925—1927 гг., когда Китай поднялся на борьбу против внутренних и внешних врагов — феодалов и империалистов и их милитаристской агентуры.

В своей работе Г. В. Ефимов проводит сравнение Синьхайской революции с русской революцией 1905—1907 гг., с турецкой революцией 1908 г. и на этом сравнении показывает специфические черты китайской революции, которые, по его мнению, вкратце заключаются в следующем:

1. Капиталистический уклад, возникший в Китае лишь во второй половине XIX в., по своему удельному весу в экономике страны был относительно слаб. Конфликт между развитием новых производительных сил и старыми, феодальными производственными отношениями хотя и существовал, но он не стал еще достаточно глубоким и острым.

2. В Китае правила иноземная маньчжурская династия, которая в глазах буржуазных революционеров и широких трудя-

щихся масс Китая явилась олицетворением всех бед, обрушившихся на Китай со времени «опиумных» войн, основным виновником отсталости и слабости Китая. Требования свержения маньчжурской династии сочетались с общедемократическими требованиями ликвидации монархического строя вообще и учреждения республики.

3. Китай был полуколониальной, зависимой страной, которой угрожала опасность полной утраты самостоятельности, раздела империалистическими державами. Буржуазные революционеры, хотя и осторожно, без должной решительности, объективно все же отстаивали антиимпериалистические цели. Их лозунг борьбы за независимый и сильный Китай носил в своей основе антиимпериалистическую направленность и был понятен народу.

4. В силу многих обстоятельств к моменту начала революции в стране отсутствовало развернутое массовое аграрное движение, борьба за землю. Принцип Сунь Ят-сена «народное благосостояние», предусматривавший уравнение прав на землю, при всей его исторической прогрессивности не стал программой борьбы многомиллионных крестьянских масс. К тому же аграрная программа Сунь Ят-сена не встретила единодушной поддержки даже в рядах Объединенного союза и была мало доступна для понимания неграмотных крестьянских масс. Тем не менее крестьянство — основной костяк народного ополчения и новой армии — принимало активное участие в революции, стало ее важной движущей силой. Революционные демократы были первыми, кто начал пробуждать китайское крестьянство к сознательной демократической борьбе.

Суммируя объективные и субъективные особенности китайской революции, Г. В. Ефимов приходит к выводу о том, что «историческая действительность ставила в повестку дня буржуазную по своему социальному содержанию революцию, но предпосылки революции созрели еще недостаточно, что затруднило ее победоносный исход. Это определяет и противоречивость итогов китайской революции» (с. 352). Революция, будучи буржуазной по своему характеру, отмечает автор, вместе с тем по степени участия масс в ряде провинций приобрела демократический характер, хотя массы до самостоятельной политической роли не смогли подняться. Г. В. Ефимов наглядно показывает в книге неправомерность умаления роли масс и китайской демократии в революции 1911—1913 гг., что характерно для ряда западных историков, сводящих всю революцию к деятельности либералов-конституционалистов или к серии военных переворотов. В книге глубоко исследованы и такие аспекты Синьхайской революции, как политика революционеров в отношении империалистических держав, солидарность революционного пролетариата России с китайской революцией, возрастающая роль армии в революции и качественно новое влияние, которое приобрели военные

тия в ходе и в итоге революции, возникшие милитаристские клики.

Книга написана на основе большого количества архивных материалов, многочисленных документов на русском, китайском и английском языках, с привлечением практически всей имеющейся литературы на этих языках, значительного количества периодических и справочных изданий. Автору довелось во время своей научной командировки в Англию работать в государственном архиве «Паблик рикорд оффис» и ознакомиться с обширными китайскими фондами Форин оффиса: депешами посланника Великобритании в Пекине и директивами Форин оффиса к консулам, многочисленными консульскими депешами, дипломатической перепиской, касающейся к положению в Китае и политике держав.

Работа Г. В. Ефимова носит полемический характер: автор полемизирует с западными историками по конкретным вопросам, связанным с историей революции и деятельностью Сунь Ят-сена, относительно оценок и роли иных событий и проблем. Особое

внимание он уделяет критике ряда статей сборника, вышедшего в 1968 г. в США и Англии под редакцией и с обширным вступлением известного американского синоведа проф. Мэри Райт, где отражены результаты научной конференции в Уэнтворсе по вопросам истории Синьхайской революции⁵.

Книга написана весьма живо и увлекательно. В силу насыщенности новой работы Г. В. Ефимова ярко и талантливо изложенным фактическим материалом и постановки автором проблемных вопросов книга, безусловно, привлечет к себе внимание широких читательских кругов. Остается пожелать Г. В. Ефимову продолжать работу над политической биографией Сунь Ят-сена и довести ее до 1925 г. — кануна революции 1925—1927 гг.

С. Л. Тихвинский,
член-корреспондент АН СССР

⁵ «China in Revolution: The First Phase 1900—1913». New Haven—London, 1968.

Капитализм и китайское общество

История Китая представляет собой одну из самых убедительных опровержений различных буржуазных теорий о якобы абсолютной специфичности стран Азии и Африки, существования в этих странах собственных закономерностей общественного развития, не совпадающих с общемировыми. В самом деле, Китай — одна из относительно обособленных цивилизаций земного шара, контакты которой в древности и в большей степени в средневековье с другими развитыми в то время странами были крайне ограничены, показывает нам, что и в таком специфическом обществе существовали условия для восприятия и дальнейшего развития передовых в тогдашнем мире общественных отношений. Эта взаимосвязанность Китая и остального мира впервые проявилась наглядно, когда китайское общество, отставшее, далеко отставшее к началу XIX в. от стран Европы и США, стало объектом вторжения передовых капиталистических сил тогдашнего мира.

Почти столетие иностранный капитализм вызвавший позднее развиваться китайский национальный капитализм воздействовали традиционные общественные отношения

Китая. Изучение происходивших в то время экономических процессов представляет большой интерес с точки зрения познания социальных закономерностей вообще и особенностей китайского общества и революционного движения в Китае в частности. Буржуазная историография решает эти вопросы по-своему: тут и концепция вечной «азиатской косности», мнимой неспособости традиционного китайского социального строя трансформироваться даже под воздействием внешних факторов, тут и концепция столкновения «культур» Запада и Востока, конфликт между которыми происходит не в чисто духовной сфере. Выдвигается, наконец, мнение о произвольности, случайности выбора Китаем тех или иных путей общественного развития.

В историографии важная тема воздействия капитализма на китайское общество исследована недостаточно. Лучшими, на наш взгляд, до недавнего времени оставались написанные на рубеже 20—30-х годов книги Л. Н. Мадьяра². Лишь с середины 60-х годов мы получили серию работ по этой теме. Наиболее значительные принадлежат О. Е. Непомнишу³, в частности «Экономическая история Китая», посвященная первому

² Л. Н. Мадьяр. Экономика сельского хозяйства в Китае. М. — Л., 1928; Изд. 2-е, 1931; его же. «Очерки по экономике Китая». М., 1930.

³ См.: О. Е. Непомниш. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая. М., 1966; его же. «Главы по экономике в «Новой истории Китая». М., 1972. Из авторов отдельных статей, посвященных тем же проблемам указанного периода, следует назвать С. И. Иовчука, Л. Н. Новикова, А. Н. Хохлова.

¹ Критику теорий абсолютной специфичности Китая см.: Л. А. Березный. Критика методологии американской буржуазной историографии Китая (проблемы общественного развития в XIX — первой половине XX века). Л., 1968.

периоду воздействия капитализма на китайское общество⁴. Избранные автором годы — от крестьянской войны тайпинов, закончившейся в 1864 г., до японо-китайской войны 1894—1895 гг., открывшей период империалистического наступления на Китай, — были временем, в течение которого Китай, теряя экономическую самостоятельность и превращаясь в страну, зависимую от мировой капиталистической системы, начинает медленно эволюционировать от феодализма к капитализму, что сопровождалось появлением новых классов — буржуазии и пролетариата.

Отправной точкой исследования служит тезис о том, что в первой половине XIX в. деревня Китая сохраняла средоточивала в себе все необходимые для ее существования элементы. Крестьянские промыслы в деревне еще не отделились от земледелия, представляя собой полунатуральное производство (с. 53).

Непомерно большая доля производимого крестьянами прибавочного продукта присваивалась классом землевладельцев, к которому автор относит социальные группы, фигурирующие в источниках того периода под названиями туба («сельские деспоты»), даху («большие дворы»), богатые шэньши («ученые мужи, носящие пояс власти»), наконец — рядовая, то есть сословно не оформленная часть дичжу (землевладельцев). Земельная рента была преимущественно натуральной. В натуре взыскивалась и часть налогов⁵, причем рис служил средством платежа и отчасти эквивалентом обмена (с. 40).

Внеэкономическое принуждение составляло неотъемлемую часть существовавших в тогдешнем Китае форм эксплуатации наемного труда. При этом автор отмечает, что сравнительно высокая для феодальной страны продуктивность китайского земледелия плюс аграрное перенаселение, заставлявшее крестьянина цепляться за обрабатываемый им земельный участок, делали излишними наиболее грубые методы внеэкономического принуждения. Поливное земледелие, грядковая культура, избыток квалифицированной рабочей силы делали принудительный труд малопродуктивным. Поэтому барщинная система почти не получила развития. В результате китайский феодализм в

большей мере опирался на экономическую зависимость крестьян от земельных собственников (с. 21).

Автор не делает из этого вывода, будто в Китае вообще отсутствовали всякие формы прикрепления крестьян к земле. Непосредственный производитель, по мнению автора, прикреплялся к обрабатываемому участку, к месту постоянного жительства не только экономической необходимостью, но и правительственными мерами, а также силой традиций, конфуцианской идеологии, родовых связей (с. 46).

О. Е. Непомнин начинает последовательное рассмотрение изменений, происходивших в народном хозяйстве Китая во второй половине XIX в., то есть в моменты, когда китайское феодальное государство было впервые побеждено европейскими агрессорами и до основания потрясено крестьянской войной тайпинов. После подавления восстаний страна была опустошена и переживала хозяйственный упадок.

Кризис феодального Китая первой половины XIX в. — замедление экономического развития еще перед крестьянской войной, обострение внутренних противоречий и взрыв их в период тайпинского восстания — проходил, подчеркивается в книге, в обстановке, когда развитие капитализма шло еще по восходящей линии и державы уже оказывали давление на Китай, стремясь насильственно включить его в систему мировой торговли.

«Феодализм в народном хозяйстве Китая, — формулирует свой основной вывод автор книги, — исчерпав к концу XIX в. свои внутренние поступательные возможности, вступил в полосу стагнации и медленного, постепенного упадка, оставаясь, однако, прочно господствующей формой эксплуатации» (с. 232). По убеждению автора, именно с этого времени можно говорить о начале нисходящей линии китайского феодализма⁶, так как ни XVIII в., ни первая половина XIX в. не знали комплекса негативных и позитивных факторов, свойственного Китаю во второй половине XIX в. (с. 232). Автор считает возможным заключить, что изменения общественного строя во второй половине XIX в. в Китае приобрели характер формационного кризиса (с. 233).

Последовательно прослеживая развитие этого кризиса, О. Е. Непомнин показывает, что он меньше всего проявился в земледелии, составлявшем основу традиционной китайской экономики. И в конце XIX в. по-прежнему около половины всех обрабатываемых земель принадлежало помещикам, эксплуатировавшим крестьян путем взимания арендной платы, налогов (через аппарат феодального государства) и т. д. Зем-

⁴ О. Е. Непомнин. Экономическая история Китая (1864—1894). М., 1974.

⁵ О соотношении натуральной и денежной форм взимания налогов в Китае см.: Н. М. Гурев и ч. Некоторые проблемы коммутации поземельного налога в странах Востока. — «Народы Азии и Африки», 1974, № 1.

⁶ Некоторые историки, например В. М. Штейн, были склонны к довольно ранней датировке этого явления. Последнее было характерно и для первой монографии О. Е. Непомнина. В рецензируемой книге автор, как нам кажется, обоснованно пересмотрел свои прежние позиции в этом вопросе.

земледелие оставалось отсталым, особенно зависело от погодных условий, что часто нарушалось и без того шаткое равновесие китайской экономики.

Заслуга автора состоит в том, что он не упрощает общую картину: в книге достаточно определенно указывается на неправомерность высказываний относительно того, что в Китае якобы отсутствовал процесс накопления капитала. Несмотря на упадок и разрыв, вызванные вторжением капиталистических агрессоров, капитал накапливался, как показывает автор, но вкладывался не в промышленность, а преимущественно в сельское хозяйство. Значительные средства расходовались на покупку чинов, создание комбандов (с. 105). Двойственный характер носил и сам процесс упадка сельской экономики: общий упадок сопровождался ростом товарности сельского хозяйства. В обстановке возникшего кризиса феодализма, отмечается в книге, «основным руслом восходящих токов социально-экономического развития оставался мелкотоварный уклад» (с. 143). Это особо подчеркивает переходный характер всего периода, когда мелкобуржуазная эволюция крестьянства и обуржуазивание части помещичьего класса находились еще в своей начальной стадии.

Под воздействием внешнего экономического влияния в народном хозяйстве Китая медленно, но неумолимо происходили изменения в межотраслевой и внутриотраслевой структуре. Одни отрасли приходили в упадок, другие, наоборот, развивались. Так, импорт дешевой фабричной пряжи вел к упадку хлопкопрядения, в то время как хлопчаткачество продолжало развиваться, шелкоткачество, напротив, клонилось к упадку (с. 132—160). Быстро росли, например, посевы технических культур, спрос на которые на внешнем рынке повышался (хлопок, бобы, туговое масло), а посевы продовольственных культур, иногда даже таких важных, как рис, под влиянием рынка сокращались. Рис, к примеру, частично вытеснялся более дешевыми продовольственными культурами — бататом и просом, которые находили широкий спрос на внутреннем рынке.

В то же время автор показывает, что даже к концу изучаемого периода в Китае еще не сложился единый национальный рынок. С одной стороны, по-прежнему давали себя знать экономическая разобщенность разных районов гигантской страны, замкнутость местных хозяйственных очагов, с другой — Китай все еще не был полностью включен в систему мирового рынка; железнодорожное строительство только начиналось; регулярное пароходное сообщение в верхнем течении Янцзы открылось только после японо-китайской войны (с. 208).

В свете приводимых в книге фактов становятся понятными экономические причины сравнительно позднего начала формирования современной китайской нации. Экономическая разобщенность, слабая хозяйственно-экономическая связь отдельных районов

страны в течение длительной истории феодальных отношений определяли и слабость национально-политической и даже языковой общности китайской нации. Хотя проникновение международной буржуазии на китайский рынок шло с трудом, она еще в середине XIX в. сумела захватить мощный плацдарм для экономической экспансии, навязать Китаю систему неравноправных договоров: «открыть» ведущие порты, установить свой контроль над китайскими таможнями и т. п. Китай неудержимо вовлекался во все большую зависимость от иностранного капитала.

Автор показывает, как в результате сочетания внешних и внутренних факторов в стране выдвигались новые экономические центры, менялись торговые пути. В связи с перенесением центра тяжести иностранной экспансии в середине века в район Шанхая захирели торговые пути между Гуандуном и долиной Янцзы, проходившие через внутренние провинции. Рост Шанхая сделал вскоре этот город конкурентом шаньсийских ростовщиков и менял, «гнездом» которых был Пекин (с. 172).

При всем различии судеб отдельных отраслей китайского ремесла в целом ручное производство в Китае во второй половине XIX в. значительно сократилось, особенно в приморских провинциях и «открытых» портах, где наступление иностранных конкурентов было наиболее грозным (с. 163—164). Цехи и гильдии тщетно пытались отстоять позиции старого феодального ремесла (с. 164).

Иностраный капитал в Китае создавал свою таможенную службу, современные банки, первые железные дороги, пароходства, внешний и внутренний судооборот, фабричную промышленность (или, точнее, ее значительную часть, так как некоторые предприятия строились китайцами или переходили от иностранцев к китайцам), современные средства связи. В экономике Китая «возник пока еще сравнительно небольшой, но крайне жизнеспособный и быстро развивавшийся иностранный сектор, ставший важным фактором и инструментом постепенного превращения Китая в полуколонию группы капиталистических держав... Экономическая экспансия Запада резко ускорила разложение натурального хозяйства и феодального уклада в Китае, продолжавшем оставаться отсталой земледельческой страной с полным преобладанием сельского населения. Вместе с тем иностранный сектор как ведущее звено складывавшегося к концу XIX в. капиталистического уклада в Китае оказывал ускоряющее воздействие на рост национального капитализма» (с. 228).

Особенность двойного воздействия иностранного капитала на экономику Китая, как правильно отмечает автор, характеризовалась тем, что позитивные моменты — разрушение натурального хозяйства, ускорение развития капитализма в Китае — были второстепенными, побочными результатами главного направления экономической

деятельности западных держав, а именно полуколониальной эксплуатации китайского рынка и выкачки его богатств» (с. 229). Вследствие этого в то время в Китае еще не была создана основная предпосылка широкого и свободного развития Китая по пути прогресса — не была завоевана независимость от иностранного капитала. Однако даже к концу периода, исследованного автором, в Китае по-настоящему не оформились новые социальные силы, способные разбудить общество, поднять его на освободительную борьбу и довести ее до победного конца. Не только пролетариат, но и буржуазия были политически бессильны, процесс формирования их как общественных классов был далек от завершения.

Одной из важнейших проблем, рассматриваемых в этой книге, является установление удельного веса национального капитализма в социально-экономической структуре китайского общества.

В условиях феодально-бюрократического строя и конкуренции иностранных товаров китайское капиталистическое предпринимательство было крайне затруднено. Первые фабрики создавались крупными сановниками для военных нужд; потом пошла полоса смешанного предпринимательства, когда зарождающийся китайский частный капитал выступал еще в сочетании с государственно-бюрократическим и под его эгидой. Разумеется «покровительство» сановников дорого обходилось частному капиталу и стесняло его развитие. Но, не имея в 60—80-х годах ни опыта, ни достаточных средств, ни кредита, частный капитал нуждался в опеке государственного капитализма. Автор считает, что казенный и смешанный капитализм, сыграв роль суровой школы фабричного предпринимательства и в какой-то мере проложив путь более прогрессивным экономическим реформам, в 90-е годы теряет прежнюю значимость (с. 192).

Специалист по политической и социальной истории с интересом отмечает вывод О. Е. Непомнина о том, что период своего рода казенного и смешанного грюндерства хронологически совпадает с правительственным курсом так называемого «самоусиления» и является экономической базой этой политики. Крах политики «самоусиления» после франко-китайской войны 1884—1885 гг. и особенно после японо-китайской войны 1894—1895 гг. означает конечную веку этого периода, хотя строительство казенных и смешанных предприятий в Китае, как отмечает автор, продолжалось и в последующие годы.

Китайская экономика второй половины XIX в. излагается автором в динамике, с показом тенденций дальнейшего ослабления Китая, роста его зависимости от иностранного капитала, сопровождавшихся зарождением и укреплением новых национальных сил в Китае.

К концу века, констатирует автор, можно говорить о переходе китайской экономики от феодальной «однородности» к многоукладности и подвижности переходного периода. Начинает размываться (хотя сохраняется господство, особенно в деревне) феодальный уклад; растет мелкотоварный уклад; возникает уклад капиталистический с крупнокапиталистическим, машинным (который делится на два сектора — иностранный и национальный) и мелкокапиталистическим укладами (с. 233).

Необходимость для Китая шагнуть от крайней отсталости и обособленности к современным стадиям экономической жизни, неравномерность и мучительность, с которыми была сопряжена трансформация китайского общества, — все это помогает многое объяснить и в истории Китая XX в. В частности, правомерна была бы мысль о возникающей в подобных случаях опасности резкого отставания темпов изменения надстройки (идеология, политика, право и пр.) от развития базиса и формирования антагонистических противоречий между ними. В таких случаях теоретически возможны длительные периоды, в течение которых отсталая надстройка задерживает и извращает общее движение вперед.

Хорошей книге О. Е. Непомнина можно предъявить и ряд претензий. Уделив сельским сюжетам значительно меньше внимания, чем городским, он оправдывает это тем, что эволюции деревни специально посвящена его предыдущая работа «Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая» (с. 13). Но это объяснение не вполне удовлетворяет читателя потому, что предыдущая книга этого же автора посвящена не сельскому хозяйству, как таковому, а лишь «генезису капитализма» в нем. «Экономическая история Китая» без достаточно полной картины положения в сельском хозяйстве, в традиционных его отраслях, страдает существенными пробелами. В этой части работы можно встретить и больше неточных формулировок. Не доказано, например, существование в феодальном Китае «номинального права верховной собственности императора на все земли» (с. 22); не вполне ясен механизм эксплуатации феодальным классом крестьянина — собственника земли (делалось ли это только посредством налогов?). Ни с того ни с сего в Заключении появляется термин «конфуцианский арендно-бюрократический феодализм», причудливое смешение явлений идеологии, особенностей ведения хозяйства и черт государственного устройства. К счастью, это только в одном месте. В целом же читатель получил полезную работу по экономической истории Китая.

*В. Н. Никифоров,
доктор исторических наук*

Поход против интеллигенции¹

Развитие событий в Китайской Народной Республике в последние годы убедительно подтвердило правоту марксистско-ленинского определения идеологии и политики маоизма как мелкобуржуазного реакционно-оппортунистического идейно-политического течения, сущность которого составляют великоханьский шовинизм и этноцинизм. Маоизм все более наглядно проявляет себя как идеология и практика, глубоко враждебная научному социализму, делу мира и прогресса всего человечества. Вступив в принципиальное противоречие с общественными потребностями социалистического развития Китая, маоизм переживает с каждым днем углубляющийся экономический, политический и идейный кризис. Свидетельством этого кризиса являются непрекращающиеся политические кампании, навязываемые китайскому обществу маоистским руководством, стремящимся с помощью перманентных социальных «встрясок» укрепить свое положение в стране, сокрушить противников своего режима. Одним из главных объектов атаки маоистов в ходе этих кампаний остается китайская интеллигенция, особенно творческая, которая всегда рассматривалась Мао Цзэ-дуном и его идеологами как наиболее опасная с точки зрения перспективы утверждения маоизма часть китайского общества. В борьбе маоизма против интеллигенции, против людей умственного труда, в известной степени фокусируется вообще антимарксистский характер идеологии и практики группы Мао Цзэ-дуна. Поэтому проблема «маоизм и интеллигенция» из, казалось бы, частной проблемы перерастает в вопрос общего характера, рассмотрение которого помогает вскрыть как методологические, так и идейно-политические пороки маоизма, его враждебность марксизму-ленинизму. С этой точки зрения несомненный интерес представляет монография С. Д. Марковой «Маоизм и интеллигенция».

Анализу политики маоистов в отношении культуры посвящено немало работ советских ученых — И. М. Надеева, В. Ф. Волжаннина, Л. С. Кюзаджяна, А. Н. Желоховцова и др. Не повторяя их, С. Д. Маркова сумела найти свой аспект, сконцентрировав внимание на рассмотрении политики маоцзэдуновской группировки в отношении творческой интеллигенции на довольно значительном историческом периоде — начиная с 1949 г. В этом смысле можно сказать, что монография С. Д. Марковой является первым в со-

ветском китаеведении исследованием, которое специально посвящено политике маоистов в отношении китайской интеллигенции. Написанная с привлечением большого оригинального материала, книга освещает главные, принципиальные моменты отношения маоистской группировки к творческой интеллигенции, прослеживает шаг за шагом националистическую сущность ее «культурной политики».

В настоящее время рядом исследований ученых-марксистов доказано, что маоизм как идейно-политическое идеологическое течение сформировался в конце 30-х — начале 40-х годов нашего столетия. Поэтому при научном исследовании того или иного аспекта маоизма представляется необходимым начинать анализ именно с периода формирования маоизма, что позволяет проследить не только генезис тех или иных его современных концепций, но и их эволюцию. Именно такой метод — и, на наш взгляд, совершенно справедливо, — избрал автор рецензируемой книги. Начав с анализа взглядов Мао Цзэ-дуна на проблемы культуры вообще, изложенных им в Яньани в 1942 г., С. Д. Маркова последовательно раскрывает затем применение маоистами этих взглядов на практике, их попытки навязать партии и обществу свою концепцию культурного развития и роли в нем китайской интеллигенции. Строгий историзм, внимательное отношение к фактам, их тщательный отбор делают монографию С. Д. Марковой убедительной, а ее выводы научно обоснованными. Подобный подход к проблеме позволяет также автору сочетать анализ теоретических построений маоистов с анализом их практики, что значительно обогащает работу и позволяет читателю представить себе проблему во всем ее сложном комплексе. Наконец, автор сумел — в пределах своей темы — наглядно показать борьбу двух линий, двух направлений в Коммунистической партии Китая — мелкобуржуазно-националистической и марксистско-ленинской, выявив те подчас трудно различимые тенденции в идеологической практике КПК, которые отражали эту борьбу.

С. Д. Маркова начинает свое исследование с общей проблемы роли интеллигенции в революционной борьбе и социалистическом строительстве, справедливо подчеркивая жизненную важность привлечения на сторону революции старой, в основном буржуазной и мелкобуржуазной, интеллигенции в Китае. Эту важность понимало и марксистско-ленинское крыло в КПК, которое придавало еще задолго до победы народной революции 1949 г. важное значение объединению творческой интеллигенции, ее перевоспитанию и направлению усилий на решение новых задач, вставших перед китайским народом, китайской революцией. Эту точку зрения ЦК КПК, как могло показаться в то время, как будто бы разделял и Мао Цзэ-дун, в выступлениях которого в 40-х годах не раз говорилось о важности роли интеллигенции в будущем революционном переу-

¹ С. Д. Маркова. Маоизм и интеллигенция. Проблемы и события. (1956—1973). М., «Наука», 1975, 245 с.

ройстве Китая, о необходимости рассматривать ее «как величайшую ценность для государства и общества». Однако, как показала последующая практика и развитие событий в КНР, в эти правильные по форме высказывания Мао Цзэ-дун вкладывал свое, немарксистское, мелкобуржуазно-националистическое содержание. Рассматривая всю творческую интеллигенцию как часть класса буржуазии, Мао Цзэ-дун, по существу, весь свой демагогический пафос «борьбы с буржуазией» переносил на этот социальный слой, считая его как наиболее опасную для своих шовинистических устремлений общественную силу. Именно это содержание явилось лейтмотивом всей последующей деятельности Мао Цзэ-дуна и его группировки в КПК по так называемому «идеологическому перевоспитанию» китайской интеллигенции. Цель, которую преследовал при этом Мао Цзэ-дун, состояла в «перековке» интеллигенции на свой, националистический лад, в ее безоговорочном подчинении маоистским «идеям» и политике. Только в такой, «перекованной» на маоистский лад интеллигенции и видел Мао Цзэ-дун ее «величайшую ценность» для Китая. Недоверие и враждебность к людям умственного труда вообще, и особенно к творческой интеллигенции, постепенно переросли у Мао Цзэ-дуна в откровенный культурный нигилизм, которым отмечена вся его последующая практическая деятельность.

Эта политика Мао Цзэ-дуна и его группировки встретила противодействие как со стороны марксистских сил в КПК, так и в сфере самой китайской интеллигенции, ставшей на сторону революции. Отражением этой борьбы явились те многочисленные идеологические кампании по «перевоспитанию» интеллигенции, которые проводились в КНР начиная с первых лет ее существования. Анализ этих кампаний посвящена основная часть монографии С. Д. Марковой.

Автор последовательно переходит от одной кампании к другой, вскрывая сущность борьбы Мао Цзэ-дуна против действительно революционно настроенной части интеллигенции. Причем С. Д. Маркова убедительно показывает эволюцию характера «идеологических» кампаний в КНР по мере укрепления в КПК позиций Мао Цзэ-дуна и его группировки, сопровождавшаяся раздуванием культа личности и «идей Мао Цзэ-дуна». Поначалу скрытые, завуалированные попытки Мао Цзэ-дуна использовать эти кампании в своих корыстных целях постепенно переросли в открытое наступление на всю творческую интеллигенцию и на то марксистско-ленинское крыло в КПК, которое не разделяло его «линии». С. Д. Маркова на основе новейших фактических данных убедительно показывает негативную роль, которую играл Мао Цзэ-дун при проведении всех основных кампаний по «перевоспитанию» китайской интеллигенции.

Особенно ярко эта роль проявилась впервые в кампании по борьбе с «контрреволюционной кликой Ху Фэна», развернутой по

личному указанию Мао Цзэ-дуна. В «Письме по теоретическим вопросам», которое профессор Ху Фэн направил в июне 1954 г. в ЦК КПК, автор излагал свои взгляды на литературно-художественный процесс в Китае, содержавшие — в инсказательной форме — несогласие с маоистской «линией» в области культуры. Как справедливо отмечает С. Д. Маркова, «Ху Фэн, по сути дела, выступал против маоистских попыток «перековать» в гонимые спазматической проработочных кампаний мировоззрение деятелей культуры, против административных методов руководства культурой... Выступление Ху Фэна было первым высказанным вслух несогласием с «идеями», первым проявлением антимаоистской линии в литературе и искусстве Китая» (с. 33). С начала 1955 г. по прямому указанию Мао Цзэ-дуна была развернута «дискуссия» вокруг записки Ху Фэна, которая довольно быстро переросла в политическую кампанию, в ходе которой Ху Фэн был обвинен в том, что вел «борьбу против партийного руководства» и в прямой «контрреволюционной деятельности», в стремлении «свергнуть существующий строй в Китайской Народной Республике и реставрировать империалистическое феодальное господство» (с. 35).

В результате этих «обвинений» в июле 1955 г. Ху Фэн был арестован. Так закончилась эта первая серьезная «проработочная» кампания по борьбе против творческой интеллигенции, не согласной с «идеями Мао». Она надолго оставила печальный след в культурной жизни страны, тяжело отразившись на настроении интеллигенции.

Следующей крупной идеологической кампанией, подробно исследуемой в книге С. Д. Марковой, является осуществление курса «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все школы», начало которого относится к середине 1956 г. Автор, на наш взгляд, правильно вскрывает причины, приведшие к появлению этого нового курса в политике руководства КПК в отношении интеллигенции: с одной стороны, растущие потребности экономического и культурного развития Китая с особой остротой ставили проблему участия в нем научно-технической и творческой интеллигенции, что выдвигало перед руководством партии задачу выработки нового, более гибкого курса во взаимоотношениях с людьми умственного труда; с другой стороны, на изменении политики в отношении интеллигенции сказались и все более явственно проявившие себя великоханьские амбиции Мао Цзэ-дуна, стремившегося по крайней мере в начале осуществления курса, привлечь интеллигенцию на свою сторону провозглашением «либеральных» лозунгов.

Несомненной заслугой С. Д. Марковой следует считать то, что она сумела в пределах исследуемой проблемы четко выявить главные пружины сложного, подчас противоречивого процесса, который сопровождал осуществление этого курса. Убедительной выглядит прежде всего трактовка терминов

«бай хуэ» и «бай цзя», которую автор дает развитию от понятия «все цветы» и «все школы» — к термину «сто цветов», «сто школ». Это, на первый взгляд, несущественное уточнение вскрывает внутреннюю трансформацию курса, изменение его содержания — от «либерального», допускавшего свободу соперничества действительно всех школ и идеологий, к строго регламентированному — в соответствии с «шестью политическими критериями» Мао Цзэ-дуна — жесткому курсу в конце кампании. С. Д. Маркова логично и последовательно рисует картину этой трансформации, показывая в то же время и ту путаницу и неразбериху, которую в начальный период вызвал среди интеллигенции, как, впрочем, и среди его официальных интерпретаторов, новый курс. В этом противоречивом потоке «разъяснений» и «толкований» автор сумел выявить главный стержень — допущение свободы пропаганды идеализма и прочих немарксистских концепций в первые месяцы осуществления курса, от которого затем маоисты пытались отгородиться, списав все это на проделки «черной банды Чжоу Яна». С. Д. Маркова убедительно показала, что обвинения, выдвинутые позднее в адрес Чжоу Яна, следует прямо отнести к самим маоистам. Автор справедливо пишет, что в тогдашних условиях Китая «призыв к цветению «всех цветов», к «открытым дискуссиям» в области идеологии объективно провозвучал как разрешение (и даже приглашение) приверженцам идеалистической идеологии открыто проповедовать свои взгляды» (с. 46). «В ходе осуществления курса стало ясно, — продолжает С. Д. Маркова, — что маоисты на этом этапе и не собирались бороться с немарксистскими взглядами, что этот их на страницах печати фактически даже не комментировался, а существовал как бы сам по себе...» (с. 51). И это представляло большую опасность, которая грозила серьезными идеологическими последствиями. Они и не замедлили сказаться, вызвав вскоре в стране бешеное наступление правых буржуазных элементов, по существу, спровоцированное маоцзэдуновской группировкой. С. Д. Маркова приводит убедительные доказательства именно такого провокационного характера призывов маоистов к «свободному высказыванию мнений», «всеобъемлющей свободе», которая вскоре была использована буржуазными элементами в Китае для атаки на компартию и социализм, а группой Мао Цзэ-дуна — для нанесения удара по действительно марксистским силам среди интеллигенции. Курс расцвета «всех цветов» превратился в откровенно политическую кампанию расцвета «ста цветов», иными словами, тех «цветов», которые следовали догмам маоизма и прославляли «идеи Мао». Началось новое наступление на творческую интеллигенцию уже под политическим лозунгом борьбы с «ядовитыми травами», якобы угрожающими социализму. В ходе этого нового этапа осуществления курса уже «ста цветов» были

ошельмованы и зачислены в разряд «правых» многие видные писатели и поэты, критики и литературоведы, деятели кино и театра — Дин Лин, Ай Цин, Чэнь Ци-ся, Фэй Сюэ-фэн, Чжун Дянь-фэй, Бай Лан и др. Всех их обвинили в «ревизионизме», в отходе от «идей Мао Цзэ-дуна» в своем творчестве. Курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» с той или иной степенью интенсивности продолжал проводиться маоистской группировкой и в последующие годы, однако уже в новом, жестком виде, как курс реализации маоистских принципов культурного развития Китая.

После провала курса «трех красных знамен» и серьезных экономических трудностей, вызванных им в стране, наступил, как известно, период так называемого «урегулирования», в ходе которого в сфере культуры вновь проявились тенденции и настроения, направленные против маоистской «культурной политики». С. Д. Маркова приводит в книге интересные факты, показывающие завуалированную критику Мао Цзэ-дуна и его курса в этот период. Такая критика содержалась в речи члена Политбюро ЦК КПК Тао Чжу на Всекитайском совещании по вопросам оперно-драматического искусства 5 марта 1962 г., выступившего против «абсолютного монархизма», «высокомерия и произвола» в области искусства, а также в появившихся в эти годы спектаклях «Отставка Хай Жуя», «Ли Хуэй-нян», «Се Яохуань», в циклах публицистических статей Дэн То, Ляо Мо-ша и У Ханя («Вечерние беседы в Яньшани» и «Заметки из села «Трех»). Несогласие с курсом Мао Цзэ-дуна прозвучало и в речи члена Политбюро ЦК КПК Чэнь И на совещании творческих работников оперных и драматических театров в Гуанчжоу в марте 1962 г., где он выступил против навешивания ярлыка «буржуазная» на всю интеллигенцию, против практиковавшихся в Китае идеологических кампаний, «унижающих человеческое достоинство».

Однако Мао Цзэ-дун и его группировка готовили новое наступление на творческую интеллигенцию, которое достигло своего апогея в годы так называемой «культурной революции». С. Д. Маркова подробно описывает эту подготовку, которая в период 1962—1964 гг. вылилась в открытое охвявание советской литературы и искусства, переросла в оголтелый антисоветизм. Одновременно с этим шла «проработка» и китайской интеллигенции, стремившейся в своем творчестве следовать методу социалистического реализма. Под лозунгом «борьбы с буржуазными взглядами на литературу и искусство» в 1964 г. маоистами была развернута «критика» сторонников теории «изображения среднего героя» и «правдивого отражения действительности». По существу, это был поход против социалистической литературы и социалистического искусства, в ходе которого маоисты стремились утвердить в китайской культуре маоцзэдуновский «художественный метод», сводившийся к лаки-

ровке действительности и восхвалению личности Мао Цзэ-дуна. С. Д. Маркова приводит интересный и богатый фактический материал из различных сфер культурной жизни КНР того периода, раскрывает методы и цели этой новой идеологической диверсии маонистов.

Значительное место в исследовании занимает показ пагубного влияния «культурной революции» на судьбы китайской интеллигенции. Вопрос этот рассматривается в ряде работ советских авторов, посвященных этому контрреволюционному политическому перевороту, осуществленному группой Мао Цзэ-дуна, особенно подробно — в работе Н. М. Надеева «Культурная революция» и судьба китайской литературы». Учитывая это, С. Д. Маркова нашла удачную форму изложения материала в виде отдельных очерков о судьбе видных представителей китайской творческой интеллигенции — У Ханя, Тянь Ханя, Дэн То, а также Чжоу Яна, что позволило автору показать типичные методы маонистской расправы с деятелями культуры Китая. Наиболее интересен, на наш взгляд, очерк о Чжоу Яне — фигуре сложной и противоречивой, как справедливо отмечает автор. Будучи одним из «главных толкователей «идей Мао», пишет С. Д. Маркова, Чжоу Ян «в то же время нередко допускал некоторую «коррекцию» маонистских положений» (с. 178), занимал мягкую позицию в отношении некоторых деятелей культуры, подвергавшихся разностной критике в период идеологических «проработок». Этого, очевидно, оказалось достаточно, чтобы объявить впоследствии Чжоу Яна «руководителем антипартийного заговора, направленного на свержение Мао Цзэ-дуна» (с. 179). В расправе с Чжоу Яном наглядно проявились методы маонистской борьбы с малейшими отклонениями от «линии» Мао.

Гневным обличением маонизму звучат страницы книги, посвященные описанию расправы маонистов с китайской культурой и ее носителями в период «подъема» «культурной революции». С. Д. Маркова убедительно показала тот огромный материальный и моральный ущерб, который нанесла китайской культуре эта «революция». Практически полное прекращение профессиональной творческой деятельности, третирование и унижение людей умственного труда, массо-

вая высылка их на «перевоспитание» тяжелым физическим трудом в исправительные лагеря — так называемые «школы 7 мая» — таковы главные «результаты» этого контрреволюционного похода против китайской интеллигенции. И какие бы тактические отступления ни делала после «культурной революции» группировка Мао в отношении творческой интеллигенции, с какими бы призывами «использовать» ее в новых условиях ни выступала маонистская пропаганда, смысл маоцзэдуновского курса в отношении деятелей культуры остается в своей сущности неизменным. Он направлен на всемерное подавление ее какой бы то ни было самостоятельной творческой активности, на ее безоговорочное подчинение политике маонистской верхушки, превращение ее в послушное орудие проведения шовинистического курса. И не случайно в «установочных» статьях последних номеров журнала «Хунци» (№ 3, 4 за 1975 г.), посвященных новой политической кампании по «изучению теории диктатуры пролетариата», снова звучат призывы к осуществлению «диктатуры в области надстройки», к борьбе против «буржуазного перерождения», носителем которого наряду с другими слоями китайского общества объявляется интеллигенция.

Эта кампания свидетельствует также и о том, что китайская интеллигенция продолжает бороться за свои права, что она, как верно отмечает в своей книге С. Д. Маркова, «не сломлена и при малейшей возможности будет стремиться вернуть своему народу лучшие достижения культуры прошлого и настоящего, отнятые у него маонистами».

Закончить рецензию хотелось бы замечательными ленинскими словами, приведенными в конце книги С. Д. Марковой: «...каковы бы ни были разрушения культуры — ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно»².

В. Ф. Феоктистов,
кандидат философских наук

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 46.

Японский китаевед о сущности маоизма

Положение в Китае вызывает разные оценки у японских китаеведов. Промаонистские настроенным китаеведам в Японии противостоят группа видных философов и со-

циологов, стремящихся к оценке положения в Китае с объективных научных позиций.

Одним из представителей этого направления является профессор Токийского института иностранных языков Накадзима Минэо, внесший серьезный вклад в разоблачение антимарксистских концепций маоизма. Рецензируемая книга Накадзимы Минэо «Современный Китай», впервые вышедшая в Японии в 1966 г., выдержала 6 изданий. Последнее издание книги дополнено главами, освещающими события в Китае периода «культурной революции» и подводными итогами внутривнутриполитическому развитию этой

годы за последние годы. В предисловии к последнему изданию книги * Накадзима констатирует, что время в основном подтвердило правильность оценок маонизма, сделанных им еще в 1966 г., что последующее развитие событий в Китае явилось новым подтверждением справедливости вывода о сущности маонизма, к которому он пришел ранее. Иными словами, книга Накадзимы выдержала проверку временем, его основные идеи и концепции подтверждены действительностью — все это является свидетельством научных достоинств данного труда, подтверждением плодотворности того научного метода, которым пользуется автор.

Основная цель труда Накадзимы — исследование идейно-политического и философского содержания маонизма, процесса формирования маонизма как антимарксистского идейно-политического течения. В книге автор убедительно показывает, что маонизм не представляет собой ни продолжения марксизма-ленинизма, ни тем более его развития, что система идейных установок маонизма — всего лишь эклектическая смесь различных мелкобуржуазных концепций, воспринятых сквозь призму традиционного китайского мироощущения и приспособленных к условиям китайской действительности XIX в.

К таким выводам японский ученый приходит в результате детального рассмотрения взаимосвязи идейно-политических взглядов Мао Цзэ-дуна и его отношения к марксизму.

Накадзима отмечает, что в ходе своей идейной эволюции до знакомства с марксизмом Мао «впитал в себя такие идеи, которые по самой своей сущности несовместимы с марксизмом» (с. 32).

Большое влияние на мировоззрение Мао Цзэ-дуна, пишет автор, оказали взгляды китайских либерально-буржуазных деятелей периода просветительства и Синьхайской революции. Мао Цзэ-дун, подчеркивает Накадзима, «сочувствовал не столько Сунь Вэю, сколько Кан Ю-вэю и Лянь Ци-чао. Был последователем не столько Ли Дао-вао и Лу Синя, сколько последователем у Ши и Чэи Ду-сю» (с. 32). Говоря о чрезвычайно ограниченном идейно-теоретическом багаже Мао Цзэ-дуна в период его знакомства с марксизмом, автор отмечает, что «в убеждениях Мао Цзэ-дуна, ограниченного знакомством лишь с некоторыми работами по марксизму, трудно обнаружить идейную основу, которая позволила бы ему постигнуть марксизм во всей его целостности».

В истории марксизма есть немало примеров, свидетельствующих о том, что выходившие из мелкобуржуазной среды, воспитанные в духе буржуазных концепций, в ходе революционной практики, на основе глубокого изучения марксистско-ленинской теории

прочно становились на марксистско-ленинские позиции. С Мао Цзэ-дуном, как известно, этого не произошло. Воспитанный на опыте антифеодального движения китайского крестьянства, он не смог подняться до понимания сущности марксизма как учения о социалистической революции и руководящей роли в революционном движении рабочего класса. Накадзима показывает, что, несмотря на неоднократные декларации Мао Цзэ-дуна о необходимости союза рабочих и крестьян, последнему всегда было чуждо ленинское понимание такого союза. «Если в ленинской теории рабоче-крестьянской диктатуры в качестве субъекта выступал пролетариат, — пишет Накадзима, — то у Мао Цзэ-дуна в качестве такого субъекта выступает крестьянство... Теория Мао Цзэ-дуна о рабоче-крестьянском союзе не является продолжением теории Ленина, она сложилась на основе такого понимания аграрной революции, которое родилось в опыте крестьянского движения» (с. 35—36).

Марксистско-ленинская теория учит, что успешное осуществление аграрной революции возможно на основе коренной ломки старых аграрных отношений в ходе буржуазно-демократической революции. Выступая в качестве руководящей силы этой революции, рабочий класс добивается перерастания ее в социалистическую революцию, которая наиболее полно, в соответствии с учением научного коммунизма разрешает аграрную проблему. Из книги Накадзима явствует, что такое понимание сущности аграрной революции было чуждо Мао Цзэ-дуну. Японский исследователь указывает на мелкобуржуазный характер маонистской теории аграрного вопроса, на то, что концепция способа аграрных преобразований у Мао Цзэ-дуна сложилась чисто эмпирически, на основе усвоения традиционных представлений китайского крестьянства. В книге отмечается родство «идей Мао Цзэ-дуна» с учением тайшинов, взглядами Кан Ю-вэя, которые «в большей или меньшей степени отражали специфику китайского крестьянского общества».

Анализ идейных предпосылок маонизма и его отношения к марксизму дают основание автору книги провести резкую разграничительную линию между маонизмом и марксизмом, квалифицировать маонизм как течение, не имеющее ничего общего с марксизмом. «Идея революции у Мао Цзэ-дуна весьма далека от революционных идей Маркса... Марксистские идеи во взглядах Мао Цзэ-дуна полностью исчезают» (с. 46).

Буржуазные и ревизионистские теоретики изображают маонизм как «китайский марксизм». Отрицая всеобщую истину марксистского учения, они пытаются обосновать возможность существования «национальных» вариантов марксизма. Подобные попытки преследуют цель ослабить идейно-теоретическую базу мирового коммунистического движения, расшатать его единство. Такая позиция неприемлема для японского

* Накадзима Минэо. Современный Китай. Токио, «Гэндай Тюокурон», 1971.

ученого. Он решительно осуждает антимарксистскую оценку сущности маоизма как «китайского» марксизма. «Марксизм невозможно делить на основании региональной и национальной принадлежности», — подчеркивает автор: нельзя допустить, чтобы он «в каждой стране имел свои истоки и закономерности». Накадзима отмечает, что марксизм должен быть творческим, должен учитывать национальную и социальную специфику положения в отдельных странах, но общие закономерности марксистско-ленинской теории едины и универсальны для всех стран.

Не ограничиваясь общей оценкой маоизма как антимарксистского течения, Накадзима предпринимает анализ его методологических принципов, определяющих его внутреннюю структуру и его идейно-философское содержание. Важнейшим методологическим принципом и главным элементом концепции маоизма Накадзима считает эмпиризм. По его мнению, источником такого эмпиризма является китайская философская традиция, рассматривавшая в качестве отправной точки познания действительности наблюдение и личный опыт. Так как эмпиризм, говорится в книге, не имеет систематизированной, последовательной логики, то в обычной жизни он впадает в прагматизм (с. 73). Именно прагматическим отношением к действительности Накадзима объясняет неоднократные крутые повороты во внутренней и внешней политике маоистов.

Всесторонней критике японский ученый подвергает маоистскую теорию познания. Ее основу он справедливо усматривает в эмпиризме, в фактическом отрицании опосредствующей роли разума при познании действительности. Для маоизма, подчеркивается в книге, характерна прагматическая концепция истины, в корне противоположная марксистской: «Марксизм, — пишет Накадзима, — не игнорирует опыт в реальной общественной жизни. Но он ни в коем случае не абсолютизирует его. Впитав в себя опытные данные, он устанавливает их универсальное значение на уровне, стоящем выше опыта... В отличие от этого эмпиризм... ограничивается только накоплением эмпирических фактов и успех в практике считает единственным критерием истины» (с. 70).

Итак, эмпиризм, прагматизм, следование традиционным метафизическим концепциям — таковы некоторые существенные черты маоизма, на которых акцентирует внимание японский ученый. Предпринятый им анализ философского содержания этого течения дает дополнительный материал для разоблачения его антимарксистской сущности.

Как решает маоизм главнейшие проблемы современного мирового развития? Это второй круг вопросов, затронутых в книге Накадзимы. Большое внимание в ней уделено отношению маоизма к проблеме войны и мира. Японский ученый решительно осуждает позицию пекинского руководства в этом вопросе. В призывах маоистов к развязыванию атомного конфликта он усматривает

не тактический маневр, не метод психологической войны и тем более не средство осуществления дипломатии. Курс на войну в его глазах — это органическая черта маоизма, вытекающая из его антимарксистской, антигуманистической сущности. Позиция Пекина, подчеркивается в книге, — «это абсолютно отрицательный ответ на открытую современным марксизмом перспективу предотвращения войны», это выражение «нигилизма, презирающего человека» (с. 255). Известно, что маоисты превращают Китай в военный лагерь, наращивают ядерный потенциал. «Такая позиция китайских руководителей означает величайшую угрозу международному миру», — с тревогой пишет Накадзима (с. 255).

Научная несостоятельность маоистских концепций особенно ярко проявляется в оценке современной эпохи. Отрицая решающее воздействие мирового социализма на соотношение сил в современном мире, маоисты, как известно, основной революционной силой считают национально-освободительное движение. Коренное противоречие нашей эпохи они усматривают в так называемом противоречии между революционными народами, с одной стороны, и империализмом и «социал-империализмом» — с другой.

В качестве основного довода для подтверждения своей концепции главного противоречия маоисты приводят тот факт, что в зоне национально-освободительного движения проживает подавляющее большинство населения. Касаясь данного утверждения маоистов, Накадзима справедливо отмечает, что при решении этого вопроса маоистские теоретики качественную сторону подменяют количественной, что забвение классового подхода к анализу явлений современного мира лишает их возможности постичь сущность коренного противоречия современности: «Коренное противоречие современной эпохи сконцентрировано в противоречии между социализмом и империализмом, оно существенно определяет направление развития эпохи и накладывает неизгладимый отпечаток на современный исторический этап» (с. 267).

Пекинская пропаганда пытается истолковать «идею Мао Цзэ-дуна» и маоистскую концепцию революционного процесса как образец для слаборазвитых стран. Ей вторят буржуазные и ревизионистские теоретики, доказывающие «универсальность» маоистских теорий.

Раскрывая антимарксистское содержание маоистских концепций национально-освободительного движения, рассматривающих в качестве основной силы этих движений мелкую буржуазию и отрывающих его от мирового социализма и международного рабочего движения, японский автор пишет: «В сложившихся условиях даже в тех странах, где в результате слабого развития капитализма пролетариат еще недостаточно созрел, широкий союз пролетариата с различными промежуточными слоями — нацио-

зальной буржуазией, интеллигенцией, крестьянством, городской мелкой буржуазией и т. д. — при установлении связей с социалистической системой может стать эффективной базой, определяющей пути революции в остальных странах» (с. 273).

Необходимость тесного союза национально-освободительных движений с международным рабочим движением в книге подтверждается особенностями мирового экономического развития: «Проникновение международных монополий в слабо развитые страны в настоящее время тесно связано с общим направлением развития государственного монополистического капитализма. Поэтому национально-освободительная борьба должна осуществляться в органическом единстве и непрерывной связи с антимонаполистической борьбой пролетариата высоко развитых капиталистических стран» (с. 279).

Подобная оценка движущих сил национально-освободительных движений вытекает из марксистско-ленинского учения и отражает уже существующий опыт освободительной борьбы. Вот почему вполне обоснованной оказывается оценка, данная Накадзимой маоистским концепциям: «Нужно исходить из того, что пути социалистического прогресса слабо развитых стран исключительно разнообразны и всю национально-освободительную борьбу невозможно связывать с китайской моделью... Маоистский взгляд на революцию, вытекающий из признания обязательного превосходства метода вооруженной борьбы, заключает в себе величайшую опасность перерождения в беспринципный, ультралевый авантюризм» (с. 279).

Одним из важнейших элементов маоистской идеологии японский ученый считает национализм. В нынешнем Китае «поднимает голову национализм», в идеологию вносятся националистические мотивы (с. 78). Накадзима утверждает, что в Китае «даже пересектив коммунизма, который несоместим с национализмом, определена на основе подъема национального самосознания» (с. 78). По его убеждению, в основе всех маоистских экспериментов — «народный взрыв», «большого скачка» и т. д. — лежал «взлет национализма». Расценивая национализм как «крайнее проявление иррационализма», он отмечает, что и при постановке непосредственных политических целей маоисты учитывают подъем национального самосознания, стараясь его гипертрофировать в национализм. С горечью Накадзима констатирует, что руководители современного Китая «полностью сошли с позиций, которые должны были бы занимать пришедшие к власти коммунисты-интернационалисты».

Книгу Накадзимы венчает глава, посвященная раскрытию причин и содержания пресловутой «культурной революции». Эта «революция» явилась логическим следствием теоретических концепций Мао Цзэ-дуна, она наглядно показала, что представляет собой маоизм «в действии» и что он несет ки-

тайскому народу. Японский автор справедливо расценивает «революцию» как «борьбу группы Мао Цзэ-дуна за власть» с целью изменения политической линии партии и государства. От его взгляда не ускользает подоплека движения «хунвэйбинов», руками которых маоисты совершили государственный переворот. Он доказывает, что их выступления были спровоцированы маоистскими функционерами, использовавшими «хунвэйбинов» для нанесения удара по партии.

В книге анализируются результаты IX съезда КПК, отмечаются вопиющие нарушения принципов демократического централизма при его подготовке. Автор подвергает критике Устав КПК, принятый на съезде, указывая на отсутствие в нем четких формулировок задач государственного строительства и экономической политики.

Накадзима пытается также проследить, как маоистские концепции использовались в период «культурной революции». Он анализирует содержание и назначение маоистских лозунгов «бунт — правое дело» и пресловутой «линии масс». Сколько инсинуаций и домыслов было высказано буржуазными и ревизионистскими теоретиками по поводу этих «лозунгов», в которых некоторые из них усмотрели проявление «большой демократии», призыв к «освобождению» человека от «гнетущей роли» государственной власти. Опровергая подобные утверждения, Накадзима пишет, что лозунг «бунт — правое дело» Мао Цзэ-дун впервые выдвинул в январский период, имея в виду использовать его против буржуазных и помещичьих элементов. Оставим в стороне вопрос о достоверности данного утверждения. Но замечание автора книги относительно назначения этого лозунга в период «культурной революции» правильно. В ходе этой «революции», говорится в книге, объектом «бунта» стали «китайские коммунисты, выступившие с критикой Мао Цзэ-дуна, несмотря на очевидное различие между объектом «бунта» в прошлом и настоящем» (с. 346). Иными словами, японский Китаевед акцентирует внимание на анархистском содержании этого лозунга, восходящего к мелкобуржуазным концепциям маоистов.

То же самое относится к выражению «линия масс». Формулируя условия, в которых «линия масс» действительно может способствовать проведению политики, отражающей интересы народа, Накадзима констатирует, что ни одно из этих условий не выполняется в Китае. Осуществление правильной политической линии, говорится в книге, возможно лишь при соблюдении демократических принципов. В противном случае подобная линия «превращается в механизм манипулирования массами» и ведет к «субъективистскому политиканству», слепо следующему за «субъективной активностью» масс. Так «линия масс» превращается в «инструмент политики». Именно такое положение, говорит Накадзима, можно сейчас наблюдать в Китае (с. 76).

Таковы некоторые вопросы теории и практики маонизма, которые затронул в своей работе японский ученый. Теоретическая полемика с маонистскими концепциями, которую он ведет на страницах своей книги, способствует разоблачению маонизма как антимарксистского течения.

Отмечая научные достоинства рецензируемой книги, вместе с тем хотелось бы высказать отдельные замечания. Вызывает возражение точка зрения автора на причину появления маонистского курса «опоры на собственные силы». Думается, что высказанное им в книге мнение объясняется в значительной степени отсутствием необходимой информации о характере советско-китайских отношений и помощи, которую оказал Советский Союз Китаю в период антияпонской войны и в последующие годы. Значительного уточнения и более глубокого анализа требует трактовка причин и обстоятельств появления культа Мао Цзэ-дуна в Китае. Содержащиеся в книге изложения генезиса и характера «идей Мао Цзэ-дуна» прямо

подводит к выводу о том, что культ личности в Китае возник на самобытной китайской почве, в особых социально-политических условиях, при «личии» сильного влияния традиционных мелкобуржуазных представлений. Необходимо, на наш взгляд, более точное освещение и некоторых международных аспектов китайской революции и отношений КПК с братскими коммунистическими партиями.

Работая над книгой, автор, естественно, изучил огромное количество литературы по Китаю. Привлечение дополнительных источников, в особенности тех, которые за последние годы были введены в науку советскими исследователями, будет, безусловно, способствовать дальнейшему повышению научного уровня работ Накадзимы, одного из видных представителей китаеведческой науки в Японии.

Б. В. Поспелов,
кандидат филологических наук

Азиатская политика США: расчеты и просчеты

В наши дни все чаще раздаются — в том числе и в самой Америке — голоса, резко критикующие курс внешней политики Соединенных Штатов как в Азии в целом, так и в отношении отдельных азиатских стран, прежде всего — во Вьетнаме. Американское общественное мнение сейчас почти единодушно признает как очевидный факт полную несостоятельность претензий на решающую роль в определении положения на Азиатском континенте с помощью пресловутой «американской мощи», роль, которую Соединенные Штаты пытались узурпировать сразу же после окончания второй мировой войны и в течение последующих 15—20 лет. И хотя этот политический курс окончился, даже по признанию многих его инициаторов, катастрофическим крахом, и сейчас все еще не прекращаются попытки его реанимации.

Среди выступлений в пользу пересмотра направленной против коренных интересов народов Азии политики США в этом регионе привлекает внимание коллективный труд

ряда американских ученых, опубликованный в 1974 г. нью-йоркским издательством «Пантеон бокс» под названием «Передельвая Азию. Очерки об использовании американской мощи»*.

Книга эта, если дать ей общую оценку, представляет собой, по существу, ревью политическому курсу Соединенных Штатов в Азии, который они приняли и претворяли в действительность в 1945—1972 гг. Этот ревью создан коллективными усилиями группы видных американских ученых, специалистов по различным азиатским проблемам, многие из которых сами принимали непосредственное участие если не в определении, то по крайней мере в обосновании и проведении в жизнь американского политического курса в Азии. Вступительные разделы общего плана написаны редактором сборника Марком Селденом, профессором современной истории Китая в университете им. Дж. Вашингтона в Сен-Луисе, удостоившимся степени доктора философии в Пейлском университете, и Гарри Мэгдофом, видным сотрудником правительственных учреждений США (он был специальным помощником министра торговли США), автором ряда книг по вопросам экономики и политики.

* "Remaking Asia. Essays on the American Uses of Power". Ed. by Mark Selden. New York, 1974, 381 p.

Рецензируемый сборник, содержащий, кроме общих вступительных статей, также девять пространных эссе по различным частным и региональным проблемам стран Азии и бассейна Тихого океана, — одна из лучших книг в серии «Азиатская библиотека», к изданию которой приступило, как сообщается в рекламе, издательство «Пантеон Бук».

В рекламном проспекте на суперобложке книги «Переделывая Азию» напечатано кратко резюме ее содержания.

«В течение последнего полувека, — говорится в этом резюме, — войны и революции внесли огромные изменения в политическую карту Азии. В то время как Россия, Англия, Франция, Нидерланды и Япония были вынуждены покинуть поле действия, роль Америки возросла. Несколько десятилетий Соединенные Штаты обладали не имевшей параллелей мощью в Азии в результате своего фактического присутствия там и господствующей позиции в международных учреждениях и экономических отношениях. Америка в немалой степени определяла, какие возможности были открыты для стран Азии, какого курса им придерживаться и в каком рода странами они станут в будущем».

Ныне, с некоторым сожалением констатируют авторы книги в первых же ее строках, «Азия и Соединенные Штаты находятся на пороге новой эры, которая характеризуется относительным упадком американской мощи и появлением мощных соперников» (с. IX).

Конкретизируя причины и определяющие факторы этого резкого изменения политической обстановки в Азии и утраты Соединенными Штатами своего былого влияния, авторы сборника называют в их числе следующие:

«Поражение, нанесенное Соединенным Штатам народными силами Индокитая, привело к вынужденному выводу американских войск из большей части этого района и к общему сокращению вооруженных сил США, базировавшихся в Азии».

Нормализация президентом Никсоном отношений с Китайской Народной Республикой означает окончательное крушение азиатской политики США, основанной на принципе окружения Китая, — принципе, который в течение двух десятилетий был краеугольным камнем этой политики.

В экономической сфере двадцатилетнее царствование доллара как международной валюты окончилось крахом 15 августа 1971 г., когда Соединенные Штаты отказались от обмена долларов на золото. Последующие неэффективные усилия приостановить скольжение по наклонной плоскости еще больше обнаружили слабость доллара, а в дальнейших протекционистских торговых акциях нашла свое отражение общая срязия американского экономического превосходства».

В этом авторы книги видят глубинные причины, поставившие американскую поли-

тику в Азии перед лицом тотальной катастрофы. Все это, несомненно, в большей или меньшей степени верно. Действительно, несостоятельность американской политики в отношении Вьетнама и Китая, относительное снижение экономического могущества США, поддержка ими диктаторских режимов способствовали этому. Однако несмотря на оценку ими азиатской политики США как полностью провалившейся, авторы сборника не назвали основную, главную причину, вызвавшую ее несостоятельность. А истинная, главная причина этого — происшедший в мире за последние десятилетия огромный рост антиимпериалистических и освободительных сил, выступающих за социальный прогресс, за независимость от господства империализма и колониализма во всех его формах, за мир, демократическое развитие, за социализм. Сил, главная составная часть которых — мировое социалистическое содружество, на которое ориентируются в той или иной степени все прогрессивные слои, круги, элементы человечества, в том числе и в странах Азии. Именно эти силы сорвали тщательно разработанные, но недостаточно обоснованные планы и расчеты стратегов азиатской политики США, направленной на установление политической и экономической гегемонии Соединенных Штатов в Азии, на замену былого господства в ней прежних европейских колониальных держав американским политическим и экономическим неоколониализмом.

Звенья тщательно выковывавшейся за океаном цепи неоколониализма в Азии рвались одно за другим, — не всегда достаточно легко и быстро, но тем не менее неотвратимо и неумолимо.

Провалом окончилась первая крупная авантюра США в Азии, затеянная вскоре после окончания второй мировой войны, — попытка с помощью военной силы ликвидировать демократические завоевания народа Северной Кореи и «включить» КНДР в Южную Корею под эгидой американского империализма.

С позором пришлось американским агрессорам убраться из Вьетнама после многолетних тщетных усилий сломать подавляющей военной силой героическое сопротивление небольшого, но свободолюбивого народа, чтобы заменить в Индокитае старых французских колонизаторов. Крах политики США во Вьетнаме уже стал своего рода символом судьбы всей американской политики в Азии.

Полным фиаско окончилась попытка США превратить после второй мировой войны потерпевшую поражение Японию в своего рода «непотопляемый авианосец» Пентагона на Тихом океане, использовав Японские острова и Окинаву в качестве опорной базы американской военщины в этом районе мира. Япония давно уже приступила к проведению самостоятельного курса во внешней и внутренней политике, ее экономика из придатка американской, в который ее стремились превратить в первые годы после

поражения, превратилась ныне в серьезного конкурента Соединенных Штатов. А борьба японского народа против так называемого американо-японского «договора безопасности» достигает зачастую такого накала, что почва буквально горит под ногами американцев в Японии.

В статьях, вошедших в сборник, исследуются и анализируются различные аспекты азиатской политики США — их отношения с Японией и Окинавой, Индией, Индокитаем, Таиландом, Индонезией, а также, как пишут авторы, деятельность «созданных Америкой, находящихся под ее руководством международных учреждений и организаций, включая Международный валютный фонд, Азиатский банк развития» и т. д. Одна из статей посвящена «нефтяному империализму в Юго-Восточной Азии». Содержащиеся в них факты, данные, свидетельства и выводы, как указывают сами авторы сборника, «раскрывают вызванные американским вмешательством во всех его формах разрушение и подавление азиатских обществ, систематическое препятствование перспективам их развития и, кроме того, количество жертв в человеческих жизнях» (с. XI).

Раскрывая сущность американской политики в Азии после окончания второй мировой войны, авторы сборника подчеркивают, что, действуя «во имя национальной независимости, Соединенные Штаты избирательно предоставляли свою помощь антиколониальным движениям в Азии (имеется в виду борьба против «старых» колонизаторов. — Б. В.), а затем внезапно выступали на сцену с армиями, базами и экономической помощью или капиталовложениями для установления своего собственного господства» (там же).

Важная роль в американском проникновении в Азию отводилась таким международным учреждениям и организациям, которые, как указывается в сборнике, в действительности были созданы «в большой степени по американской инициативе (по крайней мере в первые послевоенные десятилетия), находились под американским руководством и служили средством облегчения глобальной экспансии капитала и военной мощи США». К числу таких международных институтов, по мнению авторов, относятся, например, Всемирный банк, блок СЕАТО, региональные банки развития, а также многочисленные торговые, промышленные, финансовые и военные организации, оперирующие в региональных или международных рамках.

На основании исследования обширного фактического материала авторы сборника показывают, что, не имея широкого доступа к основным областям приложения капитала в развитых капиталистических странах из-за системы тарифов и других охранительных барьеров, монополии Соединенных Штатов создали разветвленную сеть своих компаний и предприятий в развивающихся странах. Международные монополистические объединения, в основе которых открыто

или скрытно лежит американский капитал, сейчас производят самую различную продукцию, начиная от электронного оборудования и кончая автомобилями, в десятках различных стран, в том числе во многих азиатских и тихоокеанских, в которых существуют дешевая рабочая сила и благоприятная налоговая ситуация.

В руках американцев же, по свидетельству авторов, фактически и поныне находится контроль над основными стратегическими ресурсами в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. Это стратегическое сырье во все расширяющихся масштабах продолжает поступать на предприятия, находящиеся в США и других странах и принадлежащие в той или иной степени американскому капиталу.

В то же время — и это является новым, по словам авторов, — в странах Азии возникло и продолжает возникать много предприятий, работающих на экспорт (Гонконг, Сингапур, Тайвань, Южная Корея и т. д.). Это будет происходить в еще больших масштабах, заключают авторы, если международные корпорации добьются осуществления своей цели: беспрепятственного передвижения капитала через национальные границы для эксплуатации «экономических возможностей» в глобальных рамках.

Известно, однако, что сейчас буквально каждый день приносит сведения о том, что та или иная страна «третьего мира» принимает те или иные ограничения в интересах обеспечения экономической безопасности от происков «международных» (следует читать: американских) монополий. Тем не менее, как свидетельствуется в сборнике, в прошедшие годы «последствием такого развития для бедных стран Азии было проникновение мощных иностранных корпораций в критические секторы экономики, сопровождавшиеся подавлением национальной промышленности там, где она начала развиваться, усиленной эксплуатацией природных ресурсов и усилением зависимости местной экономики от международного рынка» (с. XII).

Наряду с общей оценкой американской политики в Азии — это вторая тема сборника, которой уделяется большое внимание во всех включенных в него статьях.

В них на примерах конкретных стран, на основе анализа многочисленных фактов убедительно показывается деятельность американского империализма в различных районах Азии, в разных ее сферах и аспектах.

Интерес привлекает статья «Нефтяной империализм в Юго-Восточной Азии», написанная редактором журнала «Джорнэл оф контэмпорэри Эйше», профессором Лондонского университета Малколмом Колдуэллом, содержание и выводы которой приобретают сейчас особую актуальность, так как раскрывают некоторые важные стороны предвосторной энергетического кризиса, охватившего на наших глазах капиталистический мир. Колдуэлл приходит к выводу, что

экономический кризис — это кризис империи как системы, в котором Соединенные Штаты (или, точнее, их высшие действующие лица) находятся почти в полном одиночестве в своем стремлении поддержать обретающуюся империю «единного мира...» (с. 24).

Объективный читатель сборника, без сомнения, полностью присоединится к выводу Колдуэлла о том, что «антикоммунистическая риторика применялась американскими властями в интересах маскировки их глобального экономического экспансионизма в послевоенный период, после того как планы его были тщательно разработаны и частично осуществлены, чтобы облегчить восприятие внутри страны и на международной арене того, что в данном случае не могло быть расценено как грабительский империализм» (с. 20).

Колдуэлл подробно анализирует роль американских нефтяных монополий в эксплуатации нефтяных ресурсов в странах Юго-Восточной Азии и Тихого океана. Оценивая эту роль, он, в частности, констатирует, что хотя «бедствия, переживаемые Индонезией и Индонезией в период послевоенной экономической, политической и военной гегемонии США в регионе, были вызваны по своему характеру, но они в конечном счете имели один и тот же источник — алчную решимость американского империализма распоряжаться львиной долей мировых ресурсов сырья и владеть ими в максимально большей части мира в вооруженных рынках, капиталовложений и вообще во всех возможных комбинациях с имуществом» (с. 36).

В содержательной статье доктора философии Питера Скотта, видного специалиста в области политики, озаглавленной «Вьетнамская война и финансовый истощитель империализма» дан подробный анализ роли ЦРУ во вьетнамской авантюре США с самого ее начала вплоть до наших дней. Автор на основе многочисленных документов и материалов делает шаг за шагом прослеживает историю провокационных действий ЦРУ, которые сыграли немаловажную, если не первоочередную роль в выработке вьетнамской политики США во время президентств Кеннеди, Джонсона и Никсона. Скотт свидетельствует, что эта роль ЦРУ вдохновлялась его тесными контактами с военно-промышленным комплексом Соединенных Штатов, в частности с крупнейшими нефтяными монополиями страны. Кончает свою статью П. Скотт призывом к критикам вьетнамской войны разоблачать фальшивые пропагандистские прикрытия истинной роли ЦРУ во вьетнамской войне, раскрывать «пороки американской системы, которые привели к Индонезийской войне, — скандалы и нарушения законности, узурпации отдельными лицами права принятия политических решений, систематические искажения процесса принятия решений в результате использова-

ния извращенных данных «разведки», истощение слабеющей внутренней экономики в интересах безжалостного извлечения прибыли за границей» (стр. 139).

Одна из наиболее интересных и содержательных статей, вошедших в сборник, посвящена политике Соединенных Штатов в отношении Японии. Она называется «Япония: корни милитаризма». Ее автор — профессор Массачусетского университета в Бостоне, специалист по истории Японии доктор философии Герберт Бикс. В ней детально анализируется процесс воссоздания японских вооруженных сил после второй мировой войны, происходящий под прямым покровительством Соединенных Штатов. Автор подробно исследует, как год от года росли численно и оснащались так называемые японские «силы самообороны», приводит данные о росте официальных и скрытых расходов Японии на военные цели, прослеживает роль США в активизирующейся ремилитаризации Японии. Он приходит к выводу, что, несмотря на особенно интенсивный рост сил «самообороны» в последние годы и на усиление позиций Японии в ее экономическом партнерстве-соперничестве с США, «силы самообороны остаются подчиненной военной организацией, обслуживающей американские интересы в районе Тихого океана...винтиком в военной машине Пентагона» (с. 317).

В других разделах статьи Скотт анализирует положение японской экономики и ее непосредственную связь с японо-американскими экономическими отношениями, обостряющийся, по его оценке, «конфликт интересов между японскими и американскими транснациональными корпорациями» (ст. 339).

Внимание интересующихся положением в странах Азии и азиатской политикой Соединенных Штатов привлекут, несомненно, и другие вошедшие в сборник статьи: «Азиатский банк развития», «Филиппины», «Зависимость и империализм в Индии», «Окинава и американская империалистическая политика безопасности» и т. д.

В целом книга «Передельвая Азию» — яркое свидетельство несостоятельности империалистического политического курса США в Азии, направленного против интересов азиатских народов, их стремлений к национальной независимости, самостоятельному экономическому развитию и политической свободе. Критика авторами сборника такого курса США в истекшие после второй мировой войны годы, показ банкротства этого курса приобретает особую актуальность на фоне происходящей в мире разрядки международной напряженности, усиливающихся стремлений азиатских народов к созданию прочной системы коллективной безопасности в Азии, в чем они видят путь к решению многих важнейших проблем, с которыми сталкиваются народы Азиатского континента.

Б. В. Валентинов

Сборник статей по китайской филологии

Центральная проблема сборника «Вопросы китайской филологии»¹ — гуманизм на Востоке. Она не впервые ставится в трудах наших филологов. Достаточно назвать издание, посвященное ее различным аспектам, в частности национальной специфике восточного гуманизма².

Открывает рецензируемый сборник статья Л. Д. Позднеевой «Абель-Ремюза (1788—1832) и китайская литература». В ней рассматривается деятельность одного из «основателей научной синологии» и пропагандистов литературного наследия Китая в Европе.

Приведя ряд характеристик произведений китайских авторов, данных Абель-Ремюза, автор статьи останавливается на известном высказывании Гете о том, что в китайском романе «люди мыслят, действуют и чувствуют почти так же, как и мы, и очень скоро сам начинаешь чувствовать себя им сродни... Все у них... очень похоже на моего «Германа и Доротею», так же как на английские романы Ричардсона» (с. 10). Затем, суммируя основные положения статьи, автор приходит к выводу: «Оценка романа «о юных талантах и красавицах», данная Гете 31 января 1827 г., совпадает с мнением Абель-Ремюза, а возможно, его развивает. Единство во взглядах великого поэта и крупного сиолога не вызывает сомнений.

Литературоведческому анализу двух китайских романов посвящены статьи А. П. Рогачева и О. Лин Лин. В первой, озаглавленной «Элементы сатиры в романе У Чэнь-эня «Путешествие на Запад», исследуются элементы сатиры в этом знаменитом произведении. Предмет, исследуемый во второй статье: «Женские образы в романе «Сон в красном тереме».

Намерение расширить круг проблематики сборника видно и в статье В. С. Манухина «Драма Тан Сянь-цзу «Хо Сяо-юй, или история пурпурной шпильки». Автор обращается к XVI—XVII вв., сосредоточиваясь на малоизученном творчестве выдающегося драматурга, поэта и прозаика Тан Сянь-цзу. Метод, примененный в статье, позволяет «осязательно» представить саму типологию художественного мышления китайского литератора, для которого актом творческого выражения идеи и формы было не изобретение сюжетного мотива, а новая организация сюжетных звеньев, акцентирующая то, что

у предшествующих писателей оставалось в тени. В. С. Манухин на более ранних версиях сюжета о Хо Сяо-юй убедительно демонстрирует, что Тан Сянь-цзу, переосмысливший его, «выступил как бесстрашный бичеватель обветшалых догм конфуцианства, как смелый защитник прав человека, поборник новой морали» (с. 88).

Интересна и работа П. М. Устина «Некоторые особенности поэтической цитаты в новеллах Пу Сун-лина».

Таким образом, в сборнике представлены исследования, посвященные трем жанрам: роману, драме, новелле. В самостоятельный раздел могут быть выделены и три статьи о китайской поэзии.

Замысел С. А. Торопцева, поставившего своей целью проследить, как различные поэты осмысливали один и тот же мотив, и интересен, и, что особенно важно, отвечает существу китайской поэтики. Легенда о Чжо Вэнь-цзюнь привлекала многих литераторов. Женщина, бежавшая из родительского дома с возлюбленным, считалась воплощением «греха», причем настолько явным, что само обращение к этой теместавляло многие вопросы ставить прямо и полемично. Что же касается значения легенды как стилообразующего фактора, то оно в том, что ее огромная популярность, ее многократные переложения на язык прозы и драматургии заставляли каждого вновь обращавшегося к ней литератора форсировать индивидуальные ресурсы стиля, обнажать самое характерное, дабы его голос не затерялся среди хора других голосов. Иначе говоря, тема Чжо Вэнь-цзюнь — великопленный повод сравнить писавших о ней Бао Чжао, Ли Бо, Юань Чжэня, Бо Цзюй-и, что автор статьи успешно и делает.

Правда, недостаток аргументации чувствуется там, где утверждается (с оттенком предположения) индивидуальное авторство древнего «Плача о сединах», созданного, согласно легенде, самой Чжо Вэнь-цзюнь. На базе общих характеристик стиля и композиции, без скрупулезного текстового анализа, такой вопрос решить трудно, и упрек в «априорности суждений», предъявляемый исследователем сторонникам иных точек зрения, может быть переадресован и ему.

Не всегда удовлетворяют и переводы в статье. Они выполнены с рифмой и даны как приложение. Переводчик, видимо, избегал громоздких комментариев и стремился самим построением стиха «сгладить» требующие пояснений образы, подогнав их под общепонятные. Не во всех случаях это выглядит органично. Например, можно как-то увязать со смыслом следующие строки из Бао Чжао: «Рис растишь, а выйдет корм для крыс. Поседел — и муху звать готов», хотя совершенно непонятно, что за мистическая муха имеется в виду и почему ее зовут, лишь «поседев». Устранению недоумения способствовала бы краткая ссылка на источник, где говорится, что пресловутая муха — это род китайского хамелеона, меняющего окраску в зависимости от внеш-

¹ «Вопросы китайской филологии». М., Изд-во Московского университета, 1974.

² «Труды межвузовской научной конференции по истории литератур зарубежного Востока». М., 1970.

ных условий, и символизирует она неверность возлюбленного Чжо Вэнь-цзюнь, поэта Сыма Сян-жу, решившего взять наложницу.

Две другие статьи о поэзии — В. В. Зайцева и Н. И. Семенов — существенно дополняют сведения о Цзи Кане, литераторе и мыслителе III в. Впервые переведены знаменитые письма Цзи Кана, где он резко осуждает своих идейных противников, обрисован облик писателя, дан очерк эпохи, в которую он жил.

Современную направленность сборнику «Вопросы китайской филологии» придают статьи о новейшей литературе Китая. Ба Цзиню, писателю, оказавшему огромное влияние на молодежь, посвящен очерк Ш. А. Никольской. В своей методологической части он затрагивает проблему синтеза критического реализма в Китае со смежными направлениями литературного творчества. «Рационализм Лу Синя, — отмечает автор, — вытесняет его к У Цзин-цзы... Эмоциональность Ба Цзиня толкает его на поиски в области чувств. Так он приходит к Цао Сюэ-циню» (издатель романа «Сон в красном тереме». — Л. Б.) (с. 131).

Драматическая история борьбы передовых китайских писателей с антинародным курсом Мао Цзэ-дуна воскрешена в статье Н. П. Лазаревой о Чжао Шу-ли. Автор подчеркивает, что разящая сила сатиры, давшая о себе знать еще в классических китайских романах, служит новым целям, развенчивая и подвергая завуалированной, но уничтожающей критике догматизм официальных идей.

Своеобразно дополняет сборник, в основ-

ном состоящий из аналитических материалов, перевод главы из древнекитайского памятника «Хуайнаньцзы» («Философы из Хуайнани»), выполненный Л. Е. Померанцевой. Следует отметить, что перевод Л. Е. Померанцевой служит прямым продолжением уже сделанного в этой области⁴, то есть разработки проблем древней китайской философии, в частности мыслителей даосской школы.

Заключает сборник раздел исследований по проблемам лингвистики. В основном они посвящены экспериментальному анализу фонетической структуры китайского языка. Под разными углами зрения эта проблема рассматривается в статьях М. К. Румянцевой, А. М. Карапетьянца, Тань Ао-шун, Е. К. Федоровой, М. Г. Фроловой. Статьи эти заслуживают, несомненно, самостоятельного разбора, не уместяющегося в рамках обзорной рецензии. Отметим лишь общие для них черты. Во-первых, тесную связь исследований с учебным процессом, их практическое значение. И во-вторых, фундаментальную теоретическую базу эксперимента, его логические корни.

В целом сборник, безусловно, интересен и актуален. И это еще одно свидетельство того, что советские синологи ведут большую научную работу по изучению, сохранению литературного наследия китайского народа.

Л. Е. Бадылкин

⁴ «Атенсты, материалисты, диалектики Древнего Китая». М., 1967.

В Институте Дальнего Востока АН СССР

Проблемы социально-экономического развития Китая, особенно вопрос о характере экономического строя КНР, по-прежнему привлекают к себе внимание социологов-китаеведов.

За последние годы Институтом Дальнего Востока проведен ряд научных конференций и симпозиумов, посвященных этим вопросам, опубликовано несколько книг и статей по социально-экономической проблематике. Тем не менее, открывая в апреле 1975 г. очередную научно-теоретическую конференцию «Социально-экономический строй КНР», зам. директора института д-р экон. наук В. И. Акимов отметил, что экономический строй КНР исследован все еще недостаточно полно. Требуют углубленной разработки такие проблемы, как характер обобществления средств производства в Китае, сущность происходящих ныне изменений в базисе и надстройке, особенно положения и взаимоотношения классов и прослоек в китайском обществе. Крайне актуальным является вопрос о количественной и качественной оценке степени деформации экономического базиса в КНР, которая началась с конца 50-х годов.

Во вступительном слове директор института чл.-корр. АН СССР М. И. Сладковский подчеркнул, что конференция посвящена обсуждению таких сложнейших проблем современного Китая, как характер социально-экономического строя КНР, эволюция государственной и коллективной собственности в условиях деформации надстройки, механизм деформации базисных отношений под влиянием маоистской экономической практики, экономическая роль маоистского государства, периодизация социально-экономической жизни КНР.

В работе конференции приняли участие представители ряда научных учреждений, занимающихся проблемами КНР.

При обсуждении основного вопроса конференции — о характере социально-экономического строя КНР — было выделено три основных аспекта: изменение базисных отношений, преобразования в области надстройки и ее взаимодействие с базисом, действие основных законов экономического развития в условиях современного Китая.

В докладе «Взаимосвязь базиса и надстройки в КНР» д-р экон. наук Е. А. Коновалов проанализировал воздействие практической деятельности маоистского руководства на эволюцию социально-экономического строя Китая, на характер базисных отношений. По мнению докладчика, процесс поступательного развития социалистических производственных отношений и их закрепления был прерван антисоциалистической политикой маоистов. Осуществление пагубной экономической политики маоистским руководством начиная со времени «большого скачка» в Китае существенно ухудшило условия для развития государственной и кооперативной форм собственности.

Низкий уровень развития общественной собственности на средства производства и недостаточные масштабы ее расширения, обусловленные экономической политикой маоистского руководства и застойным характером развития производительных сил, доставшихся Китаю в наследство от старого режима, привели к тому, что социалистические преобразования, которые были осуществлены в 50-е годы, в значительной мере получили формальный характер.

Доклад канд. экон. наук М. М. Никольского «Эволюция отношений государственной собственности в КНР» и выступление Е. П. Наумовой были посвящены анализу характера собственности в Китае в современных условиях. Рассматривая процесс формирования основ социалистических отношений собственности после провозглашения КНР, выступающие отмечали, что национализация в Китае была социалистической, а созданный на ее основе государственный сектор носил социалистический характер. Кооперативная собственность в деревне также была социалистической. Однако изменение экономического курса со времени «большого скачка» повлекло за собой изменения в отношениях собственности как государственной, так и кооперативной. Существенное влияние на этот процесс, по мнению М. М. Никольского, оказала милитаризация, которая повлекла за собой отчуждение непосредственных производителей от средств производства.

Тем не менее, подводя итоги эволюции характера государственной собственности, М. М. Никольский подчеркнул, что она по своему содержанию остается социалистической, несмотря на все попытки маоистов подорвать ее основы. «Социалистические ростки в КНР чрезвычайно живучи, они не заданы маоистами и в определенный период могут быстро вырасти на пользу революционных сил Китая», — таков вывод докладчика.

Этой же проблеме посвятили свои выступления канд. экон. наук Э. С. Кулыгин, А. Н. Анисимов и канд. ист. наук А. В. Меликсетов.

Канд. экон. наук Г. Д. Сухарчук познакомил слушателей с наметившейся в США тенденцией к пересмотру количественных оценок промышленного производства, ранее употреблявшихся американскими китаеведами, и остановился на политической подоплеке этой тенденции. Кроме того, Г. Д. Сухарчук критически рассмотрел существующую в американском китаеведении точку зрения о том, что в основе экономической практики в КНР лежит «особая» модель социалистического экономического развития.

С докладом «О характере надстройки в КНР» выступил канд. филос. наук Н. Н. Константинов.

В докладе «Эволюция экономической политики маоизма (1949—1974)» канд. экон. наук С. А. Алешин отметил, что социально-экономическое развитие КНР прошло два этапа: с 1949 по 1957 г., когда осуществлялась экономическая политика, содействующая выводу Китая на социалистический путь развития, и с 1958 г. до настоящего времени, когда был совершен переход к «особому курсу», подчиненному национал-шовинистическим устремлениям маоистского руководства. Докладчик раскрыл реакционную сущность экономической политики маоистского руководства, выделил ее составные части и определяющие моменты и показал в общих чертах влияние экономической политики маоизма на формирование базисных отношений в условиях современного Китая.

Особое место в докладе было уделено обоснованию положения о том, что цели и задачи Мао Цзэ-дуна и его единомышленников были с самого начала антисоциалистическими, антинародными и без принципиальной борьбы не могли «сосуществовать» с социалистической экономической политикой, которая проводилась в КНР в первые несколько лет после победы народной революции.

Канд. экон. наук Э. П. Корбан ознакомила слушателей на механизме действия закона ответственности производительных отношений характеру производительных сил в КНР. Необычайная нестрога характеристик производительных сил и производительных отношений, по мнению докладчика, используется китайским руководством для выдвижения «теории» о необходимости «продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата», «об обострении классовой борьбы при социализме», «о наличии в современном Китае серьезных противоречий между производительными силами и производительными отношениями» и т. п. Докладчик дал критический анализ этих «теорий».

С анализом объективных экономических законов распределения в Китае на современном этапе и критикой маоистской теории и практики распределения выступил канд. экон. наук И. Н. Наумов.

Анализу классовой структуры китайского общества были посвящены выступления П. Б. Борина и А. В. Рудина.

В докладе канд. экон. наук Л. И. Молодцовой «Проблема периодизации социально-экономического развития КНР» была предложена новая схема периодизации социально-экономического развития КНР, отличная от сложившейся в советском китаеведении.

Канд. экон. наук С. В. Золотов подверг критике маоистский тезис «Китай — социалистическая развивающаяся страна».

Подводя итоги конференции, д-р экон. наук Е. А. Коновалов отметил, что она была плодотворной и содержательной, что в ходе конференции состоялся полезный обмен мнениями по широкому кругу проблем социально-экономического развития современного Китая.

В. В. Чуванкова

* * *

В апреле 1975 г. состоялось юбилейное расширенное заседание Ученого совета Института Дальнего Востока АН СССР, посвященное 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

В работе Ученого совета приняли активное участие ветераны Великой Отечественной войны, участники освободительной борьбы китайского народа, бывшие военные корреспонденты генерал-лейтенант С. В. Слюсарев, генерал-лейтенант А. И. Черепанов, генерал-полковник Н. М. Хлебников и др.

В докладе «Влияние исторических побед Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. на освободительную борьбу народов Восточной и Юго-Восточной Азии» чл.-корр. АН СССР М. И. Сладковский подчеркнул, что «Советский Союз был главной силой в разгроме гитлеровского фашизма, а затем и милитаристской Японии. Это определило условия для борьбы трудя-

щихся масс за социализм, народов угнетенных стран за национальную независимость и социальный прогресс».

Сокрушительные удары, нанесенные Советской Армией немецко-фашистским войскам в ходе Великой Отечественной войны, указал докладчик, вызвали глубокие потрясения в правительственных кругах Японии. Рухнула их вера в могущество фашистской Германии. Это заставило генеральный штаб Японии пересмотреть стратегический план ведения войны и пойти на отход в глубь «оборонительной полосы», на сокращение коммуникаций между метрополитом и находящимися на островах Океании японскими войсками, с одновременным укреплением позиций в Китае (в первую очередь в Маньчжурии).

Вместе с тем победы Советской Армии оказали огромное влияние на развитие освободительного движения в странах Восточ-

пой и Юго-Восточной Азии, оказавшихся под колониальной оккупацией Японии. Успешно боролись с оккупантами народы Индокитая. Уже весной 1945 г. в шести освобожденных от японцев провинциях Северного Вьетнама были установлены первые народно-демократические органы власти — прообраз Демократической Республики Вьетнам.

В Индонезии под руководством коммунистов была создана нелегальная организация «Геракан Индонезия Мердеко» («Движение свободной Индонезии»), развертывалось антияпонское движение студентов, железнодорожных рабочих, требовавших не только изгнания японских захватчиков, но и создания независимой (от Голландии) демократической республики. Освободительное движение развертывалось также на Филиппинах и в Бирме.

Докладчик подчеркнул, что верный своим союзническим обязательствам, вытекающим из решений, принятых руководителями трех великих держав на Ялтинской конференции в феврале 1945 г., Советский Союз разгромил ударную силу Японии — Квантунскую армию. Освобожденный советскими войсками Северо-Восток Китая, где сконцентрировалась большая часть крупной промышленности страны, стал основной военно-стратегической базой народно-демократической администрации. Кроме того, на этой территории были созданы и оснащены современным оружием народно-освободительные армии под командованием Линь Бяо, сыгравшие впоследствии решающую роль в разгроме реакционного гоминьдановского режима.

Разгром Советской Армией японских войск в Северной Корее способствовал завершению многолетней борьбы корейского народа с японскими оккупантами и установлению народно-демократической власти под руководством тов. Ким Ир Сена.

Генерал-лейтенант А. И. Черепанов в своем выступлении подчеркнул, что военная помощь, оказывавшаяся Советским Союзом Китаю, имела большое значение для успеха борьбы китайского народа против японских захватчиков, а в дальнейшем помогла ему свергнуть гоминьдановский режим. Мы хорошо знаем китайский народ, его дружеское отношение к Советскому Союзу и никогда не отождествляем его с Мао Цзэ-дуном и его окружением, сказал А. И. Черепанов.

Своими воспоминаниями об участии советских летчиков в антияпонской войне ки-

тайского народа поделился генерал-лейтенант авиации С. В. Слюсарев. Советские летчики и технический персонал в трудных и сложных условиях, часто испытывая недостатки в материально-техническом обеспечении, проявили храбрость и мужество, дали достойный отпор японской авиации, спасая от разрушения многие города Китая. Они не щадили своей жизни, честно и добросовестно выполняя свой интернациональный долг. Только в 1937—1938 гг. в боях в Китае погибло более 250 советских летчиков. С. В. Слюсарев отметил также, что и в дальнейшем Советский Союз оказывал большую военную помощь китайскому народу. Так, например, после разгрома Квантунской армии все трофейное оружие было передано китайским вооруженным силам; кроме того, им была оказана помощь в освоении новой военной техники.

О внутривнутриполитическом положении в Китае во второй половине 50-х годов и состоянии советско-китайского сотрудничества в этот период рассказал бывший старший советник генерал-полковник Н. М. Хлебников. Он подчеркнул, что проведение Мао Цзэ-дуном и его группой «особого» курса и навязывание его партии и народу вызвало сопротивление в руководстве и партийных кругах. На VIII пленуме ЦК КПК в августе 1959 г. с критикой маоцзэдуновского курса выступил министр обороны КНР Пэн Дэ-хуай, который обвинил Мао Цзэ-дуна в трех преступлении перед партией и народом. В выступлении говорилось о забвении ленинизма и опыта Коммунистической партии Советского Союза, об очковтирательстве. И хотя Мао Цзэ-дуну удалось на пленуме одержать верх, это был для него серьезный удар. Борьба против авантюристического курса Мао Цзэ-дуна и его группы продолжалась в Китае и после VIII пленума ЦК КПК. Маоистов нельзя отождествлять с китайским народом, подчеркнул Н. М. Хлебников, ибо маоизм — явление временное, в основе политики маоистов лежит авантюризм. Мы, как и все прогрессивные люди мира, надеемся, что великий китайский народ преодолеет нынешний кризис в стране и вернет страну на путь социалистического развития.

Выступления участников были с большим вниманием выслушаны учеными, присутствовавшими на заседании Ученого совета ИДВ АН СССР.

Н. В. Бирюлин

**ЧИТАЙТЕ, ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
НА ЖУРНАЛ**

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА»

Основная задача журнала — освещать политику Советского Союза на Дальнем Востоке, направленную на укрепление мира и безопасности в этом районе.

На страницах журнала находят отражение вопросы экономики, политики, идеологии, истории, культуры стран и народов Дальнего Востока.

Значительное место в журнале отводится социалистическим странам Дальнего Востока, их экономическим достижениям и росту их международного авторитета, борьбе СССР и этих стран против политики империалистических государств в данном районе.

Издание журнала, который выходит на русском, английском и японском языках, вызвано растущим интересом советской и зарубежной общественности к проблемам Дальнего Востока. Вы можете подписаться на журнал в любое время и получать его с очередного номера.

Периодичность журнала — 4 номера в год

Подписная цена на год — 2 руб.

Индекс 70758

Сдано в набор 28/VI 1975 г. Подписано к печати 19/VIII 1975 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6³/₄. Печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 20,61.
Изд. № 21056. Л 09185. Заказ 1495. Цена 50 коп. Тираж 15700 экз.
Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров
СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21
Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области